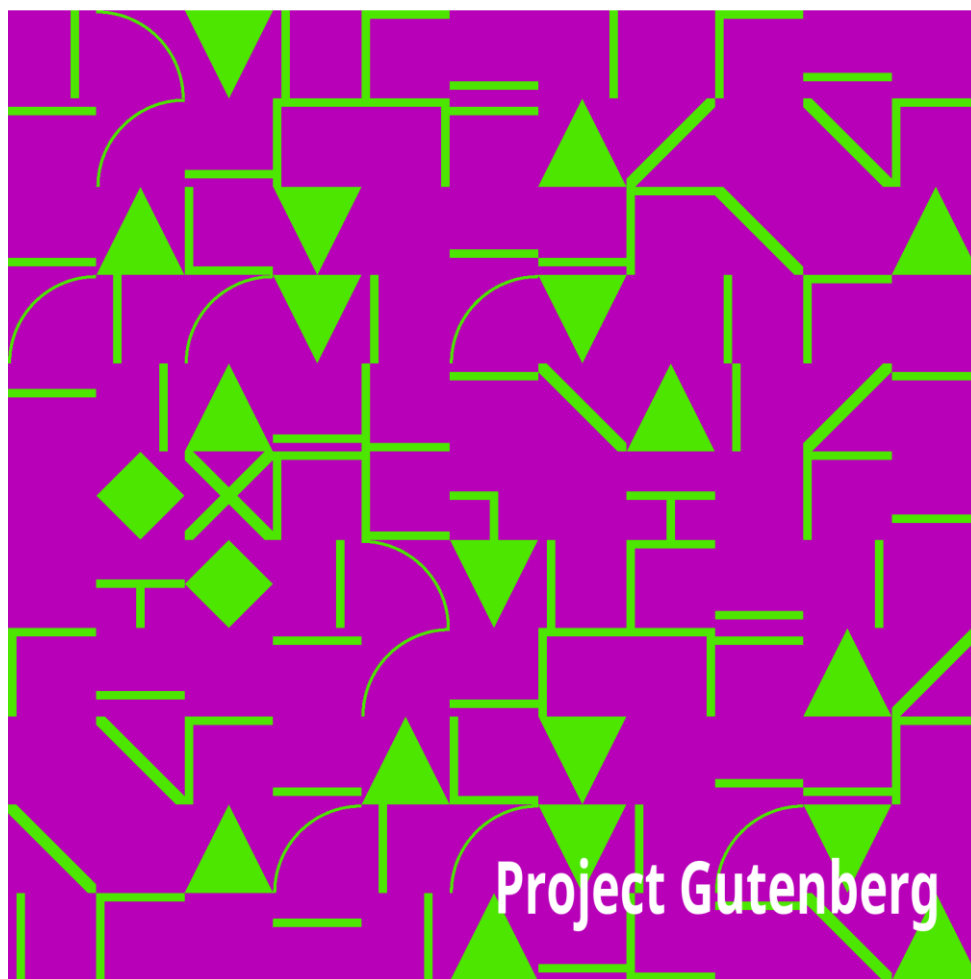

История европейской морали от Августа до Карла Великого (том 2 из 2)

Уильям Эдвард Хартпол Леки

History of European Morals From Augustus to Charlemagne (Vol. 2 of 2)

William Edward Hartpole Lecky

Электронная книга проекта Гутенберга по истории европейской морали от Августа до Карла Великого (Том 2 из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История европейской морали От Августа до Карла Великого (Том 2 из 2)

Автор: Уильям Эдвард Хартпол Леки

Дата выхода: 15 апреля 2012 [Электронная книга №39535]

Язык: Английский

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОРАЛИ ОТ АВГУСТА ДО КАРЛА ВЕЛИКОГО" (ТОМ 2 ИЗ 2) ***

История европейской морали От Августа до Карла Великого

Уильям Эдвард Хартпол Леки, магистр медицины

Девятое Издание

В двух томах

Том 2.

Лондон

Лонгманс, Грин и Компания

1890

Содержание

- Глава IV. От Константина до Карла Великого.
- Глава V. Положение женщин.
- Указатель.
- Сноски

Глава IV. От Константина до Карла Великого.

Дав в последней главе краткий, но, надеюсь, не совсем расплывчатый отчет о причинах, обеспечивших триумф христианства в Риме, и о характере противостояния, которое оно преодолело, я перехожу к рассмотрению природы морального идеала, который представила новая религия, а также методов, с помощью которых она пыталась его реализовать. И в самом начале этого исследования необходимо остерегаться серьезной ошибки. Многим людям свойственно проводить сравнение между христианством и язычеством, сопоставляя учение христиан с соответствующими отрывками из сочинений Марка Аврелия или Сенеки, и рассматривать превосходство христианского учения над философским как полную меру морального прогресса, достигнутого христианством. Но минутного размышления достаточно, чтобы показать несправедливость такого вывода. Этика язычества была частью философии. Этика христианства была частью религии. Первые были спекуляциями нескольких высококультурных личностей [стр. 002] и не имели и не могли иметь никакого прямого влияния на массы человечества. Вторые были неразрывно связаны с поклонением, надеждами и страхами обширной религиозной системы, которая действует по меньшей мере так же сильно на самых невежественных, как и на самых образованных. Главными целями языческих религий были предсказание будущего, объяснение устройства вселенной, предотвращение бедствий, заручение помощи богов. Они не содержали инструментов нравственного обучения, аналогичных нашему институту проповеди, или моральной подготовке к принятию причастия, или к исповеди, или к чтению Библии, или к религиозному образованию, или к совместной молитве о духовных благах. Делать людей добродетельными входило в обязанности священника не больше, чем врача. С другой стороны, философские объяснения долга были совершенно не связаны с религиозными церемониями храма. Объединить эти две сферы, соединить нравственную культуру с религией и, таким образом, заручиться поддержкой первой в желании вступить посредством церемониальных обрядов в прямое общение с Небом, которое, как показал опыт, является одной из самых универсальных и сильных страстей человечества, было одним из важнейших достижений христианства. Что-то, без сомнения, уже предпринималось в этом направлении. Философия в руках риториков становилась все более популярной. Пифагорейцы предписывали религиозные церемонии с целью очищения ума, и искупительные обряды были обычным явлением, особенно в восточных религиях. Но отличительной чертой христианства было то, что его моральное влияние не было косвенным, случайным, отдаленным или скачкообразным. В отличие от всех языческих религий, она сделала нравоучение главной функцией своего духовенства, моральную дисциплину ведущей целью своих служб, моральные установки необходимым условием надлежащего исполнения своих обрядов. С помощью кафедры, своих церемоний, всех средств власти, которыми она обладала, она систематически и настойчиво трудилась для возрождения человечества. Под его влиянием доктрины о природе (стр. 003)

Но ни красота его священных писаний, ни совершенство его религиозных служб не смогли бы достичь этого великого результата без привнесения новых мотивов в добродетель. Они могут быть как заинтересованными, так и незаинтересованными, и в обеих сферах влияние христианства было очень велико. В первой оно произвело полную революцию своим учением о будущем мире и о природе греха. Учение о будущей жизни было слишком расплывчатым среди язычников, чтобы оказывать какое-либо мощное общее влияние, а среди философов, которые наиболее горячо цеплялись за него, оно рассматривалось исключительно в свете утешения. Христианство сделало его сильнейшим сдерживающим фактором. В дополнение к доктринам вечных страданий и потерянного состояния человеческой расы, понятие минутного личного возмездия должно рассматриваться как глубоко оригинальное. То, что совершение тяжких преступлений или неисполнение великих обязанностей может быть искуплено впоследствии, действительно было идеей, знакомой язычникам, хотя она мало влияла на их жизнь и редко или никогда не вызывала, даже у самых страшных преступников, тех сцен покаяния на смертном одре, которые так заметны в христианских биографиях. Но христианское представление о чудовищности мелких грехов, вера в то, что все подробности жизни будут тщательно изучены после, что слабости характера и мелкие нарушения долга, на которые историк и биограф не обращают внимания, которые не оказывают заметного влияния на общество и которые едва ли вызывают комментарии у человечества, могут стать основанием для вечного осуждения за гробом, были совершенно неизвестны древним, и в то время, когда они обладали всей свежестью новизны, они были вполне пригодны для преобразования характера. Взор языческого философа всегда был прикован[pg 004].... Во-первых, они стремились исправить людей, превознося красоту святости; во-вторых, пробуждая чувство раскаяния. У каждого метода были свои достоинства и недостатки. Философия была превосходно приспособлена для того, чтобы возвышать и облагораживать человечество, но совершенно бессильна для возрождения. Она много сделала для поощрения добродетели, но мало или вообще ничего не сделала для сдерживания порока. Было сформировано и культивировано пристрастие к добродетели, что привлекло многих к ее практике; но в этом, как и в случае со всеми другими нашими высшими вкусами, природа, которая когда-то была полностью испорчена, стала совершенно неспособной оценить это, и преобразование такой природы, которое постоянно осуществлялось христианством, было, по общему признанию, неподвластно философии.¹ Опыт убедительно показал, что люди, которые совершенно нечувствительны к красоте и достоинству добродетели, могут быть охвачены страхом осуждения, могут даже пробудиться к такому искреннему раскаянию в содеянном. грешат, чтобы обратить вспять течение их склонностей, избавить их от самых закоренелых привычек и обновить весь уклад их жизни.

Но привычка распространяться главным образом о темной стороне человеческой натуры, хотя и внесла большой вклад в возрождающую эффективность христианского учения, не была лишена своих недостатков. Обычно оценивая характер по его отклонениям, теологи в своих оценках тех сильных и страстных натур, в которых великие добродетели уравниваются великими недостатками, обычно впадают в явную несправедливость, которая тем более непростительна, что в их собственных трудах Псалмы Давида являются наглядным доказательством того, что благородная, нежная и страстная натура может выжить даже в прелюбодее и убийце. Отчасти, тоже через это привычка, действующих через чувства греха, а отчасти из желания показать, что человек находится в ненормальном состоянии и вывихнуто, они[ПГ 005] постоянно выдвигаются искажены и унижающим достоинство видом человеческой природой, представляли ее как в целом в империи зла, и иногда поднялись на такую высоту экстравагантности, как произносится

очень добродетели язычников природой греха. Но ничто не может быть более определенным, чем то, что является исключительным и отличительным в человеческой природе, является не ее пороком, а ее совершенством. Это не чувственность, жестокость, эгоизм, страсть или зависть, которые в равной или большей степени проявляются в различных отделах животного мира; это та нравственная природа, которая, по-видимому, позволяет человеку, единственному из всех сотворенных существ, классифицировать свои эмоции, противостоять течению своих желаний и стремиться к нравственному совершенству. Не менее несомненно и то, что в цивилизованном и, следовательно, развитом человеке добро значительно преобладает над злом.

Благожелательность встречается чаще, чем жестокость; вид страдания скорее вызывает жалость, чем радость; благодарность, а не неблагодарность, является нормальным результатом оказанного блага. Симпатии человека естественным образом следуют за героизмом и добротой, а порок сам по себе обычно является всего лишь преувеличением или искажением тенденций, которые по своей природе совершенно невинны.

Но эти преувеличения человеческой порочности, достигшие крайних пределов в некоторых протестантских сектах, не встречаются в Церкви первых трех столетий. Осознание греха еще не сопровождалось отрицанием добра, которое существует в человеке. Христианство рассматривалось скорее как искупление от заблуждения, чем от греха,² и знаменательным фактом является то, что эпитет “достойный”, который язычники обычно наносили на свои могилы, также был любимой надписью в христианских катакомбах. Пелагианский спор, учение св. Августина и прогресс аскетизма постепенно ввели доктрину о крайней порочности человека, которая в более поздние времена оказалась благодатным источником деградирующих суеверий.

Поддерживая и определяя понятие греха, ранняя Церковь использовала механизм тщательно разработанного законодательства. Постоянное общение с Церковью считалось чрезвычайно важным. Считалось, что участие в Таинстве необходимо для вечной жизни. В очень ранний период его давали младенцам, и уже во времена святого Киприана мы находим эту практику универсальной в Церкви, и по крайней мере некоторые из Отцов Церкви признавали ее обычно необходимой для их спасения.³ Среди взрослых было принято причащаться ежедневно, в некоторых церквях - четыре раза в неделю.⁴ Даже во времена гонений единственной частью своего богослужения, которую христиане согласились опустить, было полусветское агапе.⁵ Духовенство имело право разрешать или не допускать к церемониям, и почтение, с которым к ним относились, было настолько велико, что они могли диктовать свои собственные условия общения.

Из этих обстоятельств очень естественно возникла обширная система моральной дисциплины. Всегда признавалось, что люди могут справедливо подходить к священному столу только с определенными моральными установками, и очень скоро было добавлено, что совершение преступлений должно быть искуплено периодом покаяния, прежде чем будет предоставлен доступ к причастию.[pg 007] было указано множество правонарушений самой разной степени тяжести, таких как длительное воздержание от религиозных служб, добрачная распущенность, проституция, супружеская неверность, принятие профессии гладиатора или актера, идолопоклонство, предательство христиан преследователям и пайдерастия, или противоестественная любовь, к каждому из которых прилагалось определенное духовное наказание. Самое низкое наказание состояло в лишении Евхаристии на несколько недель. Более серьезные преступники были лишены этого на год, или на десять лет, или до смертного

часа, в то время как в некоторых случаях наказание равнялось большему отлучению от церкви или лишению Евхаристии навсегда. В период покаяния кающийся был вынужден воздерживаться от брачного ложа и всех других удовольствий и проводить свое время главным образом в религиозных упражнениях. Прежде чем его вновь допустили к причастию, он имел обыкновение публично, перед собравшимися христианами, появляться одетым во вретище, с посыпанной пеплом головой, с обритыми волосами и, таким образом, бросаться к ногам священника, громко исповедоваться в своих грехах и умолять о милости отпущения. Отлученный от церкви человек был не только навсегда отрезан от христианских обрядов; он был также разорван от всякого общения со своими бывшими друзьями. Ни один христианин под страхом отлучения от церкви не может есть с ним или разговаривать. Он должен жить в ненависти и одиночестве в этом мире и быть готовым к проклятию в следующем.⁶

Эта система законодательства, основанная на религиозном терроризме, составляет одну из важнейших частей ранней церковной истории, и главной целью Соборов было ее развитие или модификация. Хотя исповедь еще не была обычным и общеобязательным обрядом, хотя она требовалась только[pg 008] в случаях заведомо известных грехов, очевидно, что в этой системе мы имеем дело не с потенциальным или зародышевым, а с полностью развитой деятельностью церковного деспотизма самого сокрушительного порядка. Но хотя это признание права духовенства скрывать от людей то, что считалось необходимым для их спасения, заложило основу худших суеверий Рима, оно имело, с другой стороны, очень ценный моральный эффект. Любая система права - это система воспитания, поскольку она закрепляет в умах людей определенные представления о добре и зле и о пропорциональной чудовищности различных преступлений; и ни одно законодательство не проводилось в жизнь с большей торжественностью и не апеллировало более непосредственно к религиозным чувствам, чем покаянная дисциплина Церкви. Возможно, больше, чем какое-либо другое отдельное агентство, оно подтвердило ту убежденность в чудовищности греха и следующего за ним возмездия, которая была одним из двух великих рычагов, с помощью которых христианство воздействовало на человечество.

Но если христианство было примечательно своими призывами к эгоистичной или заинтересованной стороне нашей природы, то гораздо более примечательным оно было тем влиянием, которого оно достигло благодаря бескорыстному энтузиазму. Платоник призывал людей подражать Богу; стоик - следовать разуму; христианин - любить Христа. Позднейшие стоики часто объединяли свои представления о совершенстве в идеале мудреца, и Эпиктет даже убеждал своих учеников поставить перед собой какого-нибудь человека, обладающего непревзойденным совершенством, и постоянно представлять его рядом с собой; но максимум, чем мог стать идеал стоиков, - это образец для подражания, и восхищение, которое он внушал, никогда не могло перерасти в привязанность. Христианству было суждено представить миру идеального персонажа, который на протяжении всех изменений восемнадцати столетий вселял в сердца людей страстную любовь; показал себя способным воздействовать на все возрасты, нации, темпераменты и условия; был не только высшим образцом добродетели, но и сильнейшим стимулом к ее осуществлению; и оказал настолько глубокое влияние, что можно с уверенностью[стр. 009] сказать, что простой отчет о трех коротких годах активной жизни сделал для возрождения и смягчения человечества больше, чем все рассуждения философов и все увещания моралистов. Это действительно был источник всего лучшего и чистейшего в христианской жизни. Несмотря на все грехи и недостатки, на все поповщину, преследования и фанатизм, которые обезобразили Церковь, она сохранила в характере и примере своего

Основателя непреходящий принцип возрождения. Совершенная любовь не знает прав. Она порождает безграничное, безотчетное самоотречение, которое преображает характер и является источником каждой добродетели. Бок о бок с терроризмом и суевериями догматизма в христианстве всегда существовали те, кто повторил бы пожелание св. Тереза, что она могла стереть с лица земли и рай, и ад, чтобы служить Богу ради Него Самого; и сила любви Христовой была одинаково продемонстрирована на самых героических страницах христианского мученичества, на самых трогательных страницах христианского смирения, на самых нежных страницах христианского милосердия. Это было показано мучениками, которые падали под клыками диких зверей, простирая до последнего момента свои руки в форме креста, который они любили;⁷ которые приказали похоронить свои цепи вместе с ними как знак отличия их войны;⁸ которые с радостью смотрели на свои ужасные раны, потому что они были приняты за Христа;⁹ которые приветствовали смерть, как жених приветствует невесту, потому что это приблизит их к Нему. Святую Фелициту охватили родовые муки, когда она лежала в тюрьме [стр. 010] ожидая часа мученичества, и когда ее страдания исторгли из нее крик, тот, кто стоял рядом, сказал: “Если ты сейчас так сильно страдаешь, что будет, когда тебя бросят на съедение диким зверям?” “То, что я сейчас переношу, - ответила она, - касается только меня; но тогда другой пострадает за меня, ибо тогда я буду страдать за Него”.¹⁰ Когда святая Мелания потеряла и мужа, и двух сыновей, стоя на коленях у постели, где покоились останки тех, кого она любила, бездетная вдова воскликнула: “Господи, я буду служить Тебе более смиренно и охотно за то, что Ты снял с меня тяжесть”.¹¹

Христианская добродетель была описана св. Августин как “орден любви”.¹² Те, кто знает, как несовершенно простое чувство долга может у большинства людей противостоять энергии страстей; кто видел, насколько бесплодным было мусульманство во всех высших и нежнейших добродетелях, потому что его благородная мораль и чистый теизм не сочетались ни с каким живым примером; кто, прежде всего, проследил через историю христианской церкви влияние любви Христовой, без труда оценят ценность этого чистейшего и наиболее отличительного источника христианского энтузиазма. В одном отношении мы едва ли можем осознать его влияние на раннюю Церковь. Ощущение незыблемости законов природы в настоящее время настолько глубоко укоренилось в умах людей, что ни один по-настоящему образованный человек, каковы бы ни были его религиозные убеждения, всерьез не верит, что все наиболее поразительные явления вокруг него — штормы, землетрясения, нашествия или голод — являются результатами отдельных актов сверхъестественной силы и призваны затронуть какие-то человеческие интересы. Но ранние христиане считали, что все это напрямую связано с Учителем, которого они так нежно любили. Результатом этого убеждения стало состояние чувств, которое мы сейчас едва ли можем понять. Великий поэт, [стр. 011] в строках, которые являются одними из самых благородных в английской литературе, говорил о том, кто умер как о единстве со всепроникающей душой природы, о величии и нежности, красоте и страсти его существа, сливающегося с родственными элементами вселенной, его голос слышен во всех ее мелодиях, его дух - присутствие, которое нужно ощущать и познавать, часть единой пластичной энергии, которая пронизывает и оживляет земной шар. Чем-то подобным, но гораздо более ярким и реальным по характеру, была вера раннего христианского мира. Для них вселенная была преображена любовью. Все его явления, все его катастрофы были прочитаны в новом свете, наделены новым значением, приобрели религиозную святость. Христианство предлагало более глубокое утешение, чем любая перспектива бесконечной жизни или тысячелетней славы.

Это научило усталых, скорбящих и одиноких смотреть на небеса и говорить: “Ты, Бог, заботишься обо мне”.

Неудивительно, что религиозная система, поставившая своей главной целью воспитание морального совершенства и которая благодаря своей доктрине будущего возмездия, своей организации и способности вызывать бескорыстный энтузиазм приобрела беспрецедентное превосходство над человеческим разумом, должна была поднять своих последователей до очень высокого состояния святости. Действительно, не может быть никаких сомнений в том, что в течение почти двухсот лет после своего основания в Европе христианская община демонстрировала моральную чистоту, которая, если и была равной, то никогда за какой-либо длительный период не была превзойдена. Полностью отделенные от окружавшего их римского мира, одинаково воздерживаясь от политической жизни, от обращений в суды и от военных занятий; постоянно ожидая немедленного прихода своего Повелителя и разрушения Империи, в которой они жили, и воодушевленные всем пылом молодой религии, христиане обнаружили внутри себя целый ряд идей и чувств, достаточно сильных, чтобы уберечь их от заражения их эпохой. В своем общем отношении к обществу и [стр. 012] по характеру и тонкости своей щепетильности они, вероятно, имели большее сходство с квакерами, чем с какой-либо другой существующей сектой.¹³ Некоторые серьезные признаки морального упадка действительно можно было обнаружить еще до децианских гонений; и было очевидно, что триумф Церкви, приведший к появлению множества номинальных христиан в ее черте, подвергнув ее искушениям богатства и процветания и принудив ее к участию в светской политике, должен был ослабить ее рвение и подорвать ее чистоту; и все же, я думаю, мало кто из тех, кто рассматривал христианство в том виде, в каком оно существовало в первые три столетия, мог представить себе, что оно полностью вытеснит окружавшее его языческое богослужение; что его учителя подчинят себе самых могущественных христиан. монархи подчинялись своей воле, и запечатлевали свое влияние на каждой странице законодательства, и направляли весь ход цивилизации на протяжении тысячи лет; и все же период, в который они были столь могущественны, должен был быть одним из самых презренных в истории.

Можно вкратце рассказать о главных чертах того периода. После смерти Марка Аврелия, примерно в это время христианство приобрело важное влияние в римском мире, упадок Империи был быстрым и почти непрерывным. Первый христианский император перенес свою столицу в новый город, незагрязненный традициями и величием язычества; и он основал там Империю, которая заимствовала всю свою этику из христианских источников и которая просуществовала [pg 013] около тысячи ста лет. Всеобщий вердикт истории в отношении этой Византийской империи состоит в том, что она представляет собой, едва ли без исключения, самую низменную и презренную форму, которую когда-либо принимала цивилизация. Хотя они были очень жестокими и очень чувственными, были времена, когда жестокость принимала более безжалостные, а чувственность - более экстравагантные аспекты; но не было другой устойчивой цивилизации, столь абсолютно лишенной всех форм и элементов величия, и ни к одной из них эпитет "подлый" не мог быть применен столь подчеркнуто. Византийская империя была эпохой предательства. Ее пороки были пороками людей, которые перестали быть храбрыми, не научившись быть добродетельными. Без патриотизма, без стремления к свободе, после первых пароксизмов религиозной агитации, без гениальности или интеллектуальной активности; рабы и добровольные рабы, как в своих действиях, так и в своих мыслях, погруженные в чувственность и в самые легкомысленные удовольствия, люди выходили из состояния апатии только тогда, когда какая-нибудь теологическая тонкость или какое-нибудь

соперничество в гонках колесниц побуждали их к неистовым бунтам. Они демонстрировали все внешние признаки развитой цивилизации. Они обладали знаниями; у них постоянно была перед глазами благородная литература древней Греции, проникнутая высочайшим героизмом; но эта литература, которая впоследствии так много сделала для возрождения Европы, не могла воспламенить выродившихся греков ни искрой, ни подобием благородства. История Империи - это монотонная история интриг священников, евнухов и женщин, отравлений, заговоров, всеобщей неблагодарности, непрекращающихся братоубийств. После обращения Константина ни в одной части Римской империи не было государя, столь развращенного или, по крайней мере, столь бесстыдного, как Нерон или Гелиогабал; но в Византийской империи нельзя найти никого, имеющего хоть малейшее сходство с Антонином или Марком Аврелием, в то время как наиболее близким к этому персонажу в Риме был император Юлиан, который с презрением отрекся от христианской веры. Наконец, [стр. 014] Мусульманское вторжение положило конец долгому упадку Восточной империи. Константинополь погрузился под Полумесяц, его жители спорили о богословских разногласиях до самого момента своего падения.

Азиатские Церкви уже погибли. Христианская вера, насажденная в распутных городах Малой Азии, породила многих фанатичных аскетов и нескольких выдающихся теологов, но она не оказала обновляющего воздействия на людей в целом. Это ввело среди них принцип нескончаемого и непримиримого раздора, но едва ли в сколько-нибудь заметной степени умерило их роскошь или чувственность. Неистовство наслаждений не ослабевало, и в значительной части Империи оно, казалось, действительно достигло своего апогея только после триумфа христианства.

Состояние Западной империи было несколько иным. Не прошло и столетия после обращения Константина, как имперский город был захвачен Аларихом, и долгая череда варварских вторжений, наконец, разрушила всю структуру римского общества, в то время как сами варвары, приняв христианскую веру и полностью подчинившись христианским священникам, Церкви, которая оставалась хранительницей всех сокровищ древности, была предоставлена девственная почва для реализации ее идеала человеческого совершенства. И при этом она не оправдала того, чего можно было ожидать. На протяжении многих веков она осуществляла почти абсолютную власть над мыслями и действиями человечества и создала цивилизацию, которая была во всех частях пронизана церковным влиянием. И темные века, как справедливо называют период католического господства, несомненно, демонстрируют многие черты великого и подлинного совершенства. В активной благотворительности, в духе благоговения, в верности, в привычках к сотрудничеству они намного превосходят самые благородные эпохи языческой древности, в то время как в той человечности, которая боится причинения страданий, они превосходили римскую цивилизацию, а в своем уважении к целомудрию - греческую цивилизацию. С другой стороны, они стоят неизмеримо ниже лучших языческих цивилизаций по гражданским и патриотическим добродетелям, по любви к свободе, по количеству и великолепию выдающихся личностей, которых они породили, по достоинству и красоте сформированного ими типа характера.....[стр. 015] На их долю выпала сполна смута, анархия, несправедливость и война, и по всем интеллектуальным достоинствам их, вероятно, следует поставить ниже, чем любой другой период в истории человечества. Безграничная нетерпимость ко всякому расхождению во мнениях сочеталась со столь же безграничной терпимостью ко всякой лжи и преднамеренному мошенничеству, которые могли способствовать общепринятым мнениям. Поскольку легковерию учили как добродетели, а все выводы диктовались авторитетом, смертельное оцепенение охватило человеческий разум,

который на многие столетия почти приостановил свою деятельность и был эффективно нарушен только привычками к тщательному изучению, инновациям и свободомыслию, которые сопровождали подъем промышленных республик в Италии. Мало кто из людей, не являющихся священниками или монахами, не предпочел бы жить в лучшие дни афинской или римской республик, в эпоху Августа или в эпоху Антонинов, а не в любой период, прошедший между триумфом христианства и четырнадцатым веком.

Действительно, трудно представить себе более ясное доказательство, чем история двенадцати столетий после обращения Константина, что, хотя теология, несомненно, привнесла в мир определенные элементы и принципы добра, едва ли известные древности, если вообще были известны, хотя ее ценность как настойки или модифицирующего влияния на общество трудно переоценить, человечеству ни в коем случае не выгодно, чтобы в той форме, которую представляют греческая и католическая Церкви, она стала контролирующим арбитром цивилизации. Часто говорят, что римский мир до Константина переживал период быстрого упадка; что традиции и жизнеспособность наполовину подавленного язычества объясняют многие отклонения более поздних времен; что влияние Церкви часто было скорее номинальным и поверхностным, чем[pg 016] высшим; и что, оценивая невежество темных веков, мы должны в значительной степени учитывать потрясения общества, вызванные варварами. Во всем этом много правды; но если мы вспомним, что в Византийской империи обновляющая сила теологии испытывалась в новой столице, свободной от языческих традиций, и более тысячи лет не покорялась варварам, и что на Западе Церковь, по крайней мере, в течение семисот лет после того, как утихли потрясения от вторжений, осуществляла контроль более абсолютный, чем когда-либо достигала любая другая моральная или интеллектуальная сила, то, я думаю, окажется, что эксперимент был в достаточной степени опробован. Легко составить каталог вопиющих пороков древности и сопоставить их с чистой моралью христианских писаний; но, если мы хотим составить справедливую оценку достигнутого улучшения, мы должны сравнить классическую и церковную цивилизации в целом и должны наблюдать в каждом случае не только пороки, которые были подавлены, но также степень и разнообразие достигнутого позитивного совершенства. В первые два столетия существования христианской церкви нравственный подъем был чрезвычайно высок, и к нему постоянно обращались как к доказательству божественности символа веры. В столетие, предшествовавшее обращению Константина, уже проявилась заметная депрессия. Два столетия после Константина Отцы Церкви неизменно изображают как период всеобщего и скандального порока. Последовавшая за этим церковная цивилизация, хотя и не лишенная своих отличительных достоинств, несомненно, не дает оправдания распространенному хвастовству о возрождении общества Церковью. Я, по крайней мере, твердо верю, что цивилизация последних трех столетий поднялась во многих отношениях на более высокий уровень, чем любая из предшествовавших ей; но теологическая этика, хотя и очень важна, составляет лишь один из многих и сложных элементов ее совершенства. Механические изобретения, привычки промышленной жизни, открытия физических наук, усовершенствования в управлении, распространение литературы, традиции языческой древности - все это занимает особое место, при этом, чем полнее исследуется его история, тем яснее раскрываются две прописные истины. Первая заключается в том, что влияние теологии, на протяжении веков притуплявшее и парализовавшее весь интеллект христианской Европы, возрождение, которое является отправной точкой нашей современной цивилизации, было вызвано главным образом тем фактом, что две сферы интеллекта все еще оставались неподконтрольными скипетру католицизма. Языческая

литература древности и мусульманские научные школы были главными средствами оживления дремлющей энергии христианского мира. Второй факт, который я в другом месте пытался подробно установить, заключается в том, что на протяжении более чем трех столетий упадок теологического влияния был одним из наиболее неизменных признаков и мер нашего прогресса. В медицине, физических науках, коммерческих интересах, политике и даже этике реформатор сталкивался с теологическими утверждениями, преграждавшими ему путь, которые все отстаивались как имеющие жизненно важное значение, и все они, в свою очередь, были вынуждены уступить секуляризирующему влиянию цивилизации.

Таким образом, перед нами проблема, представляющая глубокий интерес и важность, которую я предлагаю исследовать в настоящей главе. Мы должны задаться вопросом, почему религия, которая была примечательна не столько красотой своего морального учения, сколько силой, с которой она воздействовала на человечество, и которая в течение последних нескольких столетий была источником бесчисленных благословений для мира, оказалась на протяжении столь длительного периода и при таком разнообразии условий совершенно неспособной возродить Европу. Речь идет не о вялых или несовершенных действиях, а о конфликтующих силах. В обширном и сложном организме Католичества были некоторые части, которые действовали с замечательной силой, совершенствуя и возвышая человечество. Были и другие, которые имели прямо противоположный эффект.

Первым аспектом, в котором христианство представило себя миру, было провозглашение братства людей во [pg 018],.. Рассматриваемые как бессмертные существа, обреченные на крайности счастья или несчастья и соединенные друг с другом особым сообществом искупления, первым и наиболее очевидным долгом христианина было смотреть на своих собратьев как на священных существ, и из этого представления выросла в высшей степени христианская идея святости всей человеческой жизни. Я уже пытался показать — и этот факт имеет такое огромное значение для преодоления распространенных возражений против реальности естественных моральных представлений, что я рискну, рискуя показаться занудой, вернуться к нему снова, — что природа не говорит человеку, что неправильно убивать без повода своих собратьев. Не будем останавливаться на тех ранних стадиях варварства, на которых высшие способности человеческой природы еще не развиты и находятся почти в зачаточном состоянии, но неоспоримым историческим фактом является то, что существовали утонченные и даже нравственные общества, в которых к убийству людей какого-либо определенного класса или нации относились с не большим сочувствием, чем к забою животных на охоте. Древние греки в своих отношениях с варварами; римляне в своих отношениях с гладиаторами, а в некоторые периоды своей истории и с рабами; испанцы в своих отношениях с индейцами; почти все колонисты, освобожденные от европейского надзора, в своих отношениях с низшей расой; огромная часть народов древности в своих отношениях с новорожденными младенцами проявляют эту полную и абсолютную бессердечность, и мы можем обнаружить следы ее даже на наших собственных островах и в течение последних трехсот лет.¹⁴ И как бы ни было трудно осознать это в наши дни, когда жестокость всех бессмысленных убийств людей стала существенной частью наших моральных чувств, тем не менее, неоспоримым фактом является то, что эта бессердечность постоянно демонстрировалась хорошими людьми, людьми, которые во всех других отношениях в любую эпоху были бы признаны выдающимися за свою человечность.....[стр. 019] Во времена Тюдоров лучшие англичане наслаждались тем, что мы сейчас сочли бы самыми варварскими видами спорта, и абсолютно несомненно, что в древности люди подлинной человечности —

нежные родственники, любящие друзья, милосердные соседи - люди, в чьих глазах убийство согражданина выглядело бы таким же зверством, как в наших собственных, посещали гладиаторские игры, учреждали их и аплодировали им или без зазрения совести советовали выставлять младенцев напоказ. Но, как я полагаю, было бы полным замешательством воображать, как это обычно делается, что любое накопление фактов такого рода вызывает малейшее сомнение в реальности врожденных моральных представлений. Все, что утверждает интуитивный моралист, - это то, что мы от природы знаем, что существует различие между человечностью и жестокостью; что первое принадлежит высшей или улучшенной части нашей природы и что наш долг развивать его. Возрастной стандарт, который сам по себе определяется общим состоянием общества, составляет естественную линию исполнения долга, ибо тот, кто опускается ниже его, способствует его снижению. Итак, нет более абсолютного факта, чем тот, что нации и эпохи, которые наиболее сильно различались в отношении стандартов, были совершенно единодушны в отношении превосходства человечества. Платон, который рекомендовал детоубийства; Катон, который продал его в возрасте рабов; Плиний, кто аплодировал игровой арены; старые генералы, которые сделали своих пленных рабов или гладиаторов, а также современных генералов, которые отказываются накладывать на них какие-либо унижающих достоинство видов труда; старые законодатели, которые наполнили свои коды с предложениями из пыток, увечий и отвратительных форм смерти, а также современных законодателей, которые постоянно стремятся сокращать наказания наиболее виновных; старый педант, кто регулируются силу, а также современные инструктор, который правит по симпатии; испанская девушка, чьи темные глаза светятся от восторга [стр. 020], как она наблюдает за бешеного быка, в то время как огненные струи от взрывной стрелой, которая трепещет в его шею; а также реформаторов мы иногда встречаемся, кто хочет все области спорта, или принести в жертву жизнь животного на еду, или кто будет кушать только крупные животные, для того, чтобы уменьшить жертвы жизни до минимума, или кто постоянно изобретают новые способы оживляющую животное смерти—все эти лица, как широко они отличаются в своих действиях и в своих суждениях о том, что следовало бы назвать “брутальным”, а какие вещи следует называть “фантастическим”, согласен верить в человечество, чтобы быть лучше, чем жестокость, и в закреплении определенной осуждения деяний, которые подпадают под стандарт своей страны и своего времени. Итак, одной из важнейших заслуг христианства было то, что, помимо значительного усиления наших доброжелательных чувств, оно определенно и догматично утверждало греховность всякого разрушения человеческой жизни ради развлечения или простого удобства и, таким образом, сформировало новый стандарт, более высокий, чем любой из существовавших тогда в мире.

Влияние христианства в этом отношении началось с самого раннего этапа жизни человека. Практика абортов была одной из тех, к которым в древности мало кто испытывал глубокое чувство осуждения. В предыдущей главе я заметил, что физиологическая теория о том, что плод становится живым существом только в час рождения, оказала некоторое влияние на суждения, выносимые по поводу этой практики; и даже там, где эта теория не была общепринятой, легко объяснить распространенность этого акта. Смерть нерожденного ребенка не очень сильно вызывает к чувству сострадания, и люди, которые еще не достигли сколько-нибудь сильного ощущения святости человеческой жизни, которые верили, что они могут регулировать свое поведение в этих вопросах утилитарными взглядами, в соответствии с общими интересами общества, могли бы очень легко прийти к выводу, что предотвращение родов во многих случаях было актом милосердия. В Греции Аристотель не [стр. 021] не только одобрял эту практику, но

даже желал, чтобы она применялась законом, когда численность населения превышала определенные установленные пределы.¹⁵ Ни один закон ни в Греции, ни в Римской Республике, ни на большей части Империи не осуждал это;¹⁶ и если, как считалось, до распада Языческой империи была принята какая-то мера, осуждающая это, то эта мера была совершенно неэффективной. Длинная цепочка авторов, как языческих, так и христианских, представляют эту практику как общепризнанную и почти универсальную. Они описывают это как результат не просто распущенности или бедности, но даже такого незначительного мотива, как тщеславие, который заставлял матерей бояться уродства при родах. Они говорят о матери, которая никогда не уничтожала своих нерожденных отпрысков, как о заслуживающей особой похвалы, и уверяют нас, что частота совершения преступлений была такова, что это породило обычную профессию. В то же время, в то время как Овидий, Сенека, Фаворин, Стоик из Арля, Плутарх и Ювенал, все говорят об абортах как о повсеместном и печально известном явлении, все они говорят о нем как о бесспорно преступном.¹⁷ Среднестатистические римляне поздних дней язычества, вероятно, относились к этому так же, как [стр. 022] Англичане прошлого столетия относились к праздничным излишествам, как к безусловно неправильным, но настолько простительным, что едва ли заслуживали порицания.

Язык христиан с самого начала сильно отличался. С непоколебимой последовательностью и самым решительным акцентом они осудили эту практику не просто как бесчеловечную, но и как несомненное убийство. В покаянной дисциплине Церкви аборт был отнесен к той же категории, что и детоубийство, и суровый приговор, которому подвергался виновный, запечатлевался в умах христиан более глубокое, чем любые простые увещевания, ощущение чудовищности преступления. Советом Анкиры виновная мать была отстранена от Причастия до самого смертного часа; и хотя это наказание вскоре было смягчено сначала до десяти, а затем и до семи лет покаяния,¹⁸ это преступление по-прежнему считалось одним из самых тяжких в законодательстве Церкви. Одним весьма примечательным образом реформы христианства в этой сфере были мощно подкреплены доктриной, которая, возможно, является самой отвратительной во всем богословии Отцов Церкви. Язычникам, даже осуждавшим аборт и детоубийство, эти преступления казались сравнительно тривиальными, потому что жертвы казались очень незначительными, а их страдания - незначительными. Смерть взрослого мужчины, которого сразили в разгар его предприятия и его надежд, который связан узами любви или дружбы со множеством окружающих его людей и чей уход вызывает волнение и боль в обществе, в котором он жил, возбуждает чувства, сильно отличающиеся от тех, которые вызывает безболезненное исчезновение новорожденного младенца, который, едва коснувшись земли, не знал ни одной из ее забот и очень мало ее любви. Но для теолога эта младенческая жизнь имела ужасающее значение. В тот момент, учили они, когда плод в утробе матери обрел жизнь, он стал бессмертным существом, которому суждено, даже если он умрет нерожденным, воскреснуть в последний день, повинным в грехе Адама, и обреченным, если он погибнет без крещения, быть навсегда изгнанным с небес и быть брошенным, как учили греки, в безболезненный и безрадостный лимб, или, как учили латиняне, в бездну ада. Вероятно, в значительной степени именно этой доктрине мы обязаны в первую очередь здоровым чувством ценности и святости младенческой жизни, которое так широко отличает христианское общество от языческого и которое теперь настолько прочно вошло в наши моральные чувства, что не зависит ни от каких доктринальных изменений. Что так сильно взывало к состраданию ранних и средневековых христиан в судьбе убитых младенцев, так это не то, что они умирали, а то, что они обычно умирали некрещеными; и преступность абортів неизмеримо усугублялась,

когда считалось, что они влекут за собой не только прекращение преходящей жизни, но и проклятие бессмертной души.¹⁹ В “Житиях святых” есть любопытная легенда о человеке, который, желая выяснить состояние ребенка до рождения, убил беременную женщину, совершив тем самым двойное убийство - матери и ребенка в ее утробе. Терзаемый угрызениями совести, убийца бежал в пустыню и провел остаток своей жизни в постоянном покаянии и молитве. Наконец, спустя много лет, голос Божий сказал ему, что он был прощен за убийство той женщины. Но все же его конец был омрачен. Он так и не смог получить заверений в том, что ему простили смерть ребенка.²⁰

Если мы перейдем к следующей стадии человеческой жизни, к стадии новорожденного младенца, мы обнаружим, что сталкиваемся с практикой детоубийства, которая была одним из самых глубоких пятен древней цивилизации. Естественная история этого преступления несколько своеобразна.²¹ Среди дикарей, чьи чувства сострадания очень слабы, и чьи воинственные и кочевнические привычки крайне неблагоприятны для жизни младенцев, как и следовало ожидать, обычным обычаем для родителя является решение, желает ли он сохранить ребенка, которого он вызвал к жизни, и, если нет, разоблачить или убить его. У народов, вышедших из стадии варварства, но все еще грубых и простых в своих привычках, практика детоубийства обычно редка; но, в отличие от других насильственных преступлений, она естественным образом не уменьшается с прогрессом цивилизации, поскольку после того, как период дикой жизни пройден, на ее распространенность гораздо больше влияет чувственность, чем варварство народа.²² Мы также можем проследить во многих странах и эпохах представление о том, что дети, как плод, представители и самое дорогое имущество своих родителей, являются приемлемыми жертвами богам.²³ Детоубийство, как хорошо известно, было почти повсеместно [стр. 026] допущено среди греков, будучи санкционированным, а в некоторых случаях и предписанным, исходя из того, что мы сейчас назвали бы “принципом величайшего счастья”, идеальными законами Платона и Аристотеля и фактическими законами Ликурга и Солона. Рассматривая сообщество в целом, они ясно видели, что в высшей степени в интересах общества следует очень ревностно ограничивать прирост населения и что государство должно быть, насколько это возможно, избавлено от беспомощных и непродуктивных членов; и поэтому они пришли к выводу, что безболезненное уничтожение младенцев, и особенно тех младенцев, которые были настолько деформированы или больны, что их жизнь, если бы ее продлили, вероятно, была бы бременем для них самих, в целом было благом. Очень чувственный тон греческой жизни сделал современное представление о длительном воздержании совершенно чуждым их мыслям; и чрезвычайно низкое социальное и интеллектуальное состояние греческих матерей, которые не оказывали заметного влияния на образ мыслей нации, также, я думаю, следует принимать во внимание, поскольку всегда было замечено, что матери гораздо более отличаются, чем отцы, своей любовью к младенцам, в которых еще не проявились первые проблески разума. Однако даже в Греции детоубийство и выставление напоказ не были повсеместно разрешены. Говорят, что в Фивах эти преступления карались смертью.²⁴

Власть над жизнью и смертью, которая в Риме первоначально была предоставлена отцу над его детьми, по-видимому, предполагала неограниченное разрешение детоубийства; но очень старый закон, обычно приписываемый Ромулу, в этом отношении ограничивал родительские права, предписывая отцу воспитывать всех своих детей мужского пола и, по крайней мере, старшую девочку, запрещая ему уничтожать любого хорошо сформированного ребенка до достижения им третьего года, когда родительская привязанность, как можно предположить,

разовьется, но разрешая выставлять на всеобщее обозрение уродливых детей. [стр. 027] или искалечили детей с согласия их пяти ближайших родственников.²⁵ Римская политика всегда заключалась в поощрении, в то время как греческая политика заключалась скорее в сдерживании населения, и детоубийство, по-видимому, никогда не было обычным явлением в Риме до развращенных и чувственных дней Империи. Законодатели тогда категорически осудили это, и этому косвенно препятствовали законы, которые предоставляли особые привилегии многодетным отцам, освобождали бедных родителей от большей части налогового бремени и в некоторой степени обеспечивали безопасность незащищенных младенцев. Общественное мнение, вероятно, мало отличалось от мнения наших дней относительно этого факта, хотя и сильно отличалось от него по степени его криминальности. Это было, как вы помните, одно из обвинений, наиболее часто выдвигавшихся против христиан, и оно неизменно вызывало народное негодование. Языческие и христианские авторитеты, однако, едины в том, что называют детоубийство вопиющим пороком Империи, и Тертуллиан заметил, что никакие законы не обходились так легко и так постоянно, как те, которые осуждали это.²⁶ В народе проводилось широкое различие между детоубийством и разоблачением. Последнее, хотя, вероятно, и осуждалось, определенно не каралось законом;²⁷ это практиковалось в [стр. 028] гигантских масштабах и абсолютно безнаказанно, на что писатели обращали внимание с самым холодным безразличием и, по крайней мере, в случае с обездоленными родителями, считалось простительным проступком.²⁸ Несомненно, часто подвергавшиеся воздействию дети погибали, но чаще всего сам масштаб этой практики спасал жизни жертв. Их систематически привозили к колонне возле Велабрума, и там их забирали спекулянты, которые воспитывали их как рабынь или, очень часто, как проституток.²⁹

[стр. 029]

В целом, по этому вопросу требовалось не какое-либо более четкое моральное наставление, а скорее более строгое соблюдение давно вынесенного осуждения детоубийства и усиление защиты незащищенных младенцев. Покаянными приговорами, догматическими соображениями, которые я перечислил, и искренними увещеваниями как своих проповедников, так и писателей Церковь старалась углубить осознание чудовищности содеянного, и особенно убедить людей в том, что вина за то, что они бросили своих детей на ненадежную и сомнительную милость незнакомца, была едва ли меньшей, чем вина за простое детоубийство.³⁰ В области гражданского права ее влияние также проявилось, хотя, я думаю, не очень благоприятно. Говорят, что по совету Лактанция Константин в тот самый год своего обращения, чтобы уменьшить количество детоубийств со стороны обездоленных родителей, издал указ, применимый в первую очередь к Италии, но распространенный в 322 году н.э. на Африку, в котором он повелел, чтобы те дети, которых их родители были не в состоянии содержать, были одеты и накормлены за счет государства,³¹ политика, которая уже широко проводилась при Антонинах. В 331 году н.э. был принят закон, призванный увеличить шансы того, что незащищенный ребенок попадет под опеку какого-либо благотворительного или заинтересованного лица, при условии, что подкидыш должен оставаться абсолютной собственностью своего спасителя, усыновил ли он его как сына [стр. 030] или использовал в качестве раба, и что родитель не должен иметь власти в любое будущее время вернуть его.³² Другим законом, который был издан в а.д. 329 году н.э., было предусмотрено, что дети, которые были, а не выставленный, но проданный, может быть возвращен за плату отцом.³³

К последним двум законам нельзя относиться без особого удовлетворения. Закон, регулирующий положение беззащитных детей, хотя, несомненно, был принят с самыми благими намерениями, был в некоторой степени шагом назад, поскольку языческие законы предусматривали, что отец всегда может забрать ребенка, которого он беззащитен, из рабства, оплатив расходы, понесенные на его содержание,³⁴ в то время как Траян даже решил, что беззащитный ребенок ни при каких обстоятельствах не может стать рабом.³⁵ Закон Константина, с другой стороны, обрек его на безвозвратное рабство; и этот закон оставался в силе до 529 г. н.э., когда Юстиниан, возвращаясь к принципу Траяна, постановил, что не только отец терял всю законную власть над своим ребенком, разоблачая его, но и что человек, спасший его, не мог этим актом лишить его естественной свободы. Но этот закон применялся только к Восточной империи; и, по крайней мере, частично на Западе³⁶ порабощение незащищенных младенцев продолжалось веками и, по-видимому, прекратилось только с общим исчезновением рабства в Европе. Закон Константина о продаже детей также был шагом, хотя, возможно, и необходимым шагом назад. Ряд императоров, среди которых выделялся Каракалла, осуждали и пытались отменить, как “позорную”, торговлю свободными детьми, и Диоклетиан прямо и безоговорочно осудил ее.³⁷ [стр. 031] Однако крайняя нищета, возникшая в результате гражданских войн при Константине, привела к необходимости разрешить старую практику продажи детей в случае абсолютной нищеты, которая, хотя и была осуждена, вероятно, никогда полностью не прекращалась. Феодосий Великий попытался сделать шаг вперед, постановив, что проданные таким образом дети могут вернуть себе свободу без возврата выкупных денег, поскольку временная служба является достаточной компенсацией за покупку;³⁸ но эта мера была отменена Валентинианом III. Продажа детей в случае крайней необходимости, хотя и осуждалась Отцами,³⁹ продолжалась еще долгое время после правления Феодосия, и ни один христианский император, по-видимому, не проводил в жизнь гуманные постановления Диоклетиана.

Наряду с этими мерами по защите незащищенных детей были приняты законы, прямо осуждающие детоубийство. В этой области вопроса много неясностей и противоречий; но представляется наиболее вероятным, что языческое законодательство рассматривало детоубийство как форму человекоубийства, хотя, поскольку оно считалось менее жестоким, чем другие формы человекоубийства, оно наказывалось не смертью, а изгнанием.⁴⁰ Закон Константина, предназначенный главным образом и, возможно, исключительно, для Африки, где жертвоприношения детей Сатурну были очень распространены, приравнивал к отцеубийству убийство ребенка его отцом;⁴¹ и, наконец, Валентиниан в 374 году нашей эры приравнивал любое детоубийство к тяжкому преступлению,⁴² и [стр. 032] особо предписал наказание за разоблачение.⁴³ Закон испанских вестготов VII века карал детоубийство и аборты смертью или слепотой.⁴⁴ В капитуляриях Карла Великого первое преступление каралось как человекоубийство.⁴⁵

Невозможно установить с какой-либо степенью точности, к какому сокращению числа детоубийств привели эти меры. Можно, однако, с уверенностью утверждать, что огласка торговли незащищенными детьми стала невозможной под влиянием христианства и что осознание серьезности преступления значительно усилилось. Крайняя нужда, которая была одной из ее наиболее плодотворных причин, была преодолена христианским милосердием. Многие незащищенные дети, по-видимому, получили образование у отдельных христиан.⁴⁶ Брефотропия и Орфанотрофия являются одними из самых ранних зарегистрированных благотворительных учреждений Церкви; но нет уверенности, что в них принимали

незащищенных детей, и мы не находим никаких следов христианских приютов для подкидышей на протяжении нескольких столетий. Эта форма благотворительности постепенно развивалась в начале средневековья. Говорят, что он существовал в Треве в шестом веке и в Анже в седьмом веке, и несомненно, что он существовал в Милане в восьмом веке.⁴⁷ Руанский собор в девятом веке пригласил женщин, тайно родивших детей, положить их у дверей церкви и обязался обеспечивать их, если они не будут возвращены. Вполне вероятно, что они воспитывались среди [стр. 033] многочисленных рабов или крепостных, прикрепленных к церковным владениям; поскольку декрет Арльского собора в пятом веке, а впоследствии и закон Карла Великого перекликались с постановлением Константина, объявлявшим, что незащищенные дети должны быть рабами своих защитников. По мере упадка рабства мемориалы многих грехов, как и многие другие противоречивые элементы средневекового общества, несомненно, были поглощены и освящены монашескими обществами. Сильное ощущение, всегда проявлявшееся в Церкви, чудовищности нецеломудрия, вероятно, делало священнослужителей более осторожными в этом, чем в других формах благотворительности, поскольку учреждения, специально предназначенные для брошенных детей, развивались, но медленно. Даже Рим, мать многих благотворительных организаций, не мог похвастаться ни одной до начала XIII века.⁴⁸ Примерно в середине XII века мы находим в Милане общества, в обязанности которых, помимо прочих функций, входил поиск незащищенных детей. Ближе к концу того же столетия монах из Монпелье, само имя которого вызывает сомнение, но о котором обычно говорят как о брате Ги, основал братство, названное именем Святого Духа и посвященное защите и воспитанию детей; и это общество в течение двух последующих столетий распространилось на большую часть Европы.⁴⁹ Хотя в основном и поначалу, возможно, исключительно предназначался для попечения о сиротах от законных браков, хотя в пятнадцатом [стр. 034] веке Больница Святого Духа в Париже даже отказывалась принимать брошенных детей, все же забота о подкидышах вскоре в значительной степени перешла в его руки. Наконец, после многих жалоб на частые детоубийства, восстал святой Винсент де Поль и дал столь мощный импульс этой отрасли благотворительности, что его можно считать вторым ее автором, и его влияние ощущалось не только в частной благотворительности, но и в законодательных актах. Мне нет необходимости вдаваться в подробности последствий этих мер — поощрения порока неводержанности со стороны учреждений, которые были созданы для пресечения преступления детоубийства, и серьезных моральных противоречий, вызванных этим очевидным конфликтом между интересами человечности и целомудрия. В настоящее время нас интересуют принципы, лежащие в основе христианского милосердия, а не мудрость его организаций. Какие бы ошибки ни были допущены, все движение, которое я проследил, демонстрирует тревогу не только за жизнь, но и за моральное благополучие отверженных обществом, чего никогда не достигали самые гуманные нации древности. Эта мелочная и скрупулезная забота о человеческой жизни и человеческой добродетели в самых скромных формах, в рабе, гладиаторе, дикаре или младенце, действительно, была совершенно чужда гению язычества. Это было вызвано христианским учением о неоценимой ценности каждой бессмертной души. Это отличительная и трансцендентная характеристика каждого общества, в которое проникнут дух христианства.

Влияние христианства на защиту младенческой жизни, хотя и очень реальное, может быть, и, я думаю, часто было преувеличено. Было бы трудно переоценить его влияние в сфере, которую нам предстоит исследовать далее. Едва ли существует какая-либо другая реформа, столь важная в моральной истории человечества, как прекращение гладиаторских боев, и этот подвиг

следует приписывать почти исключительно христианской церкви. Когда мы вспоминаем, как крайне немногие из лучших и величайших людей римского мира категорически[стр. 035] осудили игры в амфитеатре, невозможно без глубочайшего восхищения рассматривать непоколебимую и бескомпромиссную последовательность святоотеческих обличений. И даже сравнивая Отцов Церкви с наиболее просвещенными языческими моралистами в их трактовке этого вопроса, мы обычно обнаруживаем одно наиболее существенное различие. Язычник в духе философии осудил эти игры как бесчеловечные, или деморализующие, или унижающие достоинство, или жестокие. Христианин, в духе Церкви, представлял их как определенный грех, грех убийства, за который зрители, так же как и актеры, были непосредственно ответственны перед Небом. В самые последние дни Языческой империи все еще возводились великолепные амфитеатры,⁵⁰ и сам Константин приговорил многочисленных пленников-варваров к сражениям с дикими зверями.⁵¹ Это было в 325 году н.э., сразу после созыва Никейского собора, когда первый христианский император издал первый в Римской империи эдикт, осуждающий гладиаторские игры.⁵² Он был издан в Берите в Сирии и, как полагают некоторые, был применим только к провинции Финикия;⁵³ но даже в этой провинции он оказался недействующим, поскольку всего четыре года спустя Либаний говорит о зрелищах, которые обычно устраивались в Антиохии.⁵⁴ В Западной империи их существование было полностью признано, хотя на них было наложено несколько бесконечно малых ограничений. Константин в 357 году н.э. запретил ланистам, или[стр. 036] **поставщикам гладиаторов, подкупать дворцовых слуг, чтобы они записывались в качестве бойцов.**⁵⁵ Валентиниан в 365 году н.э. **запретил любому христианскому преступнику,**⁵⁶ а в 367 году н.э., **любому, кто связан с Палатином,**⁵⁷ быть приговоренным к сражению. Гонорий запретил любому рабу, который был гладиатором, переходить на службу к сенатору; но реальной целью этой последней меры было, как я полагаю, не столько заклеить гладиатора, сколько оградить от опасности, исходящей от вооруженной знати.⁵⁸ Гораздо более важным фактом является то, что зрелища так и не были введены в новой столице Константина. В Риме, хотя их стало меньше, они, по-видимому, не были приостановлены до их окончательного подавления. Страсть к гладиаторам была наихудшей чертой старого языческого общества, в то время как религиозная свобода, вероятно, была лучшей; и печальным фактом является то, что из этих двух частей христианской империи первой была уничтожена более благородная. Феодосий Великий, который подавлял всякое разнообразие культов по всей Империи и который во многих случаях проявлял себя послушным рабом духовенства, заслужил аплодисменты язычника Симмаха, заставив своих пленников-варваров сражаться как гладиаторов.⁵⁹ Помимо этого случая, мы располагаем специальными сведениями о гладиаторских играх, которые проводились в 385 году н.э., в 391 году н.э., а затем в правление Гонория, и практика вынесения приговоров преступникам на арене все еще продолжалась.⁶⁰

Но хотя запрет на гладиаторские бои был осуществлен в метрополии Империи только спустя почти девяносто лет после того, как христианство стало государственной религией, различие между учением христиан и язычников по этому вопросу оставалось неизменным. До последнего,[стр. 037] наиболее уважаемые из язычников, по-видимому, относились к ним благосклонно или безразлично. Юлиан, правда, с редким великодушием упорно отказывался в своем конфликте с христианством воспользоваться, что он мог бы сделать с наибольшей легкостью, народной страстью к играм, которую осуждала Церковь; но Либаний заметил их с некоторым одобрением,⁶¹ а Симмах, как мы уже видели, и ввел, и приветствовал их. Но

христиане упорно отказывались допускать ни одного профессионального гладиатора к крещению, пока он не поклянется отказаться от своего призвания, и каждый христианин, присутствовавший на играх, был отстранен от причастия. Церковные проповедники и писатели осуждали их с самой безоговорочной горячностью, а поэт Пруденций обратился к императору с прямым и искренним призывом подавить их. На Востоке, где они никогда не пускали очень прочных корней, они, по-видимому, прекратились примерно во времена Феодосия, и их место заняла страсть к гонкам на колесницах, которая достигла самого экстравагантного расцвета в Константинополе и во многих других городах. На Западе последнее гладиаторское представление было устроено в Риме при Гонории в 404 году н.э., в честь триумфа Стилихона, когда азиатский монах по имени Телемах, воодушевленный благороднейшим героизмом филантропии, ворвался в амфитеатр и попытался разнять сражающихся. Он погиб под градом камней, брошенных разъяренными зрителями; но его смерть привела к окончательной отмене игр.⁶² Однако поединки людей с дикими зверями продолжились гораздо позже и были особенно популярны на Востоке. Трудности с добычей диких животных в условиях общей бедности, наряду с другими причинами, способствовали их сокращению. В конце концов они превратились в игры, жестокие по отношению к животным, но не представляющие особой опасности для людей, и были окончательно осуждены в конце VII века Трулльским собором.⁶³ В Италии, [стр. 038] обычай притворных боев, который продолжался на протяжении всего средневековья и который, по словам Петрарки, в его дни иногда сопровождался значительным кровопролитием, возможно, в какой-то степени восходит к традициям амфитеатра.⁶⁴

Исчезновение гладиаторских зрелищ - это из всех результатов раннехристианского влияния то, на что историк может смотреть с самым глубоким и неподдельным удовлетворением. Каким бы ужасным ни было кровопролитие, которое они непосредственно вызывали, эти игры были, возможно, еще более пагубными из-за бессердечия чувств, которое они распространяли среди всех классов, фатального препятствия, которое они представляли для любого общего повышения уровня человечества. И все же позиция язычников убедительно доказывает, что никакой прогресс философии или социальной цивилизации, вероятно, не смог бы искоренить их в течение очень долгого периода; и едва ли можно сомневаться в том, что, если бы они процветали беспрепятственно, как во времена Траяна, когда грубые воины Севера захватили итальянскую империю, они были бы охотно приняты завоевателями, пустили бы глубокие корни в средневековой жизни и на неопределенный срок затормозили прогресс человечества. Одно только христианство было достаточно могущественным, чтобы вырвать это злое растение из римской почвы. Христианский обычай передачи наследства для помощи неимущим и страждущим заменил языческий обычай завещания денежных сумм на игры в честь умерших; и декабрь, которого с нетерпением ждал весь римский мир как особого сезона гладиаторских зрелищ, был освящен в Церкви другим праздником, посвященным пришествию Христа.

Представление о святости человеческой жизни, которое привело первых христиан к борьбе и, в конце концов, к свержению [стр. 039] гладиаторских игр, было доведено некоторыми из них до степени, совершенно несовместимой с национальной независимостью и с преобладающей пенитенциарной системой. Многие из них учили, что ни один христианин не может законно лишить себя жизни, будь то как солдат, или предъявив обвинение в смертной казни, или действуя как палач. Первый из этих вопросов будет удобно приберечь для более позднего периода этой главы, когда я собираюсь исследовать отношение христианства к воинскому духу, и будет достаточно нескольких слов, чтобы разобраться с остальными. Представление о том, что даже в справедливой казни есть что-то нечистое и оскверняющее, можно проследить на

протяжении многих веков; и палачи, как служители закона, с очень древних времен считались нечестивыми. И в Греции, и в Риме закон обязывал их жить за городскими стенами, а на Родосе им не разрешалось даже входить в город.⁶⁵ Представления такого рода были очень сильны в ранней Церкви; и декрет о покаянной дисциплине, который применялся даже в отношении императоров и генералов, запрещал любому, чьи руки были обагрены кровью, даже если эта кровь была пролита в праведной войне, приближаться к алтарю без предварительного периода покаяния. Мнения христиан первых трех столетий обычно формировались без какого-либо учета потребностей гражданской или политической жизни; но когда Церковь получила господство, оказалось необходимым быстро изменить их; и хотя Лактанций в четвертом веке отстаивал незаконность всякого кровопролития,⁶⁶ так же решительно, как Ориген в третьем и Тертуллиан во втором, общепринятой доктриной было просто то, что ни один священник или епископ не должен принимать никакого участия в вынесении смертного приговора. С этой исключительной позиции духовенства они быстро обрел статус официального ходатаев за [стр. 040] преступников, посланники милосердия, когда, из какого закона от крамолы или иному делу в их городе или районе была под угрозой, кровавое вторжение. Право святилища, которым прежде обладали императорские статуи и языческие храмы, было предоставлено церквям. В священные периоды Великого поста и Пасхи не могли проводиться уголовные процессы, и ни один преступник не мог быть подвергнут пыткам или казни.⁶⁷ Говорили, что чудеса иногда совершались для подтверждения невиновности обвиняемых или осужденных, но никогда не совершались для того, чтобы гражданская власть приговаривала преступников к казни.⁶⁸

Все это имело значение гораздо большее, чем его непосредственный эффект в смягчении исполнения закона. Это в значительной степени способствовало тому, что в народном воображении сформировались идеи святости и милосердия, а также усилилось почитание человеческой жизни. Это имело также еще один замечательный эффект, о котором я упоминал в другой работе. Вера в то, что священнику не подобает выдвигать какие-либо обвинения, которые могут повлечь за собой смертную казнь, заставила ведущее духовенство воздержаться от преследования ереси вплоть до смертной казни, в то время как во всех других отношениях теория преследования была полностью сформирована. Когда было с готовностью признано, что ересь в высшей степени преступна и должна быть объявлена уголовно наказуемой, когда законы, изгоняющие, штрафующие или заключающие в тюрьму еретиков, заполнили свод законов, и когда каждый признак религиозной свободы подавлялся по [стр. 041] подстрекательству духовенства, они все еще уклонялись от последнего и неизбежного шага, не потому, что это было жестоким нарушением прав совести, а потому, что одобрение кровопролития епископом при любых обстоятельствах противоречило церковной дисциплине. Именно на этом основании св. Августин, горячо защищая преследование донатистов, не раз высказывал пожелание, чтобы они не были наказаны смертью, и чтобы святой Амвросий и святой Мартин Турский, которые оба были энергичными гонителями, выразили свое отвращение к испанским епископам, которые казнили некоторых присциллианистов. Я в другом месте отмечал отвратительное лицемерие позднейших инквизиторов, которые передали исполнение приговора гражданской власти с молитвой о том, чтобы еретики были наказаны “как можно мягче и без пролития крови”,⁶⁹ что в конце концов было истолковано как смерть на костре; но здесь я могу добавить, что это отвратительное издевательство не является уникальным в истории религии. Плутарх предполагает, что одной из причин погребения заживо нецеломудренных весталок было то, что они были настолько священны, что было незаконно прикладывать к ним насильственные руки,⁷⁰ а среди донатистов циркумцеллионы какое-то

время привыкли воздерживаться, повинуюсь евангельскому повелению, от использования меча, в то время как тех, кто расходился с их теологическими взглядами, они забивали до смерти массивными дубинками, которым они дали очень многозначительное название изразлиты.⁷¹

Пришло время, когда христианские священники пролили достаточно крови. Однако крайняя щепетильность, которую они проявили поначалу, не только чрезвычайно любопытна по сравнению с их более поздней историей; она также была очень благоприятна для человечества благодаря ассоциации идей, которые она продвигала.[стр. 042] Примечательно, однако, что, хотя некоторые из ранних Отцов Церкви были несомненными предшественниками Беккариа, их учение, в отличие от учения философов восемнадцатого века, практически не оказало заметного влияния на смягчение суровости уголовного кодекса. Действительно, чем тщательнее изучается христианское законодательство Империи и чем полнее оно сравнивается с тем, что было сделано под влиянием стоицизма языческими законодателями, тем более очевидным, я думаю, будет казаться, что золотой век римского права был не христианским, а языческим. Великие работы по кодификации были выполнены при Феодосии младшем и Юстиниане; но именно в правление языческих императоров, и особенно Адриана и Александра Севера, были приняты почти все наиболее важные меры, направленные на исправление несправедливости, возвышение угнетенных классов и превращение доктрины естественного равенства и братства человечества в основу правовых актов. Получая в наследие эти законы, христиане, без сомнения, кое-что добавили; но тщательное изучение покажет, что этого было на удивление мало. Ни в каком отношении величие философов-стоиков не бросается в глаза так сильно, как в контрасте между гигантскими шагами правовой реформы, сделанными за несколько лет под их влиянием, и почти незначительными шагами, предпринятыми, когда христианство получило господство в Империи, не говоря уже о последовавшем за этим длительном периоде упадка. Чтобы смягчить суровость наказаний, Константин издал, это правда, три важных закона, запрещающих обычай клеймения преступников на лице, осуждение преступников как гладиаторов и продолжение некогда унижительного, а теперь священного наказания в виде распятия, которое применялось очень часто; но эти меры были более чем уравновешены чрезвычайной строгостью, с которой христианские императоры карали детоубийство, прелюбодеяние, соращение, изнасилование и ряд других преступлений, и число смертных приговоров стало значительно больше [стр. 043] чем раньше.⁷²

Действительно, наиболее ярким свидетельством церковного влияния в кодексе Феодосия является то, что заслуживает наибольшего сожаления. Это огромная масса законодательных актов, предназначенных, с одной стороны, для возведения духовенства в отдельную и священную касту, а с другой - для преследования в любой форме и с любой степенью насилия всех, кто отклонился от тонкой линии католической ортодоксальности.⁷³

Последним следствием христианской оценки человеческой жизни было очень решительное осуждение самоубийства. Мы уже видели, что аргументы языческих моралистов, выступавших против этого акта, были четырех видов. Религиозный аргумент Пифагора и Платона состоял в том, что все мы - воины Бога, поставленные на назначенный пост, покидать который - бунт против нашего Создателя. Гражданский аргумент Аристотеля и греческих законодателей состоял в том, что мы обязаны своими заслугами государству, и поэтому добровольно отказаться от жизни - значит отказаться от нашего долга перед нашей страной. Аргумент, который Плутарх и другие авторы выводили из человеческого достоинства, состоял в том, что истинное мужество проявляется в мужественном переносе страданий, в то время как самоубийство, будучи актом бегства, является актом трусости и, следовательно, недостойно

человека. Мистический или квиетистский аргумент неоплатоников заключался в том, что всякое возмущение является загрязнением души; что акт самоубийства сопровождается возмущением и проистекает из него,[стр. 044] и что, следовательно, преступник заканчивает свои дни преступлением. Я думаю, что о последнем из этих четырех аргументов нельзя сказать, что он имел какое-либо место среди христиан, отговаривающих от самоубийства, а влияние второго было почти незаметным. Представление о патриотизме как о моральном долге обычно не поощрялось в ранней Церкви; и было невозможно привести гражданский аргумент против самоубийства, не осуждая в то же время жизнь отшельника, которая в третьем веке стала идеалом Церкви. Долг человека перед своей семьей, который современный моралист считал бы самым очевидным и, возможно, самым убедительным доказательством общей преступности самоубийства и который, можно сказать, заменил гражданский аргумент, едва ли был замечен ни язычниками, ни ранними христианами. Первые привыкли придавать такое большое значение авторитету, что едва ли признавали обязанности отца; а вторые были слишком озабочены тем, чтобы связать всю свою этику с интересами другого мира, чтобы как-то восполнить это упущение. Христианская оценка долга смирения и деградации человека делала обращения к человеческому достоинству несколько неуместными для авторов святоотеческих писаний; тем не менее эти авторы часто распространялись об истинном мужестве терпения, выражаясь языком, которому их собственный героизм в условиях гонений придавал благородный оттенок. Примеру Катона они противопоставляли пример Регула и Иова, мужество, переносящее страдания, мужеству, противостоящему смерти. Платоновское учение о том, что мы - слуги Божества, посланные на землю для выполнения возложенной на нас задачи в Его глазах, с Его помощью и по Его воле, они постоянно насаждали и наиболее глубоко осознавали; и это учение само по себе в большинстве случаев было достаточным предупреждением; ибо, как сказал один великий писатель: "Хотя есть много преступлений более тяжких, чем самоубийство, нет другого, посредством которого люди так формально отказываются от защиты Бога".⁷⁴

[стр. 045]

Но, в дополнение к этому общему учению, христианские богословы ввели в рассматриваемую нами сферу новые элементы как терроризма, так и убеждения, которые оказали решающее влияние на суждения человечества. Они довели свое учение о святости человеческой жизни до такой степени, что догматически утверждали, что человек, разрушающий свою собственную жизнь, совершил преступление, подобное по виду и размаху преступлению обычного убийцы,⁷⁵ и в то же время они придали смерти новый характер своими доктринами о ее уголовно наказуемой природе и о будущих судьбах души. С другой стороны, высокое положение, отведенное смирению на шкале нравственности, надежда на будущее счастье, проливающая луч света на самые мрачные жизненные невзгоды, более глубокие и тонкие утешения, проистекающие из чувства доверия и излияния молитвы, и, прежде всего, христианское учение об исправительном и промыслительном характере страдания, оказались достаточной защитой от отчаяния. Христианское учение о том, что боль - это благо, оказало в этом отношении влияние, которого никогда не достигало языческое учение о том, что боль не является злом.

Однако существовали две формы самоубийства, к которым ранняя Церковь относилась с некоторой терпимостью или колебаниями. Во время безумия, вызванного преследованиями, и под влиянием веры в то, что мученичество мгновенно стирает грехи жизни и сразу же вводит страдальца в райские радости, нередко люди в порыве энтузиазма бросались перед

языческими судьями, умоляя[стр. 046] или провоцируя мученичество; и некоторые церковные писатели говорили об этих людях с большим восхищением,⁷⁶ хотя общий тон святоотеческих писаний и церковных соборов осуждал их. Более серьезная трудность возникла с христианками, которые покончили с собой, чтобы защитить свое целомудрие, когда им угрожали позорные приговоры их преследователей, или, чаще, похоть императоров, или захватчики-варвары. Святая Пелагия, всего пятнадцатилетняя девушка, канонизированная Церковью и получившая теплые похвалы от святых Амвросия и Златоуста, попав в плен к солдатам, получила разрешение удалиться в свою комнату, чтобы переодеться, взобралась на крышу дома и, бросившись вниз, погибла от рук врагов. падение.⁷⁷ У христианки из Антиохии по имени Домнина было две дочери, одинаково известные своей красотой и благочестием. Попав в плен во время гонений Диоклетиана и опасаясь потери своего целомудрия, они согласились одним смелым поступком избавить себя от опасности и, бросившись в реку по дороге, мать и дочери утонули незапятнанными в волне.⁷⁸ Тиран Максенций был очарован красотой христианки, жены римского префекта. Тщетно пытаясь ускользнуть от его ухаживаний, будучи утащена из дома приспешниками тирана, верная жена получила разрешение, прежде чем уступить объятиям своего господина, удалиться на минуту в свою комнату, и там с истинно римским мужеством ударила себя ножом в сердце.⁷⁹ Некоторые протестантские [стр. 047] спорщики были шокированы,⁸⁰ а некоторые католические спорщики были озадачены нескрываемым восхищением, с которым повествуют ранние церковные авторы. Эти истории. Для тех, кто не пострадал от того, что теологические мнения разрушили все их естественное чувство благородства, оно не нуждается в защите.

Это была единственная форма общепризнанного самоубийства, которая была в какой-либо степени разрешена в ранней Церкви. святой Амвросий довольно робко, а святой Иероним более решительно одобрял это; но в то время, когда взятие Рима солдатами Алариха сделало этот вопрос актуальным, святой Августин посвятил этому предмету подробное исследование и, выражая свое сочувственное восхищение девственными самоубийцами, решительно осудил их поступок.⁸¹ Его мнение об абсолютной греховности самоубийства с тех пор было в целом принято католическими богословами, которые утверждают, что Пелагия и Домнина действовала под влиянием особого откровения.⁸² В то же время, из-за вопиющей, хотя и очень естественной [стр. 048] непоследовательности, ни один персонаж не восхвалялся с таким энтузиазмом, как те отшельники, которые обычно лишали свои тела пищи, абсолютно необходимой для здоровья, и таким образом явно сокращали свою жизнь. Святой Иероним сохранил любопытную иллюстрацию чувства, с которым внешний мир относился к этим медленным самоубийствам, в своем рассказе о жизни и смерти молодой монахини по имени Блесилла. Эта дама была виновна в том, что, согласно религиозным представлениям четвертого века, было, по меньшей мере, легкомыслием при вступлении в брак, но через семь месяцев осталась вдовой, таким образом, “сразу потеряв венец девственности и удовольствие от брака”.⁸³ Приступ болезни пробудил в ней сильные религиозные чувства. В возрасте двадцати лет она удалилась в монастырь. Она достигла такой высоты набожности, что, согласно очень характерному панегирику ее биографа, “она больше сожалела о потере девственности, чем о кончине своего мужа”;⁸⁴ и длинная череда жестоких покаяний предшествовала ее смерти, если она не привела к ней.⁸⁵ Убежденность в том, что она была убита постом, и зрелище неконтролируемого горя ее матери наполнили население негодованием, и похороны были прерваны громкими криками о том, что “проклятый род монахов должен быть изгнан из города, побит камнями или утоплен”.⁸⁶ Однако в самой Церкви мы находим очень мало следов какого-либо осуждения обычая

подрывать конституцию аскетизмом,⁸⁷ и если мы можем поверить лишь небольшой части [стр. 049] того, что это связано с привычками ранних и средневековых монахов, многие из них, должно быть, таким образом сокращали свои дни. Есть трогательная история, рассказанная святым Бонавентурой о святом Франциске Ассизском, который был одной из таких жертв аскетизма. Когда умирающий святой откинулся назад, обессиленный, сплевывая кровь, он признался, глядя на свое изможденное тело, что “он согрешил против своего брата, осла”; а затем, когда его сознание приняло, как это было обычно с ним, форму галлюцинации, ему почудилось, что во время ночной молитвы он услышал голос, говорящий: “Франциск, в мире нет грешника, которого Бог не простил бы, если он обратится; но тот, кто убивает себя суровыми карами, не найдет пощады в вечности”. Он приписал этот голос дьяволу.⁸⁸

Прямое и преднамеренное самоубийство, занимающее столь видное место в истории нравственности древности, почти полностью исчезло в Церкви; но за ее пределами циркумцеллионы в четвертом веке провозгласили себя апостолами смерти и не только довели до высшей точки обычай провоцировать мученичество, бросая вызов и оскорбляя собрания язычников, но даже убивали себя в большом количестве, воображая, по-видимому, что это форма мученичества, которая обеспечит им вечное спасение. Собираясь сотнями, святой Августин говорит, что даже тысячами, они в приступах неистовой радости прыгали с вершин нависающих утесов, пока камни внизу не покраснели от их крови.⁸⁹ В гораздо более поздний период мы находим у альбигойцев обычай, известный под названием Эндур, ускорять смерть в случае опасной болезни голоданием, а иногда и кровотечением.⁹⁰ Несчастные евреи, доведенные до безумия преследованиями католиков, представляют [стр. 050] самые многочисленные примеры самоубийств в средние века. Множество людей погибло от своих рук, чтобы избежать пыток, во Франции в 1095 году; пятьсот, как говорят, в одном случае при Йорке; пятьсот в 1320 году, при осаде Пастухами. Старое языческое законодательство по этому вопросу оставалось неизменным в кодексах Феодосия и Юстиниана; но Собор в Арле в пятом веке объявил самоубийство результатом дьявольского вдохновения, Собор в Браге в следующем столетии постановил, что никакие религиозные обряды не должны совершаться на могиле преступника и что никакие мессы не должны совершаться за упокой его души; и эти положения, которые повторялись более поздними Соборами, постепенно были введены в законы варваров и Карла Великого. Святой Людовик положил начало обычаю конфискации имущества покойного, а сам труп вскоре подвергся грубым и разнообразным надругательствам. В некоторых странах его можно было вынести из дома только через отверстие, специально проделанное для этого случая в стене; его волокли на веревке по улицам, подвешивали головой вниз и, наконец, выбрасывали в общественную канализацию, или сжигали, или закапывали в песок ниже отметки прилива, или протыкали колом на шоссе общего пользования.⁹¹

Эти исключительно отвратительные и в то же время гротескные обычаи, а также крайняя несправедливость доведения до нищенства несчастных родственников умерших имели вполне естественный эффект возбуждения в восемнадцатом веке сильного духа реакции. Самоубийство действительно является одним из тех действий, которые могут быть осуждены моралистами как грех, но которые, по крайней мере в наше время, не могут рассматриваться как находящиеся в законной сфере действия закона; ибо общество, предоставляющее своим членам полную свободу эмиграции, не может разумно считать простой отказ от жизни преступлением против самого себя. Когда, однако, Беккариа и его последователи пошли дальше и утверждали, что средневековые законы по этому вопросу были столь же бессильны,

сколь и отвратительны, они, я думаю, впали в серьезную ошибку. Надругательства, обрушившиеся на труп самоубийцы, хотя в первую очередь и были выражением всеобщего ужаса перед его поступком, благодаря возникшим у них ассоциациям способствовали усилению чувства, вызвавшего их, и они также были особенно приспособлены для того, чтобы напугать болезненное, возбужденное и сверхчувствительное воображение, наиболее склонное к самоубийству. В тех редких случаях, когда этот акт обдумывался намеренно, знание того, что религиозные, законодательные и социальные влияния в совокупности до предела усугубят страдания оставшихся в живых родственников, должно было иметь большой вес. Деятельность законодательной власти свидетельствует о продолжении действия этого закона; но у нас есть все основания полагать, что в черте католицизма он был на протяжении многих веков чрезвычайно редким явлением. Говорят, что это было несколько распространено в Испании в последний и самый коррумпированный период Готского королевства,⁹² и многие случаи имели место во время великой эпидемии, которая свирепствовала в Англии в седьмом веке,⁹³ а также во время Черной смерти четырнадцатого века.⁹⁴ Когда жены священников в огромном количестве были разлучены со своими мужьями Гильдебрандом и изгнаны в мир с опустошенными, с разбитыми сердцами и без надежды, многие из них сократили [стр. 052] свои мучения самоубийством. ⁹⁵ Среди женщин это было вообще особенно редко; и ученый историк самоубийств даже утверждал, что испанская леди, которая, будучи разлучена со своим мужем и обнаружив, что не в силах противостоять энергии своих страстей, покончила с собой, чтобы не поддаваться искушению, является единственным случаем женского самоубийства за несколько столетий.⁹⁶ Однако в рыцарских романах этот способ смерти часто изображается без ужаса,⁹⁷ и его преступность довольно подробно обсуждалась Абельяром и святым Фомой Аквинским, в то время как Данте посвятил несколько тонких строк описанию состояния самоубийц в аду, где они также часто изображены на барельефах соборов. Меланхолия, приводящая к отчаянию и известная теологам под названием “acedia”, не была редкостью в монастырях, и большинство зарегистрированных случаев средневековых самоубийств в католицизме совершались монахами. Частые самоубийства монахов, иногда для того, чтобы убежать от мира, иногда из-за отчаяния от своей неспособности подавить склонности тела, иногда из-за безумия, вызванного их образом жизни и их страхом перед окружающими демонами, были замечены в ранней Церкви,⁹⁸ [стр. 053] и несколько примеров были почерпнуты из средневековых хроник, ⁹⁹ самоубийств, вызванных горечью безнадежной любви или расстройством, которое следует за крайним аскетизмом. Однако их очень мало; и вполне вероятно, что монастыри, предоставляя убежище разочарованным и с разбитым сердцем, предотвратили больше самоубийств, чем сами вызвали, и что в течение всего периода католического господства этот акт был более редким, чем до или после. Влияние католицизма подкреплялось мусульманством, которое в этом, как и во многих других вопросах, заимствовало свое учение у христианской церкви и даже усилило его; ибо самоубийство, которое никогда прямо не осуждается в Библии, не раз запрещалось в Коране, а христианский долг смирения был преувеличен мусульманами до полного фатализма. При империи католицизма и магометанства самоубийства на протяжении многих веков почти полностью прекратились во всей цивилизованной, активной и прогрессивной части человечества. Когда мы вспоминаем, как горячо ей аплодировали или как слабо ее осуждали в цивилизации Греции и Рима; когда мы вспоминаем также, что едва ли было хоть одно варварское племя от Дании до Испании, которое не практиковало ее в обычае, ¹⁰⁰ мы можем осознать, какой полный переворот произвело в этой сфере влияние христианства.

Можно добавить несколько слов о более поздних этапах этой скорбной истории. Реформация, по-видимому, не оказала какого-либо непосредственного воздействия на увеличение числа самоубийств, поскольку протестанты и католики с одинаковой силой придерживались религиозных чувств, которые наиболее подходят для предотвращения этого, и ни в одном из преследований не проявлялось нетерпение к жизни. История этого периода протекает главным образом в Новом свете, где несчастные индейцы, обращенные в рабство и с чудовищной жестокостью обращавшиеся со своими завоевателями, убивали себя в большом количестве; пока испанцы, как говорят, не открыли остроумный метод сдерживания их, объявив, что хозяин тоже совершит самоубийство и будет преследовать свои жертвы в мире духов.¹⁰¹ В Европе этот акт был очень распространен среди ведьм, которые претерпевали все страдания без какого-либо утешения мученичества. Без энтузиазма, без надежды, даже без сознания своей невиновности, дряхлые телом и рассеянные умом, вынужденные в этом мире терпеть пытки, перед которыми мог бы дрогнуть самый пылкий героизм, и обреченные, как они часто верили, на вечное проклятие в следующем, они нередко убивали себя в агонии своего отчаяния. Французский судья по имени Реми говорит нам, что он знал, что не менее пятнадцати ведьм совершают самоубийства за один год.¹⁰² [стр. 055] В этих случаях страх и безумие объединялись, побуждая жертв к поступку. Нередки также эпидемии чисто безумных самоубийств. И марсельские, и лионские женщины были поражены эпидемией, мало чем отличавшейся от той, что в древности наблюдалась среди девушек Милета.¹⁰³ В той странной мании, которая свирепствовала в неаполитанских кварталах с конца пятнадцатого по конец семнадцатого века и которую приписывали укусу тарантула, пациенты толпами устремлялись к морю, и часто, когда их взору открывались голубые воды, они распевали дикий приветственный гимн и со страстью бросались в волны.¹⁰⁴ Но вместе с этими случаями, которые относятся скорее к истории медицины, чем к истории морали, мы находим много фактов, свидетельствующих о поразительном росте преднамеренного самоубийства и не менее поразительное изменение чувств, с которыми к нему относились. Возрождение классического образования и растущий обычай считать греческих и римских героев идеалами неизбежно выдвинули этот предмет на первый план. Католические казуисты, а в более поздний период философы школы Гроция и Пуффендорфа, начали выделять определенные случаи законного самоубийства, такие как самоубийство, совершенное с целью избежать бесчестия или возможного греха, или самоубийство солдата, который подрывает мину, зная, что он неизбежно погибнет от взрыва, или самоубийство осужденного, который спасает себя от пыток, предвидя неизбежную участь, или человека, который жертвует собой ради своего друга.¹⁰⁵ Эффект [стр. 056] Языческие примеры часто можно обнаружить в последних словах или сочинениях самоубийц. Филипп Строщи, обвиненный в убийстве Александра I Тосканского, покончил с собой из страха, что под пытками из него могут вытянуть откровения, вредные для его друзей, и он оставил после себя документ, в котором, среди прочего, вверял свою душу Богу с молитвой о том, чтобы, если не будет даровано высшего блага, ему, по крайней мере, было позволено занять свое место рядом с Катонem Утиксим и другими великими самоубийцами древности.¹⁰⁶ В Англии этот акт, по-видимому, в семнадцатом веке и в первой половине восемнадцатого был более распространен, чем на Континенте,¹⁰⁷ и за него было написано несколько частичных или даже безоговорочных извинений. Сэр Томас Мор в своей “Утопии” изобразил священников и магистратов своей идеальной республики, разрешающих или даже предписывающих тем, кто был поражен неизлечимой болезнью, покончить с собой, но лишаящих погребения тех, кто сделал это без разрешения.¹⁰⁸ Доктор Донн, ученый и благочестивый декан собора Святого Павла, в юности написал чрезвычайно любопытную, тонкую и ученую, но в то же время слабую

и запутанную работу в защиту самоубийств, которую на смертном одре он приказал своему сыну не публиковать и не уничтожать, и которую его сын опубликовал в журнале "The Sun". 1644 год. Два или три самоубийства англичан оставили после себя тщательно продуманную защиту, как и швед по имени Робек, который утопился в 1735 году и чей трактат, опубликованный в следующем году, приобрел значительную известность.¹⁰⁹ Но [стр. 057] самыми влиятельными работами о самоубийстве были работы французских философов и революционеров. Монтень, не обсуждая его абстрактную закономерность, с большим восхищением рассказывает о многих примерах из античности.¹¹⁰ Монтескье в юношеской работе защищал ее с пылким энтузиазмом.¹¹¹ Руссо посвятил этой теме два письма, исполненных пламенного красноречия,¹¹² в первом из которых он с несравненной силой представил аргументы в ее пользу, в то время как во втором он осудил эти аргументы как софистические, подробно остановился на нечестии, заключающемся в оставлении поста долга, и на трусости отчаяния, и с глубоким знанием человеческого сердца раскрыл эгоизм, лежащий в основе большинства самоубийств, а также на том, что призывая всех, кто чувствовал к этому побуждение, взяться за какую-нибудь работу на благо других, в которой они, несомненно, нашли бы облегчение. Вольтер в самом известном двустии, которое он когда-либо написал, защищает этот закон в случаях крайней необходимости.¹¹³ Среди атеистической партии его горячо восхваляли, а Гольбах и Деланд были известными его защитниками. Быстрое разложение религиозных убеждений ослабило распространенное представление о его чудовищности, и в то же время человечность эпохи, а также более четкое понимание [стр. 058] истинных пределов законодательства, вызвали реакцию против ужасных законов по этому вопросу. Гроций защищал их. Монтескье сначала осуждал их с неограниченной энергией, но в последние годы жизни в некоторой степени изменил свои взгляды. Беккариа, который больше, чем любой другой писатель, был представителем взглядов французской школы по подобным вопросам, осудил их отчасти как несправедливые по отношению к невинно выжившим, отчасти как неспособные удержать любого человека, решившегося на этот поступок. Даже в 1749 году, в разгар философского движения, мы находим самоубийцу по имени Портье, которого протащили по улицам Парижа лицом к земле, подвесили за ноги на виселице, а затем бросили в канализацию;¹¹⁴ и законы не были отменены до Революции, которая, основав так много других форм свободы, предоставила свободу смерти. На фоне драматических перипетий и неистового энтузиазма того периода количество самоубийств немедленно увеличилось. "Мир, - говорилось, - был "пуст со времен римлян".¹¹⁵ На короткий период, и только в этой стране, действие христианства, казалось, приостановилось. Люди, казалось, снова перенеслись в эпоху язычества, и самоубийства, хотя и более театральные, совершались с не меньшей обдуманностью и восхвалялись с не меньшим энтузиазмом, чем у стоиков. Но волна революции схлынула, и старые мнения, с некоторыми оговорками, вновь обрели свою власть. Законы против самоубийств были, действительно, по большей части отменены. Во Франции и ряде других стран не существует законодательства по этому вопросу. В других странах закон просто предписывает захоронение без религиозных церемоний. В Англии захоронение на большой дороге и нанесение увечий столбом были отменены при Георге IV.; но чудовищная несправедливость конфискации короне всего имущества, полученного в результате преднамеренного самоубийства, все еще [стр. 059] позорит свод законов, хотя сила общественного мнения и милосердное лжесвидетельство присяжных делают его недействительным.

Общее мнение христианского мира, однако, одобрило суждение, которое христианские учителя вынесли по поводу этого акта, хотя это несколько изменило суровость старого порицания и отбросило некоторые из старых аргументов. Мадам де Сталь, которая в юношеской работе "Страсти" восхваляла самоубийство, предстояло реконструировать этот раздел этики, несколько нарушенный Революцией, и она сделала это в небольшом трактате, представляющем собой образец спокойного, искреннего и философского благочестия. Откровенно отказавшись от старых теологических представлений о том, что деяние имеет природу убийства, что это худшее из преступлений и что оно всегда или даже вообще является результатом трусости; отказавшись также от всех попыток напугать людей религиозным терроризмом, она приступила не столько к детальному рассмотрению отдельных аргументов его защитников, сколько к наброску идеала истинно добродетельного человека и к показу того, как такой характер защитил бы людей от всякого искушения самоубийством. На страницах "нежнейшей красоты" она проследила влияние страдания на смягчение, очищение и углубление характера и показала, что привычная и покорная покорность является не только высшим долгом, но и источником чистейшего утешения и в то же время необходимым условием нравственного улучшения. Подробно рассмотрев библейский аспект вопроса, она продолжила показывать, что истинной мерой достоинства человека является его бескорыстие. Она противопоставляла мученика самоубийце — смерть, проистекающую из преданности долгу, смерти, проистекающей из бунта против обстоятельств. Самоубийство Катона, которое было абсурдно осуждено толпой священнослужителей как акт трусости и столь же абсурдно утверждалось многими самоубийцами как оправдание бегства от боли или бедности, она представила как акт мученичества — смерть, подобную смерти[стр. 060] Курция, благородно принятую на благо Рима. Взор хорошего человека должен быть всегда устремлен на интересы других. Ради них он должен быть готов отказаться от жизни со всеми ее благами. Ради них он должен быть готов терпеть жизнь, даже когда она казалась ему проклятием.

Чувства такого рода, благодаря влиянию христианства, полностью проникли в европейское общество, и самоубийство в наше время почти всегда оказывается результатом либо абсолютного безумия; болезней, которые, хотя и не доходят до безумия, все же достаточны, чтобы изменить наши суждения; либо того последнего избытка скорби, когда угасают и смирение, и надежда. Рассматривая это в этом свете, я не знаю ничего, что более соответствовало бы оптимизму, который мы так часто слышим, чем тот факт, что статистика показывает, что он быстро растет и что он особенно характерен для тех наций, которые занимают наиболее высокое место в интеллектуальном развитии и в общей цивилизации.¹¹⁶ В одной или двух странах сильное религиозное чувство противодействовало этой тенденции; но сравнение города и деревни, разных стран, разных провинций одной и той же страны и разных периодов истории убедительно доказывает ее реальность. Для объяснения этого можно привести множество причин. Занятия умственным трудом особенно приспособлены для того, чтобы вызывать безумие,¹¹⁷ а шумиха, которая в наше время окружает акт самоубийства, привлекает слабые умы к его имитации. Если мы исключим из наших расчетов условия абсолютно дикой жизни, то, вероятно, высокоразвитая цивилизация, хотя и повышает средний уровень благосостояния, сопровождается более крайней нищетой и острыми страданиями [стр. 061], чем предшествовавшие ей более простые стадии. Кочевой образ жизни, обширное скопление людей в городах, давление жестокой конкуренции и внезапные колебания, которым особенно подвержены промышленные предприятия, являются условиями великого процветания, но также и причинами глубочайшей нищеты. Цивилизация производит многое из

того, что когда-то было излишками, предметами жизненной необходимости, так что их потеря причиняет боль еще долго после того, как обладание ими перестало быть удовольствием. Это также, смягчая характер, делает его особенно чувствительным к боли и приносит с собой длинный ряд антипатий, страстей и больного воображения, которые редко или никогда не посещают мысли и не терзают нервы простого крестьянина. Рост религиозного скептицизма и ослабление религиозной дисциплины ослабили, а иногда и уничтожили ужас самоубийства; а привычка к самоутверждению, нетерпеливые и беспокойные амбиции, которые политическая свобода, интеллектуальная деятельность и производственная предприимчивость - все это по-разному способствует развитию, хотя они и являются самими принципами и условиями прогресса нашего века, - делают добродетель довольства во всех ее формах чрезвычайно редкой и особенно неблагоприятной для формирования того духа смирения и безропотной покорности, который один может смягчить агонию безнадежных страданий.

От изучения влияния христианства на развитие чувства святости человеческой жизни мы можем теперь перейти к смежной области и изучить его влияние на развитие братских и филантропических чувств среди человечества. И прежде всего мы можем заметить его влияние на рабство.

Читатель, вероятно, помнит, какое общее положение занимал этот институт в глазах моралистов-стоиков и в соответствии с законодательством, которое они в значительной степени вдохновили. Законность рабства была полностью признана; но Сенека и другие моралисты в самых решительных выражениях утверждали естественное равенство людей, поверхностный характер[стр. 062] различий между рабом и его хозяином и долг самого щепетильного человечества по отношению к первому. Случаи очень теплой симпатии между хозяином и рабом были частым явлением; но, к сожалению, им можно противопоставить немало примеров самой чудовищной жестокости. Чтобы защититься от подобной жестокости, при Адриане, Антонинах и Александре Севере был принят длинный ряд законодательных актов, открыто основанных на стоическом принципе сущностного равенства человечества. Не хочу подробно пересказывать то, что было упомянуто в предыдущей главе, достаточно напомнить читателю, что право на жизнь и смерть было окончательно отнято у хозяина и что убийство раба считалось позором и каралось законом. Однако великим юристом Павлом было установлено, что человекоубийство подразумевает намерение убить, и что, следовательно, господин не был виновен в этом преступлении, если его раб умер от наказания, которое не было применено с таким намерением. Но свобода наказания, которую могло дать это решение, была ограничена законами, запрещавшими чрезмерную жестокость к рабам при условии, что, когда это было доказано, они должны были быть проданы другому хозяину, были ликвидированы частные тюрьмы, в которых они были заточены, и назначены специальные чиновники для рассмотрения их жалоб.

В области законодательства в течение примерно двухсот лет после обращения Константина прогресс был крайне незначительным. Христианские императоры в 319 и 326 годах н.э. в двух тщательно разработанных законах затронули тему убийства рабов,¹¹⁸ но, помимо повторения в очень решительных выражениях предыдущих постановлений, нелегко понять, каким образом они улучшили положение класса.¹¹⁹ Они предусматривали [стр. 063], что любой хозяин,

который применял к своему рабу определенные жестокие пытки, которые перечислены, с целью его убийства, должен рассматриваться как человекоубийца, но если раб был убит. умерший от умеренного наказания или от любого другого наказания, не направленного на то, чтобы убить его, мастер должен быть невиновен; было подчеркнуто, что против него не должно быть выдвинуто никаких обвинений. Комментаторы предполагали, хотя, я думаю, без доказательств, [120](#), что этот закон предоставлял иммунитет хозяину только тогда, когда раб погибал в результате применения “соответствующих” или раболепных наказаний, то есть бичевания, кандалов или тюремного заключения; но применение пыток, не направленных на убийство, ни в какой степени не ограничивалось, и в законе нет ничего, что указывало бы на то, что хозяин подлежал наказанию, если вопреки его намерению его раб сдавался под пытками, или что Константин предлагал какое-либо наказание за чрезмерную жестокость, которое не приводило к смерти. Возможно, не лишним будет заметить, что этот закон удивительно гармонировал с хорошо известной статьей еврейского кодекса, которая предусматривала, что если раб, смертельно раненный своим хозяином, задержится на день или два, хозяин не должен быть наказан, поскольку раб был его деньгами. [121](#)

Двумя чертами, которые были наиболее отвратительными в рабовладельческой системе, когда она перешла от языческих императоров к христианским, были абсолютное отсутствие юридического признания брака между рабынями и разрешение на пытки, по-прежнему предоставляемое хозяину. Христианские императоры до Юстиниана не предпринимали серьезных шагов для исправления ни того, ни другого из этих зол, и меры, принятые против супружеской измены, все еще оставались неприменимыми к союзам рабов, потому что “мерзость их положения делает их недостойными соблюдения закона”. [122](#) Отмена наказания в виде распятия имела, однако, особое [стр. 064] значение для класса рабов, и очень милосердный закон Константина запрещал разделение семей рабов. [123](#) Другой закон, который по своим последствиям был, возможно, еще более важным, придавал свободе священный характер, предписывая, что церемония должна совершаться в Церкви, [124](#) и разрешая проводить ее по воскресеньям. Были также приняты некоторые меры, предусматривающие свободу христианских рабов еврейских хозяев, и в двух или трех случаях свобода предлагалась рабам в качестве взятки, чтобы побудить их доносить на преступников. Смешанные браки между свободными и рабами по-прежнему были строго запрещены, и если свободная женщина вступала в неподобающие половые сношения со своим рабом, Константин приказывал казнить женщину, а раба сжигать заживо. [125](#) По языческому закону женщина была просто обращена в рабство. Законы против беглых рабов также были ужесточены. [126](#)

Это законодательство в целом можно рассматривать как прогресс, но оно, безусловно, не заслуживает того энтузиазма, которым его иногда наделяли церковные писатели. Около двухсот лет в законодательстве по этому вопросу была почти абсолютная пауза. Однако были введены некоторые незначительные ограничения на применение пыток в судебных процессах; были предоставлены некоторые незначительные дополнительные льготы по освобождению от ответственности, и были приняты некоторые очень жестокие законы, чтобы помешать рабам обвинять своих хозяев. Согласно учению Грациана, любой раб, обвинивший своего хозяина в каком-либо правонарушении, [стр. 065] за исключением государственной измены, должен быть немедленно сожжен заживо без какого-либо расследования справедливости обвинения. [127](#)

Однако при Юстиниане были приняты новые и очень важные меры. Ни в какой другой сфере законы этого императора не были столь бесспорным шагом вперед по сравнению с законами

его предшественников. Его меры могут быть объединены в три раздела. Во-первых, все ограничения на предоставление избирательных прав, накопившиеся в языческом законодательстве, были отменены; законодатель провозгласил решительным языком и положениями многих законов свое желание поощрять вольную свободу действий, и таким образом был дан свободный простор деятельности Церкви. Во-вторых, вольноотпущенники, рассматривавшиеся как промежуточный класс между рабом и гражданином, были фактически упразднены, все или почти все привилегии, предоставляемые гражданину, были предоставлены освобожденному рабу. Это был самый важный вклад христианских императоров в то великое слияние наций и классов, которое происходило со времен Августа; и одним из его последствий было то, что любой человек, даже сенаторского ранга, мог жениться на рабыне после того, как он впервые освободил ее. В-третьих, рабу разрешалось жениться на свободной женщине с разрешения своего хозяина, а дети, рожденные в рабстве, становились законными наследниками своего освобожденного отца. Изнасилование рабыни также наказывалось в это царствование, как и изнасилование свободной женщины, смертью.¹²⁸

Но какими бы важными ни были эти меры, влияние христианства на рабство следует искать главным образом не в области законодательства. Это влияние действительно было очень велико, но необходимо тщательно определить его природу. Запрещению всякого рабства, которое было одной из особенностей еврейских ессеев, и незаконности наследственного [стр. 066] рабства, которое было одной из спекуляций стоика Диона Златоуста, не было места в церковном учении. Рабство было четко и формально признано христианством,¹²⁹ и ни одна религия никогда так не старалась поощрять привычку к покорности и пассивному повиновению. Отцы церкви действительно много говорили о естественном равенстве людей, об обязанности относиться к рабам как к братьям или товарищам и об отвратительной жестокости по отношению к ним; но все это было сказано по крайней мере с равной силой, хотя и не было распространено на столь же широкую территорию, Сенекой и Эпиктетом, а принцип изначальной свободы всех людей неоднократно подтверждался языческими юристами. Заслуги христианства в этой сфере были трех видов. Оно установило новый порядок отношений, в котором не было различия классов. Это придало моральное достоинство подневольным классам и дало беспрецедентный импульс движению за предоставление гражданских прав.

Первое из этих богослужений было совершено с помощью церковных церемоний и покаянной дисциплины. В этих сферах, из которых христианский разум черпал свои самые ранние, самые глубокие и стойкие впечатления, разница между господином и его рабом была неизвестна. Они вместе принимали священные элементы, они сидели бок о бок с открытым ртом, они участвовали в общественных молитвах. В уголовной системе Церкви было отвергнуто различие между обидами, причиняемыми свободному человеку, и обидами, причиняемыми рабу, которое лежало в основе всего гражданского законодательства. В то время, когда по гражданскому закону хозяин, чей раб умер в результате чрезмерного бичевания, был абсолютно безнаказанным, Совет Иллибериса [стр. 067] навсегда отлучил этого хозяина от причастия.¹³⁰ Целомудрие рабынь, для защиты которого гражданское законодательство предусматривало лишь незначительные положения, тщательно охранялось законодательством Церкви. Более того, рождение в рабстве не было препятствием для вступления в сан священника; и освобожденный раб, которого считали дарителем духовной жизни и смерти, часто видел, как самые великие и богатые смиренно преклоняли колени у его ног, умоляя его об отпущении грехов или о благословении.¹³¹

Во-вторых, христианство придавало классу рабов моральное достоинство. Она добивалась этого не только тем, что ассоциировала бедность и труд с той монашеской жизнью, которая была столь глубоко почитаема, но и тем, что вносила новые изменения в идеальный тип морали. Нет более выдающегося факта у римских авторов, чем глубокое презрение, с которым они относились к рабам, не столько из-за их положения, сколько из-за характера, который это положение сформировало. Раболепный персонаж был синонимом порочного. Цицерон заявил, что в рабе не может быть ничего великого или благородного, и пьесы Плавта демонстрируют ту же оценку в каждой сцене. Правда, были некоторые исключения. Эпиктет не только был, но и был признан одним из самых благородных персонажей Рима. Верность рабов своим хозяевам часто превозносилась, и Сенека в этом, как и в других отношениях, был защитником угнетенных. [стр. 068] Тем не менее, не может быть сомнений в том, что это презрение было всеобщим, а также в том, что в языческом мире оно было в значительной степени справедливым. Каждая эпоха имеет свой собственный моральный идеал, к которому стремятся все добродетельные люди. Каждая сфера жизни также имеет тенденцию создавать особый тип, особенно благоприятствующий какому-то определенному классу добродетелей и особенно неблагоприятный для других. Популярная оценка и даже реальное моральное состояние каждого класса зависят главным образом от того, в какой степени тип характера, естественно складывающийся в его положении, совпадает с идеальным типом эпохи. Теперь, если мы вспомним, что великодушие, уверенность в себе, достоинство, независимость и, одним словом, возвышенность характера составляли римский идеал совершенства, то станет очевидным, что это был преимущественно тип свободных людей и что условия рабства были в высшей степени неблагоприятны для его развития. Христианство впервые поставило рабские добродетели на первое место в моральном типе. Смирение, послушание, мягкость, терпение, покорность - все это кардинальные или рудиментарные добродетели христианского характера; язычники пренебрегали ими или недооценивали их; все они могут развиваться и процветать в рабском положении.

Влияние христианства на рабство через формирование морального типа у подневольных классов, хотя и менее очевидное и менее обсуждаемое, чем у некоторых других, я полагаю, в высшей степени важно. Вероятно, едва ли существует какое-либо другое отдельное обстоятельство, оказывающее столь глубокое влияние на социальные и политические отношения религии, как классовый тип, с которым она может наиболее легко ассимилироваться; или, другими словами, группа или разнообразие добродетелей, которым она отводит первостепенное место. Добродетели, наиболее подходящие для рабского положения, в древности, как правило, так мало почитались, что их даже не культивировали в соответствующей сфере. Устремления хороших людей были направлены в другом направлении. Добродетель стойка, которая триумфально возвышалась в невзгодах, почти всегда увядала при деградации. [стр. 069] Впервые под влиянием христианства великое нравственное движение прошло через класс рабов. Множество рабов, принявших новую веру, было одним из упреков язычников; и имена Бландины, Потамиены, Евтихия, Викторина и Нерее показывают, насколько полно они разделяли страдания и славу мученичества ¹³². Первое и самое грандиозное сооружение византийской архитектуры в Италии — благородная церковь Святого Виталия в Равенне — было посвящено Юстинианом памяти раба-мученика.

В то время как христианство, таким образом, разрушило презрение, с которым хозяин относился к своим рабам, и внедрило среди последних принцип морального возрождения, который ни в какой другой сфере не распространялся с равным совершенством, его действие

по обеспечению свободы раба было непрерывным. Закон Константина, который передал церемонию под надзор духовенства, и многие законы, предоставлявшие особые льготы тем, кто желал поступить в монастыри или стать священником, символизировали религиозный характер, который приобрел этот акт. Он отмечался по церковным праздникам, особенно на Пасху; и, хотя это не объявлялось делом долга или необходимости, это всегда считалось одним из наиболее приемлемых способов искупления прошлых грехов. Говорили, что святая Мелания освободила 8000 рабов; святой Овидий, богатый мученик Галлии, - 5000; Хроматий, римский префект при Диоклетиане, - 1400; Гермес, префект при Траяне, - 1250.¹³³ Папа святой Григорий, многие священнослужители Гиппона при правлении св. Августина, а также огромное количество частных лиц освобождали своих рабов в качестве акта благочестия.¹³⁴ Стало обычным делать это в случаях [стр. 070] национального или личного благодарения, по выздоровлении от болезни, при рождении ребенка, в час смерти и, прежде всего, в завещаниях.¹³⁵ Многочисленные хартии и эпитафии все еще фиксируют дарование свободы рабам на протяжении средневековья “для блага души” дарителя или завещателя. В XIII веке, когда во Франции не было рабов, которых нужно было освобождать, во многих церквях было обычным выпускать голубей в клетках по церковным праздникам в память о древнем милосердии и о том, что заключенные все еще могут быть освобождены во имя Христа.¹³⁶

Однако рабство просуществовало в Европе около 800 лет после Константина, и в течение периода, которому посвящена только эта книга, хотя его характер изменился и смягчился, число людей, подвергшихся ему, вероятно, было больше, чем в Византийской империи. На Западе завоевания варваров изменили условия труда в двух направлениях. Прекращение потока пленников-варваров, обнищание знатных семей, которые были окружены обширной свитой рабов, общее сокращение городской жизни и варварские привычки к личной независимости остановили старую форму рабства, в то время как нищета и шаткое положение свободных крестьян побудили их в большом количестве обменять свою свободу на защиту соседнего сеньора.¹³⁷ На Востоке уничтожение [стр. 071] крупных состояний в результате чрезмерного налогообложения уменьшило количество лишних рабов; а налоговая система византийского государства ослабла. Империя, в соответствии с которой рабы-земледельцы облагались налогом в соответствии с их занятиями,¹³⁸ а также желание императоров поощрять сельское хозяйство, побудили законодателей навсегда прикрепить рабов к земле. С течением времени почти все свободное крестьянство и большее число старых рабов погрузились или возвысились до квалифицированного рабства, называемого крепостничеством, которое легло в основу великого здания феодализма. К концу VIII века продажа рабов за пределы их родных провинций была в большинстве стран запрещена.¹³⁹ Создание вольных городов Италии, обычай эмансипации рабов, зачислявшихся в армию, и экономические изменения, которые сделали свободный труд более прибыльным, чем рабский, были связаны с религиозными мотивами в обеспечении окончательной свободы труда. Практика освобождения как акт благочестия продолжалась до конца; но церковники, вероятно, из-за чувства, что у них нет права отчуждать корпоративную собственность, в которой они были заинтересованы только всю жизнь, были одними из последних, кто последовал советам, которые они так щедро раздавали мирянам.¹⁴⁰ Однако в двенадцатом веке рабы в Европе были очень редки. В четырнадцатом веке рабство было почти неизвестно.¹⁴¹

С влиянием Церкви на уничтожение наследственного рабства было тесно связано ее влияние на освобождение пленников из рабства. Ни в какой другой форме благотворительности ее благотворительный характер не проявлялся так постоянно и так великолепно. Во время долгих и унылых испытаний, связанных с нашествиями варваров, когда вся структура общества была разрушена, когда обширные районы и могущественные города за несколько месяцев почти обезлюдели и когда цвет молодежи Италии был скошен мечом или уведен в плен, епископы никогда не оставляли своих усилий облегчить страдания пленников. Святой Амвросий, не обращая внимания на крики ариан, которые осудили его поступок как чудовищное святотатство, продал богатые церковные украшения Милана, чтобы спасти нескольких пленников, попавших в руки готов, и эта практика, которая впоследствии была официально санкционирована святым Григорием Великим, быстро стала повсеместной. Когда римская армия захватила семь тысяч персидских пленных, но отказалась оказывать им поддержку, Акакий, епископ Амиды, не смущенный ожесточенной враждебностью персов к христианству и заявивший, что “Богу не нужны тарелки”, продал все богатые церковные украшения своей епархии, спас неверующих пленников, и отправил их невредимыми обратно к их царю. Во время ужасов вторжения вандалов Деогратий, епископ Карфагена, предпринял аналогичный шаг, чтобы выкупить римских пленников. Святой Августин, святой Григорий Великий, святой Цезарий Арльский, святой Экзюпериус Тулузский, святой Иларий, святой Реми - все они переплавляли или продавали свои церковные вазы освобожденным заключенным. Святой Киприан послал большую сумму на те же цели епископу Никомидии. Говорят, что святой Епифаний и святой Авитус совместно с богатой галльской леди по имени Сиагрия спасли тысячи людей. святой Элигий посвятил этому делу все свое состояние. Святой Паулин из Нолы проявил подобную щедрость, и легенды даже утверждают, хотя и неправдиво, что он, подобно святому Петру Телеонарию и святому Серапиону, исчерпав все другие формы благотворительности, [стр. 073] в качестве последнего дара продал себя в рабство. Когда много времени спустя мусульманские завоевания в какой-то мере повторили бедствия варварских вторжений, было проявлено то же самое неустанное милосердие. Монахи-тринитаристы, основанные Иоанном из Матхи в двенадцатом веке, были посвящены освобождению христианских пленников, а другое общество было основано с той же целью Питером Ноласко в следующем столетии. [142](#)

Различные области предмета, которые я исследую, настолько тесно переплетены, что трудно исследовать одну из них, не предвосхищая в какой-то мере другие. Обсуждая влияние Церкви на защиту младенчества, на повышение ценности человеческой жизни и на облегчение рабства, я в основном остановился на последнем применении доктрины христианского братства, которое я должен исследовать, — я имею в виду основание благотворительности. Разница между языческим и христианским обществами в этом вопросе очень глубока, но большую ее часть следует приписать причинам, отличным от религиозных мнений. Благотворительность находит широкое поле для действий только там, где существует большой класс людей, одновременно независимых и обедневших. В древних обществах рабство в значительной степени заменило пауперизм и, обеспечивая средства к существованию очень большой части бедных, расширило сферу благотворительности. И то, что рабство в Риме делало с очень бедными, система клиентства делала с теми, кто занимал несколько более высокое положение. Существования этих двух институтов достаточно, чтобы показать несправедливость суждения о двух обществах по простому сравнению их благотворительных учреждений, и мы должны также помнить, что у древних помощь неимущим была одной из важнейших функций государства. Не останавливаясь на многих мерах, принятых с этой целью в Древней Греции, при

рассмотрении положения римской бедноты мы сразу сталкиваемся[стр. 074] с простым фактом, что в течение нескольких столетий подавляющее большинство из них обычно поддерживалось безвозмездной раздачей зерна. В очень ранний период римской истории мы находим случайные примеры распределения; но только в 630 году н.э. Кай Гракх добился принятия закона, обеспечивающего беднейшие классы населения зерном по цене, которая была немногим выше номинальной; и хотя два года спустя знати удалось отменить этот закон, он после нескольких колебаний был, наконец, вновь введен в действие в 679 году н.э. Закон Кассия-Теренция, как он был назван консулами, при которых он был окончательно установлен, был в значительной степени расширен в своем действии или, как некоторые думают, восстановлен из небрежения в 691 году н.э., Катон Утикским, который желал таким образом отвлечь популярность от дела цезаря, под началом которого записывались массы бедняков. Четыре года спустя Клодий Пульхр, отменив требуемую небольшую плату, сделал распределение полностью безвозмездным. Оно проводилось раз в месяц и состояло из пяти модификаций, [143](#) в каждой главе. Во времена Юлия Цезаря не менее 320 000 человек были записаны в качестве получателей; но Цезарь сократил это число вдвое. При Августе оно возросло до 200 000. Этот император хотел ограничить раздачу зерна тремя или четырьмя разами в год, но, уступая желанию народа, он в конце концов согласился, чтобы она продолжалась ежемесячно. Вскоре это стало ведущим фактом римской жизни. Для его обеспечения были назначены многочисленные офицеры. Суровое законодательство контролировало их действия, и обеспечение регулярных и обильных поставок зерна в столицу стало главной целью губернаторов провинций. При Антонинах число получателей значительно увеличилось, иногда, как говорят, превышало 500 000. Септимий Север добавлял к кукурузе немного масла. Аврелиан заменил [стр. 075] ежемесячную раздачу немолотой кукурузы ежедневной раздачей хлеба и добавил, кроме того, порцию свинины. Впоследствии безвозмездные раздачи были распространены на Константинополь, Александрию и Антиохию и, вероятно, не были совсем неизвестны в небольших городах. [144](#)

Мы уже видели, что эта безвозмездная раздача зерна наряду с институтом рабства и гладиаторскими боями считалась одним из главных деморализующих факторов влияния Империи. Самая неблагоразумная благотворительность, какой бы пагубной для классов она ни была, обычно оказывает благотворное и смягчающее влияние на жертвователя, а через него и на общество в целом. Но римская раздача хлеба, будучи всего лишь политическим приемом, не оказывала гуманизирующего влияния на людей, в то время как, будучи регулируемой только нуждой, а вовсе не немощами или характером получателя, она была прямым и подавляющим поощрением праздности. Обеспеченные всем необходимым для жизни и изобилующие развлечениями, бедные римляне охотно отказывались от почетного труда, все ремесла в городе приходили в упадок, за каждым перерывом в раздаче хлеба следовали ужасные страдания, бесплатных даров земли часто было недостаточно, чтобы привлечь граждан к честному труду, а размножение детей, делавшее общественную помощь недостаточной, сдерживалось абортами, выставлением напоказ или детоубийством.

Когда мы вспоминаем, что население Рима, вероятно, никогда не превышало полутора миллионов, что значительная часть неимущих содержалась в качестве рабов и что более 200 000 свободных людей обычно снабжались[стр. 076] первым необходимым для жизни, мы не можем, я думаю, обвинять языческое общество метрополии, по крайней мере, в чрезмерной скупости в борьбе с бедностью. Но помимо распределения кукурузы, было принято несколько других мер. Соль, которая в значительной степени использовалась римской беднотой, во

времена Республики была монополией государства и продавалась им по цене, которая была немногим выше номинальной.¹⁴⁵ Распределение земли, которое было предметом аграрных законов, в новой форме практиковалось Юлием Цезарем,¹⁴⁶ Нервой,¹⁴⁷ и Септимием Севером,¹⁴⁸ которые покупали землю, чтобы разделить ее между бедными гражданами. Большие наследства были оставлены народу Юлием Цезарем, Августом и другими, и значительные, хотя и нерегулярные, пожертвования делались по случаю больших торжеств. Были открыты многочисленные общественные бани, посещение которых, когда они не были абсолютно бесплатными, давало право на самую мелкую монету, имевшуюся в обращении, и которыми, как следствие, обычно пользовались бедняки. Веспасиан учредил, а Антонины расширили систему народного образования, и движение, о котором я уже упоминал, за поддержку детей бедных родителей приобрело очень значительные масштабы. Первые следы этого в Риме можно обнаружить при Августе, который раздавал деньги и зерно на содержание маленьких детей, которые ранее не участвовали в общественных раздачах.¹⁴⁹ Однако, по-видимому, это был всего лишь акт изолированной благотворительности, и честь первого начала систематических усилий в этом направлении принадлежит Нерве, который предписал оказывать поддержку бедным детям не только в Риме, но и во всех городах Италии.¹⁵⁰ Траян значительно расширил эту систему. В [стр. 077] его правление правительство поддерживало 5000 бедных детей только в Риме,¹⁵¹ и аналогичные меры, хотя мы не знаем, в каком масштабе, были приняты в других итальянских и даже африканских городах. В маленьком городке Веллея мы находим благотворительную организацию, учрежденную Траяном для частичной поддержки 270 детей.¹⁵² Частная благотворительность следовала в том же направлении, и несколько сохранившихся надписей, хотя они и не позволяют нам написать его историю, в достаточной степени свидетельствуют о его деятельности. Плиний младший, помимо теплого поощрения школ, выделил небольшое состояние на поддержку бедных детей в своем родном городе Комо.¹⁵³ Имя Селии Макрины сохранилось как основательницы благотворительной организации для 100 детей в Террачине.¹⁵⁴ Адриан увеличил запасы зерна, выделяемые этим благотворительным организациям, и он также отличался щедростью к бедным женщинам.¹⁵⁵ Антонин привык одалживать деньги бедным под четыре процента, что было намного ниже обычной процентной ставки,¹⁵⁶ и оба он и Марк Аврелий посвятили памяти своих жен учреждения для поддержки девочек.¹⁵⁷ Александр Север аналогичным образом посвятил учреждение для поддержки детей памяти своей матери.¹⁵⁸ Государственные больницы, вероятно, были неизвестны в Европе до христианства; но есть следы раздачи лекарств больным беднякам;¹⁵⁹ существовали частные лазареты для рабов, а также, как полагают, военные госпитали.¹⁶⁰ Провинциальные города время от времени получали помощь от [стр. 078] правительства в периоды больших бедствий, и есть несколько зарегистрированных случаев передачи частных наследств в их пользу.¹⁶¹

Эти различные меры ни в коем случае не являются незначительными, и вполне разумно предположить, что было предпринято много подобных шагов, все записи о которых были утеряны. История благотворительности представляет так мало ярких черт, так мало того, что может поразить воображение или привлечь внимание, что историки обычно почти полностью игнорируют ее; и легко представить, какие неадекватные представления о наших существующих благотворительных организациях можно было бы почерпнуть из случайных намеков в пьесах или стихотворениях, в политических историях или придворных мемуарах. Однако не может быть никаких сомнений в том, что ни на практике, ни в теории, ни в институтах, которые были основаны, ни в том месте, которое было отведено ей в шкале обязанностей,

благотворительность в древности не занимала положения, вообще сравнимого с тем, которое она получила благодаря христианству. Почти вся помощь была государственной мерой, продиктованной гораздо больше политикой, чем благожелательностью; и привычка продавать маленьких детей, бесчисленные разоблачения, готовность бедняков записываться в гладиаторы и частые голодоморы показывают, насколько велика была мера непрекращающегося бедствия. Действительно, до нас дошло очень мало языческих примеров милосердия. Среди греков мы находим Эпаминонда, выкупавшего пленниц и собиравшего приданое для бедных девушек;¹⁶² Кимона, кормившего голодных и одевавшего нагих;¹⁶³ Биаса, покупавшего, освобождая и снабжавшего приданым нескольких плененных девушек Мессины.¹⁶⁴ Тацит с энтузиазмом описал, как после катастрофы под Римом богатые распахнули двери своих домов и обложили налогом все свои ресурсы, чтобы облегчить страдания.¹⁶⁵ Среди бедных, как в Греции, так и в Риме, также существовали общества взаимного страхования, которые обязывались обеспечивать [стр. 079] своих больных и немощных членов.¹⁶⁶ Очень частое упоминание нищенства в латинских писателях показывает, что нищих, а следовательно, и тех, кто помогал нищим, было много. Долг гостеприимства также строго соблюдался и находился под особым покровительством верховного Божества. Но активная, привычная и всесторонняя благотворительность частных лиц, которая является столь заметной чертой всех христианских обществ, едва ли была известна в древности, и есть не более двух-трех моралистов, которые даже обратили на это внимание. Из них главное место принадлежит Цицерону, который посвятил этому предмету две очень рассудительные, но несколько холодные главы. Ничто, сказал он, так не соответствует природе человека, как благотворительность или щедрость, но при их применении следует соблюдать множество предосторожностей. Мы должны позаботиться о том, чтобы наша щедрость была настоящим благословением для человека, которому мы помогаем; чтобы она не превышала наших собственных возможностей; чтобы она не была, как в случае с Суллой и Цезарем, получена за счет разграбления других; чтобы она шла от сердца, а не от хвастовства; чтобы требования благодарности были предпочтительнее простых порывов сострадания и чтобы должное внимание уделялось как характеру, так и желаниям получателя.¹⁶⁷

Христианство впервые сделало милосердие рудиментарной добродетелью, отведя ему ведущее место в моральном типе и в увещеваниях своих учителей. Помимо своего общего влияния на стимулирование чувств, она произвела полную революцию в этой сфере, рассматривая бедных как особых представителей Основателя христианства и, таким образом, делая любовь ко Христу, а не к человеку, принципом милосердия. Даже во времена гонений на воскресных собраниях собирались пожертвования в пользу бедных. Агапы, или праздники любви, предназначались в основном для бедных, и пища, сэкономленная во время постов, предназначалась для их блага. Обширная организация милосердия, возглавляемая епископами и активно направляемая дьяконами, вскоре распространилась по всему христианскому миру, пока узы милосердия не превратились в узы единства, и самые отдаленные части христианской Церкви переписывались посредством обмена милосердием. Задолго до эпохи Константина было замечено, что благотворительность христиан была настолько обширной — возможно, можно сказать, настолько чрезмерной, — что привлекла в Церковь очень много самозванцев;¹⁶⁸ и когда победа христианства была достигнута, энтузиазм к благотворительности проявился в создании многочисленных учреждений, которые были совершенно неизвестны языческому миру. Римлянка по имени Фабиола в четвертом веке в знак покаяния основала в Риме первую государственную больницу, и благотворительность,

насажденная рукой этой женщины, распространилась по всему миру и до скончания веков будет облегчать самые мрачные страдания человечества. Вскоре после этого святым Паммахом была основана другая больница; еще одна большая знаменитость - святым Василием в Кесарии. Святой Василий также воздвиг в Кесарии то, что, вероятно, было первым приютом для прокаженных. Ксенодохии, или убежища для чужеземцев, быстро возникали, особенно на путях паломников. Святой Паммах основал одно из них в Остии; Паула и Мелания основали другие в Иерусалиме. Собор в Ницце постановил, что по одному должно быть воздвигнуто в каждом городе. Во времена святого Златоуста Антиохийская церковь содержала 3000 вдов и девственниц, не считая незнакомцев и больных. Раздача наследства бедным стала обычным делом; и нередко мужчины и женщины, желавшие вести жизнь особой святости, и особенно священники, достигшие епископства, [стр. 081] жертвовали все свое имущество на благотворительность. Даже ранние восточные монахи, которые по большей части были крайне далеки от активных и общественных добродетелей, подавали много благородных примеров благотворительности. Святой Ефрем во время эпидемии вышел из своего уединения, чтобы основать больницу в Эдессе и руководить ею. Монах по имени Таласий собирал слепых нищих в приюте на берегу Евфрата. Купец по имени Аполлоний основал на горе Нитрия бесплатную амбулаторию для монахов. Монахи часто помогали своими трудами провинциям, страдавшим от мора или голода. Мы можем проследить остатки чистого социализма, которым была отмечена первая фаза христианского сообщества, в выразительном языке, которым некоторые из Отцов Церкви провозгласили благотворительность делом не милосердия, а справедливости, утверждая, что вся собственность основана на узурпации, что земля по праву является общей для всех людей и что ни один человек не может претендовать на чрезмерный запас ее благ, кроме как в качестве администратора для других. Считалось, что христианин должен жертвовать бедным по меньшей мере десятую часть своих доходов. [169](#)

Энтузиазм милосердия, проявленный таким образом в Церкви, быстро привлек внимание язычников. Насмешки Лукиана и тщетные попытки Юлиана создать конкурирующую систему благотворительности в рамках язычества, [170](#) убедительно свидетельствовали как о ее превосходстве, так и о ее католицизме. Во время [стр. 082] эпидемий, опустошивших Карфаген в 326 году н.э., и Александрию в правление Галлиена и Максимиана, в то время как язычники в панике бежали от заразы, христиане вызывали восхищение своих соотечественников мужеством, с которым они сплотились вокруг своих епископов, утешали в последние часы страдальцев и хоронили брошенных мертвецов. [171](#) В условиях быстрого роста пауперизма, вызванного освобождением многочисленных рабов, их благотворительность нашла свободный простор для действий, и вскоре ее ресурсы были до предела истощены ужасами нашествий варваров. Завоевание Африки Гензерихом лишило Италию поставок зерна, от которого она почти полностью зависела, приостановило безвозмездную раздачу, за счет которой в основном поддерживалась римская беднота, и вызвало по всей стране самые ужасающие бедствия. [172](#) История Италии превратилась в однообразный рассказ о голоде и чуме, о голодающем населении и разрушенных городах. Но повсюду среди этого хаоса разложения мы можем обнаружить величественную фигуру христианского священника, выступающего посредником между враждебными силами, напрягающего каждый нерв, чтобы облегчить окружающие его бедствия. Когда имперский город был захвачен и разграблен войсками Алариха, христианская церковь оставалась надежным убежищем, которое не нарушали ни страсти, ни алчность готов. Когда более свирепый, чем Аларих, выбрал Рим для своей добычи, папа Святой Лев, облаченный в свои священнические одежды, выступил против победоносных гуннов в качестве

посла своих соотечественников, и Аттила, охваченный религиозным благоговением, свернул в сторону. Когда два года спустя Рим оказался во власти Гензериха, тот же папа вмешался в дела вандальского завоевателя и добился от него частичного прекращения резни. Архидьякон Пелагий ходатайствовал с такой же гуманностью и таким же успехом, когда Рим был захвачен Тотилой. Говорят, что в Галлии Труа был спасен от разрушения благодаря влиянию святого Люпуса, а Орлеан - благодаря влиянию святого Аньяна. В Британии вторжение пиктов было предотвращено Сен-Жерменом Осерским. Отношения правителей к своим подданным и судов к бедным были изменены тем же вмешательством. Когда Антиохии угрожало разрушение из-за ее восстания против Феодосия, отшельники хлынули из соседних пустынь, чтобы ходатайствовать перед министрами императора, в то время как архиепископ Флавиан сам отправился в качестве просителя в Константинополь. Святой Амвросий наложил на Феодосия публичную епитимью за резню в Фессалониках. Синезий отлучил от церкви за его притеснения правителя по имени Андроник; а два французских собора в шестом веке наложили такое же наказание на всех великих людей, которые произвольно изгоняли бедняков. Были признаны необходимыми специальные законы, чтобы обуздать бурную благотворительность некоторых священников и монахов, которые препятствовали отправлению правосудия и даже вырывали преступников из рук закона.¹⁷³ Говорят, что святой Авраамий, святой Епифаний и святой Василий добились прощения или уменьшения репрессивных поборов. Защита интересов вдов и сирот была частью официальной церковной обязанности, и Совет Макона предавал анафеме любого правителя, который привлекал их к суду без предварительного уведомления епископа епархии. Толедский собор в пятом веке пригрозил отлучением от церкви всем, кто грабил священников, монахов или бедных [стр. 084] мужчин или отказывался слушать их обличения. Одной из главных причин чрезмерной власти, приобретенной духовенством, была их посредническая должность, и их гигантское богатство было в значительной степени обусловлено наследием тех, кто считал их попечителями бедных. С течением времени благотворительность приняла множество форм, и каждый монастырь стал центром, из которого она исходила. Монахи внушали благоговейный страх знати, защищали бедных, ухаживали за больными, укрывали путешественников, выкупали пленников, исследовали самые отдаленные сферы страдания. В самый мрачный период средневековья монахи основали убежище для паломников среди ужасов альпийских снегов. Одиноким отшельник часто высаживался на своей маленькой лодке у реки без мостов, и смыслом его жизни было переправлять путешественника.¹⁷⁴ Когда отвратительная болезнь проказа распространила свои опустошительные действия на Европу, когда умы людей наполнились ужасом не только из-за ее омерзительности и заразности, но и из-за представления о том, что она в определенном смысле сверхъестественна,¹⁷⁵ новые больницы и приюты распространились по Европе, и монахи толпами стекались служить в них.¹⁷⁶ Иногда Легенды гласят, что облик прокаженного мгновенно преобразился, и тот, кто пришел ухаживать за самым отвратительным представителем человечества, получил свою награду, ибо оказался в присутствии своего Господа.

Нет факта, который историк осознает более быстро или более болезненно, чем огромную разницу между важностью и драматическим интересом предметов, которые он рассматривает. [стр. 085] Войны или массовые убийства, ужасы мученичества или величие личной доблести могут быть окрашены в такие яркие цвета, что при небольшом литературном мастерстве их можно передать так, чтобы их важность была адекватно осознана, и они сильно воздействовали на эмоции читателя. Но это обширное и ненавязчивое благотворительное

движение, действующее в деревенской глуши и в одинокой больнице, останавливающее слезы вдовы и прослеживающее все витки горя бедняка, представляет мало черт, которые может охватить воображение, и не оставляет глубокого впечатления в уме. Самые великие дела часто совершаются наиболее несовершенно; и, конечно, никакие достижения христианской церкви не являются более поистине великими, чем те, которых она достигла в сфере благотворительности. Впервые в истории человечества это вдохновило многие тысячи мужчин и женщин пожертвовать всеми мирскими интересами и часто в условиях крайнего дискомфорта или опасности посвятить всю свою жизнь единственной цели - облегчению страданий человечества. Она покрыла земной шар бесчисленными учреждениями милосердия, абсолютно неизвестными всему языческому миру. Она неразрывно соединила в умах людей идею высшего блага с идеей активной и постоянной благотворительности. В каждом приходе был назначен священник, которому, каковы бы ни были его другие функции, по крайней мере, официально было поручено руководство благотворительной организацией, и который считает эту должность одним из самых важных, а также одним из наиболее законных источников своей власти.

Однако есть две важные особенности восхищения, с которым мы относимся к истории христианского милосердия— одна относится к конкретной форме страдания, а другая - к более общему виду. Сильное, нечетко сформулированное представление о сверхъестественном характере безумия существовало[стр. 086] с самых ранних времен; но были особые обстоятельства, которые делали действия Церкви особенно неблагоприятными для тех, кто был либо предрасположен к этому бедствию, либо страдал от него. Реальность как колдовства, так и дьявольской одержимости была отчетливо признана в еврейских писаниях. Общепринятые мнения о вечных пытках, вездесущих демонах и постоянном напряжении воображения, связанном с пребыванием в невидимом мире, были в высшей степени приспособлены для того, чтобы вызывать безумие у тех, кто был к нему хоть сколько-нибудь предрасположен, а там, где безумие действительно проявлялось, определять форму и оттенок галлюцинаций маньяка.¹⁷⁷ Теология, поставляющая все образы, которые наиболее сильно действовали на воображение, большинство безумий на протяжении многих столетий принимали теологическую окраску. Один важный раздел этой книги встречается главным образом в житиях святых. Люди с живым воображением и абсолютным невежеством, живущие отдельно от всех своих собратьев, среди ужасов дикой природы, практикующие аскетизм, который полностью разрушал их физическую систему, и твердо убежденные, что бесчисленные дьяволы постоянно витают вокруг их камер и мешают их молитвам, быстро и очень естественно стали подвержены постоянным галлюцинациям, которые, вероятно, составляют ядро истины в легендах об их жизни. Но было невозможно, чтобы безумие ограничивалось ортодоксальными формами небесных видений или явлениями дьяволов и их поражениями. Очень часто это приводило несчастного маньяка к какому-нибудь заблуждению, которое обрушивало на него[стр. 087] скорый приговор Церкви. Так, в 1300 году был выкопан и сожжен труп богемки или, по другой версии, английской девушки, возмнившей себя воплощением Святого Духа для искупления женщин, а две женщины, верившие в нее, погибли на костре.¹⁷⁸ В 1359 году испанец объявил себя братом архангела Михаила и был предназначен для места на небесах, которого лишился сатана; и он добавил, что привык каждый день как подниматься на небеса, так и спускаться в ад, что конец света близок и что ему уготовано вступить в единоборство с антихристом. Несчастный безумец попал в руки архиепископа Толедского и был сожжен заживо.¹⁷⁹ В некоторых случаях галлюцинации принимали форму нерегулярного вдоха. По этому обвинению Жанна д'Арк и еще

одна девушка, вдохновленная ее примером и пытавшаяся, по-видимому, под влиянием настоящей галлюцинации, продолжить свою карьеру, [180](#) были сожжены заживо. Известный испанский врач и ученый по имени Торральба, живший в шестнадцатом веке и воображавший, что его постоянно сопровождает ангел, избежал публичной епитимьи и исповеди; [181](#) но [стр. 088] профессору теологии в Лиме, который страдал тем же заблуждением и добавил к нему несколько диких представлений о своем духовном достоинстве, повезло меньше. Он был сожжен инквизицией Перу. [182](#) Однако чаще всего теологические представления о колдовстве либо порождали безумие, либо определяли его форму, и под влиянием духовенства различных сект христианской церкви многие тысячи несчастных женщин, которые в силу своего возраста, одиночества и немощи больше всего заслуживали жалости, были преданы ненависти человечества и, подвергнутые пыткам с ужасной и изощренной жестокостью, в конце концов были сожжены заживо.

Существование, однако, некоторых форм естественного безумия было общепризнано; но меры по оказанию помощи несчастным жертвам были очень немногочисленны и очень непродуманны. У древних их приносили в храмы и подвергали внушительным церемониям, которые, как считалось, сверхъестественным образом облегчали их состояние и которые, вероятно, оказывали благоприятное влияние на воображение. Великие греческие врачи уделяли значительное внимание этой болезни, и некоторые из их предписаний предвосхитили современные открытия; но, по-видимому, в древности не существовало приютов для умалишенных. [183](#) В первый период отшельнической жизни, когда многие отшельники сошли с ума из-за своих покаяний, говорят, что для них было открыто убежище в Иерусалиме. [184](#) Однако, по-видимому, это единичный случай, вызванный потребностями одного класса, и до пятнадцатого века в христианской Европе не существовало приютов для умалишенных. Мусульмане в этой форме благотворительности, по-видимому, предшествовали христианам. Бенджамин из Туделы, посетивший Багдад в двенадцатом веке, описывает дворец в этом городе, называемый “Домом милосердия”, в котором все сумасшедшие, обнаруженные в стране, были заключены и связаны [стр. 089] железными цепями. Каждый месяц их тщательно обследовали и отпускали, как только они выздоравливали. [185](#) Каирский приют, как говорят, был основан в 1304 годун.э. [186](#) [Лео Африкан замечает существование аналогичного учреждения в Фесе в начале шестнадцатого века и упоминает, что пациенты были скованы цепями](#), [187](#) и вполне вероятно, что уход за душевнобольными был распространенной формой благотворительности в мусульманских странах. Среди христиан оно впервые появилось в кварталах, прилегающих к мусульманам; но, я думаю, нет реальных доказательств того, что оно было заимствовано из мусульманского примера. Мальтийские рыцари были известны как единственный орден, принимавший сумасшедших в свои больницы; но ни одного христианского приюта специально для них не существовало до 1409 года. Честь внедрения этой формы благотворительности в христианском мире принадлежит Испании. Монах по имени Хуан Гиладельто Джоффе, преисполнившись сострадания при виде маньяков, которых толпы освистывали на улицах Валенсии, основал в этом городе приют, и его примеру быстро последовали в других провинциях. Новая благотворительная организация была введена в Сарагосе в 1425 году н.э., в Севилье и Вальядолиде в A.D. 1436, into Toledo in A.D.г.н.э., в 1483 году. Все эти учреждения существовали до того, как в какой-либо другой части христианского мира был основан хоть один сумасшедший дом. [188](#) Можно упомянуть еще два очень почетных факта, подтверждающих превосходство испанской благотворительности в этой области. Первое заключается в том, что старейший сумасшедший дом в католической метрополии был

построен испанцами в 1548 году н.э.¹⁸⁹ Второе заключается в том, что [стр. 090] что, когда в конце прошлого века Пинель начал свои великие труды в этой сфере, он провозгласил Испанию страной, в которой к сумасшедшим относились с наибольшей мудростью и гуманностью.¹⁹⁰

В большинстве стран их положение действительно было поистине плачевным. В то время как многие тысячи были сожжены как ведьмы, те, кого признали сумасшедшими, были вынуждены терпеть все ужасы самого сурового тюремного заключения. Удары, кровотечение и цепи были их обычным лечением, и приводились ужасные рассказы о сумасшедших, которые десятилетиями были связаны в темных камерах.¹⁹¹ Такое обращение, естественно, усугубляло их болезнь, и эта болезнь во многих случаях делала невозможными смирение и окончательное оцепенение, которые облегчают страдания обычных заключенных. Только в восемнадцатом веке положение этого несчастного класса серьезно улучшилось. Совместный прогресс теологического скептицизма и научных знаний низвел колдовство до уровня фантомов, а усилия Морганьи в Италии, Каллена в Шотландии и Пинеля во Франции обновили все методы лечения признанных сумасшедших.

Вторая оговорка к восхищению, с которым мы относимся к истории христианского милосердия, проистекает из того несомненного факта, что значительная часть благотворительных учреждений непосредственно увеличила бедность, от которой они должны были избавляться. Вопрос о полезности и природе благотворительности - это тот вопрос, который со времен современных открытий политической экономии вызвал много дискуссий и во многих случаях, как мне кажется, сильно преувеличен. То, что политическая экономия сделала в этом вопросе, может быть сведено к двум разделам. В нем более четко и подробно, чем это делалось ранее, разъяснено влияние предусмотрительных личных интересов на определение [стр. 091] благосостояния обществ, и в нем установлено широкое различие между производительными и непроизводительными расходами. Это показало, что там, где поддерживается праздность, она станет обычным явлением; что там, где систематически осуществляется государственное обеспечение старости, бережливостью предвидения будут пренебрегать; и что, следовательно, эти формы благотворительности, поощряя привычки к праздности и расточительности, в конечном счете увеличивают нищету, которую они должны были облегчить. Это также показало, что, хотя непроизводительные расходы, такие как те, которые направляются на развлечения или роскошь, несомненно, приносят пользу тем, кто их обеспечивает, плоды погибают при использовании; в то время как производительные расходы, такие как производство машин, или улучшение почвы, или расширение коммерческой деятельности, дают новый импульс созданию богатства. Доказано, что первым условием быстрого накопления капитала является отвлечение денег из непроизводительных источников в производственные и что величина накопленного капитала является одним из двух регулирующих факторов заработной платы рабочего. Исходя из этих позиций, некоторые люди пришли к выводу, что благотворительность должна быть осуждена как форма непродуктивных расходов. Но, во-первых, все благотворительные организации, которые воспитывают привычку к предусмотрительности и развивают новые способности у беднейших классов, такие как народное образование, или создание сберегательных касс, или страховых компаний, или, во многих случаях, небольшие и разборчивые ссуды, или меры, направленные на пресечение расточительства, являются в самом строгом смысле производительными; и то же самое можно сказать о многих формах занятости, которые предоставляются в исключительных кризисных ситуациях по благотворительным мотивам; и, во-вторых, необходимо только помнить, что счастье человечества, к которому накопление богатства должно рассматриваться только как средство,

является истинная цель благотворительности, и окажется, что многие формы, которые не являются строго продуктивными в коммерческом смысле, в высшей степени способствуют этой цели и не имеют серьезного противодействия злу. В облегчении тех страданий, которые не проистекают ни из непредусмотрительности, ни из порока, самое теплое и просвещенное милосердие найдет обширную сферу для своих усилий. [стр. 092] [192](#) Слепота и другие исключительные бедствия, против последствий которых благоразумие не в состоянии и не может предусмотреть, страдания, возникающие в результате эпидемий, войн, голода, первого внезапного краха промышленности, вызванного новыми изобретениями или изменениями в каналах торговли; больницы, которые, помимо других преимуществ, являются величайшими школами медицинской науки и удаляют от многолюдных улиц множество людей, которые в противном случае образовали бы очаги заражения, — все это и подобные им еще долго будут в высшей степени облагаться налогом на щедрость богатых; в то время как даже в тех сферах, на которые смотрит политический экономист. на самый неблагоприятный взгляд, исключительные случаи оправдывают исключительную помощь. Благотворительность, которая является пагубной, обычно относится не к высшему, а к самому низкому виду. Богатый человек, расточающий деньги, которые для него не представляют особой ценности, но совершенно неспособный уделить какое-либо личное внимание объекту своей милостыни, часто вредит обществу своими пожертвованиями; но это редко случается с той гораздо более благородной благотворительностью, которая знакомит людей с притонами нищеты и следует за объектом их заботы на протяжении всех этапов их жизни. Вопрос о полезности благотворительности - это всего лишь вопрос конечных последствий. Политическая экономия, без сомнения, установила некоторые общие правила большой ценности по этому предмету; но все же страницы, которые Цицерон посвятил ей почти две тысячи лет назад, могли бы быть написаны самым просвещенным экономистом современности; и будет постоянно обнаруживаться, что протестантская леди, работающая в своем приходе простой силой здравого смысла и скрупулезного и пристального внимания к положению и характеру тех, кого она освобождает, бессознательно с совершенной точностью иллюстрирует просвещенное милосердие Мальтуса.

Но для того, чтобы благотворительность была полезной, важно, чтобы благо страдальца было реальной целью жертвователя; и очень большая доля зла, возникшего из-за католической благотворительности, может быть объяснена отсутствием этого условия. Первая замена филантропии благочестием дала столь мощный стимул чувствам, что в целом это можно рассматривать как благо, хотя, заставляя сострадание действовать исключительно через теологический посредник, оно часто порождало среди теологов более чем обычное безразличие к страданиям всех, кто был вне их религиозной общины. Но новый принцип быстро выродился в веру в искупительную природу даров. Возникла форма того, что можно назвать эгоистичным милосердием, которая приобрела, наконец, гигантские масштабы и оказала самое пагубное влияние на христианский мир. Люди давали деньги бедным просто и исключительно для своей собственной духовной пользы, и благополучие страдальца было совершенно чуждо их мыслям. [193](#)

Зло, которое, таким образом, возникло из-за некоторых форм католической благотворительности, можно проследить с очень раннего периода, но в полную силу оно приобрело только через несколько столетий. Римская система безвозмездного распределения была, в глазах политэкономиста, едва ли не худшим из того, что можно было себе представить, а

благотворительность Церкви, будучи, по крайней мере, в какой-то мере, дискриминационной, поначалу была очень большим, хотя и тогда не разрозненным благом. Труд также нередко предписывался отцами Церкви[стр. 094] как обязанность, и в более поздний период заслуги монахов-бенедиктинцев в уничтожении своим примером клейма, которое наложило на него рабство, были очень велики. Тем не менее, одним из первых последствий неумеренной благотворительности Церкви стало умножение самозванцев и нищенствующих, и праздность монахов была одной из первых жалоб. Валентиниан издал суровый закон, обрекающий крепких нищих на вечное рабство. По мере расширения монашеской системы, и особенно после того, как нищенствующие ордена освятили нищенство, зло приобрело гигантские размеры. Многие тысячи сильных мужчин, абсолютно лишенных личных средств, были в каждой стране отстранены от производительного труда и содержались за счет благотворительности. Представление о благотворительном характере простой милостыни неизмеримо увеличило число нищих. Клеймо, которое в высших интересах общества должно быть наложено на нищенство, стало главной целью теологов по устранению. Святые бродили по миру, выпрашивая деньги, чтобы раздать нищим, или снимая с себя одежды, чтобы одеть нагих, и результат их учения быстро стал очевиден. Во всех католических странах, где церковному влиянию было позволено беспрепятственно развиваться, монашеские организации оказались смертельной язвой, разъедающей процветание нации. Отстраняя множество людей от всякого производства, поощряя слепую и пагубную милостыню, распространяя привычку к расточительности среди беднейших классов, поощряя невежественное восхищение святой бедностью и столь же невежественную антипатию к привычкам и целям промышленной цивилизации, они парализовали всю энергию и оказались непреодолимым препятствием на пути материального прогресса. Бедность, от которой они избавились, была незначительной по сравнению с бедностью, которую они вызвали. Ни в одном случае упразднение монастырей не было осуществлено более неоправданным образом, чем в Англии; но передача имущества, которое когда-то в значительной степени использовалось на благотворительность, придворным королем Генрихом, в конечном счете, [стр. 095] принесла пользу английской бедноте; ибо никакое неправильное использование этого имущества частными лицами не могло принести столько зла, сколько необузданное монашество. Ценность католических служб в облегчении боли и болезней, а также более исключительных форм страданий, никогда нельзя переоценить. Благородный героизм ее слуг, посвятивших себя благотворительности, никогда не был превзойден, и совершенству их организации, я думаю, никогда не было равных; но в сфере простой бедности вряд ли можно сомневаться, что католическая церковь создала больше страданий, чем излечила.

Тем не менее, даже в этой области мы не должны забывать о пользе, которую приносит если не пострадавший, то, по крайней мере, донор. Привычки к благотворительности, даже если они изначально сформированы из эгоистичных побуждений, даже если они направлены настолько неверно, что могут нанести положительный вред получателю, редко не оказывают смягчающего и очищающего влияния на характер. На протяжении всего самого мрачного периода средневековья, среди свирепости, фанатизма и жестокости, мы можем проследить подавляющее влияние католического милосердия, странным образом сочетавшегося с каждым всплеском насилия и каждой вспышкой преследований. Было бы трудно представить себе более ужасающую картину общества, чем представлена историей Григория Турского; но эта длинная череда чудовищных преступлений, рассказанная с почти ужасающим спокойствием, постоянно перемежается рассказами о королях, королевах или прелатах, которые в условиях

дезорганизованного общества сделали помощь бедным главной целью своей жизни. Ни один период истории не демонстрирует большего количества жестокости, распушенности и фанатизма, чем крестовые походы; но бок о бок с военным энтузиазмом и почти всеобщей коррупцией распространилось обширное движение благотворительности, которое покрыло христианский мир больницами для лечения проказы и которое благородно, хотя и безрезультатно, боролось со многими формами порожденных страданий. Святой Петр Ноласко, о чьих великих трудах по выкупу пленных христиан я уже упоминал, был активным участником [стр. 096] зверской резни в Иерусалиме. Альбигойцы. [194](#) О Шейне О'Ниле, одном из самых способных, но и одном из самых свирепых ирландских вождей, когда-либо бросавших вызов английской власти, рассказывается, среди множества преступлений, что, “сидя за едой, прежде чем положить в рот хоть один кусочек, он обычно отрезал порцию сверх ежедневной милостыни и отправлял ее какому-нибудь нищему у его ворот, говоря, что сначала следует послужить Христу”. [195](#)

Великое зло, вызванное поощрением нищенства, которое всегда сопровождало неконтролируемое развитие католицизма, естественно, вызвало много дискуссий и законодательных актов. Яростные обличения нищенствующих орденов Вильгельмом Сент-Амурским в XIII веке были вызваны не тем, что они поощряли пагубную благотворительность; [196](#) но один из учеников Уиклифа, по имени Николас Херефордский, был известен своим неприятием беспорядочных пожертвований нищим; [197](#) и несколько мер расширенного порядка, по-видимому, были приняты еще до Реформации. [198](#) Тогда в Англии были приняты законы самой дикой жестокости в надежде искоренить нищенство. Парламент Генриха VIII, еще до подавления монастырей, издал закон, предусматривающий систему организованной благотворительности и налагающий на любого, кто подаст что-либо нищему, штраф в десять раз превышающий стоимость его подарка. Крепкий нищий подлежал наказанию поркой за первый проступок, побоями и потерей кончика уха за второй [стр. 097] и смертной казнью за третий. [199](#) При Эдуарде VI был принят жестокий закон, который, однако, был отменен в то же царствование, согласно которому каждый крепкий нищий, отказывающийся работать, должен был быть заклеен и осужден на два года как раб человека, сообщившего информацию против него; и если он обращался в бегство во время своего пребывания в рабстве, он приговаривался за первое преступление к вечному рабству, а за второе - к смерти. Хозяину было разрешено надевать железное кольцо на шею своего раба, заковывать его в цепи и бичевать плетью. Любой мог взять в подмастерья детей крепкого нищего, пока мальчикам не исполнится двадцать четыре, а девочкам - двадцать. [200](#) Другой закон, принятый при Елизавете, карал смертью любого сильного мужчину моложе восемнадцати лет, который был осужден в третий раз за попрошайничество; но впоследствии наказание в это царствование было сокращено до пожизненной службы на галерах или изгнания со смертной казнью для вернувшегося осужденного. [201](#) При той же королеве была разработана система законов о бедных, и Мальтус много лет спустя показал, что ее последствия в виде обескураживающей бережливости сделали ее едва ли менее пагубной, чем предшествовавшая ей монашеская система. Во многих католических странах были приняты суровые, хотя и менее жестокие меры для борьбы с таким злом, как нищенство. Проницательный понтифик Сикст V, который, хотя и не был величайшим человеком, был, безусловно, величайшим государственным деятелем, когда-либо сидевшим на папском престоле, предпринял похвальные усилия, чтобы обуздать это в Риме, где влияние церкви всегда делало это особенно распространенным. [202](#) Карл V в 1531 году издал суровый указ против нищих в Нидерландах, но исключил из его действия нищенствующих монахов и

паломников.²⁰³ При Людовике XIV во Франции были приняты столь же суровые меры. Но хотя практическое зло ощущалось в полной мере, до восемнадцатого века было мало [стр. 098] философского исследования его причин. Локк в Англии,²⁰⁴ и Беркли в Ирландии,²⁰⁵ кратко коснулись этого предмета; а в 1704 году Дефо опубликовал весьма примечательный трактат под названием “Раздача милостыни, а не благотворительность”, в котором он отметил масштабы нищенства в Англии, хотя заработная плата была выше, чем в любой континентальной стране.²⁰⁶ Еще более замечательная книга, написанная автором по имени Риччи, появилась в Модене в 1787 году и привлекла значительное внимание. Автор с большой силой указывал на гигантское развитие нищенства в Италии, объяснял это чрезмерной благотворительностью народа и, по-видимому, считал злом всякую благотворительность, проистекающую из религиозных мотивов и большую, чем та, которая могла бы проистекать из человеческих инстинктов без посторонней помощи.²⁰⁷ Вольнодумец Мандевиль задолго до этого нападал на благотворительные школы и всю систему попыток возвысить бедных,²⁰⁸ а приюты Магдалины и приюты для подкидышей имели яростных, хотя, как я полагаю, во многом ошибочных противников.²⁰⁹ Реформы законов о бедных и труды [pg 099] Мальтуса придали новый импульс обсуждению этого вопроса; но, с оговорками, которые я изложил, я полагаю, что никакие новые открытия не бросили сколько-нибудь справедливых теней на важнейший принцип христианского милосердия.....

Последним методом, с помощью которого христианство пыталось смягчить характеры людей, было приучение воображения постоянно создавать образы нежности и пафоса. Наше воображение, хотя и менее влиятельно, чем наши занятия, вероятно, влияет на наш моральный облик глубже, чем наши суждения, и, особенно в случае с беднейшими классами, развитие этой части нашей натуры имеет неоценимое значение. Прикованные, по большей части, на всю свою жизнь к одному месту, исключенные из-за своего невежества и своих обстоятельств из большинства разнообразных интересов, которые оживляют умы других людей, обреченные на постоянный и кропотливый труд и вечно поглощенные мелкими заботами о сиюминутном и тревожном настоящем, вся их натура была бы безнадежно сжата, если бы не было сферы, в которой могло бы расшириться их воображение. Религия - единственная романтика бедных. Только она расширяет узкий горизонт их мыслей, дает образы их мечтаний, привлекает их к сверхчувственному и идеальному. Грациозные существа, которыми творческая фантазия язычества населила вселенную, проливают поэтический свет на крестьянский труд. Каждой стадией сельского хозяйства руководило божество, и мир становился светлее благодаря общению богов. Но особенность христианских типов в том, что, хотя они и очаровывали воображение, они также очищали сердце. Нежная, подкупающая и почти женственная красота Основательницы христианства [pg 100], Девы-матери, агонии Гефсимании или Голгофы, многочисленные сцены сострадания и страдания, которыми наполнены священные писания, - это картины, которые на протяжении полутора тысяч лет управляли воображением самых грубых и невежественных представителей человечества. Связанный с самыми теплыми воспоминаниями детства, с музыкой церковных колоколов, с гирляндами и блеском мишуры, которые кажутся крестьянину самым идеалом величия; нарисованный над алтарем, где он принимал спутницу своей жизни, вокруг кладбища, где покоились так много тех, кого он любил, на горных станциях, на портале виноградника, на часовне, где выброшенный штормом моряк исполняет свой благодарственный обет; охраняющий дверь своего коттеджа и вззирающий сверху вниз на свое скромное ложе, формы нежной красоты и нежного пафоса навсегда останутся в памяти. преследуют воображение бедняги и незаметно прокладывают себе путь в

самые глубины его существа. Больше, чем любое устное красноречие, больше, чем любое догматическое учение, они преображают и подчиняют его характер, пока он не научится осознавать святость слабости и страдания, высшее величие сострадания и мягкости.

Каким бы несовершенным и неадекватным ни был набросанный мною набросок, его будет достаточно, чтобы показать, насколько велико и многообразно было влияние христианской филантропии. Тени, лежащие на картине, я не скрывал; но, когда для них будет сделано все необходимое, останется достаточно, чтобы вызвать наше глубочайшее восхищение. Сформировавшееся высокое представление о святости человеческой жизни, защита младенчества, возвышение и окончательное освобождение рабовладельческих классов, пресечение варварских игр, создание обширной и разнообразной организации благотворительности и воспитание воображения по христианскому типу составляют вместе движение филантропии, которому никогда не было аналогии или приближения в языческом мире. Влияние этого движения на продвижение счастья было очень велико. Его влияние на определение характера, вероятно, [стр. 101] было еще большим. В той пропорции или расположении качеств, которые составляют идеальный характер, более мягкие и благожелательные добродетели заняли благодаря христианству первостепенное место. В первый и наиболее чистый период они были особенно сильны; но в третьем веке возникло великое аскетическое движение, которое постепенно привнесло в восходящий мир новый тип характера и направило энтузиазм Церкви по новому руслу.

Тертуллиан, писавший во втором веке, в хорошо известном отрывке противопоставляет христиан своего времени гимнософистам или отшельникам Индии, заявляя, что, в отличие от них, христиане не бежали от мира, а смешивались с язычниками на форуме, на рыночных площадях, в общественных банях, в обычных делах жизни.²¹⁰ Но, хотя жизнь отшельника или монаха была неизвестна в Церкви более двухсот лет после ее основания, мы можем обнаружить, почти с самого раннего времени, оттенок чувств, который был присущ христианам. производит это. Центральными представлениями монашеской системы являются заслуги полного воздержания от любых половых сношений и полного отречения от мира. Первое из этих представлений появилось в самый ранний период, в связи с уважением к состоянию девственности, которое всегда считалось священным и особенно почиталось духовенством, хотя долгое время оно не налагалось как обязательство. Второе проявилось в многочисленных усилиях, которые предпринимались для того, чтобы как можно дальше отделить христианскую общину от общества, в котором она существовала. Ничто не могло быть более естественным, чем то, что, когда рост и триумф Церкви вовлек основную массу христиан в активную политическую или военную деятельность, некоторые из них должны были, в качестве упражнения в благочестии, попытаться имитировать отделение от мира, которое когда-то было [стр. 102] общим состоянием всех. Кроме того, движение аскетизма уже давно бушевало по миру подобно психической эпидемии. Среди евреев, закон которых, из-за большого значения, которое он придавал браку, превосходства быстрого умножения населения и надежды стать предком Мессии, был особенно противен монашеским представлениям, ессеи составляли полноценное монашеское общество, воздерживаясь от брака и полностью отделяя себя от мира. В Риме, практический гений которого был, если это возможно, даже более, чем у евреев, настроен против бездействующего монашества, и даже среди тех философов, которые в наибольшей степени представляли его активный и практичный дух, была проявлена та же

тенденция. Циники поздней Империи рекомендовали полный отказ от домашних уз и жизнь, проводимую главным образом в созерцании мудрости. Египетская философия, которая вскоре после этого приобрела господство в Европе, еще больше предвосхитила монашеский идеал. На окраинах Церкви многочисленные секты гностиков и манихеев в различных формах признавали сущностное зло материи. Докеты, следуя той же идее, отрицали реальность тела Христова. Монтанисты и новациане превзошли частные покаяния ортодоксов и стимулировали их.²¹¹ Таким образом, почва была тщательно подготовлена для великого всплеска аскетизма, когда было посеяно первое семя. Это было сделано во время гонений Дециана. Павел, отшельник, бежавший в пустыню во время этого [стр. 103] преследования, как говорят, был первым из этого племени.²¹² Антоний, который вскоре последовал за ним, значительно расширил движение, и через несколько лет отшельники превратились в могущественную нацию. Преследования, которые поначалу вынудили множество людей бежать в пустыни, вскоре пробудили страстный религиозный энтузиазм, проявившийся в горячем желании тех страданий, которые, как считалось, вели прямо на небеса; и этот энтузиазм после мира Константина нашел свое естественное выражение и сферу применения в мучениях жизни в пустыне. Воображение мужчин было очаровано поэтическими обстоятельствами этой жизни, которые святой Иероним наиболее красноречиво приукрасил. Женщины были выдающимися вербовщиками для этого. Тот же дух, который раньше побуждал жену языческого чиновника поддерживать тайные отношения с христианскими священниками, теперь побудил жену христианина стать активным агентом монахов. В то время как отец готовил своего сына к армии или к какой-нибудь гражданской должности, мать часто напрягала все силы, чтобы заставить его стать отшельником. Монахи тайно переписывались с ней, они умело брали на себя функции воспитания, чтобы влиять на молодежь; а иногда, чтобы избежать предосторожностей или гнева отца, они скрывали свою профессию и надевали одежду мирских педагогов.²¹³ Кафедра, которая почти вытеснила кафедры риторов и неизмеримо превзошла их по влиянию и которую занимали такие люди, как Амвросий, Августин, Златоуст, Василий и Григорий, постоянно использовалась для того же дела, и крайняя роскошь больших городов вызвала бурную, но не противоестественную реакцию аскетизма. Достоинство монашеского положения, которое иногда приводило людей, которые были простыми [стр. 104] крестьянами, в связь с императорами, безопасность, которую оно обеспечивало беглым рабам и преступникам, желание избежать тех финансовых тягот, которые при коррумпированном и деспотичном управлении Империей приобрели невыносимый вес, и особенно нашествия варваров, которые вызывали всевозможные панические настроения и нищету, были в сговоре с новым религиозным учением о населении пустыни. Быстро сформировалась теология аскетизма. Сразу же были приведены примеры Илии и Елисея, первому из которых, благодаря смелому полету воображения, некоторые более поздние кармелиты приписали происхождение своего ордена, и более поздний пример баптистов. Обычному мирянину жизнь отшельника могла бы показаться в высшей степени противоположной жизни Учителя, который начал Свою миссию на брачном пиру; которого враги постоянно упрекали за готовность, с которой Он общался с миром, и который избрал из женского пола некоторых из Своих самых чистых и преданных последователей; но монашеские богословы, по большей части избегая этих тем, распространялись главным образом на Его непорочное рождение, Его мать-девственницу, Его безбрачие, Его увещания богатому молодому человеку. Тот факт, что святой Петр, которому уже приписывалось общее первенство, несомненно, был женат, был трудностью, с которой в определенной степени справлялась традиция, согласно которой и он, и другие женатые апостолы воздерживались от общения со своими женами после своего обращения.²¹⁴ Святой

Павел, однако, вероятно, не был женат, и его писания демонстрировали решительное предпочтение неженатого состояния, которое изобретательность богословов также обнаружила в некоторых кругах, где этого меньше всего можно было ожидать. Таким образом, святой Иероним уверяет нас, что когда чистые животные входили в ковчег семерками, а нечистые парами, нечетное число символизировало безбрачие, а четное - состояние в браке. Даже из нечистых животных допускалась только по паре от каждого вида [стр. 105], чтобы они не совершили чудовищного второго брака.²¹⁵ Церковная традиция поддержала эту тенденцию, и святой Иаков, каким его изобразил Гегезипп, стал своего рода идеальным святым, верным воплощением того, что, согласно представлениям теологов, было истинным типом человеческого благородства. Было сказано, что он “был посвящен” из чрева своей матери. Он не пил ни вина, ни перебродивших напитков и воздерживался от животной пищи. Бритва никогда не касалась его головы. Он никогда не умащивал себя маслом и не принимал ванну. Ему одному разрешалось входить в святилище. Он носил не шерстяную, а льняную одежду. У него была привычка входить в храм в одиночку, и его часто видели стоящим на коленях и ходатайствующим о прощении людей, так что его колени становились твердыми, как у верблюда”.²¹⁶

Прогресс монашеского движения, как верно сказано, “был не менее быстрым или повсеместным, чем прогресс самого христианства”.²¹⁷ О действительном количестве отшельников те, кто знаком с крайней неверностью первых историков движения, не решаются говорить с уверенностью. Говорят, что святой Пахомий, который в начале четвертого века основал кенобитский образ жизни, привлек под свою юрисдикцию 7000 монахов;²¹⁸ что во времена святого Иеронима на пасхальные праздники иногда собиралось около 50 000 монахов;²¹⁹ что только в пустыне Нитрия в четвертом веке было 5000 монахов под началом одного настоятеля;²²⁰ что египетский город Оксирих посвятил себя почти исключительно аскетической жизни и насчитывал 20 000 девственниц и 10 000 монахов;²²¹ что святой Серапион руководил более чем 10 000 монахами;²²² и что к концу четвертого века монашеское население большей части Египта [стр. 106] было почти равно населению городов.²²³ Египет был прародителем монашества, и именно там оно достигло как своего крайнего развития, так и своей самой суровой строгости; но очень скоро едва ли нашлась хоть одна христианская страна, в которой подобное движение не было бы горячо распространено. Говорят, что святой Афанасий и святой Зенон внедрились в Италию,²²⁴ где вскоре оно получило большой стимул от святого Иеронима. Святой Иларион учредил первых монахов в Палестине, и он дожил до того, чтобы увидеть многие тысячи подвластных ему людей, а к концу своей жизни насадил монашество на Кипре. Евстафий, епископ Севастийский, распространил его по Армении, Пафлагонии и Понту. Святой Василий трудился на диких берегах Эвксинского залива. Святой Мартин Турский основал первый монастырь в Галлии, и 2000 монахов присутствовали на его похоронах. Незарегистрированные миссионеры основали новое учреждение в самом сердце Эфиопии, среди маленьких островов, усеивающих Средиземное море, в уединенных долинах Уэльса и Ирландии.²²⁵ Но еще более удивительным, чем многие тысячи людей, таким образом покинувших мир, является благоговение, с которым к ним относились те, кто по своим достижениям или характеру, казалось бы, наиболее противоположен монашескому идеалу. Ни у кого не было больше причин, чем у Августина, осознавать опасность принудительного безбрачия, но святой Августин приложил все свои силы для распространения монашества в своей епархии. Святой Амвросий, который по натуре был пронизательным государственным деятелем; святой Иероним и святой Василий, которые были честолюбивыми учеными; [стр. 107]

Святой Златоуст, который был в высшей степени создан для того, чтобы управлять утонченными толпами мегаполиса, — все они прилагали свои силы в пользу уединенной жизни, и последние трое практиковали это сами. святой Арсений, которого никто не превзошел в экстравагантности его покаяний, занимал высокий пост при дворе императора Аркадия. Паломники бродили по пустыням, собирая рассказы о чудесах и аскетизме святых, которые наполняли христианский мир восхищением; и составленные таким образом странные биографии, какими бы дикими и гротескными они ни были, позволяют нам очень ярко представить общие черты жизни отшельников, ставшей новым идеалом христианского мира.²²⁶

Пожалуй, нет этапа в моральной истории человечества, представляющего более глубокий или болезненный интерес, чем эта эпидемия аскетизма. Отвратительный, грязный и изможденный маньяк, лишенный знаний, патриотизма, естественной привязанности, проводящий свою жизнь в долгой рутине бесполезных и зверских самоистязаний и трепещущий перед ужасными призраками своего бредящего мозга, стал идеалом народов, которые знали труды Платона и Цицерона и жизни Сократа и Катона. В течение примерно двух столетий отвратительная мацерация тела считалась высшим доказательством совершенства. Святой Иероним с трепетом восхищения рассказывает, [стр. 108] как он видел монаха, который в течение тридцати лет питался исключительно небольшим куском ячменного хлеба и мутной водой; другого, который жил в норе и никогда не съедал больше пяти фигов в день;²²⁷ третьего, который стриг волосы только в пасхальное воскресенье, который никогда не стирал свою одежду, который никогда не менял свою тунику, пока она не разваливалась на куски, который морил себя голодом, пока его глаза не потускнели, а кожа не стала “как пемза”, и третьего, который стриг волосы только в пасхальное воскресенье. чьи заслуги, проявленные этими аскезами, сам Гомер не смог бы перечислить.²²⁸ Говорят, что святой Макарий Александрийский шесть месяцев спал в болоте, подставляя свое обнаженное тело укусам ядовитых мух. Он привык носить с собой восемьдесят фунтов железа. Его ученик, святой Евсевий, носил сто пятьдесят фунтов железа и три года прожил в высохшем колодце. Святой Сабин ел только гнилую кукурузу, простояв месяц в воде. святой Бесарион провел сорок дней и ночей среди колючих кустов и в течение сорока лет ни разу не ложился спать,²²⁹ это последнее покаяние также в течение пятнадцати лет практиковал святой Пахомий.²³⁰ Некоторые святые, такие как святой Марциан, ограничивались одним приемом пищи в день, настолько небольшим, что постоянно испытывали муки голода.²³¹ Об одном из них рассказывают, что его ежедневная пища составляла шесть унций хлеба и несколько трав; что никто не видел, чтобы он полулежал на циновке или кровати или даже удобно располагал свои конечности для сна; но иногда от чрезмерной усталости его глаза закрывались во время еды, и пища выпадала изо рта.²³² Другие святые, однако, ели только раз в два дня; ²³³ в то время как многие, если мы можем верить [стр. 109] монашескому историку, воздерживались в течение целых недель от любой пищи.²³⁴ Говорят, что святой Макарий Александрийский в течение целой недели ни разу не ложился и не ел ничего, кроме нескольких сырых трав по воскресеньям.²³⁵ О другом знаменитом святом, по имени Иоанн, утверждается, что целых три года он стоял в молитве, прислонившись к скале; что за все это время он ни разу не сел и не лег, и что единственной пищей его было Причастие, которое приносили ему по воскресеньям.²³⁶ Некоторые из отшельников жили в заброшенных логовищах диких зверей, другие - в высохших колодцах, третьи находили подходящее место для отдыха среди могил.²³⁷ Некоторые пренебрегали всякой одеждой и выползали наружу, подобно диким зверям, покрытые только по их спутанным волосам. В Месопотамии и части Сирии, существовала секта, известная под названием “травоядные”, которые никогда не жили под крышей, кто ел ни мяса,

ни хлеба, но кто потратил свое время на склоне горы и ели траву, как скот.²³⁸ чистота тела считалась загрязнение души, и святые, которые были наиболее почитаемых стала одной отвратительной массы запекавшаяся грязь. Святитель Афанасий относится с энтузиазмом [стр. 110] , как святой Антоний, патриарх монашество, никогда, до глубокой старости, был виновен в стиральной ноге.²³⁹ менее постоянной ул. Рюмен попал в эту привычку в первый раз, когда глубокий старик, и, с мерцающими здравого смысла, защищал себя от удивленной братии, заявив, что он “научился убивать не его тело, но его страстей.”²⁴⁰ Авраамиева отшельник, однако, кто прожил пятьдесят лет после своего обращения, жестко отказался от этой даты мыть либо лицо или ногах.²⁴¹ он был, говорят, человеком редкой красоты, и его биограф несколько странно замечает, что “на его лице отразилось на чистоте своей души.”²⁴² Св. Аммон никогда не видела себя голой.²⁴³ Знаменитая девственница по имени Сильвия, хотя ей было шестьдесят лет и телесные недуги были следствием ее привычек, решительно отказывалась, исходя из религиозных принципов, мыть какие-либо части своего тела, кроме пальцев.²⁴⁴ Святая Евфраксия присоединилась к монастырю из ста тридцати монахинь, которые никогда не мыли ног и которые содрогались при упоминании бани.²⁴⁵ Однажды отшельнику показалось, что над ним насмехается иллюзия дьявола, когда он увидел скользящее перед ним по пустыне обнаженное существо черного цвета. с грязью и многолетним воздействием, с седыми волосами, развевающимися по ветру. Это была некогда красивая женщина, святая Мария Египетская, которая таким образом в течение сорока семи лет искупала свои грехи.²⁴⁶Случайное приобщение монахов к благопристойности было предметом многих порицаний. “Наши отцы, - сказал аббат Александр, печально оглядываясь в прошлое, - никогда не умывались, но мы часто посещаем общественные бани”.²⁴⁷ Рассказывали об одном монастыре в пустыне, что монахи сильно страдали от нехватки воды для питья; но по молитве аббата Феодосия образовался обильный поток. Но вскоре некоторые монахи, соблазнившись обильными запасами, отступили от своего прежнего аскетизма и убедили настоятеля использовать ручей для строительства купальни. Ванна была сделана. Один-единственный раз монахи насладились омовением, когда ручей иссяк. Молитвы, слезы и посты были напрасны. Прошел целый год. Наконец настоятель разрушил баню, которая была объектом Божественного неудовольствия, и вода потекла заново.²⁴⁸ Но из всех свидетельств отвратительных излишеств, до которых доходил этот дух, житие святого Симеона Столпника, вероятно, самое замечательное. Трудно было бы представить себе более ужасную или отвратительную картину, чем та, которая дана о покаяниях, с которых этот святой начал свой аскетический путь. Он обвязал себя веревкой так, что она вонзилась [стр. 112] в его плоть, которая вокруг него разлагалась. “Ужасное зловоние, невыносимое для посторонних, исходило от его тела, и всякий раз, когда он двигался, из него выпадали черви, которые заполняли его постель”. Иногда он покидал монастырь и спал в сухом колодце, населенном, как говорят, демонами. Он построил последовательно три колонны, последняя из которых была шестидесяти футов высотой и едва ли двух локтей в окружности, и на этой колонне в течение тридцати лет он оставался незащищенным от любых изменений климата, непрерывно и быстро склоняя свое тело в молитве почти до уровня своих ног. Зритель попытался сосчитать эти быстрые движения, но отказался от усталости, когда насчитал 1244. Нам рассказывают, что целый год святой Симеон стоял на одной ноге, другая была покрыта ужасными язвами, в то время как его биографу было поручено стоять рядом с ним, подбирать червей, выпавших из его тела, и заменять их в язвах, при этом святой говорил червю: “Ешь то, что Бог дал тебе”. Отовсюду стекались паломники всех степеней, чтобы воздать ему почести. Толпа прелатов последовала за ним к могиле. Говорят, что над его колонной чудесным образом засияла яркая звезда; общий голос человечества

провозгласил его высшим образцом христианского святого; и несколько других отшельников подражали его покаяниям.²⁴⁹

Если я не ошибаюсь, нет раздела литературы, важность которого осознавалась бы более неадекватно, чем жития святых. Даже там, где они не имеют прямой исторической ценности, они обладают моральной ценностью самого высокого порядка. Они могут не рассказывать нам с точностью, что делали люди в определенные эпохи; но они с предельной яркостью демонстрируют то, что они думали и чувствовали, их меру вероятности и их идеал совершенства. Постановления соборов, сложные трактаты теологов, символы веры, литургии и каноны - все это лишь[стр. 113] шелуха религиозной истории. Они раскрывают то, что исповедовалось и оспаривалось перед миром, но не то, что было реализовано в воображении или запечатлено в сердце. История искусства, которая в свое время с утонченной точностью отражала мимолетные образы антропоморфной эпохи, в этом отношении бесценна; но еще важнее та обширная христианская мифология, которая спонтанно выросла из интеллектуального состояния того времени, включала в себя все его самые дорогие надежды, желания, идеалы и представления и на протяжении многих веков составляла популярную литературу христианского мира. В случае со святыми пустынь не может быть никаких сомнений в том, что картина, нарисованная в основном очевидцами, какими бы гротескными ни были некоторые ее детали, в своих основных чертах исторически верна. Верно, что самоистязание в течение нескольких столетий считалось главным мерилом человеческого совершенства, что десятки тысяч самых преданных людей бежали в пустыню, чтобы путем мацерации довести себя почти до состояния животного, и что это отвратительное суеверие приобрело почти абсолютное господство в этике того времени. Примеры аскетизма, которые я привел, - лишь немногие из многих сотен, и о них можно было бы написать, и они были написаны, тома с подробным описанием. До реформы святого Бенедикта идеал в целом оставался неизменным. Западные монахи по условиям своего климата были конституционно неспособны соперничать в воздержании с египетскими отшельниками; но их представление о высшем совершенстве было во многом таким же, и они старались компенсировать свою неполноценность в аскезах утверждением о некотором превосходстве в чудесах. Со времен святого Пахомия кнобитский образ жизни был принят большинством монахов; но восточные монастыри, за важным исключением обета послушания, мало чем отличались от скопища отшельников. Они были в пустынях; монахи обычно жили в отдельных кельях; они хранили молчание во время своих трапез; они соперничали друг с другом в экстравагантности своих покаяний.[стр. 114] Св. Иероним и другие действительно предприняли несколько слабых попыток умерить аскетизм, который часто приводил к безумию и самоубийству, чтобы обуздать буйство некоторых странствующих монахов, которые привыкли бросать вызов церковным властям, и особенно подавить монашеское нищенство, которое заметно проявилось среди некоторых еретических сект. Ортодоксальные монахи обычно занимались плетением циновки из пальмовых листьев; но, живя в пустынях, ни в чем не нуждаясь, они быстро впали в апатию; и наибольшим восхищением пользовались те, кто, подобно Симеону Столпнику и отшельнику Иоанну, о которых я уже говорил, были преданы исключительно своему суеверию. Однако ярко проявлялись различия индивидуального характера. Многие отшельники, лишенные знаний, страстей или воображения, сбегав от рабского труда в тишину дикой природы, проводили долгие часы во сне или в механической рутине молитвы, и их инертное и вялое существование, продлившееся до глубокой старости, завершилось, наконец, спокойной и почти животной смертью. Другие устроили свои кельи у чистых фонтанов и густых пальм в каком-нибудь оазисе в

пустыне, и под их тяжким трудом вырос цветущий сад. Многочисленные монахи, последовавшие за святым Серапионом, посвятили себя в основном сельскому хозяйству и отправляли корабли с зерном в пользу бедных.²⁵⁰ Об одном старом отшельнике рассказывают, что он был так весел духом, что его присутствие рассеивало всякую печаль, а усталые и убитые горем находили утешение в нескольких словах из его уст.²⁵¹ Однако чаще всего келья отшельника была местом вечного траура. Слезы и рыдания, неистовая борьба с воображаемыми демонами и пароксизмы религиозного отчаяния были основой его жизни, а страх перед духовными врагами и перед той смертью, которую его суеверия сделали такой ужасной, отравлял каждый час его существования.²⁵² К утешению интеллектуальными занятиями прибегали редко [стр. 115]. “Долг монаха, - сказал святой Иероним, - не учить, а плакать”.²⁵³ Культурный и дисциплинированный ум был наименее подвержен тем галлюцинациям, которые считались высшим доказательством Божественного благоволения;²⁵⁴ и хотя в эпоху, когда страсть к аскетизму была повсеместной, многие ученые стали аскетами, подавляющее большинство ранних монахов, по-видимому, были людьми, которые не только сами были абсолютно невежественны, но и смотрели на ученость с явной неприязнью. Святой Антоний, истинный основатель монашества, в детстве отказывался учить буквы, потому что это привело бы его к слишком тесному общению с другими мальчиками.²⁵⁵ В то время, когда святой Иероним позволил себе проникнуться глубоким восхищением перед гением Цицерона, он, как он сам рассказывает нам, был вынесен ночью перед судом Христа, обвинен в том, что он скорее цицеронец, чем христианин, и ангелы жестоко избили его.²⁵⁶ Однако впоследствии этот святой изменил свое мнение о языческих писаниях, и он был [стр. 116] вынужден защищаться от своих более ревнивых братьев, которые обвинили его в осквернении своих трудов цитатами из языческих авторов. , о том, как нанял нескольких монахов для переписывания Цицерона и объяснения Вергилия нескольким детям в Вифлееме.²⁵⁷ Об одном монахе рассказывают, что, будучи особенно известным лингвистом, он наложил на себя епитимью хранить полное молчание в течение тридцати лет;²⁵⁸ о другом, что, обнаружив несколько книг в келье брата-отшельника, он упрекнул студента в том, что он таким образом обманным путем лишил их собственности вдову и сироту;²⁵⁹ о других, что их единственными книгами были копии Нового Завета, которые он не читал. они продавали, чтобы помочь бедным.²⁶⁰

Для таких людей, живущих такой жизнью, видения и чудеса были неизбежным явлением. Налицо были все элементы галлюцинации. Невежественный и суеверный, верящий по религиозным убеждениям, что воздух наполнен бесчисленными демонами, приписывающий каждое колебание своего темперамента и каждое исключительное явление окружающей природы действию духов; к тому же, обезумевший от одиночества и длительных аскез, отшельник вскоре принял фантомы своего мозга за осязаемую реальность. В жутком мраке склепа, где среди разлагающихся трупов он нашел свое пристанище; в долгие часы ночи покаяния, когда ветер пустыни завывал вокруг его одинокой кельи, а крики диких [стр. 117] зверей доносились до его слуха, видимые формы похоти или ужаса, казалось, преследовали его, и странные драмы разыгрывались теми, кто боролся за его душу. Напряженное до предела воображение, действующее на организм, ослабленный и пораженный мацерациями, порождало сбивающие с толку психологические феномены, пароксизмы противоречивых страстей, внезапные смены радости и страдания, которые он считал явно сверхъестественными. Иногда, в самом экстазе его преданности, воспоминания о старых сценах нахлынули на его разум. Возникали тенистые рощи и мягкие сладострастные сады его

родного города, и, стоя в одиночестве на коленях на обжигающем песке, он, казалось, видел вокруг себя прелестные группы танцовщиц, на чьих теплых, волнистых конечностях и распутных улыбках слишком нежно останавливались его юношеские глаза. Иногда его соблазн проистекал из воспоминаний о звуках. Сладкие, распутные песни прежних дней доносились до его слуха, и сердце его трепетало от страстей прошлого. А потом сцена менялась. Пока его губы бормотали псалтирь, его воображение, возбужденное, возможно, музыкой какого-нибудь военного псалма, рисовало переполненный амфитеатр. Толпа, страсть и смешанные крики нетерпеливых тысяч людей присутствовали в его сознании, и неистовая радость гладиаторов пробивалась сквозь суматоху его сна.²⁶¹ Самый простой случай, наконец, наводил на мысль о дьявольском влиянии. Старый отшельник, уставший и теряющий сознание во время своего путешествия, однажды подумал, как освежающе было бы глотнуть меда диких пчел [стр. 118] пустыни. В этот момент его взгляд упал на камень, на котором они соорудили улей. Он прошел дальше с содроганием и обрядом экзорцизма, ибо считал это искушением дьявола.²⁶² Но ужаснее всего была борьба молодых и пылких мужчин, в жилах которых постоянно текла горячая кровь страсти, физически неспособных к безбрачной жизни и со всей той склонностью к галлюцинациям, которую порождает южное солнце, которые были увлечены жизнью в пустыне на волне энтузиазма. В объятиях сирийских или африканских невест, чьи нежные глаза отвечали любовью на любовь, они могли бы обрести покой, но в пустынной глуши покой никогда не мог посетит их души. Жития Святых с ужасающей яркостью рисуют муки их борьбы. Умножая с неистовой энергией истязания тела, бия себя в грудь от боли, не переставая лить слезы из глаз, воображая, что их постоянно преследуют постоянно меняющиеся формы смертоносной красоты, которые приобретали большую яркость благодаря той самой страсти, с которой они им сопротивлялись, их борьба нередко заканчивалась безумием и самоубийством. Рассказывают, что, когда святой Пахомий и святой Палемон беседовали в пустыне, молодой монах с обезумевшим лицом бросился к ним и голосом, прерывающимся от судорожных рыданий, поведал о своих горестях. Женщина, по его словам, вошла в его келью, соблазнила его своими уловками, а затем чудесным образом растворилась в воздухе, оставив его полумертвым на земле; и тогда с диким воплем монах вырвался от святых слушателей. Побуждаемый, как они предполагали, злым духом, он помчался через пустыню, пока не добрался до следующей деревни, и там, прыгнув в открытую печь общественных бань, погиб в пламени.²⁶³ Среди монахов рассказывали странные истории о приступах страсти [стр. 119] об отвращении даже у самых продвинутых. В частности, об одном монахе, который долгое время считался образцом аскетизма, но позволил себе впасть в то самодовольство, которое было очень распространено среди отшельников, рассказывали, что однажды вечером у дверей его кельи появилась женщина в обмороке и умоляла его дать ей приют и не допустить, чтобы ее растерзали дикие звери. В недобрый час он уступил ее молитве. Со всем видом глубокого почтения она завоевала его расположение и, наконец, осмелилась положить на него руку. Но от этого прикосновения его тело содрогнулось. Давно дремавшие и забытые страсти с безудержной яростью неслись по его венам. В пароксизме неистовой любви он попытался прижать женщину к своему сердцу, но она исчезла из его поля зрения, и хор деймонов со взрывами смеха ликовал по поводу его падения. Продолжение этой истории в том виде, в каком она рассказана писателем-монахом, я думаю, имеет очень высокие художественные достоинства. Падший отшельник не стремился, как можно было бы ожидать, покаянием и молитвами обновить свою чистоту. Этот момент страсти и стыда раскрыл в нем новую натуру и безвозвратно оторвал его от надежд и чувств аскетической жизни. Прекрасная фигура, возникшая в его сне, хотя он знал, что это обман, заманивающий его к гибели, все еще владела

его сердцем. Он бежал из пустыни, заново окунулся в мир, избегал всякого общения с монахами и следовал за светом этой идеальной красоты даже в пасть ада.²⁶⁴

[стр. 120]

Анекдоты такого рода, распространявшиеся среди монахов, способствовали усилению чувства ужаса, с которым они относились ко всякому общению с другим полом. Но избежать такого общения иногда было очень трудно. Мало что в ранних историках рассматриваемого нами движения поражает больше, чем манера, с которой повествования, представляющие глубочайший трагический интерес, чередуются с чрезвычайно причудливыми рассказами о глубоком восхищении, с которым преданные женщины относились к самым строгим отшельницам, и о неутомимом упорстве, с которым они пытались привлечь к себе их внимание. Некоторым женщинам, по-видимому, в этом отношении особенно повезло. Святая Мелания, посвятившая большую часть своего состояния монахам, в сопровождении историка Руфина совершила ближе к концу четвертого века долгое паломничество по сирийским и египетским обителям отшельников.²⁶⁵ Но у многих отшельников было правилом никогда не смотреть в лицо ни одной женщине, и количество лет, в течение которых они избегали этого осквернения, обычно указывалось как наглядное доказательство их превосходства. Святой Василий заговаривал с женщиной только в случае крайней необходимости.²⁶⁶ Святой Иоанн Ликопольский не видел женщину сорок восемь лет.²⁶⁷ Его жена отправила трибуна в паломничество к святому Иоанну отшельнику умолять его позволить ей навестить его, ее желание было настолько сильным, что она, вероятно, по мнению ее мужа, умерла бы, если бы оно не было удовлетворено. Наконец отшельник сказал своему просителю, что в ту ночь он навестит свою жену, когда она будет в постели в своем доме. Трибун передал это странное сообщение своей жене, которая [стр. 121] той ночью увидела отшельника во сне.²⁶⁸ Молодая римлянка совершила паломничество из Италии в Александрию, чтобы взглянуть на лик и получить молитвы святого Арсения, в присутствии которого она принудила себя. Дрожа от его отпора, она бросилась к его ногам, со слезами умоляя исполнить ее единственную просьбу — помнить о ней и молиться за нее. “Помнить тебя!” - воскликнул возмущенный святой. “Это будет молитвой всей моей жизни, чтобы я мог забыть тебя”. Бедная девушка искала утешения у архиепископа Александрийского, который утешил ее, заверив, что, хотя она принадлежит к тому полу, которым демоны обычно искушают святых, он не сомневался, что отшельник будет молиться за ее душу, хотя и постарается забыть ее лицо.²⁶⁹ Иногда этот женский энтузиазм принимал другую, более утонченную форму, и было известно, что женщины не раз переодевались мужчинами и безмятежно проводили свою жизнь отшельницами. Среди прочих, святая Пелагия, которая была самой красивой и одной из самых опасно соблазнительных актрис Антиохии, претерпев несколько странное обращение, была назначена епископами жить в покаянии с пожилой девственницей безупречного благочестия; но, как нам говорят, побуждаемая своим желанием вести более аскетичную жизнь, она сбежала от своего спутника, переоделась в мужское платье, нашла убежище среди монахов на Масличной горе и, с некоторым мастерством своей старой профессии, так последовательно поддерживала свой притворный характер, что приобрела большую известность. известность, и только (говорят) после ее смерти святые узнали, кто жил среди них.²⁷⁰

[стр. 122]

Вышеприведенные анекдоты и наблюдения, я надеюсь, дали достаточно ясное представление об общей природе монашеской жизни на ее ранней стадии, а также о произведениях, которые она породила. Теперь мы можем перейти к рассмотрению того, как этот образ жизни повлиял как на идеальный тип, так и на реализованное состояние христианской морали. И, во-первых, очевидно, что изменилось соотношение добродетелей. Если бы беспристрастный человек взглянул на этику Нового Завета и его спросили, какая центральная и отличительная добродетель, на которую чаще всего ссылались священные писатели, он, несомненно, ответил бы, что это то, что описывается как любовь, милосердие или филантропия. Если бы он применил аналогичное исследование к писаниям четвертого и пятого веков, он бы ответил, что главной добродетелью религиозного типа была не любовь, а целомудрие. И это целомудрие, которое считалось идеальным состоянием, не было чистотой незапятнанного брака. Это было абсолютное подавление всей чувственной стороны нашей природы. Главной формой добродетели, центральной концепцией святой жизни была постоянная борьба со всеми плотскими побуждениями со стороны мужчин, которые полностью отвергали компромисс в виде брака. Из этого факта, если я не ошибаюсь, можно сделать некоторые интересные и важные выводы.

Во-первых, религия постепенно приобрела очень мрачный оттенок. Делом святого было искоренить естественный аппетит, достичь состояния, которое было подчеркнуто ненормальным. Порочность человеческой природы, особенно [стр. 123] сущностное зло тела, ощущалась с такой интенсивностью, которой никогда не смогли бы достичь моралисты, занятые в основном преходящими или исключительными пороками, такими как зависть, гнев или жестокость. И в дополнение к крайней закоренелости аппетита, которую желалось искоренить, следует помнить, что несколько роскошная и потворствующая своим желаниям жизнь, даже когда это потворство не само по себе является явным злом, даже когда оно имеет тенденцию смягчать характер, естественным образом приводит к усилению животных страстей и, следовательно, прямо противоречит аскетическому идеалу. Следствием этого было, прежде всего, очень глубокое осознание привычной и врожденной порочности человеческой природы; и, во-вторых, очень сильная ассоциация идеи удовольствия с идеей порока. Все это неизбежно вытекало из высшей ценности, придаваемой девственности. Спокойный и радостный тон, характеризующий греческую философию, почти полное отсутствие чувства борьбы и врожденного греха, которое она демонстрирует, вероятно, в очень большой степени объясняется тем фактом, что в рассматриваемой нами области морали греческие моралисты не предпринимали серьезных усилий для улучшения нашей природы, а греческое общественное мнение без скандала соглашалось с почти безграничным потворством незаконным удовольствиям.

Но хотя большое внимание, уделявшееся в то время конфликтам аскетической жизни, бросало мрачную тень на популярную оценку человеческой природы, это, я думаю, в значительной степени способствовало поддержанию и углублению той твердой убежденности в свободе человеческой воли, которую католическая церковь всегда так усердно отстаивала; ибо, вероятно, нет другой формы морального конфликта, в котором люди так привычно и так остро ощущали бы различие между нашей волей и нашими желаниями, от реальности которого в конечном счете зависит вся моральная свобода. Я полагаю, что это привело также к другому результату, который трудно описать с такой же точностью. То, что можно назвать сильной животной натурой — натурой, которая [стр. 124] такова, что страсти проявляются в энергичном и в то же время здоровом действии, — это то, в чем мы наиболее естественно должны ожидать

найти несколько моральных качеств. Хорошее настроение, откровенность, великодушие, активная смелость, сангвиническая энергия, жизнерадостность характера являются обычными и уместными атрибутами сильного животного темперамента, и они гораздо реже встречаются либо у натур, которые по сути своей слабы и женоподобны, либо у натур, которые были искусственно выхолащены епитимьями, отклонены от своих первоначальных склонностей и обычно находятся под суровым контролем. Поскольку идеальный тип католицизма, из-за высшей ценности, придаваемой девственности последнего рода, качества, о которых я упомянул, всегда занимали очень низкое место в католических представлениях о совершенстве, и устойчивая тенденция протестантской и индустриальной цивилизации заключалась в их возвышении.

Я не знаю, сочтет ли читатель эти предположения, которые я выдвигаю с некоторой робостью, притянутыми за уши и причудливыми. Наши знания о физических предпосылках различных моральных качеств настолько скудны, что трудно говорить по этим вопросам с большой уверенностью; но, я думаю, мало кто мог не заметить, что физические темпераменты, которые я описал, различаются не просто одним великим фактом интенсивности животных страстей, но также и способностью каждого создавать особый моральный тип, или, другими словами, гармонией каждого с несколькими качествами, как добрыми, так и злыми. Таким образом, доктрина, неразрывно связывающая один из этих двух темпераментов с моральным идеалом, влияет на оценку большого числа моральных качеств. Но что бы ни думали о моральных результатах, проистекающих из физического темперамента, к которому привел аскетизм, не может быть никаких разногласий относительно последствий, проистекающих из условий жизни, которые он предписывал. Отрыв от интересов и привязанностей всех окружающих был главной целью отшельника, и первым последствием[стр. 125] выдающегося положения аскетизма была глубокая дискредитация семейных добродетелей.

Степень, до которой была доведена эта дискредитация, крайняя черствость сердца и неблагодарность, проявленные святыми по отношению к тем, кто был связан с ними самыми тесными земными узами, известна немногим, кто не изучал оригинальную литературу по этому вопросу. Эти вещи обычно отбрасываются в тень теми современными сентименталистами, которые наслаждаются идеализацией преданных прошлого. Разбить своей неблагодарностью сердце матери, которая родила его, убедить обожавшую его жену в том, что ее долг - расстаться с ним навсегда, оставить его детей, беззащитных и нищих, на милость мира, - все это истинный отшельник рассматривал как самое приемлемое подношение, которое он мог сделать своему Богу. Его делом было спасение собственной души. Безмятежность его преданности была бы нарушена выполнением самых простых обязанностей по отношению к своей семье. Евагрий, когда был отшельником в пустыне, после долгого перерыва получал письма от своего отца и матери. Он не мог вынести, чтобы ровный ход его мыслей был нарушен воспоминаниями о тех, кто любил его, поэтому бросил письма непрочитанными в огонь.²⁷¹ Мужчина по имени Муций в сопровождении своего единственного ребенка, маленького восьмилетнего мальчика, бросил свое имущество и потребовал приема в монастырь. Монахи приняли его, но продолжали дисциплинировать его сердце. "Он уже забыл, что он богат; теперь его нужно научить забывать, что он отец".²⁷² [стр. 126] Его маленького ребенка разлучили с ним, одели в грязные лохмотья, подвергали всевозможным грубым и бессмысленным лишениям, били, отвергали и жестоко обращались. День за днем отец был вынужден смотреть на своего мальчика, чахнувшего от горя,

на его некогда счастливое лицо, навсегда запятнанное слезами, искаженное мучительными рыданиями. Но все же, говорит восхищенный биограф, “хотя он видел это изо дня в день, такова была его любовь ко Христу и к добродетели послушания, что сердце отца было твердым и непоколебимым. Он мало думал о слезах своего ребенка. Он заботился только о своем собственном смирении и совершенстве в добродетели”.²⁷³ Наконец настоятель велел ему взять своего ребенка и бросить его в реку. Он повиновался без ропота и явной боли, и только в последний момент вмешались монахи и на самом берегу реки спасли ребенка. Впоследствии Муций занял высокое положение среди аскетов и по праву считался человеком, проявившим в великом совершенстве характер святого.²⁷⁴ Однажды к настоятелю Сисою пришел житель Фив и попросил постричь его в монахи. Настоятель спросил, есть ли у него кто-нибудь из его близких. Он ответил: “Сын”. “Возьми своего сына, ” ответил старик, “ и брось его в реку, и тогда ты сможешь стать монахом”. Отец поспешил выполнить приказ, и дело было почти доведено до конца, когда гонец, посланный Сисоем, отменил приказ.²⁷⁵

Иногда тот же урок преподавался в форме чуда. Однажды мужчина бросил троих своих детей, чтобы стать монахом. Три года спустя он решил привести их в монастырь, но, вернувшись к себе домой, обнаружил, что двое старших умерли во время его отсутствия. Он пришел к своему настоятелю, неся на руках своего младшего ребенка,[стр. 127] который был еще немногим старше младенца. Настоятель повернулся к нему и спросил: “Ты любишь этого ребенка?” Отец ответил: “Да”. И снова настоятель спросил: “Ты очень любишь его?” Отец ответил, как и прежде. “Тогда возьми ребенка, - сказал настоятель, - и брось его в огонь вон в том очаге”. Отец сделал, как ему было приказано, и ребенок остался невредимым среди пламени.²⁷⁶ Но этот аспект монашеского характера особенно ярко проявился в их отношениях со своими родственницами. В данном случае мотивом было не просто умерщвление семейных привязанностей, но и защита от возможной опасности, исходящей от присутствия женщины. Прекрасный цветок этой святой чистоты мог бы быть потревожен видом лица матери или сестры. Идеал одной эпохи иногда кажется слишком гротескным для карикатуры другой; и любопытно наблюдать, насколько бледен и слаб тот образ, который Мольер нарисовал о притворной чопорности Тартюфа,²⁷⁷ по сравнению с повествованиями, которые серьезно излагаются в Житиях святых. Когда настоятель Сисой стал очень старым, немощным и дряхлым человеком, его ученики увещевали его покинуть пустыню и отправиться в обитаемую страну. Сисой, казалось, уступил, но в качестве необходимого условия поставил, что в своем новом жилище ему никогда не придется сталкиваться с опасностью и волнением, связанными с видом женского лица. Для такой природы, конечно, подходила только пустыня, и старику позволили умереть с миром.²⁷⁸ Однажды монах путешествовал со своей матерью — само по себе это [стр. 128] самое необычное обстоятельство — и, добравшись до ручья без моста, ему понадобилось перенести ее через реку. К ее удивлению, он начал тщательно заворачивать руки в тряпки; и когда она спросила о причине, он объяснил, что боялся, как бы ему не посчастливилось прикоснуться к ней и тем самым нарушить равновесие своей натуры.²⁷⁹ Сестра святого Иоанна Каламского нежно любила его и искренне умоляла его дать ей возможность еще раз взглянуть на его лицо перед смертью. На его настойчивый отказ она заявила, что совершит паломничество к нему в пустыню. Встревоженный и сбитый с толку святой наконец написал ей, обещая навестить ее, если она согласится отказаться от своего замысла. Он пришел к ней переодетый, принял из ее рук чашку воды и ушел незамеченным. Она написала ему, упрекая в том, что он не выполнил своего обещания. Он ответил ей, что действительно навещал ее, что “по милости Иисуса Христа он не был узнан” и что она никогда не должна видеть его снова.²⁸⁰ Мать св. Феодора пришла,

вооруженная письмами от епископов, чтобы повидать своего сына, но он умолял своего настоятеля, святого Пахомия, разрешить ему отказаться от свидания; и, обнаружив, что все ее усилия напрасны, бедная женщина удалилась в монастырь вместе со своей дочерью, которая предприняла аналогичную экспедицию с аналогичными результатами.²⁸¹ Мать святого Марка убедила своего настоятеля приказать святому выйти к ней. Поставленный перед дилеммой между грехом непослушания и опасностью встречи со своей матерью, святой Марк выкрутился с помощью хитроумного приспособления. Он пришел к своей матери с закрытым лицом и глазами [стр. 129]. Мать не узнала своего сына. Сын не видел своей матери.²⁸² Сестра святого Пиора подобным же образом убедила настоятеля этого святого приказать ему допустить ее к себе. Приказ был выполнен, но святой Петр решительно держал глаза закрытыми во время беседы.²⁸³ Святой Пимен и его шестеро братьев оставили свою мать, чтобы стремиться к совершенству аскетической жизни. Но неблагодарность редко может погасить любовь материнского сердца, и старая женщина, теперь согнутая немощами, отправилась одна в египетскую пустыню, чтобы еще раз увидеть детей, которых она так нежно любила. Она заметила их, когда они собирались выйти из своей кельи в церковь, но они тут же вбежали обратно в келью, и, прежде чем она смогла дойти до нее шатающимися шагами, один из ее сыновей бросился вперед и захлопнул дверь у нее перед носом. Она осталась снаружи, горько плача. Тогда святой Пимен, подойдя к двери, но не открывая ее, сказал: “Почему ты, уже пораженный возрастом, издаешь такие вопли и стенания?” Но она, узнав голос своего сына, ответила: “Это потому, что я жажду увидеть вас, сыновья мои. Какой вред может причинить вам то, что я увижу вас? Разве я не ваша мать? разве я не дал тебе отсосать? Теперь я старая и морщинистая женщина, и мое сердце тревожится при звуке ваших голосов”.²⁸⁴ Однако святые братья отказались [стр. 130] открыть им дверь. Они сказали своей матери, что она увидит их после смерти; и биограф говорит, что она, наконец, ушла, довольная этой перспективой. Святой Симеон Столпник, в этом, как и в других отношениях, стоит в первом ряду. Его страстно любили родители, и, если можно верить его панегирику и биографу, он начал свою карьеру святого с того, что разбил сердце своему отцу, который умер от горя из-за своего бегства. Его мать, однако, задержалась на этом. Через двадцать семь лет после его исчезновения, в период, когда его аскетизм сделал его знаменитым, она впервые услышала, где он находится, и поспешила навестить его. Но все ее усилия были напрасны. Ни одна женщина не допускалась в пределы его жилища, и он не позволял ей даже взглянуть ему в лицо. Ее мольбы и слезы смешивались со словами горького и красноречивого упрека.²⁸⁵ “Сын мой, - как представляется, сказала она, “зачем ты это сделал? Я носила тебя в своем чреве, и ты терзал мою душу горем. Я напоила тебя молоком из своей груди, ты наполнил мои глаза слезами. За поцелуи, которые я дарил тебе, ты причинил мне боль разбитого сердца; за все, что я сделал и выстрадал ради тебя, ты отплатил мне самыми жестокими обидами”. Наконец святой прислал ей послание, в котором говорилось, что она скоро увидится с ним. Три дня и три ночи она напрасно плакала и умоляла, и теперь, измученная горем, возрастом и лишениями, она обессиленно опустилась на землю и испустила свой последний вздох перед этой негостеприимной дверью. Затем святой впервые вышел в сопровождении своих последователей. Он пролил несколько благочестивых [стр. 131] слез над трупом своей убитой матери и вознес молитву, отправляющую ее душу на небеса. Возможно, это была всего лишь фантазия, возможно, жизнь еще не угасла полностью, возможно, эта история - всего лишь выдумка биографа; но говорят, что по ее распростертому телу пробежало слабое движение, которое, по—видимому, было расценено как чудо. Симеон еще раз вознес ее душу на небеса, а затем, под восхищенный ропот своих учеников, святой матереубийца вернулся к своим молитвам.

Вопиющая лживость, характеризующая Жития католических святых, вероятно, в большей степени, чем любой другой важный раздел существующей литературы, позволяет надеяться, что многие из приведенных выше анекдотов отражают гораздо меньше событий, имевших место на самом деле, чем идеальные картины, созданные энтузиазмом хронистов. Однако по этой причине они не являются менее значимыми из моральных концепций, созданных аскетическим периодом. Самые способные люди в христианской общине соперничали друг с другом, проповедуя в качестве высшей формы долга отказ от социальных уз и умерщвление семейных привязанностей. Время от времени действительно вводились некоторые слабые ограничения. Многое — чего я коснусь позже — было написано о свободе мужей и жен покидать друг друга; и кое-что было написано о случаях, когда дети бросают своих родителей. Сначала тем, кто в детстве был отдан родителями в монастыри без их собственного согласия, было разрешено по достижении зрелого возраста вернуться в мир; и впервые эта свобода была отнята у них четвертым Толедским собором в г.н.э. 633 г.²⁸⁶ Собор в Гангре осудил еретика Евстафия за учение о том, что дети могут по религиозным мотивам оставлять своих родителей, и святой Василий писал в том же духе;²⁸⁷ но случаи такого рода бунта против родительских авторитете постоянно с восхищением рассказывалось в Жизнеописаниях [стр. 132] Святых, которым аплодировали некоторые из ведущих Отцов Церкви и которые фактически были санкционированы законом Юстиниана, который лишал родителей права либо запрещать своим детям поступать в монастыри, либо лишать их наследства, если они поступали так без их согласия.²⁸⁸ Святой Златоуст с энтузиазмом рассказывает о случае с молодым человеком, которого его отец предназначил для армии и которого заманили в монастырь.²⁸⁹ Красноречие святого Отца Говорят, что святой Амвросий был настолько обольстителен, что матери привыкли запирали своих дочерей, чтобы уберечь их от его чар.²⁹⁰ Положение любящих родителей было в то время чрезвычайно болезненным. До сих пор сохранились трогательные слова, в которых мать Златоуста, сыгравшая выдающуюся роль в обращении своего сына, умоляла его, если он считает своим долгом бежать к жизни в пустыне, по крайней мере отложить этот акт до ее смерти.²⁹¹ Святой Амвросий посвятил главу доказательству того, что, хотя похвалы достойны те, кто поступает в монастыри с одобрения, еще более достойны похвалы те, кто поступает так вопреки желанию своих родителей; и он продолжил показывать, насколько малы наказания, которые последние могут наложить по сравнению с благословениями, которые может даровать аскетизм.²⁹² Еще до принятия закона Юстиниана оскорбления духовенства были направлены против тех, кто пытался помешать своим детям уйти в пустыню. Святой Златоуст объяснил им, что они непременно будут прокляты.²⁹³ Святой Амвросий показал, что даже в этом мире они не могут остаться безнаказанными. Девушка, по его словам, решила уйти в монастырь, и когда ее родственники упрекали ее в этом намерении, один из присутствующих попытался тронуть ее воспоминаниями о ее покойном отце, спросив, позволил бы ли бы он, если бы он был все еще жив [стр. 133], ей остаться незамужней. “Возможно,” спокойно ответила она, “именно для этого он и умер, чтобы не создавать никаких препятствий на моем пути”. Ее слова были больше, чем ответом; они были оракулом. Неосторожный вопрошающий почти сразу умер, а родственники, потрясенные явным провидением, отказались от своего сопротивления и даже умоляли юную святую осуществить ее замысел.²⁹⁴ Святой Иероним с восторженным энтузиазмом рассказывает о маленькой девочке по имени Аселла, которая, когда ей было всего двенадцать лет, посвятила себя религиозной жизни и отказывалась смотреть в лицо какому-либо мужчине, и чьи колени от постоянных молитв в конце концов стали подобны коленям верблюда.²⁹⁵ Известная вдова по имени Паула, после смерти своего мужа, сказала: бросила свою семью, “с сухими глазами” выслушала своих детей, которые умоляли ее остаться, сбежала в общество

монахов в Иерусалиме, выразила свое желание, “чтобы она умерла нищей и не оставила ни гроша своему сыну”, и, растратив все свое состояние на благотворительность, завещала своим детям только неудобства из-за своих долгов.²⁹⁶ Тщательно внушалось, что все деньги, отданные или завещанные бедным или монахам, приносят духовную пользу дарителям или завещателям, но что никакой духовной пользы не приносят деньги, даруемые родственникам; и более благочестивые умы отвращались [стр. 134] от распоряжения своим имуществом таким образом, который не принес бы пользы их душам. Иногда родители обращались к своим детям с предсмертной просьбой не сохранять ничего из их имущества, а раздавать все бедным.²⁹⁷ Это было одно из самых почетных событий в жизни св. Августин, что он, подобно Аврелию, епископу Карфагенскому, отказывался принимать наследства или пожертвования, которые несправедливо обесценивали родственников благодетеля.²⁹⁸ Однако обычно оскорбление чувств ближайших родственников не только считалось невинным, но и считалось высшей добродетелью. “Молодой человек, - было резко сказано, - научившийся презирать материнское горе, легко перенесет любой другой труд, который на него возложат”.²⁹⁹ Святой Иероним, увещевая Илиодора покинуть свою семью и стать отшельником, с нежной подробностью описывал все формы естественной привязанности, которые он хотел, чтобы тот нарушил. “Пусть твой маленький племянник обвяжет руками твою шею; пусть твоя мать с растрепанными волосами, разорвав на себе халат, укажет на грудь, которой она кормила тебя грудью; пусть твой отец упадет ниц на пороге перед тобой, переступи через тело твоего отца. Лети с глазами без слез к знамени креста. В этом вопросе жестокость - единственное благочестие.... Твоя овдовевшая сестра может обнять тебя своими нежными руками.... Твой отец может умолять тебя подождать совсем немного, чтобы похоронить тех, кто был рядом с тобой, кого скоро не станет; твоя плачущая мать может вспомнить дни твоего детства и указать на свою сморщенную грудь и морщинистый лоб. Окружающие могут сказать вам, что все домашнее хозяйство зависит от вас. Такие цепи, как эти, любовь к Богу и [стр. 135] страх ада могут быть легко разорваны. Вы говорите, что Писание предписывает вам повиноваться своим родителям, но тот, кто любит их больше Христа, теряет свою душу. Враг размахивает мечом, чтобы убить меня. Должен ли я думать о материнских слезах?”³⁰⁰

Чувства, проявлявшиеся в этих случаях, продолжали проявляться и в более поздние эпохи. Так, святой Григорий Великий уверяет нас, что некий юноша, хотя и записался в монахи, не смог подавить свою любовь к родителям и однажды ночью тайно прокрался к ним в гости. Но вскоре Божий суд указал на чудовищность преступления. Вернувшись в монастырь, он умер в тот же день, и когда его похоронили, земля отказалась принять столь гнусного преступника. Его тело неоднократно поднимали из могилы, и оно покоилось с миром только после того, как святой Бенедикт возложил Причастие на его грудь.³⁰¹ Говорят, что после смерти одна монахиня открыла, что она была приговорена на три дня к огню чистилища, потому что слишком сильно любила свою мать.³⁰² О другом святом записано, что его благожелательность была такова, что он никогда не был жесток или бесчеловечен ни к кому, кроме своих родственников.³⁰³ Святой Ромуальд, основатель церкви в чистилище, камальдолиты причислили его отца к своим духовным детям и однажды наказали его бичеванием.³⁰⁴ Первой монахиней, которую святой Франциск Ассизский записал, была красивая девушка из Ассизи по имени Клара Скифи, с которой он в течение некоторого времени вел подпольную переписку и чье бегство из дома ее отца он как советовал, так и планировал.³⁰⁵ По мере того, как угасал первый энтузиазм аскетизма, то, что было утрачено во влиянии отца, приобретал священник. Исповедь сделала [стр. 136] этого персонажа поверенным в самых деликатных тайнах семейной жизни.

Верховенство авторитета, симпатии, а иногда даже привязанности вышло за пределы домашнего круга, и, установив абсолютную власть над самыми тайными мыслями и чувствами нервных и доверчивых женщин, священники заложили фундамент мировой империи.

Нарисованная мною картина посягательств, совершенных в первый период аскетизма на семейные привязанности, рассказывает, я думаю, свою собственную историю, и я добавлю лишь несколько слов комментария. То, что многим людям, идущим по поистине героическому пути, необходимо вырваться из пут, которые окружающие наложили бы на их действия или их мнения, и что такой разрыв часто представляет собой одновременно один из самых благородных и один из самых болезненных инцидентов в их карьере, является неоспоримой истиной; но примеры таких случайных и исключительных жертв, принесенных ради какой-то великой бескорыстной цели, не могут сравниться с поведением тех, кто считал умерщвление семейной любви само по себе формой добродетели и чьи цели были в основном или исключительно эгоистичными. Страдания, перенесенные аскетом, бежавшим от своих родственников, часто, без сомнения, были очень велики. Сохранилось множество анекдотов, показывающих, что под холодной внешностью монаха иногда бьются теплые и любящие сердца;³⁰⁶ и святой Иероним в одном из своих писем с большим самодовольством и поздравлениями отмечал, что самая горькая боль плена - это просто эта безвозвратная [стр. 137] разлука, которую суеверие, которое он проповедовал, побудило множество людей обречь себя на смерть. Но если, отбросив внутреннее совершенство поступка, мы попытаемся оценить благородство действующего лица, мы должны учитывать не только цену того, что он сделал, но и мотив, побудивший его это сделать. Именно это последнее соображение делает для нас невозможным поставить героизм аскета на один уровень с героизмом великих патриотов Греции или Рима. Человек может быть таким же по-настоящему эгоистичным в отношении загробного мира, как и в отношении этого. Там, где непреодолимый страх перед будущими муками или глубокое осознание будущего счастья являются ведущим мотивом действий, богословская добродетель веры может присутствовать, но облагораживающее качество бескорыстия, несомненно, отсутствует. В наши дни, когда картины загробных наград и наказаний действуют, но слабо на воображение, религиозный мотив обычно является бескорыстным мотивом; но так было не всегда, и, несомненно, не так было в первый период аскетизма. Ужасы грядущего суда загнали монаха в пустыню, и весь уклад аскетической жизни, изолируя его от человеческих симпатий, способствовал сильному, хотя и может быть назван религиозным, эгоизму.

Влияние умерщвления семейных привязанностей на общий характер, вероятно, было очень пагубным. Семейный круг - это предназначенная сфера не только для исполнения очевидных обязанностей, но и для культивирования привязанностей; и крайняя жестокость, которая так часто характеризовала аскета, была естественным следствием дисциплины, которую он наложил на себя. Оторванные от всех других уз, монахи с отчаянным упорством цеплялись за свои мнения и за свою Церковь и ненавидели тех, кто не соглашался с ними, со всей силой людей, вся жизнь которых была сосредоточена на одном предмете, чье невежество и фанатизм мешали им представить возможность чего-либо хорошего в противовес им самим, и которые сделали главной целью своей дисциплины искоренение всех естественных симпатий и привязанностей. Мы можем с полным основанием приписать свирепому биографу слова о жгучей ненависти ко всем еретикам, которые св. Афанасий вкладывает это в уста умирающего патриарха отшельников;³⁰⁷ но церковная история, и особенно писания позднейших язычников, с избытком доказывают, что это чувство было общим. Главным образом

христианским епископам следует быть благодарными за то, что широкое и всеобщее, хотя и не совершенное, признание религиозной свободы в римском законодательстве было заменено законами о самой мелкой и строгой нетерпимости. Монахам, действующим в качестве исполнительной власти вездесущего, нетерпимого и агрессивного духовенства, принадлежат административные изменения, возможно, даже более важные, чем предшествовавшие им законодательные изменения. Система попустительства, пренебрежения или презрения к формально запрещенным формам богослужения, которая так широко практиковалась скептически настроенными язычниками при слабой полицейской системе Империи и которая является столь важным фактом в истории возникновения христианства, была полностью разрушена. Бродя группами по стране, монахи имели обыкновение сжигать храмы, разбивать идолов, ниспровергать алтари, вступать в ожесточенные конфликты с крестьянами, которые часто с отчаянной храбростью защищали святилища своих богов. Невозможно было бы представить себе людей, более приспособленных для этой задачи. Их свирепый фанатизм, их убежденность в том, что каждый идол в буквальном смысле принадлежит деймону, и их вера в то, что смерть, понесенная в этом иконоборческом крестовом походе, была формой мученичества, сделали их беспечными ко всем последствиям для самих себя, в то время как почтение, которое они питали к своей профессии, сделало гражданскую власть едва ли возможной для их ареста. Мужчины, которые научились равнодушно смотреть на слезы убитой горем матери и чей идеал был неразрывно связан с деградацией [pg 139] тела, вряд ли были тронуты ни пафосом старых ассоциаций, ни благоговейным, хотя и ошибочным, поклонением, ни величием Серапеума или благородных статуй Фидия и Праксителя. Иногда гражданская власть отдавала приказы о восстановлении еврейских синагог или еретических церквей, которые были незаконно разрушены; но рано утвердилось учение, что такое восстановление было смертным грехом. При Юлиане некоторые христиане скорее приняли мученическую смерть, чем стали ее участниками; и святой Амвросий с миланской кафедры и Симеон Столпник из его "столпа в пустыне" объединились в осуждении Феодосия, который был виновен в издании этого приказа.

Другим очень важным моральным результатом, которому в значительной степени способствовал аскетизм, было подавление, а иногда почти угасание гражданских добродетелей. Беспристрастный анализ покажет, что христианские цивилизации были настолько же ниже языческих в гражданских и интеллектуальных добродетелях, насколько они превосходили их в добродетелях человечности и целомудрия. Мы уже видели, что одной из примечательных черт интеллектуального движения, предшествовавшего христианству, был постепенный упадок патриотизма. На заре существования как Греции, так и Рима первейшим долгом человека было служение своей стране. Это была рудиментарная или кардинальная добродетель морального типа. Она задавала тон всей системе этики, и различные моральные качества ценились главным образом пропорционально их склонности формировать выдающихся граждан. Разрушение этого духа в Римской империи было вызвано, как мы видели, двумя причинами — одна из них была политической, а другая интеллектуальной. Политической причиной было слияние различных наций в рамках одного великого деспотизма, который действительно давал широкое поле для личной и интеллектуальной свободы, но подавлял национальное чувство и закрывал почти все сферы политической деятельности. Интеллектуальной причиной, которая ни в коем случае не была связана с политической, было растущее господство [стр. 140] восточных философий, которые свергли с престола активный стоицизм ранней империи и поместили свой идеал совершенства в созерцательные

добродетели и тщательно продуманные очищения. Этот упадок патриотических чувств во многом способствовал распространению новой веры. Во всех вопросах религии мнения людей в гораздо большей степени определяются их симпатиями, чем их суждениями; и редко или вообще никогда не случается, чтобы религия, противостоящая сильным национальным чувствам, какой христианство было в Иудее, каким католицизм и епископальный протестантизм были в Шотландии и каким англиканство является даже сейчас в Ирландии, могла завоевывать признание народа.

Отношение христианства к чувству патриотизма с самого начала было очень неблагоприятным. Хотя христиане были, по очевидным причинам, полностью отделены от национального духа Иудеи, они оказались в равном противоречии с еще сохранившимися пережитками римского патриотизма. Рим был для них властью Антихриста, и его свержение было необходимой прелюдией к тысячелетнему правлению. Они сформировали незаконную организацию, прямо противоположную гению Империи, ожидающую ее скорого разрушения, оглядывающуюся с чем-то большим, чем уныние, на судьбу героев, украшавших ее прошлое, и решительно отказывающуюся участвовать в тех национальных зрелищах, которые были символами и выражениями патриотических чувств. Несмотря на скрупулезное отвращение ко всякому бунту, они редко скрывали свои чувства, и вся тенденция их учения заключалась в том, чтобы увести людей как можно дальше как от функций, так и от энтузиазма общественной жизни. Это было одновременно их признанием и хвастовством, что нет более безразличных к ним интересов, чем интересы их страны.³⁰⁸ Они считали законность обращения с оружием весьма сомнительной, [стр. 141] а все те гордые и устремленные качества, которые составляют отличительную красоту характера солдата, - подчеркнуто нехристианскими. Их дом и их интересы были в другом мире, и, при условии, что только им не мешали в их богослужении, они откровенно признавались еще долго после того, как Империя стала христианской, что им было безразлично, под каким правлением они живут.³⁰⁹ Аскетизм, привлекавший весь энтузиазм христианского мира к жизни в пустыне и превозносивший в качестве идеала крайнее и абсолютное отречение от всякого патриотизма,³¹⁰ стал кульминацией движения и, несомненно, был одной из причин падения Римской империи.

Вероятно, есть несколько предметов, по которым популярные суждения обычно более ошибочны, чем об отношениях [стр. 142] между позитивными религиями и моральным энтузиазмом. Религии, без сомнения, обладают самой реальной способностью пробуждать скрытую энергию, которая без их существования никогда бы не была приведена в действие; но в целом их влияние, вероятно, скорее привлекательно, чем созидательно. Они обеспечивают русло, по которому течет моральный энтузиазм, зная, под которым он встает, форму, по которой он отливается, идеал, к которому он стремится. Первое представление, которое фраза “очень хороший человек” навела бы древнего римлянина, вероятно, было представление о великом и выдающемся патриотизме, а страсть и интерес такого человека к делу своей страны были прямо пропорциональны его моральному возвышению. Аскетическое христианство решительно направило моральный энтузиазм в другое русло, и, как следствие, гражданские добродетели неизбежно пришли в упадок. Угасание всякого общественного духа, низкое предательство и коррупция, пронизывающие все ведомства правительства, трусость армии, презренное легкомыслие характера, которое побудило жителей Трира, только что покинувших свой горящий город, обращаться в театры и цирки, а жителей римского Карфагена безудержно окунуться в азарт гонок на колесницах в тот самый день, когда их город пал под натиском вандалов;³¹¹ все это сосуществовало с необычайными проявлениями аскетизма и

миссионерской преданности. Гений и добродетель, которые могли бы защитить Империю, были вовлечены в ожесточенные споры о пелагианском споре в то самое время, когда Аларих окружал Рим своими армиями,³¹² г. и не было тонкостей теологической метафизики, которые не разжигали бы в христианских лидерах более глубокого интереса, чем муки их умирающей страны. Моральный энтузиазм, который в другие дни придал бы армиям Рима непобедимую отвагу, побудил тысячи людей покинуть свою страну и свои дома и провести утомительные часы в долгой рутине бесполезных и ужасных истреблений. Когда готы захватили Рим, святой Августин, как мы видели, с справедливой гордостью указал на христианскую церковь, которая оставалась неприкосновенным убежищем во время ужасов разграбления, как на доказательство того, что новый дух святости и благоговения снизошел на мир. Язычник, в свою очередь, указал на то, что он считал не менее важным фактом — золотые статуи Доблести и Удачи были переплавлены, чтобы заплатить выкуп завоевателям.³¹³ Многие христиане смотрели с безразличием, почти граничащим с самодовольством, на то, что они считали предсказанным разрушением города падших богов.³¹⁴ Когда вандалы пронеслись по Африке, донатисты, обезумевшие от преследований ортодоксов, приняли их с распростертыми объятиями и внесли свою лепту в этот смертельный удар.³¹⁵ Бессмертный перевал Фермопилы был сдан готам без боя. Языческий писатель обвинил монахов в том, что они предали его.³¹⁶ Более вероятно, что они впитали в себя или отвлекли героизм, который в другие дни защитил бы его. Более позднее завоевание Египта мусульманами произошло в значительной степени по приглашению преследуемых монофизитов.³¹⁷ Последующие религиозные войны [стр. 144] снова и снова демонстрировали то же явление. Предательство религиозного деятеля по отношению к своей стране больше не свидетельствовало об отсутствии каких-либо моральных чувств. Это стало совместимым с глубочайшим религиозным энтузиазмом и со всем мужеством мученика.

Несколько трудно точно оценить, насколько отношение Церкви к захватчикам-варварам в целом оказалось полезным для человечества. Империя, как мы видели, долгое время находилась, как в моральном, так и в политическом плане, в состоянии явного упадка; ее падение, хотя и могло быть замедлено, едва ли можно было предотвратить, и новая религия, даже в своей самой суеверной форме, хотя и сделала многое для вытеснения, также сделала многое для того, чтобы вызвать моральный энтузиазм. Невозможно отрицать, что христианское духовенство внесло весьма существенный вклад, как своей благотворительностью, так и своим арбитражем, в смягчение бедствий, сопровождавших распад Империи;³¹⁸ и столь же невозможно сомневаться в том, что их политическая позиция значительно увеличила их власть во благо. Стоя между противоборствующими силами, почти безразличные к исходу и, как известно, чуждые страсти сражения, они приобрели вместе с победителем и использовали на благо побежденных такое влияние, которым они никогда бы не обладали, если бы их считали римскими патриотами. Однако их отношение ознаменовало полное и, как оказалось, необратимое изменение положения патриотизма на моральной шкале.[стр. 145] в более поздние времена иногда случалось, что церкви находили в своих интересах апеллировать к этому чувству в конфликте с противоположными верованиями, или что патриоты находили цели церковников созвучными своим собственным; и в этих случаях происходило слияние богословского и патриотического чувств, при котором одно усиливало другое. Таковы были последствия конфликта между испанцами и маврами, между поляками и русскими, между шотландскими пуританами и английскими епископалистами, между ирландскими католиками и английскими протестантами. Но патриотизму как таковому, как долгу, никогда не находилось

места в христианской этике, и сильное богословское чувство обычно было прямо враждебно его росту. Церковники, без сомнения, принимали очень большое участие в политических делах, но в большинстве случаев это делалось исключительно с целью привести их в соответствие с церковными замыслами; и ни одна другая группа людей с таким единообразием не приносила интересы своей страны в жертву интересам своего класса. Я думаю, что для расхождения между теологическим и патриотическим духом можно назвать три причины. Первая - это та тенденция сильного религиозного чувства отвлекать ум от всех земных забот и страстей, крайним выражением которой была аскетическая жизнь, но которая всегда, в различных формах, проявлялась в Церкви. Второе проистекает из того факта, что каждая форма богословского мнения воплощается в видимой и организованной церкви, имеющей собственное правительство, интересы и политику, а границы часто пересекаются, а не следуют национальным границам; и эти церкви привлекают к себе привязанность и преданность, которые естественным образом были бы дарованы стране и ее правителям. Третья причина заключается в том, что святые и героические персонажи, олицетворяющие идеалы религии и патриотизма, в целом различны; ибо, хотя у них, без сомнения, много общих элементов добродетели, отличительное [стр. 146] превосходство каждого из них проистекает из пропорции или расположения качеств, совершенно отличных от таковых у другого.³¹⁹

Прежде чем отвергнуть эту очень важную революцию в истории морали, я могу добавить два замечания. Во-первых, мы можем заметить, что отношение двух великих школ морали к активной и политической жизни полностью изменилось. Среди древних стоики, которые считали добродетель и порок принципиально отличными от всех других вещей, активно участвовали в общественной жизни и сделали это участие одной из первых обязанностей; в то время как эпикурейцы, которые сводили добродетель к полезности и считали счастье ее высшим мотивом, воздерживались от общественной жизни и учили своих учеников пренебрегать ею. Аскетизм следовал стоической школе в учении о том, что добродетель и счастье - это в общем-то разные вещи; но в то же время он был в высшей степени неблагоприятен для гражданской добродетели. С другой стороны, то великое промышленное движение, которое возникло после отмены рабства и которое всегда было по существу утилитарным по своему духу, было одним из наиболее активных и влиятельных элементов политического прогресса. Это изменение, хотя, насколько я знаю, совершенно незамеченное историками, составляет, я полагаю, одну из величайших вех в истории морали.

Второе наблюдение, которое я бы сделал, относится к той оценке, которую мы формируем относительно ценности патриотических действий. Однако [стр. 147] многие историки могут пожелать распространить свои исследования на частные и домашние добродетели народа, гражданские добродетели всегда должны занимать наиболее видное место на их страницах. История имеет дело только с большими группами людей. Системы философии или религии, которые дают великолепные результаты на большом театре общественной жизни, полностью и легко оцениваются, и читатели, и писатели склонны давать им весьма неоправданные преимущества перед теми системами, которые не поощряют гражданские добродетели, но оказывают свое благотворное влияние в более темных областях индивидуальной самокультуры, домашней морали или частной благотворительности. Если оценивать эти последние по предполагаемому ими самопожертвованию или по их влиянию на человеческое счастье, они занимают очень высокое место, но они почти не появляются в истории и поэтому редко приобретают должный вес в исторических сравнениях. Христианство, я думаю, особенно пострадало по этой причине. Ее моральное воздействие всегда оказывалось гораздо сильнее

на отдельных людей, чем на общества, и сферы, в которых ее превосходство над другими религиями наиболее неоспоримо, - это как раз те, которые история менее всего способна осознать.

Пытаясь оценить моральное состояние Римской и Византийской империй в христианский период и до того, как старая цивилизация была уничтожена вторжениями варваров или мусульман, мы должны постоянно иметь в виду это последнее соображение. Мы должны помнить также, что христианство приобрело господство среди народов, которые уже были глубоко запятнаны застарелыми пороками коррумпированной и загнивающей цивилизации, а также, что многие цензоры, со страниц которых мы вынуждены составлять нашу оценку эпохи, были людьми, которые оценивали человеческие слабости со всей щепетильностью аскетов и которые высказывали свои суждения со всем декламационным преувеличением с кафедры. Современные критики, вероятно, не будут придавать особого значения возвращению христиан к обычной одежде и обычаям окружающего их роскошного общества,[стр. 148] насмешкам христиан над теми, кто все еще придерживался примитивного аскетизма секты, или тому факту, что множество людей, которые когда-то были просто номинальными язычниками, стали просто номинальными христианами. Мы также обнаруживаем частую склонность моралистов выделять какую-нибудь новую форму роскоши или какой-нибудь тривиальный обычай, который они считали неприличным, для самого экстравагантного осуждения и преувеличивать его значение таким образом, который в более поздние века трудно даже понять. Примеры такого рода можно найти как в языческих, так и в христианских писаниях, и они составляют чрезвычайно любопытную страницу в истории морали. Таким образом Ювеналий исчерпывает его словарный запас брани в осуждая жестокость преступность некоторых благородных, которые, в самый год его консульства, не задумываясь,—нет, правда, днем, но, по крайней мере, в виде луны и звезд—рукой загнать свою колесницу по дороге.³²⁰ Сенека был ничуть не меньше шокированы, жестоких и, как ему казалось, неестественно роскошь тех, кто был принят обычай охлаждать различные напитки, смешивая их со снегом.³²¹ Плиний уверяет нас, что самая чудовищная из всех преступников был человеком, который впервые изобрел роскошный обычай носить золотые кольца.³²² Апулей был вынужден оправдаться за то, что восхвалял зубной порошок, и он так и сделал, в частности, утверждая, что природа оправдывает это форма приличия, для крокодилов были известны периодически выезжают в водах Нила, и лежать с открытыми челюстями [стр. 149] по банкам, а отдельные птицы поступления клювом чистить свои зубы.³²³ Если мы будем измерять преступность разные обычаи по горячность святоотеческой доносы, то можно сделать вывод, что наиболее жестокие преступления их день был обычай носить накладные волосы или окрашивание натуральных волос. Климент Александрийский задался вопросом, не могут ли парики повлиять на действительность некоторых церковных церемоний; ибо, спросил он, когда священник кладет руку на голову человека, который преклоняет перед ним колени, если эта рука покоится на накладных волосах, кого он на самом деле благословляет? Тертуллиан содрогнулся при мысли о том, что у христиан на голове могли быть волосы тех, кто побывал в аду, и он обнаружил в ярусах накладных волос, которые использовались, явный протест против утверждения, что никто не может увеличить свой рост, а в обычае красить волосы противоречило заявлению о том, что человек не может сделать ни один волос белым или черным. Откатились века. Римская империя была близка к падению, и потоки порока и скорби захлестнули мир; но по-прежнему доносы Отцов Церкви не ослабевали. святой Амвросий, святой Иероним и святой Григорий Назианзен с

бескомпромиссной яростью продолжали войну против накладных волос, которую начали Тертуллиан и Климент Александрийский.³²⁴

Но хотя горячность Отцов Церкви по таким тривиальным вопросам может на первый взгляд показаться намеком на существование общества, в котором серьезная коррупция была редкостью, такой вывод был бы совершенно неверным. После того, как были сделаны все законные допущения, картины римского общества Аммиана Марцеллина, общества Марселя Сальвиана, общества Малой Азии и Константинополя Златоуста, а также весь ход истории и [стр. 150] бесчисленные случайные упоминания у писателей того времени демонстрируют состояние разврата и особенно деградации, которое редко кто превзошел.³²⁵ Разложение достигло классов и институтов, которые казались самыми святыми. Агапы, или праздники любви, которые были одним из самых трогательных символов христианского единства, превратились в сцены пьянства и разгула. Отвергнутые Отцами Церкви, осужденные Лаодикийским собором в четвертом веке, а затем Карфагенским собором, они сохранялись как скандал и оскорбление, пока не были окончательно пресечены Трульским собором в конце седьмого века.³²⁶ Увековечивание памяти мучеников вскоре выродилось в скандальный разврат. По этому случаю проводились ярмарки, частыми были грубые нарушения целомудрия, а ежегодный праздник был отменен из-за порождаемой им безнравственности.³²⁷ Двусмысленная позиция духовенства в отношении брака уже привела к серьезным беспорядкам. Во времена святого Киприана, перед началом Дециан преследования, оно было общим, чтобы найти исповедующих священнослужителей целибат, но держать под различными предлогами их хозяйками в своих домах;³²⁸ и, после того, как Константин, жалоб по этому вопросу становится громким и общее.³²⁹ девственниц и монахов часто жили вместе в одном доме, исповедующих иногда на долю в [СТР. 151] целомудрие одной постели.³³⁰ богатых вдов было в окружении стаи канцелярских лизоблюдов, кто обратился к ним в нежное уменьшительно-ласкательных форм, учился и консультировался каждое их слабости, и, под видом благочестия, подстерегали их подарки или наследство.³³¹ зла, достиг такой точки, что закон был составлен под Валентиниан лишив христианские священники и монахи, что власть получение наследства, который был одержим всякий другой класс населения; и Святой Иероним был скорбно признал, что запрет был необходим.³³² великое множество вошел в церковь, чтобы избежать муниципальные должности;³³³ пустыни были переполнены мужчинами, чья единственная цель была, чтобы уйти от честного труда, и даже солдаты в пустыне их цвета монастыри.³³⁴ [стр. 152] знатной дамы, делая вид, желание вести светскую жизнь, забросили их мужья, чтобы жить с низкого происхождения любителей.³³⁵ Палестины, который вскоре был переполнен паломниками, стала, во времена святого Григория Нисского, а рассадник разврата.³³⁶ зло репутации паломничества долго продолжалось, и в восьмом веке святой Бонифаций пишет архиепископу Кентерберийскому, умоляя епископы предпринять ряд мер, чтобы сдерживать или регулировать паломничества своих коллег-женщин; ибо было несколько городов в Центральной Европе, на пути в Рим, где английских леди, которые начали, как пилигримы, были не живет в открытой проституции.³³⁷ роскошь и амбиции высших прелатов, и страсть к забавам низших священников,³³⁸ горько признал. Святой Иероним жаловался, что пиры многих епископов затмевали по великолепию пиры губернаторов провинций, а интриги, с помощью которых они получали должности, и яростная пристрастность их сторонников фигурируют на каждой странице церковной истории.

В непрофессиональном мире, пожалуй, главной отличительной чертой была крайняя инфантильность. Моральный энтузиазм был больше, чем в большинство периодов язычества,

но, будучи уведённым в пустыню, он оказывал мало влияния на общество.[стр. 153] Простого факта, что ссоры между фракциями гонок на колесницах на длительный период затмевали все политические, интеллектуальные и даже религиозные различия, снова и снова наполняли улицы кровопролитием и не раз приводили к большим революциям в государстве, достаточно, чтобы показать масштабы упадка. Патриотизм и мужество почти исчезли, и, несмотря на возвышение Велисария или Нарсеса, уровень государственных деятелей был крайне подавлен. Роскошь двора, подобострастие придворных и преобладающее величие одежды и украшений достигли экстравагантной высоты. Мир привык к опасному чередованию крайнего аскетизма и грубого порока, и иногда, как в случае с Антиохией,³³⁹ самые порочные и роскошные города порождали самых многочисленных отшельников. Существовало сочетание порока и суеверия, которое в высшей степени пагубно для знати, хотя и не в равной степени пагубно для счастья человека. Общественное мнение было настолько низким, что очень многие формы порока не вызывали особого осуждения и наказания, в то время как несомненная вера в освобождающую эффективность суеверных обрядов успокаивала воображение и смягчала угрызения совести. Здесь было больше лжи и предательства, чем при Цезарях, но гораздо меньше жестокости, насилия и бесстыдства. Также было меньше общественного духа, меньше независимости характера, меньше интеллектуальной свободы.

Однако в некоторых отношениях христианство уже значительно улучшилось. Гладиаторские игры исчезли с Запада и не были введены в Константинополе. Обширные школы проституции, выросшие под названием храмов Венеры, были подавлены. Религия, какой бы деформированной и приниженной она ни была, по крайней мере, больше не была рассадником разврата, и под влиянием христианства бесстыдство порока в значительной степени исчезло.[стр. 154] Грубая и экстравагантная непристойность представлений, примеры которой мы до сих пор видим на картинах на стенах и вывесках на многих порталах Помпей; банкеты богатых патрициев, прислуживаемые обнажёнными девушками; отвратительные излишества противоестественной похоти, которым некоторые из языческих императоров предавались с такой оглаской, больше не допускались. Хотя чувственность была очень распространённой, она была менее навязчивой, а неестественные и эксцентричные формы стали редкостью. Повсюду ощущалось присутствие великой Церкви, которая, несмотря на множество суеверий и фанатизма, все ещё проповедовала чистую мораль и насаждала её из самых сильных побуждений — контролируя, укрепляя или внушая благоговейный трепет. Церковники были великим органом в государстве. Дело добродетели было хорошо организовано; оно привлекало к себе лучших людей, определяло курс колеблющихся, но дружелюбных натур и до некоторой степени обуздывало порочных. Плохой человек мог быть нечувствителен к нравственным прелестям религии, но его все ещё преследовали воспоминания о её угрозах. Если он освобождался от её влияния в период здоровья и процветания, её сила возвращалась в периоды болезни или опасности, или накануне совершения какого-нибудь тяжкого преступления. Если он и собрался с духом перед всеми её ужасами, то, по крайней мере, общественное мнение, которое она создала, сдерживало его и управляло им на каждом шагу. То полное отсутствие всякой сдержанности, всякой порядочности, всякого страха и раскаяния, которое проявляли некоторые преступные монстры, занявшие языческий трон, и которое самым поразительным образом доказывает упадок языческой религии, больше не было возможным. Добродетель лучших язычников, возможно, была такого же высокого порядка, как и у лучших христиан, хотя и несколько иного типа, но порок худших язычников, безусловно, намного

превосходил порок худших христиан. Кафедра стала мощным центром притяжения, и активно развивались всевозможные благотворительные организации.

Моральные последствия первого великого всплеска аскетизма, [стр. 155] насколько мы их пока проследили, кажутся почти неразличимым злом. В дополнение к по существу искаженному идеалу совершенства, который он породил, простое изъятие из активной жизни того морального энтузиазма, который является закваской общества, было чрезвычайно пагубным, и не может быть никаких сомнений в том, что этой причине мы должны в значительной степени приписать очевидную неспособность Церкви в течение нескольких столетий добиться какого-либо более значительного улучшения морального состояния Европы. Были, однако, некоторые отличительные достоинства, проистекающие даже из первой фазы аскетизма, которые, хотя их, как я полагаю, недостаточно, чтобы уравновесить это зло, могут справедливо квалифицировать наше осуждение.

Первым условием всякого действительно великого морального совершенства является дух подлинного самопожертвования и самоотречения. Привычки к компромиссу, умеренности, взаимному самоограничению, мягкости, вежливости и утонченности, присущие роскошным или утилитарным цивилизациям, очень благоприятны для развития многих второстепенных добродетелей; но в природе человека заложена способность к более высокому и героическому достижению совершенства, которая требует для своего проявления совсем других сфер, приучает людей к гораздо более благородным целям и оказывает гораздо большее притягательное влияние на человечество. Каким бы несовершенным и искаженным ни был идеал отшельника; каким бы глубоко он ни был извращен примесью духовного эгоизма, все же пример многих тысяч людей, которые, повинаясь тому, что они считали правильным, добровольно отказались от всего, что дорого людям, выбросили на ветер любой компромисс с наслаждением и сделали крайнее самоотречение самым принципом своей жизни, не был полностью потерян для мира. В то время, когда растущее богатство глубоко запятнало Церковь, они учили людей “любить труд больше, чем отдых, и бесчестие больше, чем славу, и отдавать больше, чем получать”.³⁴⁰ В то время, когда страсть к церковным [стр. 156] достоинствам стала скандалом для Империи, они систематически воздерживались от них, уча на своем причудливом, но энергичном языке, что “есть два класса, которых монаху следует особенно избегать — епископы и женщины”.³⁴¹ Сама эксцентричность их поведения была очевидна. жизни, их грубые формы, их ужасные покаяния вызывали восхищение грубых людей, и суеверное благоговение, возбужденное таким образом, постепенно перешло в милосердие и самоотречение, которые составляли высшие элементы монашеского характера. Множество варваров были обращены в христианство при виде святого Симеона Столпника. Народное воображение также быстро идеализировало отшельника. Наиболее отталкивающие черты его жизни и внешности были забыты. О нем думали только как о старике с длинной белой бородой и кротким лицом, ткущем циновки под пальмами, в то время как демоны тщетно пытались отвлечь его своими уловками, и дикие звери становились ручными в его присутствии, и все болезни и все печали исчезали по его слову. Воображение христианского мира, очарованное этим идеалом, сделало его центром бесчисленных легенд, обычно очень детских, а иногда, как мы видели, и хуже, чем детских, но полных прекрасных штрихов человеческой натуры и часто преподающих замечательные нравственные уроки.³⁴² Детские сказки, которые сначала определяют направление развития детского воображения, играют немалую роль в истории человечества. В басне психики—что [стр. 157] яркий рассказ о страстной любви, с которой грек, мать усыпила ее ребенка на отдых—языческой древности завещал нам один образец

необыкновенную красоту, и жития святых пустыни, часто проявляют воображение, отличается на самом деле в натуре, но не менее гениальные в своем дисплее. Святой Антоний, как нам рассказывают, однажды ночью думал о том, что он лучший человек в пустыне, когда ему открылось, что есть другой отшельник, гораздо более святой, чем он сам. Утром он отправился через пустыню, чтобы навестить этого неизвестного святого. Сначала он встретил кентавра, а затем маленького человечка с рожками и козлиными ногами, который сказал, что он фавн; и, указав им дорогу, он, наконец, прибыл к месту назначения. Святому Павлу отшельнику, в келье которого он остановился, было сто тринадцать лет, и, прожив очень долгое время в абсолютном уединении, он сначала отказался впустить посетителя, но наконец согласился, обнял его и начал с вполне простительным любопытством подробно расспрашивать его о мире, который он покинул: “много ли нового строилось в городах, какая империя правила миром, остались ли еще идолопоклонники?” Беседу прервала ворона, прилетевшая с буханкой хлеба, и святой Павел, заметив, что за последние шестьдесят лет его ежедневный рацион составлял всего полбуханки, заявил, что это доказательство того, что он поступил правильно, приняв Антония. Отшельники поблагодарили в ответ и уселись все вместе на берегу прозрачного ручья. Но тут возникло затруднение. Ни один из них не мог заставить себя разломить хлеб раньше другого. Святой Павел утверждал, что святой Антоний, будучи его гостем, должен иметь преимущество; но святой Антоний, которому было всего девяносто лет, указывал на больший возраст святого Павла. Эти старики были так безупречно вежливы, что провели весь день в спорах по этому важному вопросу, пока, наконец, когда наступил вечер, их не осенила счастливая мысль, и, взявшись каждый за один конец буханки, они потянулись друг к другу. Чтобы сократить историю, святой Павел вскоре[стр. 158] умер, и его спутник, будучи слабым стариком, не смог похоронить его, когда из пустыни пришли два льва и вырыли могилу своими лапами, положили в нее тело, подняли громкий плачущий вой, а затем покорно преклонили колени перед святым Антонием, чтобы попросить благословения. Авторитетом в этой истории является не кто иной, как святой Иероним, который излагает ее как буквальную истину и перемежает свое повествование суровыми размышлениями обо всех, кто может усомниться в его точности.

Историк Палладий уверяет нас, что он слышал из уст святого Макария Александрийского рассказ о паломничестве, которое этот святой совершил под влиянием порыва любопытства, чтобы посетить заколдованный сад Ианнеса и Иамврия, обитаемый демонами. Девять дней Макарий пересекал пустыню, ориентируясь по звездам и время от времени втыкая в землю тростинки в качестве ориентиров для своего возвращения; но эта предосторожность оказалась бесполезной, потому что дьяволы сорвали тростинки и положили их ночью у головы спящего святого. Когда он приблизился к саду, семьдесят демонов различных форм вышли ему навстречу и упрекнули его за то, что он потревожил их в их доме. Святой Макарий пообещал просто прогуляться и осмотреть чудеса сада, а затем удалиться, не причинив ему никакого вреда. Он выполнил свое обещание, и двадцатидневное путешествие снова привело его в его камеру.³⁴³ Другие легенды, однако, менее фантастичны; и многие из них демонстрируют, хотя иногда и в очень причудливых формах, дух вежливости, который, кажется, предвещает более позднее рыцарство, а некоторые из них содержат яркие протесты против тех самых суеверий, которые были наиболее распространены. Когда святой Макарий был болен, ему однажды была дана виноградная гроздь; но его милосердие побудило его отдать их другому отшельнику, который, в свою очередь, отказался хранить их, и, наконец, обойдя всю пустыню, они были возвращены святому.³⁴⁴ [стр. 159] Тот же святой, чьим обычным напитком была гнилая вода,

никогда не упускал случая выпить вина, когда отшельники, которых он посещал, ставили перед ним, в частном порядке искупая это расслабление, которого, по его мнению, требовали законы вежливости, воздержанием от воды столько дней, сколько он выпил бокалов вина.³⁴⁵ Однажды один из его учеников, встретив священника-идолопоклонника, который в большой спешке бежал через пустыню с огромной палкой в руке, воскликнул громким голосом: “Куда ты идешь, деймон?” Священник, естественно, возмущившись, жестоко избил христианина и продолжил свой путь, когда встретил святого Макария, который обратился к нему так учтиво и нежно, что сердце язычника было тронут, он стал новообращенным, и его первым актом милосердия было позаботиться о христианине, которого он избил.³⁴⁶ Святой Авитус был в гостях у святого Маркиана, этот последний святой положил перед ним немного хлеба, который Авитус отказался есть, сказав, что у него был обычай никогда не прикасаться к пище до захода солнца. Святой Маркиан, заявляя о своей неспособности отложить трапезу, умолял своего гостя хоть раз нарушить этот обычай и, получив отказ, воскликнул: “Увы! Я полон скорби, что вы пришли сюда, чтобы увидеть мудреца и святого, а видите только обжору”. Святой Авитус был опечален и сказал: “Он предпочел бы даже есть мясо, чем слышать такие слова”, - и сел, как ему хотелось. Затем святой Маркиан признался, что его собственный обычай был таким же, как и у его брата святого; “но, - добавил он, - мы знаем, что благотворительность лучше поста; ибо благотворительность предписана Божественным законом, но пост оставлен в нашей собственной власти и воле”.³⁴⁷ Святой Маркиан признался, что его собственный обычай был таким же, как и у его брата святого. “Епифаний, пригласив святого Илария в свою келью, поставил перед ним блюдо с дичью. “Простите меня, отец, - сказал святой Илариус, - но с тех пор, как я стал монахом, я никогда не ел мяса”. “А я, - сказал святой Епифаний, - с тех пор как я стал монахом, никогда не терпел, чтобы [стр. 160] солнце заходило из-за моего гнева”. “Ваше правление, - возразил другой, - превосходнее моего”.³⁴⁸ В то время как богатая дама вежливо исполняла обязанности гостеприимца по отношению к монаху, ее ребенок, которого она оставила для этой цели, упал в колодец. Он лежал невредимым на поверхности воды и впоследствии сказал своей матери, что видел руки святого, поддерживавшие его внизу.³⁴⁹ В то время, когда было принято смотреть на состояние брака с глубоким презрением, святому Макарию Египетскому было открыто, что две замужние женщины в соседнем городе были более святыми, чем он. Святой немедленно посетил их и спросил об их образе жизни, но они полностью отвергли представление о своей святости. “Святой отец, ” сказали они, “позволь нам откровенно сказать тебе правду. Даже в эту самую ночь мы не побоялись переспать с нашими мужьями, и каких же добрых дел вы тогда можете ожидать от нас?” Святой, однако, настаивал на своих расспросах, и затем они рассказали ему свои истории. “Мы, ” сказали они, “ никоим образом не родственники, но мы были женаты на двух братьях. Мы прожили вместе пятнадцать лет, не сказав ни одного распутного или злого слова. Мы умоляли наших мужей позволить нам покинуть их и присоединиться к обществу святых дев, но они отказались позволить нам, и тогда мы пообещали перед Небесами, что ни одно мирское слово не осквернит наших уст ”. “Поистине, - воскликнул святой Макарий, - я вижу, что Бог не заботится о том, девственен человек или женат, находится ли он в монастыре или в миру. Он учитывает только расположение сердца и дает Дух всем, кто желает служить Ему, в каком бы состоянии они ни находились”.³⁵⁰

Я увеличил количество этих иллюстраций до такой степени, что, боюсь, уже несколько истощил терпение моих читателей; но тот факт, что на протяжении длительного периода истории эти легенды о святых формировали идеалы, управляющие воображением [стр. 161] и отражающие

моральные чувства христианского мира, придает им значение, выходящее далеко за рамки их внутренней ценности. Прежде чем отбросить святых пустыни, есть еще один класс легенд, к которым я хотел бы обратиться. Я имею в виду те, которые описывают связь между святыми и миром животных. Я думаю, что эти легенды заслуживают особого внимания в истории морали, поскольку представляют собой первую и в то же время одну из самых поразительных попыток, когда-либо предпринятых в христианском мире, привить чувство доброты и жалости к грубым созданиям. В языческой древности были предприняты значительные шаги для того, чтобы возвести эту форму человечности в ранг признанной отрасли этики. Путь был проложен многочисленными анекдотами, возникшими по большей части из простого незнания естественной истории, и все они имели тенденцию уменьшать пропасть между людьми и животными, представляя последних как обладающих в очень высокой степени как моральными, так и рациональными качествами. Считалось, что слоны наделены не только разумом и доброжелательностью, но и благоговейными чувствами. Они поклонялись солнцу и луне, и в лесах Мавритании у них было обыкновение собираться каждое новолуние у определенной реки для совершения религиозных обрядов.³⁵¹ Гиппопотам научил людей целебному действию кровотечения, поскольку при полнокровии он пускал себе кровь шипом, а затем закрывал рану слизью.³⁵² Пеликаны покончили с собой, чтобы прокормить своих детенышей; и пчелы, когда они нарушили законы своего повелителя.³⁵³ В Сестосе был возведен храм в память о привязанности орла, который полюбил молодую девушку и после ее смерти в отчаянии бросился в пламя, в котором сгорело ее тело.³⁵⁴ Рассказывается множество историй о [стр. 162] верных собаках, которые отказались пережить своих хозяев, и одна из них, как говорили, превратилась в собаку-звезду.³⁵⁵ Дельфин, в частности, стал предметом многих красивых легенд, а его привязанность к детенышам, к музыке и, прежде всего, к маленьким детям вызывала восхищение не только широких слоев населения, но и самых выдающихся натуралистов.³⁵⁶ Многие философы приписывали животным разумную душу, подобную человеческой. Согласно пифагорейцам, человеческие души переселяются после смерти в животных. Согласно стоикам и другим, души людей и животных были в равной степени частями всепроникающего Божественного Духа, который одушевляет мир.³⁵⁷

Мы можем даже найти следы того, что в ранний период были приняты определенные меры законодательной защиты животных. В результате совершенно естественного процесса к быку, как к главному агенту сельского хозяйства и, следовательно, своего рода символу цивилизации, во многих разных странах относились с особым почтением. Святость, придаваемая ему в Египте, хорошо известна. Нежность к животным, являющаяся одной из самых прекрасных черт ветхозаветных писаний, проявляется, среди прочего, в повелении не надевать намордник на вола, вытапывающего зерно, или запрягать вместе вола и осла.³⁵⁸ У ранних римлян то же чувство распространилось так далеко, что долгое время зарезать вола считалось тяжким преступлением, поскольку это животное в особом смысле произносилось как [стр. 163] соратник человека.³⁵⁹ Говорят, что подобный закон в древности существовал в Греции.³⁶⁰ Прекрасный отрывок, в котором псалмопевец описывает, как воробей смог найти убежище в алтаре храма, был применен как к Греции, так и к Иерусалиму. Чувство Ксенократа, который, когда птица, преследуемая ястребом, нашла убежище у него на груди, приласкал и, наконец, выпустил ее, сказав своим ученикам, что хороший человек никогда не должен отказываться от просителя,³⁶¹ считалось, что боги разделяют, и беспокоить птиц, свивших свои гнезда под портиками храма, считалось актом нечестия.³⁶² Рассказывается случай с ребенком, которого даже казнили за акт особой жестокости по отношению к птицам.³⁶³

Общая тенденция наций, по мере того как они переходят от грубого и воинственного состояния к утонченному и мирному, от стадии, на которой реализующие силы слабы и вялые, к той, на которой они чувствительны и живы, несомненно, состоит в том, чтобы становиться более мягкими и гуманными в своих действиях; но этому, как и всем другим общим тенденциям в истории, могут противодействовать или изменять многие особые обстоятельства. Упомянутый мною закон о быках, о котором я [стр. 164], был, очевидно, одним из тех, которые относятся к очень ранней стадии прогресса, когда законодатели трудятся над тем, чтобы сформировать сельскохозяйственные привычки у воинственного и кочевого народа.³⁶⁴ Игры, в которых забою животных уделялось столь большое внимание, были введены незадолго до исчезновения республики и очень много сделали для того, чтобы остановить или замедлить естественный прогресс гуманных чувств. В Древней Греции, помимо боев быков в Фессалии, излюбленными развлечениями были бои перепелов и петухов³⁶⁵, и законодатели их очень поощряли, поскольку они служили примером доблести для солдат. Колоссальные масштабы римских игр, обстоятельства, благоприятствовавшие им, и ошеломляющий интерес, который они быстро возбудили, я описал в предыдущей главе. Однако мы видели, что, несмотря на гладиаторские бои, стандарт гуманности по отношению к мужчинам был значительно повышен во времена Империи. Также заслуживает внимания, что, несмотря на [стр. 165] страсть к битвам с дикими зверями, римская литература и более поздняя литература подвластных Риму народов изобилуют тонкими штрихами, демонстрирующими в очень высокой степени чувствительность к чувствам животного мира. Этот нежный интерес к жизни животных - одна из наиболее отличительных черт поэзии Вергилия. Лукреций, который редко брал пафосные ноты, в еще более ранний период нарисовал очень красивую картину скорби осиротевшей коровы, чей теленок был принесен в жертву на алтаре.³⁶⁶ Плутарх упоминает, между прочим, что он никогда не мог заставить себя продать по старости быка, который верно служил ему в пору своего расцвета.³⁶⁷ Овидий выразил подобное чувство почти с таким же акцентом.³⁶⁸ Ювенал говорит о римлянке с глазами, полными слез. из-за смерти воробья.³⁶⁹ Аполлоний Тианский, руководствуясь гуманностью, отказался участвовать в охоте, даже когда его пригласил царь.³⁷⁰ Арриан, друг Эпиктета, в своей книге о беге предвосхитил прекрасную картину, нарисованную Аддисоном, где охотник отказывается пожертвовать жизнью пойманного зайца, который доставил ему столько удовольствия своим полетом.³⁷¹

Эти нотки чувства, какими бы незначительными они ни казались, указывают, я думаю, на такую жилу чувств, которую мы вряд ли ожидали обнаружить сосуществующей с гигантской резней в амфитеатре. Прогресс, однако, был достигнут не только благодаря чувствам — он также проявился в четком учении. Пифагор и Эмпедокл упоминались как основатели этого раздела этики. Моральный долг проявлять доброту к животным был в первую очередь основан на догматическом утверждении о переселении душ, и, поскольку таким образом была сформулирована доктрина о том, что животные входят в круг обязанностей человека, предполагались дополнительные соображения гуманности. Быстрый рост пифагорейской школы в последние дни существования Империи сделал эти соображения известными народу.³⁷² Порфирий тщательно пропагандировал воздержание от плоти, и даже Сенека какое-то время практиковал его. Но самой замечательной фигурой в этом движении, несомненно, является Плутарх. Отбрасывая догму о переселении душ или, по крайней мере, говоря о ней лишь как о сомнительной гипотезе, он ставит долг доброты к животным на широкую почву привязанностей, и он настаивает на этом долге с таким акцентом и подробностями, которым, я полагаю, нет адекватной параллели в христианских писаниях по

крайней мере на протяжении семнадцати столетий. Он категорически осуждает игры в амфитеатре, [стр. 167] с большой силой останавливается на воздействии таких зрелищ на закалку характера, подробно перечисляет и с неиссякаемой энергией осуждает утонченную жестокость, к которой привели гастрономические фантазии, и самым решительным образом утверждает, что у каждого человека есть обязанности перед животным миром так же, как и перед своими собратьями.³⁷³

Если мы теперь перейдем к христианской церкви, то обнаружим, что поначалу в этой сфере был достигнут незначительный прогресс или его вообще не было. Среди манихеев, это правда, смешение восточных представлений проявлялось в абсолютном запрете животной пищи, и воздержание от этой пищи также часто практиковалось ортодоксами на совершенно иных основаниях. Один или двое из Отцов Церкви также с одобрением упоминали гуманные советы пифагорейцев.³⁷⁴ Но, с другой стороны, доктрина переселения была решительно отвергнута католиками; человеческая раса была изолирована планом искупления более, чем когда-либо, от всех других рас; и в круге обязанностей, привитых древними Отцами церкви, обязанностям по отношению к животным не было места. Это действительно единственная форма человечности, которая более отчетливо проявляется в Ветхом Завете, чем в Новом. Многие прекрасные следы этого в первом, которые указывают на чувство, ³⁷⁵ даже там, где они не очень строго определяют долг, уступили место [стр. 168] пылкой филантропии, которая рассматривала интересы человека как единственную цель, а отношения человека к своему Создателю - как единственный вопрос жизни, и несколько презрительно отвергала, как праздный сентиментализм, представления о долге по отношению к животным.³⁷⁶ Утонченную симпатию к чувствам животных действительно редко можно встретить среди тех, кто очень активно участвует в делах жизни., и не без смысла Шекспир поместил этот изысканно-патетический анализ страданий раненого оленя, который, возможно, является его наиболее совершенным поэтическим выражением, среди болезненных мечтаний больного и меланхоличного Жака.

Но хотя тому, что называется правами животных, не было места в этике Церкви, чувство сочувствия к иррациональному творению было в какой-то степени косвенно привито эпизодами из "агиологии". Было вполне естественно, что отшельник, живущий в безлюдных пустынях Востока или в обширных лесах Европы, вступил в тесную связь с животным миром, и не менее естественно, что народное воображение, изображая жизнь отшельника, сделало эту связь центром многих живописных, а иногда и трогательных легенд. Говорили, что птицы останавливались в своем полете по зову старика; лев и гиена покорно припадали к его ногам; его сердце, закрытое для всех человеческих интересов, свободно раскрывалось при виде какого-нибудь страдающего животного; и что-то от его собственной святости снизошло к спутникам его одиночества и объектам его чудес. Дикие звери сопровождали святого Теона, когда он гулял по окрестностям, и святой вознаградил их, напоив из своего колодца. Египетский отшельник разбил в пустыне прекрасный сад и обычно сидел под пальмами, пока лев ел плоды у него из рук. Когда [стр. 169] Святой Пимен дрожал зимней ночью, лев присел рядом с ним и стал его укрытием. Львы похоронили святого Павла отшельника и святую Марию Египетскую. Они фигурируют в легендах о святом Иерониме, святом Герасиме, святом Иоанне Молчаливом, святом Симеоне и многих других. Когда старый и немощный монах по имени Зосима направлялся в Кесарию с ослом, который нес его имущество, лев схватил и пожрал осла, но по приказу святого лев сам понес ношу к городским воротам. Святой Елен призвал дикого осла из его стада, чтобы тот нес его ношу через пустыню. Тот же святой, как и святой Пахомий, пересек

Нил на спине крокодила, как святой Скутин пересек Ирландский канал на морском чудовище. Олени постоянно сопровождали святых в их путешествиях, несли их ношу, вспахивали их поля, являли их реликвии. Загнанный олень был особой темой многих живописных легенд. Язычник по имени Бранчион однажды преследовал измученного оленя, когда тот укрылся в пещере, порог которой никакие уговоры не могли заставить собак переступить. Изумленный охотник вошел и оказался в присутствии старого отшельника, который сразу же защитил беглеца и обратил преследователя в свою веру. В легендах о святом Евстахии и святом Губерте Христос представлен принявшим облик загнанного оленя, который повернулся к своему преследователю со сверкающим на лбу распятием и, обратившись к нему человеческим голосом, обратил его в христианство. В разгар погони гончие и олень остановились и вместе преклонили колени, чтобы поклониться мощам святого Фингара. В праздник святого Регула дикие олени собирались у могилы святого, как вороны обычно собирались у могилы святого Аполлинария Равеннского. Святой Эразм был особым защитником быков, и они добровольно преклоняли колени перед его святыней. Святой Антоний был покровителем свиней, которых обычно изображали на его картинах. Святая Бриджит держала свиней, и дикий кабан пришел из леса, чтобы подчиниться ее власти. Лошадь своими причитаниями предвещала смерть святого Колумбы.[стр. 170] Тремя спутниками святого Колмана были петух, мышь и муха. Петух объявлял час посвящения, мышь кусала за ухо сонного святого, пока он не вставал, и если в ходе занятий его одолевали какие-нибудь блуждающие мысли или его звали по другим делам, муха садилась на строку, на которой он остановился, и оставалась на месте. Легенды, не лишённые определенной причудливой красоты, описывали моральные качества, существующие у животных. Один отшельник имел обыкновение делить свой ужин с волком, который однажды вечером проник в келью до возвращения хозяина и украл буханку хлеба. Охваченный угрызениями совести, он прошел неделю, прежде чем снова отважился посетить камеру, и когда он сделал это, его голова была опущена, и все его поведение выражало глубочайшее раскаяние. Отшельник “ласково погладил его по склоненной голове” и дал ему двойную порцию в знак прощения. Львица с причитаниями преклонила колени перед другим святым, а затем подвела его к своему детенышу, который был слеп, но прозрел по молитве святого. На следующий день львица вернулась, неся шкуру дикого зверя в знак своей благодарности. Почти то же самое случилось со святым Макарием Александрийским; гиена постучалась в его дверь, принесла своего детеныша, который был слеп, и которому святой вернул зрение, а вскоре после этого расплатилась за это, принеся клочок шерсти. “О гиена! ” сказал святой, “ откуда у тебя это руно? ты, должно быть, украл и съел овцу”. Преисполненная стыда, гиена опустила голову, но упорно продолжала предлагать свой дар, который, однако, святой человек отказывался принимать до тех пор, пока гиена “не поклялась” прекратить в будущем грабить. Гиена склонила голову в знак принятия клятвы, и святой Макарий впоследствии передал руно святой Мелании. Другие легенды просто говорят о симпатии между святыми и иррациональным миром. Птицы прилетели на зов святого Кутберта, и мертвая птица была воскрешена его молитвой. Когда святой Энгуссий, рубя дрова, порезал себе руку, птицы собрались вокруг, [стр. 171] и громкими криками оплакивали его несчастье. Маленькая птичка, сбита и смертельно раненная ястребом, упала к ногам святого Кирана, который пролил слезы, глядя на ее разорванную грудку, и вознес молитву, по которой птица мгновенно исцелилась.³⁷⁷

Многие сотни, я, пожалуй, не стал бы преувеличивать, если бы сказал, что многие тысячи, легенд такого рода существуют в житиях святых. Подсказанная в первую очередь той жизнью в пустыне, которая была одновременно самой ранней фазой монашества и одним из самых

ранних источников христианской мифологии, усиленная символикой, которая представляла различные добродетели и пороки в образе животных, и воспоминаниями об обрядах и суевериях язычества, связь между людьми и животными стала лейтмотивом бесконечного разнообразия фантастических рассказов. В наших глазах они могут показаться экстравагантно ребяческими, но, я надеюсь, вряд ли нужно извиняться за то, что я ввел их в то, что претендует на звание серьезного труда, если вспомнить, что на протяжении многих веков они были общепризнанны человечеством и были настолько переплетены со всеми местными традициями и со всеми образовательными ассоциациями, что они сразу определили и отразили сокровенные чувства сердца. Их тенденция вызывать определенное чувство симпатии к животным очевидна, и это, вероятно, самое большое, что сделала Католическая церковь в этом направлении.³⁷⁸ Действительно, можно привести очень мало достоверных примеров святых, чья природная мягкость проявлялась в доброте к животному миру. О святом Иакове Венецианском — малоизвестном святом XIII века — рассказывают, что он имел обыкновение покупать и выпускать птиц, с которыми играли итальянские мальчики, привязывая их к веревочкам, говоря, что “он жалел маленьких птичек Господних” и что его “нежное милосердие отвращало от любой жестокости, даже к самым миниатюрным животным”.³⁷⁹ Святой Франциск Ассизский был более ярким примером того же духа. “Если бы я только мог быть представлен императору, ” обычно говорил он, “ я бы умолял его, из любви к Богу и ко мне, издать указ, запрещающий кому бы то ни было ловить или сажать в тюрьму жаворонков моих сестер и предписывающий, чтобы все, у кого есть волы или ослы, на Рождество особенно хорошо кормили их”. О нем было рассказано множество легенд, связанных с этой темой. Волк неподалеку от Губбио, будучи заклинаем им, пообещал воздержаться от поедания овец, вложил свою лапу в руку святого, чтобы скрепить обещание, и впоследствии был скормлен жителями города от дома к дому. В другой раз стая птиц прилетела послушать проповедь святого, как рыбы прилетели послушать святого Антония Падуанского. Сокол разбудил его в час молитвы. Кузнечик своей мелодией побуждал его петь хвалу Богу. Шумные ласточки хранили молчание, когда он начал учить.³⁸⁰

[стр. 173]

Однако в целом католицизм сделал очень мало для того, чтобы привить животным человечность. Фатальный порок теологов, которые всегда смотрели на других исключительно через посредство своих собственных особых догматических взглядов, был препятствием для всякого продвижения в этом направлении. Животный мир, будучи совершенно внешним по отношению к плану искупления, считался выходящим за рамки долга, и вера в то, что у нас есть какие-либо обязательства перед его представителями, никогда не прививалась — и, я полагаю, никогда даже не признавалась — католическими теологами. В популярных легендах и в зафиксированных чертах индивидуального дружелюбия любопытно наблюдать, как постоянно те, кто стремился привить доброту животным, добивались этого, пытаясь ассоциировать их с чем-то отчетливо христианским. Легенды, которые я заметил, прославляли их как спутников святых. Оленя почитали как специально уполномоченного открывать мощи святых и как смертельного врага змеи. На праздник ослов это животное с почтением вели в церкви, и грубый гимн провозглашал его достоинство, потому что оно несло Христа во время Его бегства в Египет и при Его входе в Иерусалим. Святой Франциск всегда относился к ягнятам с особой нежностью, как к символам своего Учителя. Лютер погрузился и задумался, наблюдая за охотой на зайца, поскольку она казалась ему олицетворением преследования душ дьяволом. Существует множество популярных легенд, связывающих ту или иную птицу или животное с каким-либо

происшествием в евангельском повествовании и, как следствие, обеспечивающих им спокойную жизнь. Но такое влияние никогда не распространялось далеко. В этой сфере моралисты могут рассматривать две различные цели. Они могут рассматривать характер людей или страдания животных. Количество бессердечия или сознательной жестокости, проявляемой или вызываемой развлечениями или практиками, которые причиняют страдания животным, никоим образом не пропорционально интенсивности этих страданий. Если бы мы могли проследить с адекватным осознанием[стр. 174] муки раненых птиц, которых сбивают во время наших спортивных состязаний, или робкого зайца в долгом полете, мы, вероятно, пришли бы к выводу, что на самом деле они были не меньшими, чем те, которые были вызваны боем быков в Испании или английскими развлечениями прошлого века. Но возбуждение от погони притупляет воображение, и из-за небольшого размера жертвы и недемонстративного характера ее страданий эти виды спорта не оказывают того пагубного влияния на характер, которое они оказывали бы, если бы страдания животных были живо осознаны и в то же время принимались как элемент удовольствия. Класс развлечений, прообразом которых являются древние бои диких зверей, без сомнения, почти исчез из христианского мира, и возможно, что смягчающая сила христианского учения оказала какое-то косвенное влияние на их упразднение; но беспристрастный суд признает, что это было очень незначительно. В те периоды и в странах, где теологическое влияние было наивысшим, они не вызвали возражений.³⁸¹ В конце концов они исчезли³⁸², потому что роскошная и индустриальная цивилизация предполагала утонченность манер; потому что привередливый вкус с чувством отвращения отвращался от удовольствий, которыми остро наслаждался бы некультурный вкус; потому что драма, одновременно отражающая [стр. 175] и ускоряющая перемены, придала новую форму народным развлечениям, и потому что, в результате этой революции, старые развлечения были забыты. , оставленные на откуп отбросам общества, стали поводами для скандальных беспорядков.³⁸³ В протестантских [стр. 176] странах духовенство в целом поддержало это движение. В католических странах она была гораздо более верно представлена школой Вольтера и Беккариа. Здравомыслящий моралист может, однако, резонно усомниться в том, что развлечения, которые черпают свою изюминку в проявлении естественных свирепых инстинктов животных и которые заменяют смерть, пережитую в ярости боя, смертью на отдаленной бойне или в результате медленного процесса разложения, в сколько-нибудь заметной степени увеличили количество страданий животных, и в этих случаях он будет останавливаться не столько на причиняемых страданиях, сколько на вредном влиянии, которое зрелище иногда может оказывать на характер зрителя. Но есть формы жестокости, которые следует рассматривать в другом свете. Ужасы вивисекции, часто столь бессмысленно практикуемой,³⁸⁴ продолжительные и зверские пытки, [стр. 177] иногда применяемые для того, чтобы добыть какой-нибудь гастрономический деликатес, настолько далеки от общественного внимания, что они мало влияют на характер людей. И все же ни один гуманный человек не может размышлять о них без содрогания. Включение этих вещей в рамки этики, создание понятия обязанностей по отношению к животному миру, насколько это касается христианских стран, было одним из особых достоинств прошлого столетия и, по большей части, протестантских народов. Как бы полно мы ни признавали гуманный дух, переданный миру в форме легенд от святых пустыни, не следует забывать, что привитие человечности животным в широком масштабе - это в основном дело недавней и светской эпохи; что мусульмане и брахманы в этой области значительно превзошли христиан, и что Испания и Южная Италия, в которых католицизм пустил наиболее глубокие корни, даже сейчас, вероятно, превосходят все

другие страны Европы, в которых бесчеловечное отношение к животным наиболее распутно и не поощряется.

Влияние, которое первая форма монашества оказала на мир, насколько это было полезно, было главным образом через воображение, которое было очаровано ее легендами. В великие периоды богословских споров восточные монахи подготовили нескольких ведущих богословов; но в целом в восточных странах преобладала отшельническая жизнь, и главной заслугой святого была чрезвычайная мацерация. Но на Западе монашество приняло совсем другие формы и выполняло гораздо более высокие функции. Поначалу идеалами западных монахов были восточные святые. Восточный святой Афанасий был основателем итальянского монашества. Святой[стр. 178] Мартин Турский исключил труд из дисциплины своих монахов, и он и они, подобно восточным святым, привыкли странствовать за границей, разрушая идолов в храмах.³⁸⁵ Но три великие причины сговорились направить монашеский дух на Западе в практическое русло. Расовые и климатические условия всегда побуждали жителей этих земель к активной жизни и в то же время делали их конституционально неспособными переносить аскетизм или наслаждаться галлюцинациями оседлого восточного человека. Кроме того, в шестом веке возник великий законодатель, образ которого можно смутно проследить сквозь облако фантастических легенд, и орден Святого Бенедикта, а также орден Святого Колумбы и некоторые другие, основанные по существу на том же принципе, вскоре распространились по большей части Европы, умерили дикие излишества бесполезных покаяний и, сделав труд неотъемлемой частью монашеской системы, направили движение к целям общей цивилизации. Наконец, нашествия варваров и распад Западной империи, расшатавшие всю систему правления и почти разложившие общество на его примитивные элементы, естественным образом возложили на монашеские корпорации социальные, политические и интеллектуальные функции глубочайшей важности.

Было замечено, что захват Рима Аларихом, повлекший за собой разрушение величайших религиозных памятников язычества, фактически установил в этом городе верховную власть христианства.³⁸⁶ Аналогичное замечание можно распространить и на общее падение западной цивилизации. В той цивилизации христианство действительно было законно возведено на престол; но философия и традиции язычества, а также укоренившиеся привычки древнего и в то же время изнеженного общества постоянно парализовывали его энергию. Какой была бы Европа без вторжений варваров, мы можем частично догадаться из истории [стр. 179] Нижней империи, которая фактически представляла собой древнеримскую цивилизацию, продолженную и обращенную в христианство. Завоевания варваров, разрушившие старую организацию, предоставили Церкви нетронутую почву и сделали ее на длительный период высшим и фактически единственным центром цивилизации.

Было бы трудно преувеличить мастерство и мужество, проявленные церковниками в этот самый тяжелый период. Мы уже видели благородную отвагу, с которой они вставали между победителем и побежденными, и неустанное милосердие, с которым они стремились облегчить беспримерные страдания Италии, когда колониальные поставки зерна были прекращены и когда прекраснейшие равнины были опустошены варварами. Еще более удивительным является быстрое обращение варварских племен. К сожалению, это одна из самых важных, но также и одна из самых неясных страниц в истории Церкви. О целых племенах или нациях можно с полным основанием сказать, что мы абсолютно не осведомлены о причине их изменений. Готы были обращены Ульфилой еще до падения Империи, а обращение германцев и нескольких

северных народов произошло намного позже; но великая работа по обращению в христианство варварского мира была завершена почти в тот час, когда этот мир стал верховным. Грубые племена, привыкшие на своих землях безоговорочно повиноваться своим священникам, оказались в чужой стране, столкнувшись лицом к лицу со священством, гораздо более цивилизованным и внушительным, чем то, которое они покинули, с пышными церемониями, хорошо приспособленными для соблазна, и угрозами грядущего суда, хорошо приспособленными для того, чтобы напугать их воображение. Оторванные от всех своих старых ассоциаций, они склонились перед величием цивилизации, и латинская религия, как и латинский язык, хотя и со многими искажениями, воцарилась в новом обществе. Доктрина исключительного спасения и доктрина демонов обладали замечательной миссионерской силой. Первый вызвал рвение к обращению в свою веру, с которым[стр. 180] политеист никогда не мог соперничать; в то время как язычнику, которого легко было привести к признанию христианского Бога, угрожал вечный огонь, если он не сделает следующий шаг и не порвет со своими старыми божествами. Второе избавляло новообращенного от, возможно, невыполнимой задачи отречения от своей прежней религии, поскольку ему было необходимо лишь унижить ее, приписав ее чудеса inferнальным существам. Священники, в дополнение к своей благородной преданности, приносили в свои миссионерские усилия самое виртуозное суждение. Варварские племена обычно, не задавая вопросов, следовали религии своего государя; и именно обращению короля, а еще больше обращению королевы христиане посвящали все свои силы. Клотильда, жена Хлодвига, Берта, жена Этельберта, и Теодолинда, жена Лотэра, были главными инструментами в обращении своих мужей и их народов. Ничем, что могло бы поразить воображение, не пренебрегали. О Клотильде рассказывают, что она старалась привлечь внимание своего мужа богатыми одеяниями церковных церемоний.³⁸⁷ В другом случае первая работа по обращению в свою веру была доверена художнику, который изобразил перед перепуганными язычниками страшный суд и адские муки.³⁸⁸ Но особенно движению помогала вера, которой искренне придерживались и усердно внушали, что за христианством следует временный успех и что каждая эпидемия, голод или военное бедствие являются наказанием за идолопоклонство, ересь, святотатство или порок. Теория была настолько обширной, что могла встретить любую судьбу, и, будучи преподана с непревзойденным мастерством варварам, которые были совершенно лишены всякой критической силы и сильно предрасположены принять ее, она оказалась чрезвычайно эффективной; и надежда, страх, благодарность и раскаяние привлекли множество людей в Церковь. [стр. 181] Переход был смягчен заменой праздников и божеств язычников христианскими церемониями и святыми.³⁸⁹ Помимо так называемых миссионеров, пленники-христиане ревностно распространяли свою веру среди своих языческих хозяев. Когда вождь был обращен, а армия последовала его профессии, возникла сложная монашеская и церковная организация, призванная укрепить завоевание, и репрессивные законы вскоре сокрушили всякое сопротивление вере.

Таким образом была достигнута победа христианства над варварским миром. Но эта победа, хотя и очень великая, была менее решающей, чем может показаться. Религия, которая называла себя христианством и которая содержала многие составляющие чистого христианства, достигла расцвета, но в ходе борьбы претерпела глубокие изменения. Религии, так же как и верующие, были крещены. Праздники, изображения и имена святых были заменены праздниками идолов, и привычки мышления и чувства древней веры вновь проявились в новых формах и на новом языке. Тенденция к материальной,

идолопоклоннической и политеистической вере, которая долгое время поощрялась монахами и которой еретики Иовиниан, Вигиланций и Аэрий тщетно сопротивлялись, фатально усилилась из-за вливания варварского элемента в Церковь, общего упадка интеллекта в Европе и множества приспособлений, которые были сделаны для облегчения обращения. Несмотря на очевидное поражение и сокрушение, старые боги все еще сохраняли, несмотря на новую веру, немалую часть своего влияния на мир.

Этой тенденции лидеры Церкви в целом не сопротивлялись, хотя в иной форме они были [стр. 182] глубоко убеждены в жизнеспособности старых богов. Множество любопытных и живописных легенд подтверждают распространенное мнение о том, что древнеримские и древне-варварские божества в качестве демонов все еще вели безжалостную войну против торжествующей веры. Великий папа VI века рассказывает, как еврей, однажды оказавшись в темноте во время своего путешествия и не найдя другого пристанища на ночь, прилег отдохнуть в заброшенном храме Аполлона. Содрогаясь от одиночества здания и опасаясь демонов, которые, как говорили, обитали в нем, он решил, хотя и не был христианином, защитить себя крестным знаменем, которое, как он часто слышал, обладало могущественной силой против духов. Этому знаку он был обязан своей безопасностью. Ибо в полночь храм наполнился темными и угрожающими фигурами. Бог Аполлон собирал свой двор в своем заброшенном святилище, а его слуги демоны рассказывали об искушениях, которые они придумали против христиан.³⁹⁰ Новобращенный римлянин, однажды играя в мяч, снял обручальное кольцо, которое, по его мнению, мешало игре, и весело надел его на палец статуи Венеры, стоявшей неподалеку. Когда он вернулся, мраморный палец согнулся так, что снять кольцо было невозможно, и той ночью богиня явилась ему во сне и сказала, что теперь она его законная жена и пребудет с ним вечно.³⁹¹ Однажды ночью ирландский миссионер Сент-Галл ловил рыбу на швейцарском озере, рядом с которым он основал монастырь, он услышал странные голоса, разносящиеся над пустынной глубиной. Дух Воды и Дух Гор совещались [стр. 183] вместе, как им изгнать незваного гостя, нарушившего их древнее правление.³⁹²

Подробности быстрого распространения западного монашества были подробно рассмотрены многими историками, и причины его успеха достаточно очевидны. Некоторые из причин, которые я назвал причиной первого распространения аскетизма, продолжали действовать, в то время как возникли другие, еще более могущественного рода. Быстрое разложение всей Римской империи в результате непрерывных вторжений варваров сделало существование неприкосновенного убежища и центра мирного труда делом исключительной важности, и монастырь, организованный святым Бенедиктом, вскоре объединил в себе самые разнородные элементы привлекательности. Это было одновременно в высшей степени аристократично и в высшей степени демократично. Власти и княжеского положения настоятеля желали и обычно получали члены самых знатных семей; в то время как освобожденные крепостные или крестьяне, потерявшие все во время нашествий, или подвергшиеся преследованиям со стороны дикой знати, или бежавшие с военной службы, или желавшие вести более безопасную и легкую жизнь, находили в монастыре надежное убежище. Это учреждение пользовалось всем влиянием огромного богатства, расходовавшегося по большей части с большой благотворительностью, в то время как сам монах был окружен ореолом священной бедности. Пылким и филантропическим натурам эта профессия открывала безграничные возможности для миссионерской, благотворительной и цивилизаторской деятельности. Для суеверных это была прямая дорога на небеса. Для честолюбивых это был портал в епископство, а после монаха святого Григория нередко и в папство. Прилежным людям это давало единственную

возможность, существовавшую тогда в мире, увидеть много книг и провести жизнь в учебе. Для робких и замкнутых это была самая безопасная и, вероятно, наименее трудоемкая жизнь, на которую мог надеяться бедный крестьянин. Какими бы огромными ни были толпы, заполнявшие монастыри, в средствах для их поддержки[стр. 184] никогда не было недостатка. Вера в то, что дары или наследие, переданные монастырю, открывают двери рая, была в суеверный век достаточной, чтобы обеспечить общине почти безграничное богатство, которое еще больше увеличивалось благодаря мастерству и упорству, с которыми монахи обрабатывали пустынные земли, освобождению своих владений от всех налогов и спокойствию, которым они обычно пользовались в самые беспокойные века. Во Франции, Нидерландах и Германии они были в высшей степени земледельцами. Гигантские леса были вырублены, негостеприимные болота восстановлены, бесплодные равнины возделаны их руками. Монастырь часто становился центром города. Это был центр цивилизации и промышленности, символ моральной силы в эпоху турбулентности и войн.

Однако следует отметить, что благотворное влияние монашеской системы неизбежно носило переходный характер, а последующее разложение было нормальным и неизбежным результатом ее устройства. Обширные общества, живущие в вынужденном безбрачии, обладающие неограниченным влиянием и обладающие огромным богатством, неизбежно должны были стать рассадниками коррупции, когда энтузиазм, породивший их, угас. Услуги, которые они оказывали в качестве центров сельского хозяйства, убежища путешественников, убежищ во время войны, противовеса баронскому замку, больше не требовались, когда прекратились конвульсии вторжения и когда гражданское общество было определенно организовано. И подобное наблюдение можно распространить даже на их моральный тип. Таким образом, хотя несомненно верно, что монахи-бенедиктинцы, сделав труд существенным элементом своей дисциплины, очень много сделали для того, чтобы стереть клеймо, наложенное на него рабством, также верно и то, что, когда промышленность вышла из своей начальной стадии, монашеские теории о святости бедности и зле богатства были ее самыми смертельными противниками. Догматическое осуждение теологами ссуд под проценты, которые являются основой промышленного предпринимательства, было выражением гораздо более глубокого антагонизма тенденций и идеалов.

[стр. 185]

В одном важном отношении переход от отшельнической к монашеской жизни включал в себя не только изменение обстоятельств, но и изменение характера. Привычка к послушанию и добродетель смирения заняли такое положение, которого они никогда прежде не занимали. Условия отшельнической жизни способствовали развитию в очень высокой степени духа независимости и духовной гордости, которые еще больше усиливались существовавшей в Церкви любопытной привычкой рассматривать каждого выдающегося отшельника как особый образец или исповедника какой-то особой добродетели и совершать паломничества к нему, чтобы изучить этот аспект его характера.³⁹³ Эти паломничества в сочетании с обычно уединенной и самодостаточной жизнью отшельника, а также с привычкой измерять прогресс почти исключительно подавлением физического аппетита, который вполне возможно полностью уничтожить, очень естественно привели к тому, что каждый выдающийся отшельник стал порождать крайнее высокомерие.³⁹⁴ Но в высокоорганизованных и дисциплинированных монастырях Запада пассивное послушание и смирение были самыми первыми вещами, которые прививались. Монастырь, помимо всех других учреждений, был школой для их

упражнений; и поскольку монах олицетворял высший моральный идеал того времени, послушание и смирение приобрели новую ценность в умах людей. Почти [стр. 186] все феодальные и другие организации, возникшие из хаоса, последовавшего за разрушением Римской империи, были тесно связаны с Церковью не только потому, что Церковь была сильнейшей силой в христианском мире и сама по себе являла собой замечательный образец организованного организма, но и потому, что она многое сделала для воспитания у людей привычек послушания. Особая ценность этого образования зависела от особых обстоятельств того времени. Древние цивилизации, и особенно римская, отнюдь не были лишены этих привычек; но именно в разгар распада старого общества и господства варваров, которые до высшей степени преувеличивали свою личную независимость, Церковь предложила почитаемому человечеству жизнь в пассивном послушании как высший идеал добродетели.

Привычка к послушанию не была чем-то новым в мире, но склонность к смирению была в высшей степени и почти исключительно христианской добродетелью; и, вероятно, нигде еще она не была так широко и успешно привита, как в монастыре. Вся покаянная дисциплина, весь уклад монашеской жизни был направлен на то, чтобы укротить всякое чувство гордыни и отвести смирению первостепенное место в иерархии добродетелей. Здесь мы имеем дело с одним великим источником умиротворяющего влияния католицизма. Более мягкие добродетели — благожелательность и дружелюбие — могут существовать, и в развитой цивилизации часто так и происходит, в натурах, полностью лишенных подлинного смирения; но, с другой стороны, едва ли возможно, чтобы натура была проникнута глубоким чувством смирения без того, чтобы это чувство оказывало смягчающее влияние на весь характер. Чтобы превратить свирепую воинственную натуру в характер более мягкого типа, первое, что необходимо, — пробудить это чувство. В монастырях угасание социальных и семейных чувств, узкий корпоративный дух и, что еще более важно, жестокие мнения, которые были распространены относительно вины за ересь, вызвали во многих умах крайнюю и наиболее активную свирепость; но практика благотворительности и идеал смирения никогда не переставали оказывать некоторое смягчающее влияние на христианский мир.

Но, каким бы выгодным ни было временное превосходство этого морального типа, оно явно не подходило для более поздней стадии цивилизации. Политическая свобода почти невозможна там, где господствует монашеская система, не только потому, что монастыри перенаправляют энергию нации из гражданских каналов в церковные, но и потому, что монашеский идеал является апофеозом рабства. Католицизм оказался превосходно приспособленным одновременно и для смягчения, и для увековечения деспотизма. Когда люди научатся почитать жизнь в пассивном, неразумном повиновении как высший тип совершенства, энтузиазм и страсть к свободе неизбежно пойдут на убыль. В этом отношении существует аналогия между монашеским и военным духом, оба из которых поощряют и прославляют пассивное послушание и, следовательно, готовят умы людей к деспотическому правлению; но, в целом, монашеский дух, вероятно, более враждебен свободе, чем военный дух, поскольку послушание монаха основано на смирении, в то время как послушание солдата сосуществует с гордыней. Итак, значительная доля гордости, или самоутверждения, является неизменной характеристикой свободных сообществ.

Господство, которое монашеская система придавала добродетели смирения, прекратилось. Эта добродетель действительно является венцом изящества и красоты наиболее совершенных характеров святого типа; но опыт показал, что среди обычных людей смирение более склонно

вырождаться в раболепие, чем гордость в высокомерие; и современные моралисты более успешно апеллируют к чувству достоинства, чем к противоположному чувству. Два наиболее важных шага в более поздней истории морали заключались в воспитании чувства гордости как родителя и хранителя многих добродетелей. Первым из этих посягательств на монашеский дух было рыцарство, которое породило гордую и ревнивую воинскую честь, которая с тех пор никогда не угасала. [стр. 188] Вторым было создание того чувства самоуважения, которое является одной из самых замечательных характеристик, отличающих протестантов от большинства католического населения, и которое оказалось среди первых бесценным моральным агентом, формируя откровенные и независимые натуры и сдерживая все рабские привычки и все низкие и унижающие достоинство пороки.³⁹⁵ Особую силу, с которой оно было развито в протестантских странах, можно отнести к подавлению монашеских институтов и привычек; к клейму, которое протестантизм наложил на нищенство, которое католицизм обычно прославлял и поощрял; к тому высокому месту, которое протестантизм отводил частному суждению и личной ответственности; и, наконец, к действию свободных политических институтов, которые пустили самые глубокие корни там, где были приняты принципы Реформации.

Отношение монастырей к интеллектуальным добродетелям, которое нам предстоит рассмотреть далее, открывает широкое поле для [стр. 189] обсуждения; и, чтобы оценить его, необходимо будет ненадолго вернуться к несколько более раннему этапу церковной истории. И, во-первых, можно заметить, что фраза "интеллектуальная добродетель", которая часто используется в метафорическом смысле, допускает строго буквальное толкование. Если искреннее и активное стремление к истине является моральным долгом, то дисциплина и установки, которые явно присутствуют в каждом честном поиске, строго укладываются в рамки этики. Искренне любить истину - значит стремиться к ней с серьезным, добросовестным, неослабевающим рвением. Это значит быть готовым следовать за светом доказательств даже к самым нежелательным выводам; усердно трудиться над освобождением ума от ранних предрассудков; сопротивляться течению желаний и преломляющему влиянию страстей; во всех случаях соизмерять убежденность с очевидностью и быть готовым, если потребуется, обменять спокойствие уверенности на все страдания сбитого с толку и встревоженного ума. Сделать это очень трудно и очень болезненно; но это явно связано с понятием искренней любви к истине. Таким образом, если какая-либо система клеймит состояние сомнения как преступное, осуждает изучение какого-либо одного класса аргументов или фактов, стремится внести предвзятость чувств в исследования разума или рассматривает честный вывод честного исследователя как предполагающий моральную вину, эта система подрывает интеллектуальную честность.

Среди древних, хотя методы исследования часто были очень ошибочными, а обобщения - очень поспешными, было широко распространено уважение к честному поиску истины.³⁹⁶ Были, как мы уже видели, случаи, когда определенные религиозные обряды, которые рассматривались как свидетельства лояльности или как необходимые для умиловливания богов в пользу государства, насаждались законом; было даже несколько примеров философских учений, которые, как считалось, приводили непосредственно к аморальным результатам или

социальным потрясениям, будучи запрещенными. подавлялось; но, как правило, спекуляции не имели ограничений, представление о наличии какой-либо необходимой вины в ошибочном мнении было неизвестно, и к самым смелым исследователям относились с почетом и восхищением. Религиозная теория язычества оказала в этом отношении некоторое влияние. Политеизм, при многих недостатках, обладал тремя большими достоинствами. Он был в высшей степени поэтичен, в высшей степени патриотичен и в высшей степени терпим. Концепция обширной иерархии существ, более славных, чем люди, но не совсем непохожих на них, управляющих всеми явлениями природы и наполняющих вселенную своими деяниями, была главной пищей греческого воображения. Национальные религии, переплетающие религиозные церемонии и ассоциации со всей гражданской жизнью, концентрировали и усиливали чувство патриотизма, а представление о множестве различных групп богов заставляло людей терпимо относиться ко многим формам поклонения и большому разнообразию вероучений. В той колоссальной смеси народов, метрополией которой стал Рим, интеллектуальная свобода продвинулась еще дальше; огромное разнообразие философий и верований распространялось беспрепятственно; поиск истины считался важным элементом добродетели, а безжалостная и самая скептическая критика, которую Сократ применял по очереди ко всем фундаментальным положениям народных верований, оставалась примером для его преемников.

Мы уже видели, что одной из ведущих причин быстрого прогресса Церкви было то, что ее учителя утверждали свои отличительные догматы как абсолютно необходимые для спасения и, таким образом, с большим преимуществом атаковали сторонников всех других вероучений, которые не претендовали на этот исключительный авторитет. Мы также видели, что в эпоху великой и растущей доверчивости они были заметны своим утверждением обязанности абсолютной, безоговорочной веры. Представление о виновности как в ошибке, так и в сомнении быстро росло, и, будучи[стр. 191] вскоре расцененным как фундаментальный принцип, оно определило весь курс и политику Церкви.

И здесь, я думаю, будет не лишним остановиться на мгновение и попытаться выяснить, какая неверно понимаемая истина лежит в основе этого фатального догмата. Рассматриваемое абстрактно и в свете природы, говорить об аморальности интеллектуальной ошибки так же бессмысленно, какбыло бы говорить о цвете звука. Если человек искренне убедил себя, что параллельные линии могут пересекаться или что две прямые линии могут ограничивать пространство, мы объявляем его суждение абсурдным; но оно лишено всякого налета безнравственности. И если вместо неспособности оценить очевидную истину его ошибка заключалась в ложной оценке противоречивых аргументов исторической проблемы, то эта ошибка — при условии, что исследование всегда было честным — все еще остается просто внешней по отношению к сфере морали. Возможно, что его заключение, ослабляя какой-либо барьер против порока, может привести к порочным последствиям, подобным тем, которые могут возникнуть в результате какого-либо опрометчивого изменения полицейских сил; но из этого ни в коей мере не следует, что решение само по себе является преступным. Если ученик с одинаковыми предрасположенностями относится к римской и еврейской истории, ошибки, которые он может совершить в последней, не более аморальны, чем те, которые он может совершить в первой.

Однако есть два случая, в которых можно с полным основанием сказать, что интеллектуальная ошибка влечет за собой вину или, по крайней мере, представляет ее. Во-первых, ошибка очень часто проистекает из частичного или полного отсутствия той ментальной

предрасположенности, которая подразумевается в настоящей любви к истине. Лицемеры, или люди, которые из корыстных побуждений исповедуют мнения, в которые на самом деле не верят, вероятно, встречаются реже, чем обычно предполагается; но было бы трудно переоценить количество тех, чьи подлинные убеждения обусловлены безоговорочной предвзятостью их интересов. Под термином "интересы" я подразумеваю не только материальное благополучие, но и всю ту умственную роскошь, [стр. 192] все те русла или каналы для размышлений, следовать которым легко и приятно, но болезненно и трудно отказаться. Таковы любовь к легкости, любовь к определенности, любовь к системе, предвзятость страстей, ассоциации воображения, а также более грубые влияния социального положения, семейного счастья, профессионального интереса, партийных чувств или амбиций. У большинства людей любовь к истине настолько слаба, а нежелание сталкиваться с душевными страданиями настолько велико, что они без усилий отдают свои суждения течению, отстраняют свой разум от всех мнений или аргументов, противоречащих их собственным, и таким образом быстро убеждают себя в истинности того, во что они хотят верить. Тот, кто действительно любит истину, обязан, по крайней мере, попытаться противостоять этим искажающим влияниям, и в той мере, в какой его мнения являются результатом того, что он этого не сделал, в той мере они представляют собой моральный недостаток.

Далее следует отметить, что каждое моральное предрасположение влечет за собой интеллектуальные предубеждения, которые оказывают большое, а часто и контролирующее и решающее влияние даже на самого серьезного исследователя. Если мы знаем характер или склонности человека, мы обычно можем с приемлемой точностью предсказать многие из его мнений. Мы можем сказать, на какую сторону политики, к каким канонам вкуса, к какой теории морали он естественным образом склонится. Суровые, героические и надменные натуры склоняются к системам, в которых эти качества занимают первостепенное положение в моральном типе, в то время как мягкие натуры столь же естественно склоняются к системам, в которых высшим приоритетом являются дружелюбные добродетели. Побуждаемый своего рода моральным притяжением, исследователь будет незаметно скользить к системе, соответствующей его склонностям, и интеллектуальные трудности редко будут останавливать его. Тот, кто не заметил, насколько постоянна эта связь, и как очень редко люди кардинально меняют принципы, которые они сознательно приняли в религиозных, моральных или даже политических вопросах, мог наблюдать человеческую природу без особых результатов, [стр. 193] без того, чтобы этому изменению не предшествовало, не сопровождалось или очень быстро не последовало серьезное изменение характера. Точно так же порочная и развращенная натура, или натура жесткая, ограниченная и несимпатичная, будет склонна, гораздо меньше из-за расчета или лени, чем из-за естественной склонности, к низким и унижающим достоинство взглядам на человеческую природу. Те, кто никогда не испытывал высших эмоций, вряд ли оценят их по достоинству. Материалы, из которых строится интеллект, часто берутся из сердца, и поэтому нравственная болезнь нередко лежит в основе ошибочного суждения.

Я думаю, нельзя сказать, что из этих двух истин первая оказала какое-либо влияние на формирование теологического представления о виновности в ошибке. Сложный процесс умственной дисциплины, направленный на укрепление критических способностей ума, совершенно далек от духа теологии; и это одна из главных причин, почему рост индуктивного и научного духа неизменно враждебен теологическим интересам. Повысить необходимый стандарт доказательства, привить твердость и неторопливость веры - вот первая задача

человека, рассуждающего индуктивно. Он с большим благоволением смотрит на состояние отсроченного суждения; он поощряет людей скорее продлевать, чем сокращать его; он рассматривает склонность человеческого разума к быстрым и преждевременным обобщениям как один из его самых пагубных пороков; он особенно желает, чтобы то, во что верят, не лелеялось настолько, чтобы разум не был склонен допускать сомнения или, при появлении новых аргументов, беспристрастно пересматривать свои выводы. Почти всем величайшим интеллектуальным достижениям последних трех столетий предшествовал рост скептицизма и был подготовлен им. Исторический скептицизм, который Вико, Бофор, Пуйи и Вольтер в прошлом веке, а также Нибуэр и Льюис в нынешнем столетии применяли к древней истории, лежит в основе всех великих современных усилий по реконструкции истории человечества. Великолепные открытия физической науки были бы невозможны, если бы [стр. 194] научный скептицизм школы Бэкона, который рассеял старые теории о вселенной и побудил людей требовать строгих доказательств, совершенно неизвестных древним. Философский скептицизм, которым закончилась система Юма и началась система Канта, придал величайший современный импульс метафизике и этике. Следовательно, в точности пропорционально тому, как люди получают образование в индуктивной школе, они отчуждаются от тех теологических систем, которые представляют состояние сомнения как греховное, стремятся управлять разумом с помощью интересов и привязанностей и ставят своей главной целью уничтожение беспристрастности суждения.

Но хотя трудно смотреть на католицизм в каком-либо ином свете, кроме как на самого смертельного врага научного духа, он всегда искренне признавал самую важную истину, что характер в очень большой степени определяет мнения. Его усилиями всегда было культивирование морального типа, наиболее соответствующего мнениям, которые оно желает рекомендовать, и убеждение в том, что отклонение от этого типа часто было предрасполагающей причиной интеллектуальной ереси, несомненно, сыграло большую роль в первом убеждении в виновности ошибки. Но священнические и другие влияния вскоре сговорились расширить это учение. Множество спекулятивных, исторических и административных положений утверждалось как необходимое для спасения, и все, кто их отвергал, были совершенно чужды узам христианского сочувствия.

Если, действительно, мы оставим в стороне чистое учение основателей христианства и рассмотрим действительную историю Церкви со времен Константина, мы не найдем оправдания популярной теории о том, что под ее влиянием узкий дух патриотизма превратился в широкую и космополитическую филантропию. Подлинное, хотя и несколько вялое чувство всеобщего братства уже возникло в мире благодаря универсальности Римской империи. В новой вере диапазон подлинного сочувствия был строго ограничен символом веры. Согласно распространенному мнению, все, кто расходился с учением ортодоксов, жили под гнетом Всемогущего и были обречены после смерти на вечные муки. Поэтому вполне естественно, что они были полностью отчуждены от истинно верующих, и никакое моральное или интеллектуальное превосходство не могло искупить их преступление в распространении заблуждения. Восемьдесят или девяносто сект, [397](#) на которые быстро разделилось христианство, ненавидели друг друга с такой силой, что вызывали удивление Юлиана и насмешки александрийских язычников, а жестокие беспорядки и преследования, вызванные этой ненавистью, упоминаются на каждой странице церковной истории. Действительно, в этом зрелище есть что-то одновременно гротескное и ужасное. Донатисты, отделившись от православных просто из-за вопроса о действительности хиротонии определенного епископа,

объявили, что все, кто принимает православные взгляды, должны быть прокляты, отказались совершать свои обряды в захваченных ими православных церквях, пока не сожгли алтарь и не соскребли дрова, забили множество людей до смерти дубинками, ослепили других, помазав им глаза известью, на протяжении почти двух столетий наполняли Африку войной и опустошением и в значительной степени способствовали ее окончательному разрушению.³⁹⁸ Ребяческий и почти неразборчивый текст. ссоры между гомоусианцами и гомоусианками, между теми, кто утверждал, что природа Христа подобна природе Отца, и теми, кто утверждал, что это одно и то же, наполнили мир бунтом и ненавистью. Католики рассказать, как арианский император вызвал восемьдесят священников топили в каждом отдельном случае;³⁹⁹ как три тысячи человек, погибших в беспорядках, которые потрясли Константинополь, когда Ариан епископ Македония заменил Афанасьевский пол;⁴⁰⁰ как Георгий из Каппадокии, арианский епископ Александрийский, [стр. 196] вызвало вдов Афанасьевский партии били по подошвам ног, святые девы, чтобы быть раздетым догола, чтобы выпороть с колючими ветвями пальм, или медленно выжженный на огне, пока они не отреклись от своей веры.⁴⁰¹ торжество католиков в Египте был в сопровождении (если мы можем верить торжественным заверениям восемьдесят Ариан епископы) на все разнообразие, как грабеж, убийство, святотатство, и возмущение,⁴⁰² и сам Арий был, вероятно, отравлен католических руках.⁴⁰³ последователей святого Кирилла Александрийского, которые были в основном монахи, наполнили свои города с беспорядками и кровопролитием, ранил префекта Ореста, как бы омрачает чистое и одаренных Ипатия в одну из их церквей, убили ее, рвали плоть с ее костей с острыми ракушками, и, раздели ее тело голое, швырнул ее изувеченные останки в пламя.⁴⁰⁴ в Ефесе, во время борьбы между св. Кириллом и несториане, собор и сама была ареной ожесточенной и кровопролитной конфликта.⁴⁰⁵ Константинополь, по случаю низложения ул. Златоуста, несколько дней пребывал в состоянии абсолютной анархии.⁴⁰⁶ После Халкидонского собора Иерусалим и Александрия снова были потрясены, а епископ последнего города был убит в своей баптистерии.⁴⁰⁷ Примерно пятьдесят лет спустя, когда монофизитский спор был в самом разгаре, дворец императора в Константинополе был блокирован, церкви осаждены, а на улицах хозяйничали разъяренные банды враждующих монахов.⁴⁰⁸ На время подавленные, беспорядки прекратились. разбили два года спустя с возросшей свирепостью, и почти все ведущие города Востока были наполнены монахами кровопролитием и негодованием.⁴⁰⁹ Св. Сам Августин обвиняется в возбужденном всякого рода интересных гонения на полу-Pelagians.⁴¹⁰ Советов, анимированные почти безумной ненависти, призвал их анафем с конкурирующих сект.⁴¹¹ в разделе "разбойник Совета" Эфес, Flavianus, епископ Константинопольский, был изгнан и избит епископ Александрийский, или, по крайней мере, его последователи, и спустя несколько дней умер от последствий ударов.⁴¹² в выборах, что привело к избранию св. Дамасия, как Папа Римский, хотя и не богословский вопрос, кажется, был под вопросом, беспорядки были настолько ожесточенные, что сто тридцать семь трупов были обнаружены в одной из церквей.⁴¹³ прецедент [стр. 198] еврейских гонений идолопоклонства были приведены св. Киприана, в третьем веке, в пользу отлучения,⁴¹⁴ призвала Optatus, в царствование императора Константина в пользу гонимых донатисты;⁴¹⁵ в следующее царствование мы видим большое количество христиан, представляя императору прошение, исходя из этого прецедента, умоляя его силой уничтожить языческого культа.⁴¹⁶ около пятнадцати лет, вся христианская церковь была готова, на тех же основаниях, для поддержки гонимых политики Святого Амвросия,⁴¹⁷ конкурирующих сект, нашел, в обязанность дробления религиозной свободы, одиночные принципом, на котором они были согласованы. Самые неагрессивные и ненавязчивые формы язычества преследовались с такой же жестокостью.⁴¹⁸ Принести жертву

- значило совершить тяжкое преступление; повесить простой венок - значило подвергнуться конфискации имущества. Благороднейшие произведения азиатской архитектуры и греческой скульптуры погибли в результате того же иконоборчества, которое разрушило скромный храм, в котором крестьянин любил молиться, или домашних богов, освящавших его дом. Не было слишком слабых разновидностей верований, чтобы новая нетерпимость могла вызвать озлобление. Считалось, что вопрос о надлежащем времени празднования Пасхи связан с вопросом спасения или проклятия;⁴¹⁹ и когда, много лет спустя, в четырнадцатом веке, [стр. 199] вопрос о природе света при преображении обсуждался в Константинополе, те, кто отказывался признать, что этот свет был нетварным, были лишены почестей христианского погребения.⁴²⁰

Вместе с этими законодательными и церковными мерами возникла литература, превосходящая по своей лживой жестокости любую другую, известную миру. Авторы полемики обычно изображали демонами тех, кто отклонялся от ортодоксальной веры, злорадствовали с мстительным благочестием по поводу страданий еретика на земле, как по поводу Божественного наказания, а иногда с почти сверхчеловеческой злобой, переходя в воображении за порог могилы, недвусмысленно ликовали по поводу пыток, которые, по их мнению, были уготованы ему навеки. Некоторые люди, такие как Синезий, Василий или Сальвиан, все еще могли находить некоторое превосходство в язычниках или еретиках, но их искренность была совершенно исключительной; и тот, кто сравнит прекрасные картины, которые греческие поэты давали своим троянским противникам, или римские историки - врагам своей страны, с теми, которые церковные писатели на протяжении многих веков почти неизменно давали всем, кто был против их Церкви, может легко оценить, до какой степени отступили симпатии космополитов.

Однако в тот период, когда западные монастыри начали выполнять свои интеллектуальные функции, господство католицизма было почти установлено, и полемический пыл начал ослабевать. Литературное рвение Церкви принимало другие формы, но все они были глубоко пропитаны монашеским духом. Трудно или невозможно представить, каким было бы интеллектуальное будущее мира, если бы католицизм никогда не возник — какие принципы или импульсы направляли бы развитие человеческого разума или какие новые институты были бы созданы для его культуры. Под влиянием католицизма монастырь стал единственной сферой интеллектуального труда, и на протяжении многих веков он продолжал занимать это положение. Не вдаваясь в что-либо похожее на историю литературы, что было бы чуждо целям настоящей работы, я попытаюсь кратко оценить способ, которым она выполняла свои функции.

Первая мысль, которая естественным образом наводит на мысль об интеллектуальных услугах монастырей, - это сохранение писаний язычников. Я уже отмечал, что среди ранних христиан существовали заметные различия в тематике их писаний. Школа, которую представлял Тертуллиан, относилась к ним с отвращением; в то время как платоники, которых представляли Юстин Мученик, Климент Александрийский и Ориген, не только с большой сердечностью признавали их красоту, но даже воображали, что могут обнаружить в них как следы первоначального Божественного вдохновения, так и плагиат из еврейских писаний. Избегая, по большей части, этих крайностей, святой Августин, великий организатор Западного христианства, относится к языческим писаниям с глубоким уважением. Сам он приписывал свое первое обращение с пути порока "Гортензию" Цицерона, и его произведения полны разборчивых и часто очень красивых применений древнеримской литературы. Попытка Юлиана

помешать христианам преподавать классику и крайнее негодование, вызванное этой попыткой, показывают, как высоко христианские лидеры того периода ценили эту форму образования; и, естественно, она была особенно популярна из-за соперничества. Влияние неоплатонизма, крещение множества номинальных христиан после Константина и упадок рвения, который неизбежно сопровождал процветание, - все это по-разному имело одну и ту же тенденцию. У Синезия мы сталкиваемся с любопытным феноменом епископа, который, не довольствуясь провозглашением себя восхищенным другом [стр. 201] язычницы Гипатии, открыто заявил о своем полном неверии в воскресение тела и своей твердой приверженности платоновскому учению о предсуществовании душ.⁴²¹ Если бы возобладала церковная теория, которая давала такую свободу действий даже руководителям Церкви, ход христианства был бы совсем другим. Однако в Риме возник реакционный дух. Доктрина исключительного спасения обеспечила его интеллектуальную основу; политический и организаторский гений римских священнослужителей побудил их придать вере жесткую форму; гений святого Григория руководил движением,⁴²² и ряд исторических событий, из которых наиболее важными были церковное и политическое отделение Западной империи от спекулятивных греков, а также вторжение и обращение варваров, определенно утвердили господство католического типа. В конвульсиях, последовавших за вторжениями варваров, интеллектуальная энергия светского толка почти полностью иссякла. Действительно, в шестом веке при дворе Теодориха в Равенне забрезжил прощальный отблеск, украшенный гением Боэция и талантом Кассиодора и Симмаха, но после этого в течение длительного периода литература состояла почти исключительно из проповедей и житий святых, которые сочинялись в монастырях.⁴²³ Григория Турского сменил на посту летописца все еще более слабый Фредегариус, и затем наступил долгий и абсолютный пробел. В нескольких отдаленных странах наблюдалось некоторое слабое оживление. Святой Леандр и святой Исидор основали в Севилье школу, которая процветала в седьмом веке, а отдаленные монастыри Ирландии несколько позже продолжали оставаться вместилищами знаний; но остальная Европа погрузилась в почти абсолютное оцепенение, пока рационализм Абельяра и события, последовавшие за крестовыми походами, не положили начало возрождению образования. Главной услугой, которую католицизм оказал в этот период языческой литературе, вероятно, было увековечение латыни как священного языка. О полном отсутствии всякого любопытства к этой литературе свидетельствует тот факт, что греческий язык был доведен до почти полного исчезновения, хотя не было времени, когда западные народы не поддерживали каких-либо отношений с греческой империей или когда паломничества в Святую Землю полностью прекращались. Изучение латинских классиков по большей части положительно не поощрялось. Считалось, что писатели горели в аду; монахи были слишком раздуты своими мнимыми знаниями, чтобы относиться с каким-либо уважением к писателям-язычникам, а периодические панические настроения по поводу приближающегося конца [стр. 203] мира постоянно сдерживали любое желание к светским знаниям.⁴²⁴ У некоторых монахов, когда они находились под дисциплиной молчания и хотели попросить Вергилия, Горация или любое другое произведение язычников, был обычай выражать свое желание почесыванием ушей, как у собаки, к какому животному, как считалось, могли относиться язычники. разумное сравнение.⁴²⁵ Говорят, что в течение некоторого времени монастыри содержали единственные библиотеки в Европе и, следовательно, были единственными хранилищами языческих рукописей; но мы не можем из этого сделать вывод, что, если бы монастырей не существовало, на их месте не возникли бы подобные библиотеки. Случайному усердию монахов в копировании произведений древности мы должны противопоставить усердие, которое они проявляли, хотя главным образом в несколько более поздний период, в соскабливании древних пергаментов,

чтобы, уничтожив письма язычников, они могли покрыть их своими собственными легендами.⁴²⁶

Однако есть некоторые аспекты, в которых монашеский период литературы предстает в высшей степени прекрасным. Раздражительность [стр. 204], нетерпение и крайняя напряженность современной литературной жизни, множество парализующих тревог и лихорадочная жажда аплодисментов, которая извращает столь многие благородные умы, были тогда неизвестны. Оторванный от всех забот активной жизни, в глубоком покое монастыря, куда никогда не могла прийти суматоха внешнего мира, ученый-монах продолжал свои исследования в духе, который сейчас почти исчез из этого мира. Никакие сомнения никогда не тревожили его разум. Ему казалось, что проблема Вселенной решена. Вечно рассуждая с непоколебимой верой о невидимом мире, он научился жить только для него. Его надежды были сосредоточены не на человеческом величии или славе, а на прощении его грехов и на награде в более счастливом мире. Множество причудливых и часто красивых легенд иллюстрируют глубокий союз, существовавший между литературой и религией. О Кэдмоне, первом великом поэте англосаксов, рассказывают, что он не находил в светской жизни выхода своему скрытому гению. Когда воины, собравшись на свои пиры, по очереди воспевали войну или красоту, когда инструмент переходил к нему, он вставал и уходил с опечаленным сердцем, ибо он один не мог облечь свои мысли в стихи. Усталый и подавленный, он прилег отдохнуть, когда во сне ему явилась фигура и приказала ему спеть "Сотворение мира". Порыв религиозного рвения пронзил его мозг, его заточенный интеллект высвободился, и вскоре он стал выдающимся поэтом своей страны.⁴²⁷ Испанский мальчик, долго и тщетно пытавшийся справиться со своей задачей и доведенный до отчаяния суровостью своего учителя, сбежал из отцовского дома. Утомленный странствиями и полный тревожных мыслей, он присел отдохнуть на краю колодца, когда его внимание привлекла глубокая борозда в камне. Он попросил девушку, которая набирала воду, объяснить это, и она сказала ему, что она была изношена из-за постоянного истирания веревки. Бедный мальчик, который [стр. 205] уже был полон раскаяния в содеянном, распознал в ответе Божественный намек. "Если бы, - подумал он, - при ежедневном использовании мягкая веревка могла таким образом проникнуть сквозь твердый камень, то, несомненно, долгое упорство могло бы преодолеть тупость моего мозга". Он вернулся в дом своего отца; он трудился с удвоенным усердием и дожил до того, чтобы стать великим святым Исидором Испанским.⁴²⁸ Говорят, что монах, который вел порочную жизнь, был спасен от ада, потому что было обнаружено, что его грехи, хотя и были очень многочисленными, были просто превышены числом букв написанной им увесистой и набожной книги.⁴²⁹ Святой Дух в образе голубя вдохновлял святого Григория; и труды святого Фомы Аквинского, и других святых. из нескольких других богословов, был явно одобрен Христом или его святыми. Когда через двадцать лет после смерти была вскрыта гробница некоего писателя-монаха, было обнаружено, что, хотя остальная часть тела рассыпалась в прах, рука, державшая перо, оставалась гибкой и не подверглась разложению.⁴³⁰ Когда-то молодой и безымянный ученый был похоронен недалеко от женского монастыря в Бонне. В ночь после его похорон монахиня, чья келья выходила окнами на кладбище, была разбужена ярким светом, заполнившим комнату. Она встрепелась, вообразив, что уже наступил день, но, выглянув наружу, обнаружила, что все еще ночь, хотя вокруг царил ослепительное великолепие. Над могилой ученого склонилась женщина несравненной красоты. Сияние ее красоты наполнило воздух светом, и она прижала к сердцу белоснежного голубя, который поднялся ей навстречу из гробницы. Это была Мать [стр. 206]

Бога, пришедшего принять душу ученого-мученика; “ибо и ученые, - добавляет старый хронист, - тоже мученики, если они живут в чистоте и мужественно трудятся”.⁴³¹

Но легенды такого рода, хотя и не лишенные реальной красоты, не должны закрывать от нас тот факт, что период католического господства в целом был одним из самых прискорбных в истории человеческого разума. Энергия христианского мира была отвлечена от всех полезных и прогрессивных исследований и полностью растрочена на теологические изыскания. Множество суеверий, приписываемых непогрешимой мудрости, преграждало путь знанию, а обвинение в магии или ереси подавляло всякое смелое исследование в сфере физической природы или мнений. Прежде всего, условия истинного исследования были прокляты Церковью. Слепая, не задающая вопросов доверчивость прививалась как первейшая из обязанностей, и вследствие этого осуждались привычка сомневаться, беспристрастность взвешенного суждения, желание выслушать обе стороны в спорном вопросе и освободить суждение от необоснованного предубеждения. Вера в виновность ошибок и сомнений стала всеобщей, и эту веру можно с уверенностью назвать самым пагубным суеверием, которое когда-либо было распространено среди человечества. Ошибочные факты исправляются путем расследования. Ошибочные методы исследования, хотя и гораздо более укоренившиеся, постепенно видоизменяются; но дух, который уклоняется от исследования как от греховного и считает состояние сомнения состоянием вины, является самой стойкой болезнью, которая может поразить разум человека. Интеллектуальное возрождение Европы началось только после того, как образование в Европе перешло от монастырей к университетам, только после того, как мусульманская наука, классическая свободомыслие и промышленная независимость сломили скипетр Церкви.

Я осознаю, что столь сильное заявление об интеллектуальной тьме средневековья, вероятно, встретит противодействие [стр. 207] со многих сторон. Слепота, которую философы восемнадцатого века проявили с лучшей стороны, вызвала реакцию, которая привела многих к противоположной и, я полагаю, гораздо более ошибочной крайности. Некоторые стали восхвалителями того периода из-за любви к его особым теологическим доктринам, а другие из-за археологического энтузиазма, в то время как очень претенциозная и догматичная, но, я думаю, иногда поверхностная школа писателей, которые громко хвалятся тем, что они обновители истории, и относятся с величайшим презрением ко всем разновидностям теологических мнений, привыкли, частично из-за очень поверхностного исторического оптимизма, который едва ли допускает возможность регресса, а частично из-за симпатии к деспотическому характеру католицизма, превозносить средневековое общество в самых экстравагантных выражениях. Не вдаваясь в пространное рассмотрение этого предмета, мне, возможно, будет позволено кратко указать на две или три ошибки, которые постоянно проявляются в их оценках.

Неоспоримой истиной является то, что в течение значительного периода почти все знания Европы хранились в монастырях, и из этого постоянно делается вывод, что, если бы этих учреждений не существовало, знания были бы полностью уничтожены. Но такой вывод, на мой взгляд, совершенно неверен. В период языческой империи интеллектуальная жизнь была распространена по обширной части земного шара. Египет и Малая Азия стали великими центрами цивилизации. Греция все еще была страной знаний. Испания, Галлия и даже Британия в ⁴³² году были полны библиотек и учителей. Школы Нарбонны, Арля, Бордо, Тулузы, Лиона, Марселя, Пуатье и Трева уже были знамениты. Христианский император Грациан в 376

году н.э. внедрил в Галлии систему, подобную той, которая [стр. 208] уже при Антонинах применялась в Италии, предписав, чтобы учителя получали государственную поддержку в каждом ведущем городе.⁴³³ Предположить, что латинская литература, получившая столь широкое распространение, могла полностью исчезнуть, или что всякий интерес к ней мог навсегда прекратиться, даже при крайне неблагоприятных обстоятельствах, последовавших за падением Римской империи и началом Второй Мировой войны. Мусульманские вторжения, на мой взгляд, абсурдны. Если бы католицизма никогда не существовало, человеческий разум искал бы другие сферы для своего развития, и по крайней мере часть сокровищ древности была бы сохранена другими способами. Монастыри, как объединения мирных людей, защищенные от набегов варваров, вполне естественно стали резервуарами, в которые стекались потоки литературы; но многое из того, что они изображали созданными, на самом деле они только привлекали. Нерушимая святость, которую они обеспечивали, сделала их бесценными вместилищами древних знаний в период анархии и непрекращающихся войн, а усердие монахов в переписывании, вероятно, более чем уравнивало их усердие в уничтожении классических произведений. Церковное единство христианского мира также имело чрезвычайное значение для того, чтобы сделать возможным общий обмен идеями. Можно обоснованно усомниться в том, перевесили ли эти заслуги интеллектуальное зло, являющееся результатом полного отвлечения человеческого разума от всего светского обучения и от настойчивого привития, по долгу службы, той привычки к низменной доверчивости, искоренить которую является первой задачей интеллектуального реформатора.

Нередко, опять же, приходится слышать, как предыдущая логическая ошибка излагается в несколько иной форме. Нам напоминают, что почти все гениальные люди на протяжении нескольких столетий были великими теологами, и нас просят представить себе нечто большее, чем египетская тьма, которая бы преобладала, если бы [стр. 209] католической теологии, которая их породила, не существовало. Это суждение напоминает суждение заключенного из известного отрывка Цицерона, который, проведя всю свою жизнь в темной темнице и видя дневной свет только по единственному лучу, проходившему через щель в стене, пришел к выводу, что если убрать стену, то трещины больше не будет, и весь свет исчезнет. Средневековый католицизм всячески препятствовал и подавлял светские исследования, в то время как выдающемуся теологу он предоставлял монополию на богатство, почести и власть. Поэтому вполне естественно, что она привлекла на путь теологии гения, который существовал бы и без нее, но при других обстоятельствах проявился бы в других формах.

Однако из этого не следует делать вывод, что средневековый католицизм не обладал в сфере интеллекта какой-либо реальной творческой силой. Большой моральный или религиозный энтузиазм всегда пробуждает определенную долю гениальности, которая в противном случае не существовала бы или, по крайней мере, не проявлялась, и монастыри были особенно приспособлены для развития определенных складов ума, которые ни в какой другой сфере не могли бы так полно проявиться. Великие труды святого Фомы Аквинского⁴³⁴ и его последователей, а в более современные времена - огромная и добросовестная эрудиция бенедиктинцев, всегда будут делать определенные периоды монашеской истории почитаемыми учеными. Но, когда мы вспоминаем, что на протяжении многих веков почти каждый, обладающий каким-либо литературным вкусом или талантами, становился монахом, когда мы вспоминаем, что эти монахи были знакомы с языком и легко могли быть знакомы с благородной литературой древнего Рима, и когда [стр. 210] мы также рассматриваем образ их жизни, который, казалось бы, из-за его свободы от забот и из-за самого однообразия его рутины,

специально рассчитан на то, чтобы побудить их к изучению, мы вряд ли можем не удивляться, как мало какой-либо реальной ценности они за столь длительный период добавили к знанию истории. человечество. Действительно, примечательным фактом является то, что даже в те века, когда католическое господство было наиболее совершенным, некоторые из величайших достижений либо противостояли церковному влиянию, либо просто были вне его. О Роджере Бэконе, который был монахом, часто говорят как о последователе католического учения. Но никогда не было более поразительного примера силы великого гения в сопротивлении тенденциям своего времени. В то время, когда физической наукой постоянно пренебрегали, не поощряли или осуждали, в то время, когда все великие достижения мира были открыты для людей, следовавших совершенно иным курсом, Бэкон с необыкновенным гением посвятил себя изучению природы. Четырнадцать лет его жизни прошли в тюрьме, а когда он умер, его имя было опорочено как имя фокусника. Средневековые лаборатории возникли главным образом благодаря стремлению к алхимии или мусульманской поддержке. Изобретения морского компаса, пороха и тряпичной бумаги действительно имели чрезвычайное значение, но монахам не принадлежит ни малейшей заслуги в их создании. Их происхождение покрыто мраком, но почти несомненно, что последние два, во всяком случае, впервые были использованы в Европе мусульманами Испании. Хлопчатобумажная бумага использовалась среди них еще в 1009 году. Среди христианских народов она, по-видимому, была неизвестна до конца тринадцатого века. Первый случай применения артиллерии христианами народами произошел в битве при Креси, но сведения о порохе среди них восходят к 1338 году. Однако существует множество свидетельств применения его в Испании мусульманами в нескольких осадах в тринадцатом веке и даже в битве между маврами Севильи и Туниса в конце одиннадцатого[стр. 211] века.⁴³⁵ В изобретательском отношении, как и в оригинальных исследованиях, средневековые монастыри были на редкость бесплодны. Они довели формальную логику до великого совершенства. Они произвели на свет многих терпеливых и трудолюбивых, хотя, по большей части, совершенно некритичных ученых и многих философов, которые, приняв их посылки с непоколебимой верой, рассуждали на их основе с восхитительной тонкостью; но они научили людей считать благородным поступком принесение в жертву светской учености; они внушили им теорию обычного управления вселенной, которая абсолютно не соответствует действительности; и они распространили, где бы ни распространялось их влияние, привычки легковерия и нетерпимости, которые являются самыми смертоносными ядами для человеческого разума.

Опять же, среди более философски настроенных восхвалителей средневековья очень часто наблюдается, что, хотя католическая церковь является помехой для прогресса цивилизованных наций, хотя вряд ли возможно преувеличить страдания, причиняемые ее духом преследования, когда человеческий разум опередил ее учение; все же было время, когда она значительно опережала эпоху, и полное и абсолютное господство, которым она тогда пользовалась, было интеллектуально чрезвычайно полезным. Я сам неоднократно утверждал, что в этой точке зрения есть много истины. Но когда люди продолжают выделять предыдущий период и превращать его в тему безоговорочного восхваления, они, я думаю, впадают в серьезную ошибку. Зло, возникшее в более поздний период католического господства, было не случайностью или извращением, а нормальным и необходимым следствием предыдущего деспотизма. Принципы, которые были навязаны средневековому миру и которые были условиями столь[стр. 212] значительной части его отличительного совершенства, были таковы по своей природе, что претендовали на окончательность и не могли быть отброшены без борьбы и конвульсий. Мы должны оценить влияние этих принципов, рассматриваемых в целом,

и в течение всего периода их действия. Существуют некоторые яды, которые, прежде чем убить человека, ослабляют боль и распространяют успокаивающее ощущение по всему телу. Мы можем осознавать час наслаждения, который они приносят, но мы не должны отделять его от цены, по которой оно приобретает.

Крайне неблагоприятное влияние, которое католическая церковь долгое время оказывала на интеллектуальное развитие, имело важные моральные последствия. Хотя моральный прогресс не обязательно зависит от интеллектуального прогресса, он оказывает на него существенное влияние, поскольку интеллектуальная деятельность является наиболее важным элементом в росте того великого и сложного организма, который мы называем цивилизацией.

Средневековая доверчивость оказала также более прямое моральное влияние, породив то безразличие к истине, которое является наиболее отталкивающей чертой столь многих католических писаний. Очень большая роль, которую следует отводить преднамеренным подделкам в ранней апологетической литературе Церкви, мы уже видели; и я думаю, что ни один беспристрастный читатель не сможет исследовать бесчисленные гротескные и лживые легенды, которые на протяжении всего Средневековья намеренно подсовывались человечеству как несомненные факты, не сможет проследить за историями ложных декретов и дискуссиями, которые были с ними связаны, или не сможет заметить полную и абсолютную неспособность большинства католических историков представить что-либо хорошее в рядах своих противников или с обычной справедливостью заявить о каких-либо соображениях, которые могут выступать против их дела, не признавая, насколько серьезным и укоренившимся было зло. Несомненно, было много благородных индивидуальных исключений. И все же, я полагаю, трудно преувеличить степень, в которой этот моральный дефект присутствует в большей части древней и очень значительной части современной литературы католицизма.[стр. 213] Именно это делает его таким невыразимо отталкивающим для всех независимых и беспристрастных мыслителей и побудило великого немецкого историка⁴³⁶ с большой горечью заявить, что фраза "Христианская правдивость" заслуживает того, чтобы быть в одном ряду с фразой "пуническая вера". Но это абсолютное безразличие к истине всякий раз, когда ложь могла служить интересам Церкви, вполне объяснимо и было обнаружено у множества людей, которые в других отношениях проявляли самые благородные добродетели. Эпоха, которая перестала ценить беспристрастность суждений, скоро перестанет ценить точность высказываний; а когда доверчивость прививается как добродетель, ложь недолго будет клеймиться как порок. Когда люди также будут твердо убеждены, что спасение может быть найдено только внутри их Церкви и что их Церковь может снять всякую вину, они быстро придут к выводу, что не может быть ничего плохого, что было бы полезно для них. Они меняют любовь к истине на то, что они называют любовью к *the* истине. Они считают мораль производной от теологии и подчиненной ей, и регулируют все свои утверждения не критерием правдивости, а интересами своего вероучения.

Еще одним важным моральным следствием монашеской системы было большое значение, придаваемое денежной компенсации за преступления. Поначалу одним из основных различий между язычеством и христианством было то, что, в то время как обряды первого по большей части не были связаны с моральными установками, христианство сделало чистоту сердца существенным элементом всего своего богослужения. Среди язычников, правда, было предпринято несколько слабых попыток в этом направлении. Древняя заповедь или закон, на который ссылается Цицерон и который был настойчиво подтвержден Аполлонием Тианским и пифагорейцами, гласил, что "ни один нечестивый человек не должен осмеливаться усмирять

гнев божеств дарами”;⁴³⁷ и оракулы, как говорят, не раз провозглашали, что [стр. 214] гекатомбы благородных быков с позолоченными рогами, которые демонстративно приносились в жертву богачами, были менее приятны богам, чем венки из цветов и статуи богов. скромное и благоговейное поклонение бедным.⁴³⁸ Однако в целом в языческом мире храмовое служение имело мало связи с моралью или вообще не имело ее, и изменение, произведенное христианством в этом отношении, было одним из его важнейших преимуществ для человечества. Однако было естественно и, возможно, неизбежно, что с течением времени и под действием самых разных причин старые языческие чувства возродились, и даже с возросшей интенсивностью. Ни в чем христиане не отличались так благородно, как в своем милосердии. Неудивительно, что Отцы Церкви, употребляя все свое красноречие для поощрения этой добродетели — особенно во время бедствий, сопровождавших распад Империи, — в чрезвычайно сильных выражениях говорили о духовных благах, которые даритель получит за свой дар. Неудивительно также, что этот эгоистичный расчет постепенно, среди черствых и невежественных людей, поглотил все другие мотивы. Любопытная легенда, рассказанная писателем седьмого века, иллюстрирует возникшее при этом чувство. Христианскому епископу Синезию удалось обратить язычника по имени Евагрий, который, однако, долгое время сомневался в отрывке: “Тот, кто дает бедным, дает взаймы Господу”. После своего обращения и в соответствии с этим стихом он дал Синезию триста золотых монет для раздачи бедным; но он потребовал от епископа, как представителя Христа, долговую расписку, в которой говорилось, что ему будет выплачено в будущем мире. Много лет спустя Евагрий, находясь на смертном одре, приказал своим сыновьям, когда они хоронили его, вложить записку ему в руку и сделать это, не ставя в известность Синезия. Его [стр. 215] предсмертное предписание было соблюдено, и три дня спустя он явился Синезию во сне, сказал ему, что долг уплачен, и приказал ему отправиться к гробнице, где он найдет письменную расписку. Синезий сделал, как ему было приказано, и, когда могилу вскрыли, в руке мертвеца был найден вексель с надписью, гласившей, что долг был оплачен Христом. Говорилось, что записка долгое время хранилась как реликвия в Киренской церкви.

Чувство, которое вызывает эта легенда, вскоре с удесятеренной силой было обращено в русло монашеской жизни. Закон Константина предоставил, а несколько более поздних законов расширили полномочия по завещанию духовенству. В то же время церковная собственность была освобождена от общественного бремени, и эта мера не только напрямую способствовала ее увеличению, но и оказала важное косвенное влияние; ибо, когда налоги были высокими, многие миряне уступали право собственности на свои поместья монастырям с тайным условием, что они, как вассалы, будут получать доходы, не обремененные налогами, и лишь незначительную выплату монахам как своим феодалам.⁴³⁹ Монахи считались попечителями бедных, а также сами были типичными бедняками, и все обещания, которые они давали, были исполнены. применялся к тем, кто раздавал бедным, применялся, как говорили, к благотворителям монастырей. В монастырской часовне также хранились мощи святых или священные изображения, обладающие чудодейственной силой, и толпы верующих [стр. 216] были привлечены чудесами и желали оказаться под защитой святого. Не будет преувеличением сказать, что раздача денег священникам на протяжении нескольких столетий была первой статьей морального кодекса. Политические умы, возможно, чувствовали важность возвеличивания мирного и трудолюбивого класса в центре дезорганизованного общества, а семейная привязанность, возможно, предрасполагала многих в пользу институтов, в состав которых входил по крайней мере один член большинства семей; но в подавляющем

большинстве случаев мотивом было простое суеверие. В периоды болезни, опасности, скорби или раскаяния, всякий раз, когда в верующем пробуждался страх или совесть, он спешил купить за деньги благосклонность святого. Прежде всего, в смертный час, когда ужасы будущего мира мрачно нависли над его разумом, он увидел в подарке или наследстве монахам верное средство загладить самые чудовищные преступления и обеспечить себе окончательное счастье. Вскоре богатый человек едва ли считался христианином, если он не оставлял часть своего имущества Церкви, и уставы бесчисленных монастырей во всех частях Европы свидетельствуют об огромных участках земли, которые по завещанию передавались монахам “во благо души” завещателя.⁴⁴⁰

Один великий историк заметил, что мы можем проследить три различных этапа в ранней истории Церкви. В первый период религия была вопросом морали; во второй период, достигший кульминации в пятом веке, она стала вопросом ортодоксии; третий период, который датируется седьмым веком, это был вопрос щедрости монастырям.⁴⁴¹ Деспотизм католицизма и [стр. 217] невежество, последовавшее за вторжениями варваров, подавили борьбу ереси, и в период почти абсолютной тьмы, продолжавшийся с шестого по двенадцатый век, теологический идеал беспрекословной веры и духовности был отвергнут. полное единодушие было почти реализовано на Западе. Вся энергия, которая в предыдущие века тратилась на борьбу с ересью, теперь была потрачена на приобретение богатства. Люди совершали самые жестокие преступления, принося дары в дар святыням тех святых, чье заступничество считалось непоколебимым. Монахи, отчасти из-за естественного прекращения их прежнего энтузиазма, отчасти из-за отсутствия какой-либо враждебной критики их действий, а отчасти также из-за самого приобретенного ими богатства, впали в грубую и всеобщую безнравственность. Подавляющее большинство из них, вероятно, никогда не были ни святыми, движимыми сильными религиозными мотивами, ни больными и подавленными умами, ищущими убежища от мира; они были простыми крестьянами, не отличавшимися особой набожностью или чувствительностью, которые предпочитали обеспеченное существование без забот, мало труда, гораздо более высокое социальное положение, чем они могли бы приобрести иным способом, и уверенность, как они верили, в попадании на небеса, тяжелому и ненадежному существованию крепостных, освобожденных, действительно, привилегией брака, но подвергнутых военной службе, чрезвычайным лишениям и постоянному угнетению. Вполне естественно, что, когда они могли делать это безнаказанно, они нарушали свои обеты целомудрия. Вполне естественно также, что они в полной мере воспользовались положением дел, чтобы привлечь в свою общину как можно больше богатства.⁴⁴² Вера в приближающийся [стр. 218] конец света, особенно в конце десятого века, крестовые походы, которые дали толчок прибыльному обороту в виде денежной замены обетов, и черная смерть, вызвавшая пароксизм религиозного фанатизма, стимулировали движение. В монашеских хрониках о достоинствах монархов судят почти исключительно по их щедрости Церкви, и в некоторых случаях это единственная сохранившаяся часть их политики.⁴⁴³

Несомненно, в этот мрачный период было несколько положительных моментов. Говорят, что ирландские монахи отличались почетным нежеланием принимать щедрые пожертвования своих поклонников,⁴⁴⁴ и несколько миссионерских монастырей высокого уровня были разбросаны по Европе. Можно также привести несколько легенд, осуждающих легкость, с которой деньги, нажитые преступным путем, принимались как искупление преступления.⁴⁴⁵ Но такие случаи были очень редки, и религиозная история нескольких столетий - это немногим больше, чем история алчности священников и доверчивости мирян. В [стр. 219] Англии

постоянные требования папы вызвали яростное негодование; и мы можем с замечательной ясностью проследить на каждой странице Мэтью Пэриса отчуждение симпатий, вызванное этой причиной, которая подготовила и предвещала окончательный разрыв Англии с Церковью. Ирландия, с другой стороны, была передана двумя папами английскому захватчику при условии выплаты пенсов Петра. Возмутительная и печально известная безнравственность монастырей в течение столетия, предшествовавшего Реформации, была обусловлена главным образом их огромным богатством; и эта безнравственность, как показывают труды Эразма и Ульрика фон Хаттена, дала мощный импульс новому движению, в то время как злоупотребления индульгенциями были непосредственной причиной восстания Лютера. Но все это появилось только после многих столетий успешного мошенничества. Бессовестно применявшийся религиозный терроризм сделал свое дело, и главные богатства христианского мира перешли в церковную казну.

Действительно, вероятно, что религиозный терроризм сыграл более важную роль в монашеской фазе христианства, чем даже в великом деле обращения язычников. Хотя два или три любезных богослова предприняли слабые и совершенно безуспешные попытки поставить под сомнение вечность наказания; хотя были некоторые незначительные расхождения во мнениях относительно будущего некоторых языческих философов, живших до введения христианства, а также по вопросу о том, были ли младенцы, умершие некрещеными, только лишены всякой радости или на самом деле подвергались нескончаемым мучениям, не было никаких сомнений относительно основных черт католической доктрины. Согласно святоотеческим богословам, частью евангельского откровения было то, что невзгоды и страдания, которые человеческий род претерпевает на земле, являются лишь слабым отражением того, что ожидает его в будущем мире; что все его члены за пределами Церкви, а также очень большая часть тех, кто находится в пределах ее пределов, обречены на вечную агонию в буквальном и неугасимом огне. [стр. 220] Монашеские легенды подхватили это учение, которое само по себе достаточно отвратительно, и развили его с ужасающей живостью и подробностью. Говорят, что святой Макарий, прогуливаясь однажды по пустыне, увидел на земле череп. Он ударил по нему своим посохом, и он начал говорить. Он сказал ему, что это череп языческого священника, который жил до введения христианства в мир и, соответственно, был обречен на ад. Насколько высоко небо над землей, настолько же высоко вздымается адский огонь волнами над душами, которые ввергнуты в него. Проклятые души были прижаты друг к другу спина к спине, и погибший священник обратился к святому с единственной просьбой помолиться о том, чтобы их обратили лицом к лицу, ибо он верил, что вид лица брата может дать ему слабое утешение в предстоявшей ему вечной агонии.⁴⁴⁶ Хорошо известна история о том, как святой Григорий, увидев на барельефе изображение доброты Траяна к бедной вдове, пожалел языческого императора, который, как он знал, находился в аду, и помолился об освобождении его. Ему сказали, что его молитва была совершенно беспрецедентной; но в конце концов, когда он пообещал, что никогда больше не будет возносить подобную молитву, она была частично удовлетворена. Траян не был изгнан из ада, но он был освобожден от мук, которым подвергался остальной языческий мир.⁴⁴⁷

Трудолюбием монахов вскоре была создана целая литература видений, изображающих муки [стр. 221] ада. Апокрифическое Евангелие от Никодима, которое якобы описывало сошествие Христа в нижний мир, способствовало развитию этого; и святой Григорий Великий рассказал о многих видениях в более известной работе, которая утверждала, что была составлена со скрупулезной правдивостью из самых достоверных источников,⁴⁴⁸ и о которой можно с

уверенностью утверждать, что в ней едва ли есть хоть одна страница, не запятнанная гротескной и преднамеренной ложью. Говорили, что люди впадали в транс или временную смерть, а затем на какое-то время отправлялись в ад. Среди прочих, некий человек по имени Стефан, из уст которого святой заявляет, что слышал эту историю, умер по ошибке. Когда его душу отнесли к вратам ада, судья объявил, что разыскивается другой Стефан; бестелесный дух, осмотрев ад, был возвращен в свое прежнее тело, и на следующий день стало известно, что умер еще один Стефан.⁴⁴⁹ Вратами ада были вулканы, и один отшельник видел душу арианского императора Теодориха, как святой Евхерий впоследствии душу Карла Мартелла, унесенную вниз на остров Липари.⁴⁵⁰ Кратеры на Сицилии, это были врата ада. замеченные, были постоянно взволнованы и постоянно возрастали, и это, как замечает святой Григорий, вероятно, было связано с надвигающейся гибелью мира, когда огромное количество заблудших душ сделало необходимым расширить подходы к их тюрьмам.⁴⁵¹

Но представления об аде, изложенные в “Диалогах” святого Григория, кажутся скучными и лишенными воображения по сравнению с представлениями некоторых более поздних монахов. Длинная серия монашеских видений, одним из первых из которых было видение святого Ферси в седьмом веке, и которое последовало[стр. 222] в быстрой последовательности, вплоть до видения Тандейла в двенадцатом веке, якобы описывавшего с самой подробной точностью состояние заблудших.⁴⁵² Невозможно представить себе более ужасные, гротескные и материальные представления о будущем мире, чем они демонстрируют, или более отвратительную клевету на то Существо, которое, как предполагалось, причиняло Своим созданиям такие невыразимые страдания. Дьявол был изображен связанным раскаленными цепями на пылающей решетке в центре ада. От криков его нескончаемой агонии сотрясались стропила; но его руки были свободны, и ими он хватал потерянные души, раздавливал их зубами, как виноградины, а затем втягивал их своим дыханием в огненную пещеру своего горла. Демоны с крюками из раскаленного железа поочередно погружали души в огонь и лед. Некоторых из погибших подвешивали за языки, других распиливали на части, третьих грызли змеи, третьих били вместе на наковальне и сваривали в единую массу, третьих варили, а затем процеживали через ткань, третьих скручивали в объятиях демонов, чьи конечности были из пламени. Было сказано, что огонь земли был всего лишь изображением огня ада. Последний был настолько неизмеримо более интенсивным, что только его можно было назвать реальным. К нему примешивали серу, отчасти для усиления его жара, а отчасти также для того, чтобы невыносимое зловоние могло усугубить страдания заблудших, в то время как, в отличие от других видов пламени, оно, согласно некоторым видениям, не излучало света, [стр. 223] чтобы ужас темноты мог быть добавлен к ужасу боли. Через пропасть был перекинут узкий мост, и с него души грешников низвергались во тьму, которая была внизу.⁴⁵³

Подобные перечни ужасов, хотя сейчас они и пробуждают в образованном человеке чувство смешанного отвращения, усталости и презрения, на протяжении многих веков были способны вызывать такую степень паники и страданий, которую мы едва ли можем себе представить. За исключением еретика Пелагия, чей благородный гений, предвосхитив открытия современной науки, отверг теологическое представление о смерти, появившееся в мире из-за деяния Адама, среди христиан повсеместно считалось, что все формы страдания и разложения, проявляющиеся на земле, были наказанием. Обычно считалось, что разрушение мира уже близко. Умы людей были наполнены образами приближающейся катастрофы, и усердно

распространялись бесчисленные легенды о видимых демонах. Тогда, как и сейчас, у католических священников был обычай отравлять воображение маленьких детей ужасными картинами будущих страданий, запечатлевать в девственном разуме отвратительные образы, которые, как они не без оснований надеялись, могут оказаться неизгладимыми.⁴⁵⁴ В часы слабости и болезни их [стр. 224] перенапряженному воображению казалось, что они видят отвратительных существ, парящих вокруг, и сам ад, зияющий, чтобы принять свою жертву. Святой Григорий описывает, как монах, который, хотя и казался человеком образцового и даже святого благочестия, привык тайно есть мясо, увидел на своем смертном одре страшного дракона, обвинившего хвостом его тело и, разинув пасть, высасывающего его дыхание;⁴⁵⁵ и как маленький мальчик пяти лет от роду, научившийся у своего отца повторять богохульные слова, увидел, умирая, ликующих демонов, которые ждали, чтобы унести его в ад.⁴⁵⁶ Для желчного глаза богослова все это казалось ужасным. природа казалась пораженной и заброшенной, и ее яркость и красота не навели ни на какие мысли, кроме идей обмана и греха. Краснорожий, согласно одной популярной легенде, был уполномочен Божеством нести каплю воды душам некрещеных младенцев в ад, и его грудь была опалена при пронзении пламенем.⁴⁵⁷ в затишье, еще час вечером, [стр. 225] когда крестьянский мальчик спросил, почему заходящее солнце, как бы опускалось из-под горизонта, слита с такой славной Красной, он ответил, в слова старой Саксонской катехизис, потому что затем, глядя прямо в ад.⁴⁵⁸

В видении Тандейла рассказывается, что, когда он смотрел на пылающие равнины ада и слушал крики непрерывной и безнадежной агонии, которые вырывались из страдальцев, крик сорвался с его губ: “Увы, Господи! есть ли правда в том, что я так часто слышал — ”земля наполнена милосердием Божьим”?”⁴⁵⁹ Действительно, одна из самых любопытных вещей в истории морали — наблюдать, как люди, которые искренне негодовали на языческих писателей за то, что они приписывали их божествам слабости, проявляющиеся в случайной ревности или случайной чувственности, — за то, что они изображали их, одним словом, как людей со смешанными характерами и страстями, — тем не менее, бессовестно приписывали своему собственному Божеству степень жестокости, которая, можно с уверенностью сказать, превосходит крайнее варварство, присущее им. человеческая природа способна на это. Ни Нерон, ни Фаларис не могли вечно благодушно взирать на миллионы людей, подвергающихся пыткам огнем — большинство из них из-за преступления, совершенного не ими самими, а их предками, или потому, что они пришли к какому-то ошибочному выводу по запутанным вопросам истории или метафизики.⁴⁶⁰ [стр. 226] Тем, кто не считает такое учение истинным, оно должно казаться без исключения самым отвратительным в религиозной истории мира, подрывающим сами основы морали и вполне пригодным для превращения человека, который сразу это осознал и принял с удовольствием, в чудовище варварства. Из писателей средневекового периода, безусловно, одним из двух или трех наиболее выдающихся был Питер Ломбард, чьи “Приговоры”, хотя сейчас, я полагаю, их мало читают, долгое время были основой всей теологической литературы в Европе. Говорят, что более четырех тысяч богословов написали комментарии к ним⁴⁶¹ — среди прочих Альберт Великий, святой Бонавентура и святой Фома Аквинский. Эта работа также не недостойна своей прежней репутации. Спокойный, ясный, логичный, тонкий и лаконичный, автор претендует на то, чтобы изложить [стр. 227] всю систему католического богословия и этики и раскрыть взаимозависимость их различных частей. Объяснив положение и обязанности, он переходит к изучению перспектив человека. Он утверждает, что до судного дня обитатели рая и ада будут постоянно видеть друг друга; но что в грядущей вечности только обитатели рая будут видеть обитателей противоположного мира; и он

завершает свой великий труд этим наиболее впечатляющим отрывком: “Наконец, мы должны исследовать, уменьшит ли зрелище наказания осужденных славу блаженных или увеличит их блаженство. По этому поводу Григорий говорит, что зрелище наказания заблудших не затмит блаженства праведных; ибо, когда оно не сопровождается состраданием, счастье не может быть уменьшено. И хотя праведникам может быть достаточно их собственных радостей, все же, к своей вящей славе, они увидят страдания зла, которого по благодати избежали.... Избранные выйдут вперед, на самом деле не локально, но благодаря разуму и ясному видению, чтобы узреть пытки нечестивых, и, увидев их, они не будут горевать. Их умы наполнятся радостью, когда они будут смотреть на невыразимые муки нечестивцев, возвращая благодарность за свою собственную свободу. Таким образом, Исаия, описывая муки нечестивых и радость праведников, наблюдающих это, говорит: ‘Избранные в истине выйдут и увидят трупы людей, которые прельстились Им; червь их не умрет, и они будут в пресыщении зрения для всякой плоти, то есть для избранных. Праведный человек возрадуется, когда увидит возмездие’”.⁴⁶²

[стр. 228]

Эта страсть к видениям рая и ада была, по сути, естественным продолжением страсти к догматическим определениям, которая бушевала в пятом веке. Было естественно, что люди, чье любопытство не оставляло нерешенным ни один мыслимый вопрос теологии, попытались с соответствующей точностью описать состояние умерших. Многое, однако, было вызвано галлюцинациями уединенной и аскетической жизни, и гораздо больше - преднамеренным обманом. Люди не могут долго пребывать в состоянии крайней паники, и суеверия быстро нашли средства для развеивания порожденных ими страхов. Если вокруг верующего витал злобный демон, и если пасть ада раскрывалась, чтобы принять его, его, с другой стороны, защищали бесчисленные ангелы; щедрый дар церкви или монастырю всегда мог привлечь на его сторону святого, а власть священника могла защитить его от опасностей, которые обнаруживала его проницательность. Когда ангелы взвешивали добрые и злые поступки умершего человека, оказалось, что последние преобладают; но вошел священник Святого Лаврентия и перевернул чашу весов, бросив среди первых тяжелую золотую чашу, которую покойный поднес к алтарю.⁴⁶³ Святой Дени, святой Морис и святой Мартин вырвали Дагоберта прямо из рук демона.⁴⁶⁴ Карл Великий был спасен, потому что монастыри, которые он построил, перевесили [стр. 229] его жизнь. злые дела.⁴⁶⁵ Другие, умершие в смертном грехе, были воскрешены из мертвых по желанию своего святого покровителя, чтобы искупить свою вину. Накопление реликвий, обретение покровительства святых, пожертвования монастырям, строительство церквей стали главной частью религии, и чем больше раскрывались ужасы невидимого мира, тем больше людей искали успокоения в утешении суеверий.⁴⁶⁶

Степень распространения обычая материализации религии может быть адекватно понята только теми, кто изучил саму средневековую литературу. Что поражает изучающего при чтении этой литературы, так это не столько существование этих суеверий, сколько их необычайное умножение, многие тысячи гротескных чудес, сотворенных святыми, монастырями или реликвиями, которые были сознательно утверждены и в которые все верили. Христианство приняло форму, столь же политеистическую и столь же идолопоклонническую, как и древнее язычество. Низкий уровень интеллектуального развития, религиозные чувства полуобращенных варваров, интересы духовенства, большое социальное значение монастырей, а также, возможно, обычай карать за почти все преступления денежными штрафами, который был столь распространен в пенитенциарной системе варварских племен, по-разному сочетались с

паникой, вызванной страхом перед адом, толкая людей в одном направлении, и богатство и власть духовенства выросли до такой степени, что позволили им затмить все другие классы. Они нашли, как хорошо было сказано, в другом мире точку опоры[стр. 230] Архимеда, с которой они могли сдвинуть это. Никакая другая система никогда не казалась столь превосходно приспособленной для вечного существования. Церковь сокрушила или заставила замолчать всех противников в христианском мире. Оно имело абсолютный контроль над образованием во всех его отраслях и на всех его этапах. Оно вобрало в себя все спекулятивные знания и искусство Европы. Оно обладало богатством, рангом и военной мощью или командовало ими. Она так направила свое учение, что все, что приводило в ужас или огорчение человечество, быстро толкало людей в ее объятия, и она покрыла Европу обширной сетью учреждений, превосходно приспособленных для расширения и увековечения ее власти. В дополнение ко всему этому, он с непревзойденным мастерством охранял все подходы к своей цитадели. Любое сомнение считалось грехом, и отказу от его принципов обязательно должен был предшествовать длительный период сомнений. Все пути исследования были расписаны изображениями ужасающих страданий и злобных демонов. Как только верующий начинал подвергать сомнению какой-либо символ веры или терял уверенность в добродетели церемоний своей Церкви, ему угрожала судьба, которой не мог противостоять никакой человеческий героизм, которую никакое воображение не могло представить невозмутимым.

Из всех страданий, которым подверглись те храбрые люди, которые в века невежества и суеверий осмелились вырваться из оков своей Церкви и которые заложили основы свободы, которой мы сейчас наслаждаемся, именно это, вероятно, было самым острым и которое меньше всего осознается. Наше воображение может с большой живостью воспроизвести гигантские массовые убийства, подобные альбигойцам или Святому Варфоломею. Мы также можем представить себе пытки дыбой и сапогами, темницу, эшафот и медленный огонь. Мы можем оценить, хотя и менее точно, страдания, которые, должно быть, испытал смелый исследователь из-за того, что его покинули те, кого он больше всего любил, из-за ненависти человечества, из-за злобной клеветы, которая была нагромождена на его имя. Но в глубине своей собственной души, в часы уединенных размышлений, он, должно быть, находил элементы страдания, которое было еще более острым. С самого раннего детства его учили рассматривать отказ от своих унаследованных убеждений как самое смертоносное из преступлений и приписывать это подстрекательству демонов-обманщиков, убеждали, что если он умрет в состоянии сомнения, то должен будет перейти в состояние вечной пытки, его воображение было насыщено образами самых отвратительных и ужасающих страданий, он оказался один в мире, борясь со своими трудностями и сомнениями. Не существовало соперничающей секты, в которой он мог бы найти убежище и где, по выражению согласия многих умов, он мог бы забыть анафемы Церкви. Физическая наука, опровергнувшая теологические теории, которые приписывают смерть человеческому греху, а страдания — Божественному возмездию, а все природные явления - отдельным актам Божественного вмешательства, и историческая критика, которая развеяла так много навязчивых верований, объяснила и определила последовательные фазы религиозного прогресса, были неизвестны. Каждая комета, сверкавшая в небе, каждая эпидемия, пронесшаяся над землей, казались подтверждением мрачных угроз богослова. Дух слепой и униженной доверчивости, прививаемый как первейшая из обязанностей и проявляемый по всем предметам и во всех формах, пронизывал атмосферу, которой он дышал. Кто может правильно оценить препятствия, с которыми должен был бороться искренний исследователь в такую эпоху? Кто может представить, какую тайную муку он, должно быть, испытывал в те долгие

месяцы или годы, в течение которых соперничающие аргументы поочередно оказывали влияние на его суждения, в то время как всякое сомнение по-прежнему считалось предосудительным? И даже когда его разум был убежден, его воображение все равно часто возвращалось к его старой вере. Спустя годы наши мысли текут спонтанно и даже бессознательно по каналам, которые сформировались в юности. В [стр. 232] моменты, когда контролирующее суждение ослабляет свою хватку, старые интеллектуальные привычки вновь обретают свое влияние, и образы, нарисованные воображением, оживают, когда интеллектуальные суждения, на которых они основывались, были полностью отброшены. В часы слабости, болезни и сонливости, в лихорадочные и тревожные моменты, которые известны всем, когда разум пассивно плывет по течению, призраки, изгнанные разумом, должно быть, часто появлялись вновь, и горечь древней тирании, должно быть, проникала в его душу.

Одна из величайших из многих услуг, оказанных человечеству трубадурами, заключается в том, что они обрушили такой поток насмешек на видения ада, которыми монахи привыкли наводить ужас на человечество, что полностью дискредитировали и почти подавили их.⁴⁶⁷ Однако, смогли бы католический разум, если бы ему не помогали литература язычества и независимые мыслители, выросшие под покровительством мусульманства, когда-либо размотать сковавшие его цепи, вполне может быть поставлен под сомнение. Рост городов, умноживший светские интересы и чувства, возрождение образования, депрессия церковных классов, последовавшая за крестовыми походами, и, наконец, потрясение христианского мира Реформацией постепенно ослабили церковную доктрину, которая перестала осознаваться раньше, чем в нее перестали верить. Существовало, однако, другое учение, которое оказывало еще большее влияние на увеличение богатства духовенства и делало пожертвования Церкви главной частью религии. Я имею в виду, конечно, доктрину чистилища.

Выдающийся современный апологет средневековья сделал эту доктрину объектом своего особого и очень характерного панегирика, потому что, как он говорит, предлагая [стр. 233] конечное наказание, применяемое ко всем видам вины и адаптированное для тех, кто, не будучи достаточно добродетельным, чтобы сразу попасть на небеса, не казался достаточно порочным, чтобы попасть в ад, это стало незаменимым исправлением крайнего терроризма доктрины вечного наказания.⁴⁶⁸ Это одна из тех теорий, которые, хотя и пользуются огромной популярностью у ряда писателей, не лишенных влияния в наши дни, должны быть приняты во внимание. Я думаю, это покажется почти гротескным тем, кто исследовал фактическое действие этой доктрины в средние века. Согласно практическому учению Церкви, искупительная сила, имеющаяся в распоряжении ее духовенства, была настолько велика, что у тех, кто умер, веруя в ее доктрины и укрепляясь в свои последние часы ее обрядами, не было никаких причин страшиться ужасов ада. С другой стороны, те, кто умер вне Церкви, не имели никакой перспективы попасть в чистилище. Это последнее было предназначено исключительно для истинно верующих; оно проповедовалось главным образом в то время, когда никто ни в малейшей степени не был расположен подвергать сомнению полномочия Церкви отпускать грехи за любое преступление, каким бы отвратительным оно ни было, или освобождать худших людей из ада, и оно, несомненно, никогда не рассматривалось в свете утешения. Действительно, популярные картины чистилища были настолько потрясающими, что можно усомниться в том, что воображение когда-либо могло полностью осознать разницу между этим состоянием и состоянием заблудших, хотя разум мог легко распознать ее. Огонь чистилища, по мнению самых выдающихся теологов, был подобен адскому огню — буквальному огню,

длившимся, как иногда говорили, целую вечность. Декламации с кафедры описывали страдания спасенных душ в чистилище как неизмеримо большие, чем те, которые пережили самые несчастные смертные на земле.⁴⁶⁹ Грубые [стр. 234] художники средневековья исчерпали свои усилия, изображая корчи мертвых в окружавшем их пламени. Бесчисленные видения с ужасающей подробностью описывали различные виды пыток, которым они подвергались,⁴⁷⁰ и монах, который описывал то, что, по его словам, он видел, обычно заканчивал характерной моралью, что, если бы люди только осознали эти страдания, они не отступили бы ни перед какой жертвой, чтобы спасти своих друзей от такого состояния. Говорили, что особое место в чистилище отведено тем, кто не спешил платить десятину.⁴⁷¹ Святой Григорий рассказывает любопытную историю о человеке, который в других отношениях обладал замечательной добродетелью; но который [стр. 235] на спорных выборах в папский престол поддержал не того кандидата и, как могло бы показаться, ни в какой степени не отказался подчиняться успешному кандидату при избрании, продолжал втайне считать, что выбор был неразумным. Соответственно, после смерти он был помещен на некоторое время в кипящую воду.⁴⁷² Что бы ни думали о других его аспектах, невозможно не признать в этом учении виртуозное умение приспособлять средства к целям, которое почти достигает художественной красоты. Система, которая поручила своему служителю отправиться к несчастной вдове в первый темный час ее страданий и отчаяния, чтобы сказать ей, что тот, кто был ей дороже всего на свете, теперь горит в огне и что он может получить облегчение, только пожертвовав деньги священникам, несомненно, была в своем роде не лишена экстраординарных достоинств.

Если мы попытаемся осознать моральное состояние общества Западной Европы в период, прошедший между падением Римской империи и Карлом Великим, в течение которого в основном происходили религиозные преобразования, которые я заметил, мы столкнемся с некоторыми огромными трудностями. Во-первых, наши материалы очень скудны. Начиная с 642 года н.э., когда заканчивается скудная хроника Фредигариуса, и заканчивая биографией Карла Великого Эгинхарда столетием позже, в заслуживающей доверия истории почти нет места, и мы ограничиваемся несколькими скудными и очень сомнительными заметками в монастырских хрониках, житиях святых и постановлениях Соборов. Вся светская литература почти исчезла, и мысль о потомстве, кажется, исчезла из мира.⁴⁷³ Однако о первой половине VII века и о двух столетиях, предшествовавших ему, у нас есть много информации от [стр. 236] Григория Турского и Фредигария, чьи скучные и отталкивающие страницы со значительной ясностью иллюстрируют конфликт рас и смену правительств, которые существовали веками. В Италии традиции и обычаи старой империи в какой-то степени восстановили свое влияние; но в Галлии Церковь существовала среди варваров, чья природная энергия никогда не была выхолощена цивилизацией и облагорожена знаниями. Картина, которую дает нам Григорий Турский, - это картина общества, которое было почти абсолютно анархичным. Ум утомляется от монотонного рассказа об актах насилия и мошенничества, проистекающих из отсутствия определенной политики, не имеющих конца, не оставляющих длительного впечатления в мире.⁴⁷⁴ Две королевы Фредегонда и Брюно выделяются среди других фигур своими свирепыми и неустрашимыми амбициями, очарованием, которое они оказывали на умы толп, а также количеством и жестокостью совершенных ими преступлений. Кажется, что все классы были почти в равной степени заражены пороком. Мы читаем о епископе по имени Каутин, которого, когда он был пьян, четверо мужчин вынесли из-за стола;⁴⁷⁵ который, после отказа одного из его священников отдать часть частной собственности, намеренно приказал похоронить этого

священника заживо, и который, когда жертва, по счастливой случайности вырвавшись из гробницы, в которой он был замурован, раскрыл преступление, не получил большего наказания, чем порицание.⁴⁷⁶ Самые худшие монархи находили льстецов или агентов в церкви. церковники. Фредегонда поручила двум клеркам убить Хильдеберта,⁴⁷⁷ и еще одному клерку убить Брюно;⁴⁷⁸ она приказала убить епископа Руанского у алтаря — епископ и архидьякон были ее сообщниками;⁴⁷⁹ и она нашла в другом епископе, по имени Эгидий, одного из своих самых преданных инструментов и друзей.⁴⁸⁰ Папа, святой Григорий Великий, был ярым льстецом Брюно.⁴⁸¹ Гундебальд, убивший трех своих братьев, был утешен святым Авитом, епископом Вьеннским, который, не выказывая ни малейшего неодобрения этого поступка, заверил его, что, устранив своих соперников, он был провиденциальным агентом в сохранении счастья своего народа.⁴⁸² Епископства были заполнены людьми, пользующимися дурной славой распутников, или алчными скрягами.⁴⁸³ Священники иногда совершали священные мистерии, “пресыщенные пищей и притупленные вином”.⁴⁸⁴ Они уже начали носить оружие. , и Григорий рассказывает о двух епископах шестого века [стр. 238], которые собственными руками убили многих врагов.⁴⁸⁵ Едва ли было правление, которое не было отмечено какой-нибудь ужасной семейной трагедией. Было немного монархов, которые не были виновны хотя бы в одном преднамеренном убийстве. Пожалуй, никогда еще нанесение увечий и длительные и мучительные формы смерти не были столь распространены. Среди прочих злодеяний мы читаем о епископе, которого везут в отдаленное место ссылки на ложе из терновника;⁴⁸⁶ о короле, сжигающем вместе своего непокорного сына, невестку и их дочерей;⁴⁸⁷ о королеве, приговаривающей дочь, родившуюся у нее от предыдущего брака, к утоплению, чтобы ее красота не возбудила страсти ее мужа;⁴⁸⁸ о другой королеве, пытающейся задушить свою дочь собственными руками;⁴⁸⁹ об аббате, принуждающем бедную женщину к смерти. мужчина покинул свой дом, чтобы совершить прелюбодеяние со своей женой, и был убит вместе со своим партнером на месте преступления;⁴⁹⁰ о принце, который сделал привычным развлечением пытку своих рабынь огнем и похоронил двоих из них заживо, потому что они поженились без его разрешения;⁴⁹¹ о жене епископа, которая, помимо других преступлений, имела обыкновение калечить мужчин и мучить женщин, прикладывая раскаленное железо к наиболее чувствительным частям их тел;⁴⁹² о большом количестве людей, которые были лишены своих ушей [стр. 239] и носы пытали в течение нескольких дней и, наконец, сжигали заживо или медленно ломали на колесовании. Брюно, завершая свою долгую и в некоторых отношениях великую, хотя и преступную карьеру, попала в руки Клотера, а старую королеву, подвергавшуюся в течение трех дней различным пыткам, вывезли на верблюде на посмеище армии и, наконец, привязали к хвосту разъяренной лошади и разорвали на куски по пути следования.⁴⁹³

И все же этот век был, в определенном смысле, чрезвычайно религиозным. Вся литература стала священной. Ереси любого рода быстро исчезали. Священники и монахи приобрели огромную власть, и их богатство непомерно возрастало.⁴⁹⁴ Несколько монархов добровольно отказались от своих тронов ради монашеской жизни.⁴⁹⁵ Седьмой век, который вместе с восьмым составляет самый мрачный период средневековья, известен в агиологии как породивший больше святых, чем любой другой век, за исключением мучеников.⁴⁹⁶

Манера, с которой историки рассматривали события, также была чрезвычайно характерной. Наш главный авторитет, [стр. 240] Григорий Турский, был епископом большого положения, человеком самого искреннего благочестия и очень сильных чувств.⁴⁹⁷ Он описывает свой труд как отчет “о добродетелях святых и бедствиях народов”;⁴⁹⁸ и исследователя, который

перелистывает его страницы, отрываясь от работ языческих историков, поражает не столько чрезвычайное значение, которое он придает церковным событиям, сколько единообразие, с которым он рассматривает все светские события в их религиозном аспекте, как управляемые особым Провидением. Тем не менее, в вопросах, касающихся разницы между ортодоксией и неортодоксией, его этика иногда демонстрирует самые странные искажения. Из этого, вероятно, наиболее впечатляющим примером является манера, в которой он описал карьеру Хлодвига, великого представителя ортодоксии.⁴⁹⁹ Пересказав обстоятельства своего обращения, Григорий продолжает рассказывать нам с нескрываемым восхищением, как этот вождь, как первый плод его учения, заявил, что был опечален, увидев, что часть Галлии удерживается арианским монархом; как он соответственно решил вторгнуться и присвоить эту территорию; как с восхитительным благочестием он приказал своим солдатам воздерживаться от любых опустошений при пересечении территории Святого Мартина, и как несколько чудес засвидетельствовали Божественное одобрение экспедиции. Эта война — первая из длинной череды откровенно религиозных войн, которые вели христиане, — увенчалась полным успехом, и Хлодвиг продолжил направлять свои амбиции на новые поприща. В своем походе против ариан он нашел верного союзника в лице своего родственника Сигеберта, старого и немощного короля рипуарских франков. Хлодвиг теперь продолжал искусно намекать сыну Сигеберта на преимущества, которые сын мог бы получить в результате смерти своего отца. Намек был понят. Сигеберт был убит, и Хлодвиг [стр. 241] отправил послов к отцеубийце, заявляя о теплой дружбе, но с секретным приказом при первой возможности убить его. Когда это было сделано и королевство осталось совершенно без главы, Хлодвиг отправился в Кельн, столицу Сигеберта; он собрал народ, с большой торжественностью заявил о своем ужасе перед произошедшими трагедиями и о своей полной непричастности к ним;⁵⁰⁰ но предложил, чтобы, поскольку они теперь остались без правителя, они отдали себя под его защиту. Это предложение было встречено одобрительными возгласами. Воины избрали его своим королем, и таким образом, говорит епископальный историк, “Хлодвиг получил сокровища и владения Сигеберта и присоединил их к своим собственным. Каждый день Бог заставлял своих врагов падать от его руки и увеличивал свое царство, потому что он ходил с правым сердцем пред Господом и делал то, что было угодно в Его очах”.⁵⁰¹ Однако его честолюбивые устремления все еще оставались неудовлетворенными. Предприняв ряд экспедиций, он объединил всю Галлию под своим скипетром, вторгаясь, побеждая, захватывая в плен и убивая законных монархов, которые по большей части были его родственниками. Обезопасив себя от опасностей извне, убив всех своих родственников, за исключением жены и детей, он, как сообщается, посетовал перед своими придворными на свою изоляцию, заявив, что у него не осталось родственников в мире, которые могли бы помочь ему в его невзгодах; но эта речь, уверяет нас Григорий, была военной хитростью; ибо король желал выяснить, не ускользнул ли от его ведома и его меча какой-либо возможный претендент на трон.[стр. 242]. Вскоре после этого он умер, преисполненный лет и почестей, и был похоронен в построенном им соборе.

Изложив все это с невозмутимым спокойствием, Григорий Турский просит своего читателя позволить ему сделать паузу, чтобы вывести мораль из этой истории. Это замечательный способ, которым Провидение направляет все на благо тех, чьи мнения относительно Троицы строго ортодоксальны. Кратко упомянув об Аврааме, Иакове, Моисее, Аароне и Давиде, все из которых, как говорят, изложили правильное учение по этому предмету и все они были чрезвычайно преуспевающими, он переходит к более современным временам. “Арий, нечестивый основатель нечестивой секты, у которого вывалились внутренности, попал в адское

пламя; но Хилари, благословенный защитник неразделенной Троицы, хотя и был изгнан из-за этого, нашел свою страну в Раю. Король Хлодвиг, исповедовавший Троицу и с ее помощью сокрушивший еретиков, распространил свои владения на всю Галлию. Аларих, отрицавший Троицу, был лишен своего королевства и своих подданных и, что было гораздо хуже, был наказан в будущем мире”.⁵⁰²

Было бы легко привести другие, хотя, возможно, и не такие поразительные примеры того, в какой степени моральные суждения этого несчастливого века были искажены суевериями.⁵⁰³ Вопросы ортодоксальности или вопросы поста казались массовому сознанию неизмеримо более важными, чем то, что [стр. 243] мы должны теперь назвать фундаментальными принципами добра и зла. Закон Карла Великого, а также закон саксов, приговаривал к смерти любого, кто ел мясо в Великий пост,⁵⁰⁴ если только священник не был убежден, что это было делом абсолютной необходимости. Нравственный энтузиазм того времени в основном побуждал людей отказываться от своих гражданских или домашних обязанностей, замуровывать себя в монастырях и растрачивать свои силы на длительное и экстравагантное умерщвление.⁵⁰⁵ Тем не менее, среди всех этих суеверий не может быть сомнений в том, что в некоторых отношениях религиозные организации действовали во благо. Монашеские организации, которые возникали повсюду, образовывали безопасные убежища для множества людей, преследуемых своими врагами, составляли бесценный противовес грубым военным силам того времени, знакомили воображение людей с религиозными типами, которые вряд ли могли в какой-то степени смягчить характер, и прокладывали путь в большинстве форм мирного труда. Когда люди, преисполненные восхищения рассказами о святости и чудесах какого-нибудь прославленного святого, совершали паломничества, чтобы увидеть его, и находили его одетым в грубую крестьянскую одежду, в толстых башмаках и с косой на плече, наблюдающим за работой фермеров,⁵⁰⁶ или сидящим на маленьком чердаке и чинящим лампы,⁵⁰⁷ какую бы другую пользу они ни извлекли из беседы, они не могли не вернуться с возросшим чувством [стр. 244] достоинства труда. Вероятно, в то время для блага как мира, так и Церкви церковные святыни и поместья оставались неприкосновенными, и многочисленные легенды о Божественном наказании, постигшем тех, кто их нарушал,⁵⁰⁸ свидетельствуют о том рвении, с которым духовенство стремилось установить эту неприкосновенность. Великая святость, которая придавалась праздникам, также была важным благом для подневольных классов. Празднование первого дня недели в ознаменование воскресения Христова и как периода религиозных упражнений восходит к самому раннему периоду существования Церкви. Христианский праздник тщательно отличался от еврейской субботы, с которой его, по-видимому, никогда не смешивали до конца шестнадцатого века; но некоторые новообращенные евреи, считавшие, что еврейский закон все еще действует, соблюдали оба дня. Однако в целом соблюдался только христианский праздник, и иудейская обязанность соблюдать субботний день, как наиболее недвусмысленно утверждает апостол Павел, больше не возлагалась на христиан. Основаниями для соблюдения воскресенья были очевидная уместность и целесообразность посвящения определенной части времени благочестивым упражнениям, традиция, которая восходит к освящению воскресенья с апостольских времен, и право Церкви назначать определенные сезоны, которые должны соблюдаться ее членами в святости. Когда христианство приобрело господство в Империи, его политика в этом вопросе проявилась в одном из законов Константина, который, без какой-либо прямой ссылки на религиозные мотивы, предписывал, что “в день солнца” не должно выполняться никакой подневольной работы, за исключением [стр. 245] сельского хозяйства, которое, будучи

зависимым от погоды, не могло, как считалось, быть разумно отложено. Феодосий пошел еще дальше и отменил публичные представления в тот день. В течение столетий, последовавших непосредственно за распадом Римской империи, духовенство с большим и достойным похвалы рвением посвящало себя пресечению труда как по воскресеньям, так и в другие главные церковные праздники. Было издано более одного закона, запрещающего все воскресные работы, и этот запрет был подтвержден Карлом Великим в его капитуляриях.⁵⁰⁹ Несколько соборов приняли декреты по этому вопросу,⁵¹⁰ и было распространено несколько легенд о людях, которые чудесным образом были поражены болезнью или смертью за то, что были виновны в этом грехе.⁵¹¹ Хотя моральная сторона религии была сильно принижена или забыта, было, как я уже упоминал, одно важное исключение. Благотворительность была настолько переплетена с суеверными частями церковного учения, что продолжала расти и подпитываться в самый мрачный период. Деяния королевы Батильды, он сказал, что мы ничего не знаем, кроме своего пожертвования в монастыри, и благотворительности, с которыми она купленных рабов и пленных и отпустили их или преобразовать их в монахи.⁵¹² , хотя многие из епископов были люди грубые и скандальные пороки, там всегда были некоторые, кто проделал огромную работу в старом епископском призвании защищать угнетенных, заступаясь за пленных, и открыв их убежища для беглецов. Святитель Герман, епископ Парижский, [стр. 246] к концу шестого века, был особенно известен своим усердием в выкуп пленных.⁵¹³ известность он приобрел, был настолько велик, что пленные говорят, что позвал его, чтобы оказать им помощь, в промежутке между его смертью и погребением; и тело святого становится чудом тяжелые, оказалось невозможным нести его до могилы, пока пленники были освобождены.⁵¹⁴ посреди полного затмения все светское образование, в разгар правления невежества, плутовства и доверчивости, которые не могут быть параллели в истории, там рос огромный легендарной литературы, кластеризации по форме подвижника; и жития святых, в том числе очень много гротеска, по-детски, и даже аморальным, содержащие некоторые фрагменты из чистейших и самых трогательных религиозной поэзии.⁵¹⁵

Но главное достоинство рассматриваемого нами периода, к удовольствию потомков, заключается в его миссионерских трудах. Поток миссионеров, поначалу хлынувший из Палестины и Италии, начал течь с Запада. Ирландские монастыри давали самых первых и, вероятно, самых многочисленных работников в этой области. Большая часть севера Англии была обращена ирландскими монахами Линдисфарна. Слава святого Колумбана в Галлии, Германии и Италии на какое-то время даже уравнивала славу самого святого Бенедикта, и школа, которую он основал в Люкsee, стала великой семинарией для средневековых миссионеров, в то время как [стр. 247] монастырь, который он основал в Боббио, просуществовал до нынешнего столетия. Ирландский миссионер Сент-Галл дал свое имя той части Швейцарии, которую он обратил в христианство, и толпа других ирландских миссионеров проникла в самые отдаленные леса Германии. Движение, начавшееся со святого Колумбы в середине VI века, было распространено в Англии и Галлии примерно столетие спустя. В начале восьмого века она нашла великого лидера в лице англосаксонского святого Бонифация, который распространил христианство повсюду по Германии и сразу же возбудил и дисциплинировал горячий энтузиазм, который, по-видимому, привлек все лучшее в Церкви с моральной точки зрения. В течение примерно трех столетий, когда Европа погрузилась в самую крайнюю моральную, интеллектуальную и политическую деградацию, из монастырей постоянным потоком лились миссионеры, которые распространяли знание о Кресте и семена будущей цивилизации по всем странам, от Ломбардии до Швеции.⁵¹⁶

Однако в целом было бы трудно преувеличить суеверия и пороки периода между распадом империи и правлением Карла Великого. Но посреди хаоса можно обнаружить элементы нового общества, и мы уже можем наблюдать в зародыше движение, которое в конечном итоге привело к крестовым походам, феодальной системе и рыцарству. Настоящая работа посвящена исключительно моральному аспекту этого движения, и в оставшейся части этой главы я попытаюсь описать и объяснить его начальные стадии. Она состояла из двух частей — слияния христианства своинским духом и растущего почтения к светскому званию.

Древняя максима греков гласила, что в храмах богов нельзя предлагать более приемлемые дары, чем трофеи, завоеванные у врага в битве.⁵¹⁷ Христианство поначалу было крайним отрицателем этой военной религии. У меня уже была возможность наблюдать, что одним из самых ранних ее правил было то, что в церкви нельзя носить оружие и что солдаты, возвращающиеся даже с самой праведной войны, не должны допускаться к причастию до тех пор, пока не пройдут период покаяния и очищения. Могущественная партия, среди лидеров которой были Климент Александрийский, Тертуллиан, Ориген, Лактанций и Василий, утверждала, что всякая война была незаконной для тех, кто был обращен; и это мнение имело своего мученика в лице знаменитого Максимилиана, который принял смерть при Диоклетиане только потому, что, будучи зачисленным в солдаты, он заявил, что он христианин и, следовательно, не может сражаться. Степень распространения этой доктрины была с большим правдоподобием предложена как одна из причин гонений Диоклетиана.⁵¹⁸ Это было предметом одного из упреков Цельса; и Ориген в ответ откровенно согласился с обвинением в том, что христианство несовместимо с военной службой, хотя и утверждал, что молитвы христиан были более действенны, чем мечи легионов.⁵¹⁹ В то же время не может быть сомнений в том, что многие христиане с самого раннего времени действительно записывались в армию и что Ориген в ответ откровенно принимал обвинение в том, что христианство несовместимо с военной службой. они не были отрезаны от Церкви. Легенда о громоподобном легионе при Марке Аврелии, что бы мы ни думали о мнимом чуде, подтверждала этот факт, и это прямо утверждается Тертуллианом.⁵²⁰ [стр. 249] Первая ярость Диоклетиановых преследований обрушилась на христианских солдат, и ко времени Константина армия, похоже, в значительной степени стала христианской. Арльский собор при Константине осудил солдат, которые по религиозным мотивам покидали свои цвета; и святой Августин бросил свое огромное влияние на ту же чашу весов. Но даже там, где это призвание не считалось греховным, оно решительно не поощрялось. Идеалом или типом высшего совершенства, созданным воображением языческого мира и к которому естественным образом стремился весь их чистейший моральный энтузиазм, был патриот и солдат. Идеалом католических легенд был аскет, первым долгом которого было отказаться от всех светских чувств и уз. В большинстве семейных кругов проявился конфликт между этими двумя принципами, и в моральной атмосфере четвертого и пятого веков было почти очевидно, что каждый молодой человек, воодушевленный каким-либо чистым или неподдельным энтузиазмом, перейдет из армии в монахи. Святой Мартин, святой Ферреоль, святой Таррах и святой Виктриций были среди тех, кто по религиозным мотивам покинул армию.⁵²¹ Говорят, что когда Ульфила переводил Библию на готский, он исключил четыре книги Царств, опасаясь, что они могут способствовать воинственному настрою варваров.⁵²²

Первым фактором, способствовавшим установлению дружественной связи профессии военного с религией, было общепринятое учение о Провиденциальном управлении делами. Обычно учили, что все национальные катастрофы были карой, вызванной, по большей части,

пороками или религиозными заблуждениями ведущих людей, и что временное процветание было наградой за ортодоксальность и[стр. 250] добродетель. Поэтому предполагалось, что крупное сражение, от исхода которого зависела судьба народа или монарха, было особым случаем вмешательства Провидения, и надежда на военный успех стала одним из наиболее частых мотивов обращения. Обращение Константина было объявлено, и обращение Хлодвига, возможно, действительно было вызвано убеждением, что Божественное вмешательство в критический момент принесло им победу; и я уже заметил, какую большую роль следует отводить этому порядку идей в содействии распространению христианства среди варваров. Когда Константину, как говорили, чудесным образом явился крест с надписью, возвещающей о победе при Мильвианском мосту; когда тот же самый священный знак, украшенный священной монограммой, пронесли в авангарде римских армий; когда гвозди для креста, которые Елена привезла из Иерусалима, были превращены императором в шлем и удила для его боевого коня, стало очевидно, что в некогда миролюбивом духе Церкви произошли большие перемены.⁵²³

Многие обстоятельства сговорились ускорить это. Северные племена, которых учили, что врата Валгаллы всегда открыты для воина, представшего обагренным кровью своих побежденных врагов, были обращены в христианство; но они перенесли свои старые чувства в свою новую веру. Конфликт многих рас и паралич всех правительств, последовавший за падением Империи, сделали силу повсюду доминирующей, а мелкие войны непрекращающимися. Военные обязанности, связанные с “бенефициями”, которые монархи предоставляли своим ведущим вождям, связывали идею военной службы с идеей ранга еще теснее, чем это было связано прежде, и делали ее вдвойне почетной[стр. 251] в глазах людей. Многие епископы и аббаты, отчасти из-за переменчивости своего времени и характера, а отчасти, в более поздний период, из-за своего положения крупных феодалов, привыкли вести своих последователей в бой; и этот обычай, хотя и запрещенный Карлом Великим, можно проследить до столь позднего периода, как битва при Азенкуре.⁵²⁴

Клеймо, которое христианство наложило на войну, таким образом, постепенно стиралось. В то же время Церковь в целом сохраняла миролюбивое влияние. Война скорее одобрялась, чем освящалась, и, что бы ни происходило с несколькими изолированными прелатами, Церковь ничего не делала для ее усиления или поощрения. Переход от почти квакерских догматов первоначальной Церкви к по существу военному христианству крестовых походов был обусловлен главным образом другой причиной — ужасами и примером мусульманства.

Эта великая религия, которая так долго соперничала по влиянию с христианством, действительно посеяла глубочайшую и наиболее оправданную панику по всему христианскому миру. Без какой-либо из тех вспомогательных средств для воображения, которые могут предоставить картины, без какой-либо тщательно разработанной жреческой организации, проповедуя чистейший монотеизм среди невежественных и варварских людей и прививая, в целом, чрезвычайно высокую и благородную систему морали, она распространилась с быстротой и овладела умами своих приверженцев, с которой, вероятно, не сравнится ни одна другая религия. Она позаимствовала у христианства доктрину спасения верой, которая, возможно, является самым мощным импульсом, который может быть применен к характерам масс людей, и в ней так подробно описаны прелести чувственного рая и ужасы материального ада, что альтернатива с непревзойденной силой взывала к грубому воображению[стр. 252] людей. У него была книга, которая, какой бы низшей она ни была по сравнению с книгой противоположной религии, тем не менее была утешением и поддержкой миллионов людей во

многие века. Оно проповедовало фатализм, который в первую эпоху придавал его приверженцам несравненную военную отвагу и который, хотя в более поздние дни часто парализовывал их активную энергию, также редко оказывал им поддержку под давлением неизбежных бедствий. Но, прежде всего, она открыла великую, роковую тайну неразрывного соединения страсти солдата со страстью преданного. Сделав завоевание неверных первоочередной обязанностью и предложив небеса в качестве верной награды доблестному солдату, это вызвало смешанный энтузиазм, который вскоре пересилил разногласия в советах и сладострастные правительства Востока, и в течение столетия после смерти Мухаммеда его последователи почти вытеснили христианство из его первоначального очага, основали великие монархии в Азии и Африке, насадили благородную, хотя и преходящую и экзотическую цивилизацию в Испании, угрожали столице Восточной империи, и, если бы не исход одной битвы, они, вероятно, расширили бы свое влияние. скипетр над энергичными и прогрессивными расами Центральной Европы. Волна была сломлена Карлом Мартеллом в битве при Пуатье, и сейчас бесполезно размышлять о том, какими могли бы быть последствия, если бы мусульманство развернуло свое победоносное знамя среди тех тевтонских племен, которые так часто меняли свою веру и от которых в такой степени зависел ход развития цивилизации. Но на самом деле была достигнута одна великая перемена. Дух мусульманства медленно перешел в христианство и преобразовал его по своему подобию. Зрелище, по сути, военной религии, очаровывало людей, которые были одновременно очень воинственными и очень суеверными. Паника, охватившая Европу, после долгого перерыва сменилась яростной реакцией негодования. Гордость и религия вступили в сговор, чтобы настроить христианских воинов против тех, кто так часто побеждал армии и опустошал территорию христианского мира, кто лишил [стр. 253] империю Креста многих из ее прекраснейших провинций и осквернил этот святой город, который почитался не только за свои прошлые связи, но и за духовные благословения, которые он все еще мог даровать паломнику. Папские индульгенции оказались не менее эффективными в стимулировании воинского духа, чем обещания Мухаммеда, и в течение примерно двух столетий каждая кафедра в христианском мире провозглашала долг войны с неверующими и представляла поле битвы как верный путь на небеса. Возникшие религиозные ордена объединили характер священника с характером воина, и когда в час заката солдат опускался на колени, чтобы помолиться перед своим крестом, этот крест был рукоятью его меча.

Было бы невозможно представить себе более полную трансформацию, чем та, которую претерпело христианство таким образом, и грустно противопоставлять ее облику во время крестовых походов то впечатление, которое она когда-то совершенно справедливо произвела на мир, как дух мягкости и мира, столкнувшийся с духом насилия и войны. Среди множества любопытных обычаев ирландцев-язычников одним из наиболее значительных было захоронение перпендикулярно. С чувством, примерно подобным тому, которое побудило Веспасиана объявить, что римский император должен умирать стоя, воины-язычники боялись быть распростертыми ниц даже после смерти, и они, по-видимому, рассматривали это воинское погребение как особый символ язычества. В старинном ирландском манускрипте рассказывается, как, когда христианство было введено в Ирландию, король Ольстера на смертном одре завещал своему сыну никогда не становиться христианином, а быть похороненным стоящим прямо, как воин в битве, с лицом, всегда обращенным на юг, бросая вызов жителям Лейнстера.⁵²⁵ Еще в шестнадцатом веке говорят, что в некоторых частях Ирландии детей крестили [стр. 254] погружением; но правые руки мужчин осторожно держали

над водой, чтобы их не окунули в воду. священный поток, они могли бы нанести более смертельный удар.[526](#)

Некоторые ранние христиане смело предсказывали, что обращение мира приведет к установлению вечного мира. Оглядываясь назад, на наш нынешний опыт, мы приходим к печальному выводу, что вместо уменьшения количества войн влияние церкви фактически и очень серьезно увеличило его. Мы можем напрасно искать какой-либо период со времен Константина, в течение которого духовенство, как единое целое, прилагало усилия для подавления военного духа или предотвращения или сокращения масштабов конкретной войны с энергией, хоть сколько-нибудь сравнимой с той, которую они проявляли, разжигая фанатизм крестоносцев, устраивая зверскую резню альбигойцев, разжигая религиозные распри, последовавшие за Реформацией. Частные войны, без сомнения, в какой-то степени подавлялись их влиянием; ибо институт “Божьего перемирия” в течение некоторого времени имел большое значение, и когда к концу средних веков возник обычай дуэлей, духовенство решительно осудило его; но мы вряд ли можем придавать какое-либо большое значение их усилиям в этой области, если вспомним, что дуэли были почти или совсем неизвестны языческому миру; что, возникнув в период великих суеверий, анафемы Церкви были почти бессильны противостоять им. препятствовать им; и что в нашем веке они быстро исчезают перед простым осуждением индустриального общества. Возможно — хотя, я полагаю, это было бы трудно доказать, — что посредническая должность, столь часто выполняемая епископами, могла иногда предотвращать войны; и несомненно, что в период религиозных войн в Европе существовало столько воинственного духа, что он обязательно должен был найти выход, и [стр. 255] ни при каких обстоятельствах этот период не мог быть периодом полного мира. Но когда все эти требования будут полностью приняты, общий факт останется фактом, что, за исключением мусульманства, ни одна другая религия не сделала так много для разжигания войн, как это было сделано религиозными учителями христианского мира в течение нескольких столетий. Военный фанатизм, вызванный индульгенциями пап, увещеваниями с кафедры, религиозным значением, придаваемым реликвиям в Иерусалиме, и преобладающей ненавистью к неверующим, едва ли когда-либо был сравним по своей интенсивности, и это вызвало пролитие океанов крови и принесло миру неисчислимые страдания. Религиозный фанатизм был главной причиной более ранних войн и важной составляющей более поздних. Принципы мира, которые были так распространены до Константина, вряд ли нашли отклик у кого-либо, кроме Эразма, анабаптистов и квакеров;[527](#) и хотя некоторые очень важные миролюбивые организации возникли в результате промышленного прогресса нового времени, они по большей части были совершенно не связаны с теологическими интересами, а в некоторых случаях были прямо противоположны им.

Но хотя нельзя обоснованно утверждать, что теологическое влияние уменьшило количество войн, оно оказало очень реальное и благотворное влияние на уменьшение их жестокости. Мало по каким вопросам моральные воззрения разных эпох проявляли столь заметные различия, как в их суждениях о том, какое наказание может быть справедливо назначено побежденному врагу, и эти различия часто приводились в качестве аргумента против тех, кто верит в существование естественных моральных представлений. Однако у тех, кто принимает [стр. 256] эту доктрину с ограничениями, изложенными в первой главе, она не может вызвать недоумения. При первом зарождении человеческого разума (как я уже говорил) появляется понятие долга,

отличное от понятия заинтересованности, и разум, анализируя различные эмоции, которые на него влияют, признает бескорыстные и благожелательные мотивы существенно и в целом превосходящими эгоистичные и жестокие. Но только общее состояние общества определяет стандарт благожелательности — классы, по отношению к которым каждый порядочный человек будет проявлять ее. Во-первых, круг обязанностей - это семья, племя, государство, конфедерация. В этих пределах каждый человек чувствует себя в моральных обязательствах перед окружающими; но он относится к внешнему миру так же, как мы относимся к диким животным, как к существам, на которых он может законно охотиться. Следовательно, мы можем объяснить тот любопытный факт, что термины "разбойник" или "корсар" на ранних стадиях развития общества не несли в себе понятия моральной вины.⁵²⁸ На таких людей смотрели так же, как мы смотрим на охотников, и если они проявляли храбрость и мастерство в преследовании, их считали достойными восхищения. Даже в трудах самых просвещенных философов Греции война с варварами представлена как форма погони, и простое желание заполучить варваров в качестве рабов считалось достаточной причиной для вторжения в них. Право завоевателя убивать своих пленников [стр. 257] было общепризнанным, и поначалу оно не было ограничено никакими соображениями возраста или пола. Зафиксировано несколько случаев, когда греческие и другие города были намеренно разрушены греками или римлянами, а все население безжалостно вырезано.⁵²⁹ Вся карьера ранней римской республики, хотя и во многом идеализированная и преобразенная более поздними историками, вероятно, определялась этими принципами.⁵³⁰ Обычной участью пленника, которой у варваров была смерть, в цивилизованной древности было рабство; но многие тысячи были приговорены к гладиаторским боям, а побежденный полководец обычно погибал в мамертинской тюрьме, в то время как побежденный полководец обычно погибал в Мамертинской тюрьме. его победитель с триумфом вошел на Капитолий.

Правда, можно обнаружить несколько следов более гуманного духа. Платон выступал за освобождение всех греческих пленных после уплаты фиксированного выкупа,⁵³¹ и спартанский полководец Калликратид благородно действовал в соответствии с этим принципом;⁵³² но его примеру, похоже, никто не последовал. В Риме очень сильно ощущалось понятие международного обязательства [стр. 258]. Ни одна война не считалась справедливой, если она не была официально объявлена; и даже в случае войн с варварами римские историки часто обсуждали достаточность или недостаточность мотивов с добросовестной серьезностью, которую современный историк вряд ли мог превзойти.⁵³³ Более поздние греческие и латинские труды иногда содержат положения, свидетельствующие о значительном прогрессе в этой области. И Цицерон, и Саллюстий провозгласили единственной законной целью войны гарантированный мир. Согласно Тациту, эта война заканчивается хорошо, которая заканчивается помилованием. Плиний отказался применять эпитет "великий" к Цезарю из-за пролитых им потоков человеческой крови. Двум римским завоевателям^{534 г.} приписывают высказывание о том, что лучше спасти жизнь одного гражданина, чем уничтожить тысячу врагов. Марк Аврелий скорбно приравнивал карьеру завоевателя к карьере простого грабителя. К нациям или армиям, добровольно подчинившимся Риму, обычно относились с большой снисходительностью, и зафиксированы многочисленные акты индивидуального великодушия. Нарушение целомудрия покоренных женщин солдатами во время осады было осуждено как редкое и зверское преступление.⁵³⁵ Крайние зверства древней войны, по-видимому, наконец были практически, хотя и не юридически, ограничены двумя классами.⁵³⁶ Города, где были оскорблены римские послы или где имел место какой-то особый акт недобросовестности или

жестокости, были стерты с лица земли, а их население вырезано или обращено в рабство. К пленным варварам относились почти как к диким зверям, и их тысячами отправляли на рынок рабов или сражаться на арене.

[стр. 259]

Изменения, внесенные христианством в права ведения войны, были очень важными, и я думаю, их можно объединить в три группы. Во-первых, он подавил гладиаторские бои и тем самым спас тысячи пленников от кровавой смерти. Во-вторых, оно неуклонно препятствовало обращению пленных в рабство, выкупило огромное количество людей за счет благотворительных взносов и медленно и незаметно продвигалось по пути милосердия, пока не стало признанным принципом международного права, согласно которому ни один христианский пленный не должен быть обращен в рабство.⁵³⁷ В-третьих, оно оказало более косвенное, но очень мощное влияние, создав новый воинственный идеал. Идеальный рыцарь крестовых походов и рыцарства, соединяющий в себе всю силу и огонь древнего воина с некоторой долей нежности и смирения христианского святого, возник из соединения двух потоков религиозного и военного [стр. 260] чувства; и хотя этот идеал, как и все другие, был порождением воображения, которое часто не вполне реализовывалось в жизни, все же он оставался типом и образцом воинского мастерства, к которому стремились многие поколения; и его смягчающее влияние даже сейчас можно в значительной степени проследить в характере современного джентльмена.

Наряду с постепенным слиянием воинского духа с христианством, в период до Карла Великого мы можем смутно различить первые этапы того посвящения в светские звания, которое в более поздний период, в формах рыцарства, божественного права королей и почтения к аристократии, сыграло столь большую роль как в моральной, так и в политической истории.

Мы уже видели, что ход событий в Римской империи был направлен на постоянное усиление императорской власти. Представительский деспотизм Августа в конце концов сменился восточным деспотизмом Диоклетиана. Сенат превратился в бессильное собрание имперских выдвиженцев, и дух римской свободы полностью угас вместе с угасанием стоицизма.

Вероятно, было бы излишним уточнять, искать какие-либо более глубокие причины этого изменения, чем те, которые можно найти в обычных принципах человеческой природы. Деспотизм - это нормальное и законное правление раннего общества, в котором знание еще не развило способности людей; но когда оно внедряется в цивилизованное сообщество, оно приобретает характер болезни, и болезнь, которая, если ее не остановить, имеет постоянную тенденцию к распространению. Когда свободные нации отказываются от своих политических функций, они постепенно теряют как способность, так и стремление к свободе. Политический талант и честолюбие, не имея сферы для действия, неуклонно угасают, а рабоподобные, изнуряющие и порочные привычки пропорционально возрастают. Нации - это органические существа, находящиеся в постоянном процессе расширения или упадка, и там, где они не демонстрируют прогресса свободы, они обычно демонстрируют прогресс рабства.

Вряд ли можно утверждать, что христианство оказало большое влияние [стр. 261] на это изменение. Ускорив в некоторой степени тот процесс изъятия добродетельной энергии народа

из сферы управления, который уже давно происходил, это предотвратило значительное улучшение нравственности, которое, несомненно, имело место, заметное проявление в государственных делах. Она проповедовала доктрину пассивного повиновения, которую ее ученики благородно соблюдали в самые тяжелые периоды гонений. С другой стороны, христиане решительно отвергали воздавание Божественных почестей суверену и с героическим постоянством отстаивали свое независимое богослужение вопреки закону. Однако после правления Константина их рвение стало гораздо менее чистым, и сектантские интересы полностью определяли их принципы. Много неуместных знаний было использовано в попытках извлечь из Отцов Церкви последовательное учение об отношениях подданных к их суверенам; но каждый беспристрастный наблюдатель может обнаружить, что принцип, на основании которого они действовали, был чрезвычайно прост. Когда государь был достаточно ортодоксален в своих взглядах и достаточно ревностен в покровительстве Церкви и преследовании еретиков, его превозносили как ангела. Когда его политика была направлена против Церкви, его представляли как деймона. Оценка, которую Григорий Турский дал характеру Хлодвигу, хотя и гораздо более откровенная, не является более ярким примером морального извращения, чем откровенное и поистине богохульное преклонение, которое Евсевий изливал Константину — государю, характер которого во все времена отличался самыми противоречивыми чертами, и который вскоре после своего обращения предал насильственной смерти своего сына, племянника и жену. Если бы мы оценивали отношение церковников к государям языком Евсевия, мы должны были бы предположить, что они приписывали им прямое Божественное вдохновение и возвеличивали императорское достоинство до такой степени, которая ранее была неизвестна.⁵³⁸ Но когда Юлиан [стр. 262] вззошел на трон, весь облик Церкви изменился. Этот великий и добродетельный, хотя и введенный в заблуждение монарх, чья частная жизнь была образцом чистоты, который нес на трон манеры, вкусы и дружбу философа и который провозглашал и, за очень небольшими исключениями, действовал с величайшей и великодушной терпимостью, был врагом Церкви, и поэтому на него обычно обрушивался весь словарный запас оскорблений. Церковники и миряне объединились, оскорбляя его, и когда после краткого, но славного правления, длившегося менее двух лет, он принял почетную смерть на поле битвы, ни бедствие, постигшее римское оружие, ни нынешние опасности, подстерегавшие армию, ни героическое мужество, проявленное павшим императором, ни величественное спокойствие его кончины, ни слезы его верных друзей не смогли пристыдить христианскую общину и заставить ее благопристойно замолчать. Раскаты жестокого веселья наполнили землю. В Антиохии христиане собирались в театрах и церквях, чтобы с ликованием отпраздновать смерть, которую их император встретил, сражаясь с врагами своей страны.⁵³⁹ Множество мстительных легенд выразили ликование Церкви,⁵⁴⁰ и святой Григорий Назианзен посвятил свое красноречие увековечиванию этого. Его брат одно время был высокопоставленным чиновником в империи и бесстрашно исповедовал христианство при Юлиане; но этот император не только не сместил его со своего поста, но даже почтил его своей теплой дружбой.⁵⁴¹ Тело Юлиана было положено в могилу совсем недавно, когда святой Григорий произнес две яростные брани в его память, собрал гротескную клевету, которая была нагромождена на его репутацию, выразил сожаление, что его останки не были выброшены после смерти в общую канализацию, и угостил слушателей замечательной речью. [стр. 263] категорическое утверждение о пытках, которые ожидали его в аду. Язычники выдвинули против христиан самое тяжкое обвинение. Говорили, что Юлиан погиб от копья не врага, а одного из своих христианских солдат. Когда мы вспоминаем, что он был одновременно императором и полководцем, что он пал, храбро и уверенно ведя свою армию в поле боя, и в критический

момент битвы, от которой в значительной степени зависела судьба Империи, это обвинение, выдвинутое Либанием, кажется, включает в себя самое большое количество низкого предательства, какое только можно себе представить. Вероятно, это была совершенно беспочвенная клевета, но то, как к ней отнеслись среди христиан, чрезвычайно характерно. “Либаний, ” говорит один из церковных историков, - ясно утверждает, что император пал от руки христианина; и это, вероятно, было правдой. Не исключено, что некоторым солдатам, служившим тогда в римской армии, могла прийти в голову идея действовать подобно древним истребителям тиранов, которые подвергали себя смерти во имя свободы и сражались, защищая свою страну, свои семьи и своих друзей, и чьи имена вызывают всеобщее восхищение. Еще меньше заслуживает порицания тот, кто ради Бога и религии совершил столь смелый поступок”.[542](#)

Я думаю, без преувеличения можно утверждать, что полное подчинение всех других принципов своим богословским интересам, которое характеризовало церковников при Юлиане, продолжалось в течение многих столетий. Ни один язык оскорблений не был слишком экстремальным, чтобы быть примененным к суверену, выступающему против их интересов. Ни один язык лести не был слишком экстравагантным для суверена, который их поддерживал. Из всех императоров, опозоривших константинопольский трон, самым одиозным и свирепым, вероятно, был Фока. Безвестный центурион, он поднялся путем военного восстания к верховной власти,[стр. 264] и император Маврикий со своей семьей попал в его руки. Он решил предать плененного императора смерти; но прежде всего он приказал вывести пятерых своих детей и поочередно умертвить их на глазах у их отца, который переносил это ужасное зрелище с прекрасной смесью античного героизма и христианского благочестия, бормоча, когда каждый ребенок падал под ножом убийцы: “Ты справедлив, о Господи, и праведны суды Твои”, и даже вмешиваясь в последний момент, чтобы раскрыть героический обман кормилицы, которая хотела спасти его младшего ребенка, заменив его своим собственным. Но Маврикий, который был скорее слабым и алчным, чем порочным государем, проявил зависть к влиянию папы, запретил солдатам во время крайней опасности, грозившей их стране, покидать свои знамена, чтобы записаться в монахи, и даже поощрял притязания архиепископа Константинопольского на титул Вселенского епископа; и в глазах римских священников воспоминания об этих преступлениях было достаточно, чтобы оправдать самое жестокое из убийств. В двух письмах, полных отрывков из Священного Писания и изобилующих откровенной и богохульной лестью, папа, святой Григорий Великий, поздравил Фоку и его жену с их триумфом; он призвал небо и землю порадоваться за них; он поместил их изображения для почитания в Латеране и ловко намекнул, что невозможно, чтобы они, с их хорошо известным благочестием, не были очень благосклонны к престолу Петра.[543](#)

Ход событий по отношению к монархической власти в течение некоторого времени отличался на Востоке и Западе. Сам Константин приобрел больше помпезности и[стр. 265] манер восточного монарха, чем любой из предшествующих императоров, и константинопольский двор вскоре стал характеризоваться чрезмерным великолепием со стороны монарха и преклонением подданных, которое, вероятно, никогда не было превышено.[544](#) Императорская власть на Востоке затмила духовенство и священников, несмотря на их яростную вспышку во время иконоборческой полемики и несколько незначительных пароксизмов ненависти. восстание постепенно перешло в то довольное раболепие, которое обычно характеризовало Восточную Церковь. Однако на Западе римские епископы были в значительной степени независимы от государей и в некоторой степени выступали против их интересов. Передача

императорской власти Константинополю, в результате чего римские епископы стали главными персонами в городе, который долгое сотрудничество, а также фактическая власть сделали главным в мире, были одной из главных причин усиления папства и арианства многих государей, ревность, которую другие проявляли к церковным посягательствам, и равнодушие некоторых к преследованию еретиков - все это было причинами разногласий. После распада Империи Западная Церковь вступила в контакт с правителями другого типа. Варварские короли были немногим больше, чем военными вождями, избираемыми по большей части народом, окруженными небольшой святостью или вообще без нее и поддерживавшими свою ненадежную и очень ограниченную власть благодаря своему мужеству или мастерству. Некоторые слабо подражали пышности римских императоров, но их притязания не имели большого веса в мире. Ореол, который гений Теодориха окружал его трон, исчез после его смерти, и арианство этого великого государя в достаточной степени лишило его симпатий Церкви. В Галлии при нескольких смелых и беспринципных людях династия Меровингов произошла от множества мелких королей и объединила всю страну в одно королевство; но через короткий период она пришла в упадок, короли стали просто марионетками в руках дворцовых мэров, а эти последние, чья должность стала наследственной, которые были главами крупных землевладельцев и которые благодаря своему положению приобрели личное влияние над суверенами, стали фактическими правителями нации.

Именно из этих несколько бесперспективных условий медленно развивалась средневековая доктрина о Божественном праве королей и всеобщем уважении к рангу, которые составляли сущность рыцарства. Их породили политические и моральные причины. Главные политические причины, которые хорошо известны, можно резюмировать в нескольких словах.

Когда Лев Исавриец в восьмом веке попытался подавить поклонение иконам, сопротивление, которое он встретил в Константинополе, хотя и яростное, было быстро подавлено; но папа, заняв гораздо более высокое положение, чем мог занять любой византийский священнослужитель, смело отлучил императора от церкви и возглавил восстание против его власти, результатом которого стала фактическая независимость Италии. Его положение в то время было необычайно велико. Он представлял религиозное дело, к которому были страстно привязаны огромные массы христианского мира. Его почитали как освободителя Италии. В час своего триумфа он проявил умеренность, которая примирила многих врагов и предотвратила анархию, которой, естественно, можно было ожидать. В то же время он руководил обширной монашеской организацией, которая распространилась по всему христианскому миру, распространила его авторитет среди многих варварских народов и, благодаря своей особой привязанности к папству, в отличие от епископства, внесла большой вклад в превращение христианства в духовный деспотизм. Одна большая опасность, однако, все еще угрожала его власти. Варвары-лангобарды постоянно вторгались на его территорию и угрожали независимости Рима. Ломбардский монарх Луитпранд дрогнул в самый час своего триумфа перед угрозой вечных пыток, но его преемник, Астольф, был стойким против любого страха, и казалось, что Папский город неизбежно должен был пасть перед его руками.

В своем полном военном бессилии папы искали помощи за границей и, естественно, обратились к франкам, чьи военные вкусы и триумфы были повсеместно известны. Шарль Мартелл, хотя и был всего лишь мэром дворца, спас Европу от мусульман, и папа ожидал, что он обнажит свой меч для защиты Ватикана. Карл, однако, был глух ко всем мольбам; и, хотя он сделал для Церкви больше, чем любой правитель со времен Константина, его внимание, по-

видимому, было поглощено интересами его собственной страны, и он был сильно отчужден от симпатий духовенства. Древняя легенда рассказывает, как святой увидел, как его душу унесли демоны в ад, потому что он секуляризировал церковную собственность, а более современный историк^{545 г.} приписал его смерть тому, что он не решился защитить папу. Однако его сын Пипин, движимый, вероятно, в разной степени личными амбициями, стремлением к военным приключениям и религиозным рвением, с готовностью внял молитве папы, и между сторонами был заключен договор, ставший одним из важнейших событий в истории. Пипин согласился обезопасить папу от опасности, которая ему угрожала. Папа согласился дать религиозную санкцию амбициям Пипина, который намеревался свергнуть династию Меровингов и стать номинально, как он уже был фактически, сувереном Галлии.

Мне нет необходимости подробно пересказывать детали этих переговоров, которые описаны многими историками. Достаточно сказать, что соглашение неукоснительно соблюдалось. Пипин совершил две экспедиции в Италию и полностью[стр. 268] сокрушил могущество лангобардов, отняв у них богатый равеннский экзархат, который он уступил папе, который все еще сохранял свою номинальную верность византийскому императору, но который благодаря этому пожертвованию впервые открыто стал независимым светским князем. С другой стороны, низложение Хильдериха было совершено мирно; последний из Меровингов был замурован в монастыре, а династия Карловингов взошла на трон по особому благословению папы римского, который совершил по этому случаю церемонию освящения, которая ранее не была широко распространена,⁵⁴⁶ возложил корону собственными руками на голову Пипина и произнес торжественную анафему против всех, кто восстанет против нового короля или против его преемников.

Чрезвычайная важность этих событий, вероятно, не была полностью осознана ни одной из вовлеченных в них сторон. Действительно, было очевидно, что папа избавился от насущной опасности и приобрел значительную светскую власть, а также что в Галлии возникла новая династия при исключительно благоприятных и внушительных обстоятельствах. Но гораздо более важным, чем эти факты, было совершенное постоянное утверждение королевской власти. Папа успешно утвердил свою власть свергать и возвышать королей и таким образом приобрел положение, которое повлияло на весь последующий ход европейской истории. Монарх, если и становился в какой-то степени подчиненным священнику, становился в значительной степени независимым от своего народа; божественное происхождение его власти рассматривалось как догма религии, и его окружала святость, которая неизмеримо увеличивала его власть. Приписывание язычниками царям божественности не имело заметного эффекта в повышении их авторитета или ограничении пределов критики или бунта. Приписывание[стр. 269] королям Божественного права, независимого от желаний народа, было одним из самых устойчивых и могущественных суеверий, и оно даже сейчас не исчезло полностью из мира.⁵⁴⁷

Простые изолированные политические события редко или вообще никогда не оказывают такого глубокого влияния, если только им не предшествовали и не готовили их другие организации. Первую предрасполагающую причину быстрого восприятия доктрины о божественном характере власти, вероятно, можно найти в известности монашеской системы. Я уже отмечал, что эта система в своей крайней форме представляет собой то превознесение добродетелей смирения и послушания, которые так широко отличают христианский тип совершенства от языческого. Я также заметил, что благодаря стечению многих причин она приобрела такие

масштабы и влияние, что стала руководящим идеалом христианского мира. Контролируя или монополизировав все образование и литературу, поставив большинство законодателей и многих государственных деятелей того времени, привлекая к себе весь моральный энтузиазм и самые интеллектуальные способности, монахи вскоре наложили свой отпечаток на характер наций. Привычки к послушанию и смирению были распространены, почитаемы и идеализированы, а Церковь, опирающаяся в основном на традиции, воспитывала глубокое чувство святости древности и естественную склонность соблюдать традиционные обычаи. Таким образом постепенно формировался тон чувств, который ассимилировался с монархическими и аристократическими институтами феодализма, которые процветали главным образом потому, что соответствовали моральным чувствам того времени.

Далее, ряд социальных и политических причин уменьшил личную независимость, которой славились варвары. Сначала король был не сувереном страны, а вождем племени.⁵⁴⁸ Однако постепенно, с более устоявшимися привычками, суверенитет приобрел территориальный характер, и вскоре мы можем обнаружить зачатки территориальной аристократии. Короли раздавали своим ведущим вождям части завоеванных земель или королевских владений под названием бенефиций. К этим льготам прилагалась обязанность военной службы, и путем медленных и, возможно, незаметных этапов, каждый из которых был предметом ожесточенных споров, они стали безвозвратными и в конечном счете передавались по наследству. Пока общество было еще дезорганизовано, мелкие землевладельцы покупали покровительство Церкви или какого-нибудь важного вождя, отказываясь от своих поместий, которые они получали обратно в качестве арендаторов при условии уплаты арендной платы или военной службы. Другие, не совершая такой капитуляции, отдавали себя под опеку соседнего лорда и предлагали, взамен, почтение или военную помощь. В то же время, по причинам, о которых я уже упоминал, свободные крестьяне по большей части превратились в крепостных, подчиненных и защищаемых землевладельцами. Таким образом, постепенно сформировалась иерархия рангов, вершиной которой был государь, а основой - крепостной. Полная правовая организация этой иерархии относится к [стр. 271] периоду феодализма, который не входит в рамки настоящего тома; но основные элементы феодализма существовали до Карла Великого, и моральные результаты, вытекающие из них, уже можно различить. Каждый ранг, за исключением самого высокого, постоянно контактировал с вышестоящим, и соответственно воспитывалось чувство постоянной зависимости и подчинения. Для крепостного, который во всем зависел от соседнего дворянина, для дворянина, который сохранял все свои достоинства при условии частой военной службы под началом своего государя, идея светского звания стала неразрывно связана с идеей высшего величия.

Из приведенных выше наблюдений становится очевидным, что в период до Карла Великого уже действовали моральные и политические причины, которые в гораздо более поздний период породили организацию рыцарства — организацию, основанную на сочетании и прославлении светского звания и военной доблести. Но для того, чтобы описанные мной тенденции приобрели свою полную силу, было необходимо, чтобы они были представлены или проиллюстрированы в образе какого-нибудь выдающегося персонажа, который великолепием и красотой своей карьеры мог бы пленять воображение людей. Гораздо легче управлять огромными массами людей с помощью их воображения, чем с помощью их разума. Моральные принципы редко оказывают сильное влияние на мир, за исключением случаев, когда они служат примером или идеалами. Когда ход событий был направлен на прославление аскетического, монархического или военного духа, возникнет великий святой, или монарх, или

солдат, который сосредоточит в одном ослепительном фокусе слепые тенденции своего времени, зажжет энтузиазм и завораживает воображение людей. Если бы не преобладающая тенденция, великий человек не возник бы или не оказал бы своего огромного влияния. Если бы не великий человек, чья карьера живо взывала к воображению, преобладающая тенденция никогда бы не приобрела своей полной интенсивности.

Эта типичная фигура появилась у Карла Великого, чья [стр. 272] колоссальная форма возвышается величественным величием как в истории, так и в романах. Из всех великих правителей человечества, вероятно, не было другого человека, который был бы столь по-настоящему многогранным, чье влияние столь полно пронизывало все религиозные, интеллектуальные и политические течения, существовавшие в его время. Поднявшись в один из самых мрачных периодов европейской истории, этот великий император с кратким, но ослепительным блеском возродил поблекшую славу Западной империи, провел, по большей части лично, многочисленные экспедиции против окружавших его варварских народов, обнаружил обширную систему законодательства, реформировал дисциплину во всех церковных орденах и заставил все классы духовенства подчиняться его воле, в то время как, узаконив десятину, он значительно увеличил их материальное благосостояние. В то же время он в какой-то мере способствовал сдерживанию интеллектуального упадка, основывая школы и библиотеки и собирая вокруг себя всю разрозненную ученость Европы. Он реформировал чеканку монет, расширил торговлю, повлиял на религиозные споры и создал крупные законодательные собрания, которые в конечном счете внесли большой вклад в организацию феодализма. Во всех этих сферах можно обнаружить следы его обширного, организующего и дальновидного гения, а о влиянии, которое он оказывал на воображение людей, свидетельствуют многочисленные легенды, героем которых он является. В предшествующие века высшим идеалом был аскет. Когда народное воображение воплотило в легендах свое представление о человечестве в его самой благородной и привлекательной форме, оно инстинктивно нарисовало какого-нибудь святого-отшельника, совершившего множество покаяний и сотворившего множество чудес. В Романах о Карле Великом и Артуре мы можем проследить зарождение нового типа величия. Герой европейского воображения был больше не отшельником, а королем, воином, рыцарем. Длинная череда влияний, которые я рассмотрел и кульминацией которых стал Карл Великий, сделала свое дело. Эпоха аскетов начала угасать. На смену ей пришла эпоха крестовых походов и рыцарства.

[стр. 273]

Любопытно наблюдать, каким образом под влиянием господствующей тенденции карьера Карла Великого преобразилась в народном воображении. Его военные предприятия были направлены главным образом против саксов, против которых он совершил не менее тридцати двух экспедиций. С мусульманами он почти не общался. Именно Карл Мартелл, а не его внук, великой битвой при Пуатье положил конец их карьере. Карл Великий лично предпринял всего одну экспедицию против них в Испанию, и эта экспедиция была небольшого масштаба и имела катастрофический исход. Но в романах о Карловингах, возникших в то время, когда энтузиазм крестовых походов пронизывал христианский мир, события были представлены в совершенно ином свете. Шарлю Мартелю нет места среди идеальных борцов Церкви. Он появился слишком рано, его фигура была недостаточно велика, чтобы очаровать народное воображение, и, конфисковав церковную собственность и отказавшись помогать папе против лангобардов, он попал под запрет духовенства. Карл Великий, с другой стороны, был представлен как первый и

величайший из крестоносцев. Его войны с саксами были едва замечены. Говорили, что вся его жизнь прошла в героических и победоносных сражениях с последователями Мухаммеда.⁵⁴⁹ Среди приписываемых ему достижений была экспедиция по спасению Нисмеса и Каркассона из их рук, что на самом деле было смутной традицией побед Карла Мартелла.⁵⁵⁰ Говорят, что он даже пронес свое победоносное оружие в сердце Палестины, и он является героем, вероятно, трех самых ранних дошедших до нас романов о крестовых походах.⁵⁵¹ В художественной литературе, как и в истории, его правление формирует [стр. 274] великая веха, отделяющая ранний период средневековья от эпохи военного христианства.

На пороге этой великой перемены я подвожу эту историю к концу. Продолжая наш долгий и неоднородный путь от Августа до Карла Великого, мы были свидетелями взлета и падения многих типов характера и многих форм энтузиазма. Мы видели, как расширяется влияние всемирной империи и усиливается влияние греческой цивилизации, симпатии Европы. Мы рассмотрели последовательный прогресс стоицизма, платонизма и египетской философии, одновременно отражающих моральные тенденции общества и направляющих их. Мы проследили ход прогресса или регресса во многих областях социальной, политической и законодательной жизни, наблюдали за колыбелью европейского христианства, исследовали причины его триумфа, трудности, с которыми оно столкнулось, и бесценные благословения, которые его филантропический дух даровал человечеству. Мы также шаг за шагом проследили печальную историю его разложения, его аскетизма и нетерпимости, различные трансформации, которые он произвел или претерпел, когда мутные воды варварских нашествий затопили цивилизации Европы. Прежде чем завершить эту работу, мне остается исследовать одну категорию вопросов, к которым я пока лишь вкратце обращался, — изучить влияние описанных мною изменений на характер и положение женщины, а также на серьезные моральные вопросы, касающиеся отношений полов.

[стр. 275]

Глава V. Положение женщин.

В длинной череде моральных революций, описанных в предыдущих главах, у меня не раз была возможность обратиться к положению, которое отводилось женщине в обществе, и к добродетелям и порокам, которые проистекают непосредственно из отношений полов. Я, однако, еще не обсуждал эти вопросы с полнотой, соответствующей их исторической важности, и поэтому, прежде чем завершить этот том, предлагаю посвятить их рассмотрению несколько страниц. Из всех многочисленных вопросов, которые рассматриваются в этой работе, нет ни одного, к которому я подхожу с такими большими колебаниями, поскольку, вероятно, нет ни одного, к которому так трудно относиться с ясностью и беспристрастностью и в то же время не возбуждая никакого скандала или обиды. Я уже отмечал сложность проблемы, проистекающую из очень большого значения, которое исключительные институты или

обстоятельства, и особенно влияние климата и расы, оказали на целомудрие наций, и чрезвычайная деликатность вопросов, с которыми связана эта отрасль этики, должна быть ощутима для всех. Однако первейший долг историка - стремиться к истине; и абсолютно невозможно представить истинную картину морального состояния разных эпох и составить верную оценку морального воздействия различных религий, не обратившись к департаменту морали, который претерпел наибольшие изменения и, вероятно, оказал наибольшее влияние.

[стр. 276]

Естественно, что в период, когда мужчины все еще являются совершенными варварами, когда их образ жизни все еще кочевой, и когда война и охота являются их единственным занятием, качества, которые требуются в них, составляют их главный критерий совершенства, неполноценность женщин по сравнению с мужчинами должна рассматриваться как несомненная, и их положение должно быть крайне принижено. Во всех тех качествах, которые в то время ценятся больше всего, женщины, бесспорно, уступают. Социальные качества, в которых они особенно способны преуспеть, не имеют сферы для их проявления. Влияние красоты очень слабое, и, даже если бы это было иначе, немногие следы женской красоты могли бы пережить тяготы дикой жизни. На женщину смотрят просто как на рабыню мужчины и служительницу его страстей. В первом качестве ее жизнь - это непрерывный, жалкий и безответный труд. Во втором качестве она подвержена всем тем бурным проявлениям чувств, которые у грубых мужчин следуют за удовлетворением животных страстей.

Однако даже на этой ранней стадии мы можем проследить некоторые зачатки тех моральных чувств, которым суждено в более поздний период получить распространение. Институт брака существует. Ценность целомудрия обычно в какой-то степени осознана и проявляется в негодовании, которое выказывается против прелюбодея. Обязанность сдерживать страсти в значительной степени признается за женщинами, хотя мужчины ограничены только запретом на супружескую измену.

Первыми двумя шагами, которые предпринимаются на пути к возвышению женщины, вероятно, являются отказ от обычая покупать жен и построение семьи на основе моногамии. В самые ранние периоды развития цивилизации брачный контракт заключался между женихом и отцом невесты при условии выплаты первым денежной суммы последнему. Эта сумма, известная в законах варваров как “мундиум”,⁵⁵² [стр. 277] фактически была выплатой отцу за уступку его дочери, которая, таким образом, стала купленной рабыней своего мужа. Одной из самых замечательных особенностей древних законов Индии является то, что они запрещали этот дар на том основании, что родитель не должен продавать своего ребенка;⁵⁵³ но не может быть никаких сомнений в том, что когда-то такая продажа была обычным видом брака. В еврейских писаниях мы находим, что Иаков купил Лию и Рахиль в обмен на определенные услуги их отцу; и этот обычай, который, по-видимому, был когда-то распространен в Иудее,⁵⁵⁴ г., по-видимому, в эпоху Гомера был распространен в Греции. Однако в ранний период греческой истории выкупные деньги были заменены приданым, или денежной суммой, выплачиваемой отцом невесты за пользование своей дочерью;⁵⁵⁵ и это, хотя и переходило в руки мужа, способствовало возвышению жены, во-первых, тем достоинством, которое это придавало ей, а во-вторых, специальными законами, которые как в Греции, так и в Риме закрепляли это за ней в большинстве случаев раздельного проживания.⁵⁵⁶ Таким образом, жена обладала гарантией от дурного обращения со стороны мужа. . Она перестала быть его рабыней и стала в какой-то

степени договаривающейся стороной. [стр. 278] У древних германцев существовал другой и очень примечательный обычай. Невеста не приносила никакого приданого своему мужу, и жених ничего не дарил отцу невесты; но он преподнес свой подарок самой невесте утром после первой брачной ночи, и это, что называлось “Моргенгаб”, или утренний подарок, послужило источником совместной жизни.⁵⁵⁷

Еще более важным, чем вышесказанное, был институт моногамии, посредством которого с самых ранних дней греческая цивилизация провозглашала свое превосходство над предшествовавшими ей азиатскими цивилизациями. Мы можем рассматривать моногамию либо в свете нашего интуитивного морального чувства по поводу чистоты, либо в свете интересов общества. На восточной, или полигамной стадии, брак рассматривается почти исключительно, в его низшем аспекте, как удовлетворение страстей; в то время как в европейских браках взаимная привязанность и уважение договаривающихся сторон, создание домашнего хозяйства и длинная череда сопутствующих ему домашних чувств и обязанностей занимают свое почетное место среди мотивов договора, а низший элемент занимает сравнительно мало места. Таким образом, можно доходчиво сказать, без какой-либо ссылки на утилитарные соображения, что моногамия является более высоким состоянием, чем полигамия. Утилитарные аргументы в его защиту также чрезвычайно весомы и могут быть сведены к трем предложениям. Природа, делая количество мужчин и женщин почти равным, указывает на это как на естественное явление. Ни в какой другой форме брака управление семьей, являющееся одной из главных целей брака, не может быть так счастливо поддержано, [стр. 279] и ни в какой другой женщина не занимает положения равной мужчине.

Моногамия была общей системой в Греции, хотя, как говорят, были небольшие и временные отклонения от более ранней системы после некоторых крупных бедствий, когда горячо желалось увеличения населения.⁵⁵⁸ Однако следует провести широкую границу между легендарным или поэтическим периодом, отраженным у Гомера и увековеченным в трагиках, и более поздним историческим периодом. Это один из самых замечательных, а для некоторых авторов и самый озадачивающий факт в истории нравственности Греции, что в прежний, более грубый период женщины, несомненно, занимали самое высокое место, а их типаж демонстрировал высочайшее совершенство. Моральные идеи в тысячах форм были возвышены, расширены и изменены прогрессирующей цивилизацией; но можно безбоязненно утверждать, что образы женского совершенства, содержащиеся в греческих поэмах, хотя и являются одними из самых ранних, также являются одними из самых совершенных в литературе человечества. Супружеская нежность Гектора и Андромахи; неутомимая верность Пенелопы, долгие годы ожидавшей возвращения своего потрясенного бурей мужа, который смотрел на нее как на венец всех своих трудов; героическая любовь Алкестиды, добровольно ушедшей из жизни ради того, чтобы ее муж мог жить; сыновнее благочестие Антигоны; величественное величие смерти Поликсены; более смиренная и святая покорность Ифигении, простившей своим последним вздохом отца, который осудил ее; радостная, скромная и любящая Навсикая, чья фигура сияет как совершенная идиллия среди трагедий “Одиссеи”, - все это образы вечной красоты, которые Рим и христианский мир, рыцарство и современная цивилизация не затмили и не превзошли. Девственная скромность и супружеская верность, [стр. 280] грации, а также добродетели самой совершенной женственности, никогда еще не демонстрировались так изысканно. Женские фигуры выделяются на полотне почти так же заметно, как мужские, и окружены почти таким же почтением. Вся история осады Трои - это история катастроф, последовавших за нарушением брачных уз. Однако в то же время положение женщин в

некоторых отношениях было принижено. Обычай дарить деньги за покупку отцу невесты был общепринятым. Мужья, по-видимому, в значительной степени потворствовали наложницам и практически не осуждали их.⁵⁵⁹ С пленницами высшего ранга обращались очень сурово. Неполноценность женщин по сравнению с мужчинами настойчиво утверждалась, и это иллюстрировалось и защищалось очень любопытным физиологическим представлением о том, что способность к воспроизводству принадлежит исключительно мужчинам, а женщинам отводится лишь очень подчиненная роль в производстве своих детей.⁵⁶⁰ Считалось, что женщина Пандора была виновницей всех человеческих бед.

В историческую эпоху Греции правовое положение женщин в некоторых отношениях несколько улучшилось, но их моральное состояние претерпело заметное ухудшение. Добродетельные женщины вели жизнь совершенного уединения. Выдающимся и наиболее ослепительным типом ионной женственности были [стр. 281] куртизанки, в то время как среди мужчин свобода, предоставляемая общественным мнением, была почти неограниченной.

Факты в истории морали, которые одновременно наиболее важны и наиболее трудны для понимания, - это то, что можно назвать фактами чувства. Гораздо легче показать, что люди делали или чему учили, чем осознать состояние ума, сделавшее возможными такие действия или учение; и в рассматриваемом нами случае нам приходится иметь дело с состоянием чувств, столь чрезвычайно далеким от нашего собственного времени, что трудность чрезвычайно велика. Очень чувственные и в то же время очень блестящие общества действительно существовали неоднократно, и история как Франции, так и Италии дает множество примеров художественного и интеллектуального энтузиазма, охватившего тех, кто был наиболее морально немощен; но особенность греческой чувственности в том, что она росла, по большей части, без цензуры и даже поощрялась, на глазах у некоторых из самых прославленных моралистов. Если мы сможем представить себе Нинон де л'Энкло в то время, когда ранг и блеск парижского общества заполняли ее гостиные, считая Боссюэ или Фенелона среди своих последователей, если мы сможем представить себе этих прелатов, публично советующих ей об обязанностях ее профессии и способах завоевать расположение ее любовников, - мы поймем, что отношения едва ли более странные, чем те, которые существовали между Сократом и куртизанкой Феодотой.

Чтобы восстановить, насколько это возможно, образ мыслей греческих моралистов, необходимо прежде всего сказать несколько слов об одной из самых деликатных, но в то же время наиболее важных проблем, с которыми приходится иметь дело законодателю и моралисту.

Любимым учением отцов христианства было то, что вождение, или чувственная страсть, было "первородным грехом" человеческой природы; и следует признать, что прогресс знания, который обычно крайне противоречит аскетической теории жизни, согласуется с теологической точкой зрения, показывая, что [стр. 282] естественная сила этого вождения намного больше, чем требуется для благополучия человека. Труды Мальтуса доказали то, что, по-видимому, в значительной степени видели греческие моралисты, что нормальное и умеренное проявление этого принципа в форме брака, будь оно всеобщим, привело бы к величайшим бедствиям для мира, и что, хотя природа, по-видимому, самым недвусмысленным образом побуждает человечество к ранним бракам, первым условием развития цивилизации в густонаселенных странах является их ограничение или уменьшение. Ни в одном

высокоразвитом обществе не принято заключать браки при первом проявлении страстей, и постоянная тенденция роста знаний делает такие браки все более редкими. Также несомненной истиной является то, что, как бы моралисты ни настаивали на обязательстве внебрачной чистоты, это обязательство никогда даже приблизительно не рассматривалось; и во всех нациях, эпохах и религиях появилась огромная масса нерегулярных проявлений потворства своим желаниям, что, вероятно, внесло больший вклад, чем любая другая отдельная причина, в страдания и деградацию человека.

Есть две цели, на которые моралист, занимаясь этим вопросом, обратит особое внимание— естественный долг каждого мужчины делать что-либо для поддержки ребенка, которого он вызвал к жизни, и сохранение домашнего круга в неприкосновенности. Семья является центром и архетипом государства, а счастье и благодать общества всегда в очень большой степени зависят от чистоты семейной жизни. По сути, исключительный характер супружеской привязанности и естественное желание каждого мужчины быть уверенным в отцовстве ребенка, которого он воспитывает, делают всплески необузданных страстей в семейном кругу причиной крайних страданий. И все же может показаться, что чрезмерная сила этих страстей сделает такие вторжения частыми и неизбежными.

При таких обстоятельствах в обществе возникла фигура, несомненно, самая скорбная, а в некоторых отношении и самая ужасная, на которой может остановиться взгляд моралиста. Это несчастное существо, само имя которого стыдно произносить; которое с холодным сердцем имитирует порыв любви и подчиняется пассивному орудию похоти; которое презирают и оскорбляют как самую низменную представительницу своего пола и обречено, по большей части, на болезни, крайнюю убогость и раннюю смерть, появляется во все века как вечный символ деградации и греховности человека. Сама являясь высшим воплощением порока, она, в конечном счете, является наиболее эффективным хранителем добродетели. Если бы не она, неоспоримая чистота бесчисленных счастливых домов была бы осквернена, и немало тех, кто, гордясь своим неиспорченным целомудрием, думает о ней с негодующим содроганием, познали бы муки раскаяния и отчаяния. На этой единственной деградированной и неблагородной форме сосредоточены страсти, которые могли бы наполнить мир стыдом. Она остается, в то время как возникают и рушатся религии и цивилизации, вечной жрицей человечества, проклятой за грехи людей.

В отношении этого несчастного существа и всех представителей ее пола, нарушивших закон целомудрия, общественное мнение большинства христианских стран выносит приговор чрезвычайной суровости. В особенности в англосаксонских нациях, одного проступка такого рода достаточно, по крайней мере, в высших и средних классах, чтобы наложить на них неизгладимое клеймо, которое не могут полностью стереть ни время, ни добродетели, ни раскаяние. Это предложение, вероятно, в первую очередь является просто выражением религиозных чувств по данному вопросу, но иногда его также защищают весомыми аргументами, исходящими из интересов общества. Говорят, что сохранение чистоты в доме - это вопрос такой исключительной важности, что справедливо применять самые суровые наказания за поступок, который воображение может легко трансформировать, который правовые акты никогда не смогут эффективно контролировать и к которому могут подтолкнуть самые неистовые страсти. Сказано также, что анафема, которая затмевает все проявления чувственных страстей, [стр. 284] специально приспособлена для ограничения их действия; ибо больше, чем любые другие страсти, они зависят от воображения, которое легко воспламеняется

при виде зла. Добавляется, что подчеркивание, с которым клеймится порок, вызывает соответствующее восхищение противоположной добродетелью, и что таким образом у женского населения формируется чувство самой деликатной и щепетильной чести, которое не только предохраняет от грубого греха, но и облагораживает весь характер.

В противовес этим взглядам было выдвинуто несколько весьма весомых соображений. Утверждается, что, как бы упорно общество ни игнорировало эту форму порока, она, тем не менее, существует, причем в самых гигантских масштабах, и что зло редко принимает такие застарелые и извращающие формы, как тогда, когда оно окутано мраком и завуалировано лицемерной видимостью бессознательности. Существование в Англии, безусловно, не менее пятидесяти тысяч несчастных женщин,⁵⁶¹ погрязших в самых низких глубинах порока и нищеты, достаточно показывает, какое ужасающее количество морального зла неконтролируемо, не обсуждается и не оспаривается под светлой поверхностью благопристойного общества. В глазах каждого врача, да и в глазах большинства континентальных авторов, обращавшихся к этой теме, никакая другая черта английской жизни не выглядит столь позорной, как тот факт, что эпидемия, которая является одной из самых ужасных, существующих в настоящее время среди человечества, которая передается от виновного мужа к невинной жене и даже передает свою заразу ее потомству, и которую, как убедительно доказывает опыт других стран, можно значительно уменьшить, должна бушевать бесконтрольно [стр. 285] потому что Законодательный орган отказывается официально признавать ее существование или надлежащие санитарные меры для ее подавления.⁵⁶² Если ужасное порицание, которое английское общественное мнение выносит каждому проявлению женской слабости, в какой-то степени уменьшает их количество, это не мешает тому, что таких случаев чрезвычайно много, и это неизмеримо усугубляет страдания, которые они причиняют. Действия, которые в других европейских странах вызвали бы лишь слабое и преходящее волнение, распространили в Англии по широкому кругу всю горечь безудержной тоски. Действия, которые естественным образом не подразумевают и не приводят к полному ниспровержению моральных чувств и за которыми в других странах часто следует счастливая, добродетельная и исполненная любви жизнь, в Англии почти неизменно приводят к абсолютному краху. Число детоубийств значительно возросло, и значительная часть тех, чья репутация и жизнь были подорваны одним мимолетным грехом, ввергнуты в пучину обычной проституции — состояния, которое, благодаря приговору общественного мнения и пренебрежению законодателей, ни в одной другой европейской стране не является столь безнадежно порочным и непоправимым.⁵⁶³

Следует также добавить, что огромное множество людей, обреченных таким образом на крайнюю степень пожизненного несчастья, не всегда, возможно, и не в большинстве случаев, принадлежат к тем, чей характер от природы кажется неспособным к добродетели. Жертвы [стр. 286] соблазнения часто уводятся в сторону не столько пылкостью своих чувств и живостью своего интеллекта, сколько любыми порочными наклонностями.⁵⁶⁴ Даже в самых низших классах самые беспристрастные наблюдатели обнаруживают остатки высших чувств, которые, несомненно, были бы развиты в иной моральной атмосфере и при ином моральном воспитании.⁵⁶⁵ Статистика проституции показывает, что значительная часть тех, кто впал в нее, была вынуждена жить в самой крайней бедности, во многих случаях граничащей с после голодной смерти.⁵⁶⁶

Этих противоположных соображений, которые я очень кратко изложил и которые я не собираюсь обсуждать или [стр. 287] оценивать, будет достаточно, чтобы показать масштаб проблемы. В греческой цивилизации законодатели и моралисты пытались ответить на это сердечным признанием двух различных категорий женственности⁵⁶⁷ - жены, чьим первым долгом была верность своему мужу; гетеры, или любовницы, которая существовала за счет своих мимолетных привязанностей. Жены греков жили почти в абсолютном уединении. Обычно они выходили замуж очень молодыми. Их занятиями были ткачество, прядение, вышивание, наблюдение за домашним хозяйством, уход за больными рабынями. Они жили в особой, уединенной части дома. Более богатые редко выезжали за границу и никогда, кроме как в сопровождении рабыни; никогда не посещали публичных зрелищ; не принимали посетителей мужского пола, кроме как в присутствии своих мужей, и даже не имели места за своими столами, когда там были гости мужского пола. Их главной добродетелью была верность, и вполне вероятно, что она соблюдалась очень строго и очень широко. Их поразительная свобода от соблазнов, общественное мнение, которое решительно пресекало любые попытки соблазнить их, и обширная сфера для незаконных удовольствий, предоставляемая другому полу, - все это способствовало его защите. С другой стороны, живя почти исключительно среди своих рабынь, будучи лишенными всякого воспитывающего влияния мужского общества и не имея места на тех публичных зрелищах, которые были главным средством афинской культуры, их умы неизбежно должны были быть чрезвычайно сужены. Фукидид, несомненно, выразил преобладающее чувство своих соотечественников, когда сказал, что о высшей заслуге женщины не следует говорить ни во благо, ни во[стр. 288] зло; и Фидий проиллюстрировал то же чувство, когда изобразил небесную Афродиту, стоящую на черепахе, олицетворяя тем самым уединенную жизнь добродетельной женщины.⁵⁶⁸

В их собственной ограниченной сфере их жизнь, вероятно, не была несчастливой. Образование и обычаи сделали чисто домашнюю жизнь, которая была им поручена, второй натурой, и это, должно быть, в большинстве случаев примирило их с внебрачными связями, которым слишком часто предавались их мужья. Преобладающие манеры были очень мягкими. О домашнем угнетении почти никогда не говорится; муж жил в основном в общественном месте; причины для ревности и разногласий могли возникать редко; и чувство теплой привязанности, хотя и не чувство равенства, несомненно, должно было возникнуть в большинстве случаев спонтанно. В трудах Ксенофонта мы имеем очаровательную картину мужа, заключившего в объятия свою молодую пятнадцатилетнюю жену, абсолютно ничего не знающую о мире и его обычаях. Он говорит с ней с чрезвычайной добротой, но на языке, который был бы привычен к маленькому ребенку. Он говорит ей, что ее задача - быть похожей на пчелиную матку, постоянно находясь дома и наблюдая за работой своих рабов. Она должна распределять между каждым их обязанности, экономить семейный доход и особенно заботиться о том, чтобы в доме был строгий порядок — обувь, горшки и одежда всегда были на своих местах. Он также говорит ей, что в ее обязанности входит ухаживать за своими больными рабынями; но тут жена прервала его, воскликнув: “Нет, но это действительно будет самой приятной из моих обязанностей, если те, к кому я отношусь с добротой, будут, вероятно, благодарны и будут любить меня больше, чем прежде”. С очень нежной заботой, чтобы избежать всего, что напоминает упрек, муж убеждает свою жену отказаться от привычки носить сапоги на высоком каблуке, чтобы казаться высокой, и красить лицо киноварью и свинцовыми белилами. Он обещает ей, что, если она будет добросовестно[стр. 289] выполнять свои обязанности, он сам будет первым и самым преданным из ее рабов. Он заверил Сократа, что, когда возникал какой-либо семейный спор, он мог

превосходно выпутаться, если был прав; но что всякий раз, когда он оказывался неправ, он не мог убедить свою жену в обратном.⁵⁶⁹

У Плутарха мы имеем другую картину греческой супружеской жизни, но она отражает состояние греческого сознания в более поздний период, чем у Ксенофонта. У Плутарха жена представлена не просто экономкой или главной рабыней своего мужа, но как равная ему и его компаньонка. Он самым решительным образом настаивает на взаимности обязательств и желает, чтобы умы женщин были развиты до высшей точки.⁵⁷⁰ Его брачные заповеди, действительно, мало уступают тем, которые появились в наши дни, если вообще уступают им. Его письмо с утешением жене в связи со смертью их ребенка дышит духом самой нежной привязанности. О нем записано, что, поссорившись с родственниками его жены, она испугалась, что это может помешать их семейному счастью, и соответственно убедила своего мужа сопровождать ее в паломничестве на гору Геликон, где они вместе принесли жертву Любви и помолились о том, чтобы их привязанность друг к другу никогда не ослабевала.

Однако в целом положение добродетельной гречанки было очень низким. Она находилась под постоянной опекой: сначала своих родителей, которые отказались от ее руки, затем мужа, а в дни вдовства - сыновей. В случаях наследования ей отдавалось предпочтение родственникам мужского пола. Привилегия развода, которой, по крайней мере, в Афинах, обладала она так же, как и ее муж, по-видимому, была практически ничтожной из-за[стр. 290] шока, который публичные заявления в суде нанесли привычкам, сформированным образованием и общественным мнением. Однако она привезла с собой приданое, и осознанная необходимость одаривать дочерей была одной из причин тех частых разоблачений, которые совершались без всякой вины. Афинский закон также был особенно осторожен и деликатен в отношении интересов женщин-сирот.⁵⁷¹ Платон утверждал, что женщины равны мужчинам; но привычки людей были полностью противоположны этой теории. Брак рассматривался главным образом с гражданской точки зрения, как средство производства граждан, и в Спарте было предписано, чтобы старые или немощные мужья отдавали своих молодых жен более сильным мужчинам, которые могли бы произвести на свет энергичных солдат для государства. Лакедемонянское обращение с женщинами, которое во многих отношениях отличалось от того, которое преобладало в других греческих государствах, хотя и было совершенно разрушительным для всякой деликатности чувств или действий, несомненно, привело к возникновению свирепого мужского патриотизма; и записано много прекрасных примеров того, как спартанские матери посвящали своих сыновей на алтарь своей страны, радуясь их смерти в результате благородной победы и вливая свой героический дух в народные армии. Однако по большей части имена добродетельных женщин редко появляются в греческой истории. Была зафиксирована простая скромность, которую проявляла жена Фокиона в период, когда ее муж занимал видное положение в Афинах,⁵⁷² и несколько примеров супружеской и сыновней привязанности; но в целом единственными женщинами, привлекавшими внимание народа, были гетеры, или куртизанки.⁵⁷³

[стр. 291]

Чтобы понять положение, которое эти последние занимали в жизни греков, мы должны мысленно перенестись в моральную широту, совершенно отличную от нашей собственной. Греческая концепция совершенства заключалась в полном развитии человечества во всех его органах и функциях без какого-либо оттенка аскетизма. Некоторые стороны человеческой

природы признавались более высокими, чем другие; и терпеть, чтобы какие-либо из низменных влечений затуманивали разум, сдерживали волю и поглощали жизненную энергию, считалось позорным; но систематическое подавление естественного влечения было совершенно чуждо греческому образу мышления. Законодатели, моралисты и общий голос народа, по-видимому, почти безоговорочно применяли эти принципы к общению между полами, и самые добродетельные мужчины обычно и открыто вступали в отношения, которые сейчас были бы почти повсеместно осуждены.

Однако опыт многих обществ показал, что общественное мнение может предоставлять в этом отношении почти неограниченную свободу одному полу, не проявляя соответствующего снисхождения к другому. Но в Греции совпадение причин привело к тому, что определенная часть куртизанок заняла положение, которого они не достигли ни в одном другом обществе. Сладострастное поклонение Афродите давало своего рода религиозную санкцию их профессии. Куртизанки были жрицами в ее храмах, и считалось, что жители Коринфа своими молитвами предотвратили бедствия в своем городе. Говорят, что проституция вошла в религиозные обряды Вавилона, Библиды, Кипра и Коринфа, и они, а также Милет, Тенедос, Лесбос и Абидос прославились своими школами порока, выросшими в тени храмов.[574](#)

[стр. 292]

Во-вторых, сильный эстетический энтузиазм, который преобладал, был в высшей степени приспособлен для того, чтобы воздавать почести самому прекрасному. В стране и под небом, где природная красота достигла высшей точки развития, возникла школа непревзойденных художников как в живописи, так и в скульптуре, и проводились публичные игры и состязания, в которых собравшийся народ увенчивал высшее физическое совершенство. Ни в один другой период мировой истории восхищение красотой во всех ее формах не было столь страстным и столь повсеместным. Это окрасило все моральное учение того времени и побудило главных моралистов рассматривать добродетель просто как высший вид сверхчувственной красоты. Оно появилось во всей литературе, где красота формы и стиля была первым предметом изучения. Оно одновременно стало источником вдохновения и правилом всего греческого искусства. Это побудило жену-гречанку прежде всех других молитв молиться о красоте своих детей. Это окружало самых красивых ореолом восхищенного благоговения. Куртизанка часто была королевой красоты. Она была моделью статуй Афродиты, которые вызывали восхищение всей Греции. Пракситель имел обыкновение воспроизводить облик Фрины, и ее статуя, вырезанная из золота, стояла в храме Аполлона в Дельфах; и когда ее обвинили в развращении афинской молодежи, ее защитник Гиперид добился ее оправдания, внезапно продемонстрировав свои прелести перед ослепленными глазами собравшихся судей. Апеллес был одновременно художником и любовником Лаис, и Александр преподнес ему в качестве самого дорогого подарка свою любимую наложницу, в которую художник влюбился, ухаживая за ней. Главный художник-цветочник древности приобрел свое мастерство благодаря любви к цветочнице Гликере, которую он привык рисовать среди ее гирлянд. Пиндар и Симонид воспевали куртизанок, и [стр. 293] серьезные философы совершали паломничества, чтобы посетить их, и их имена были известны в каждом городе.[575](#)

Неудивительно, что при таком состоянии мыслей и чувств многие из наиболее амбициозных и образованных женщин посвятили себя этой карьере, равно как и то, что они достигли социального положения, которое оставалось вакантным из-за уединенного существования и

вынужденного невежества греческих жен. Куртизанка была единственной свободной женщиной Афин, и она часто пользовалась своей свободой, чтобы приобрести определенный уровень знаний, который позволял ей добавить к другим своим прелестям сильное интеллектуальное очарование. Собрал вокруг себя самых блестящих художников, поэтов, историков и философов, она безраздельно отдалась интеллектуальному и эстетическому увлечению своего времени и вскоре стала центром литературного общества несравненного великолепия. Аспазия, которая была так же известна своим гением, как и красотой, завоевала страстную любовь Перикла. Говорят, что она обучала его красноречию и сочинила некоторые из его самых известных речей; с ней постоянно советовались по государственным делам; и Сократ, как и другие философы, посещал ее собрания. Сам Сократ признавался, что глубоко обязан наставлениям куртизанки по имени Диотима. Куртизанка Леонтия была одной из самых ревностных учениц Эпикура.⁵⁷⁶

Другая причина, вероятно, косвенно способствовала возвышению этого класса, на которую чрезвычайно трудно сослаться в английской книге, но которую невозможно полностью [стр. 294] опустить даже при самом беглом обзоре греческой морали. Нерегулярные связи с женщинами рассматривались как обычные и не постыдные происшествия в жизни хорошего человека, поскольку их сравнивали с той нижней бездной неестественной любви, которая была самым глубоким и странным пятном греческой цивилизации. Этот порок, который никогда не упоминается в произведениях Гомера и Гесиода, несомненно, возник под влиянием публичных игр, которые, приучая людей к созерцанию абсолютно обнаженных фигур,⁵⁷⁷ пробуждали неестественную страсть,⁵⁷⁸ совершенно чуждую всем современным чувствам, но сопротивление которым в Греции считалось героическим.⁵⁷⁹ Популярная религия в этом, как и в других случаях, была вынуждена подчиниться новому пороку. Геба, виночерпий богов, была заменена Ганимедом, и худшие пороки земли были перенесены на Олимп.⁵⁸⁰ Художники стремились отразить страсть в своих [стр. 295] статуях гермафродита, Вакха и более женоподобного Аполлона; моралисты, как известно, восхваляли это как узы дружбы, и о нем говорили как о вдохновляющем энтузиазме героического фиванского легиона Эпаминонда.⁵⁸¹ В целом, однако, это было не так. клеймили как бесспорный порок, но относились к этому с легкомыслием, которое мы сейчас с трудом можем себе представить. Едва ли можно найти лучшую иллюстрацию того, до какой степени изменились моральные идеи и чувства, чем тот факт, что первыми двумя греками, которых соотечественники сочли достойными статуй, были Гармодий и Аристоклит, которых соединила нечистая любовь и которые были прославлены за политическое убийство.⁵⁸²

Вполне вероятно, что эта причина вступила в сговор с другими, чтобы отделить класс куртизанок от идеи высшей порочности, с которой их обычно связывали. Подавляющее большинство, однако, погрязло в этом, как и во все другие эпохи, в крайней деградации;⁵⁸³ сравнительно немногие достигли состояния гетер, и даже из них, вероятно, большее число проявляло характеристики, которые во все века присущи их классу. Неверие, крайняя алчность и непомерная роскошь были обычным явлением среди них; но все же бесспорно, что было много исключений. Отлучение от общества не давило на них и не унижало; и хотя к ним никогда не относились с таким же почетом, как к замужним женщинам, по-видимому, обычно считалось, что у жены и куртизанки была каждая свое место и своя функция в мире и свой особый тип совершенства. Куртизанка Лина, которая была подругой Гармодия, умерла под пытками, вместо того чтобы раскрыть [стр. 296] заговор ее подруги, и афиняне, намекая на ее имя, приказали воздвигнуть статую безъязычной львицы в память о ее постоянстве.⁵⁸⁴ Мягкие

манеры и бескорыстная привязанность куртизанки по имени Вакхида были особо отмечены, и в очень трогательном письме описан ее характер и сожаление, которое сопровождало ее до могилы.⁵⁸⁵ В одном из писем говорится, что она была убита. самая замечательная из его картин греческой жизни, Ксенофонт описывает, как Сократ, услышав о красоте куртизанки Феодоты, отправился со своими учениками, чтобы лично убедиться, правдивы ли эти слухи; как со спокойным юмором он расспрашивал ее об источниках роскоши ее жилища и как он продолжил описывать ей качества, которые она должна развивать, чтобы привязывать к себе своих любовников. Она должна, говорит он ей, закрывать дверь перед наглецами, наблюдать, как болеют ее возлюбленные, безмерно радоваться, когда им удастся что-нибудь благородное, нежно любить тех, кто любит ее. Ведя с ней веселую и совершенно непринужденную беседу, без каких-либо упреков со своей стороны, ни выраженных, ни подразумеваемых, и без малейшего следа робости или бесстыдства осознанной вины с ее стороны, лучший и мудрейший из греков оставил свою хозяйку с изящным комплиментом ее красоте.⁵⁸⁶

Моя задача по описанию этого аспекта греческой жизни была в высшей степени неприятной, и я, конечно, не стал бы пускаться даже в самые смелые и осторожные рассуждения на столь сложную, болезненную и деликатную тему, если бы для истории морали не было абсолютно необходимо дать хотя бы общее представление о прогрессе, который был достигнут в этой сфере. То, что я написал, в достаточной степени объясняет, почему Греция, которая была плодороднее всех других стран в отношении великих мужчин, была так поразительно бесплодна в отношении великих женщин. Это также покажет, что, хотя греческие моралисты, как и мы, признавали различие между высшей и низшей сторонами нашей природы, они очень сильно отличались от современного общественного мнения в стандартах морали, которые они навязывали. Христианская доктрина о том, что преступно удовлетворять сильный и преходящий физический аппетит, за исключением условий пожизненного контракта, была совершенно неизвестна. На греческих жен были возложены строгие обязанности. Позднее на мужа были возложены обязанности, хотя и менее строгие. Неестественная любовь подвергалась клейму, но с легкомыслием осуждения, которое современному уму кажется невыразимо отвратительным. Некоторые незначительные юридические недостатки лежали на всем классе гетер, и, хотя ими больше восхищались, они пользовались меньшим уважением, чем женщины, взявшие на вооружение семейную жизнь; но стечение обстоятельств подняло их реальную ценность и общественное мнение на беспрецедентную высоту, и отвращение к браку стало очень распространенным явлением, и внебрачные связи завязывались с самой совершенной откровенностью и гласностью.

Если мы теперь обратимся к римской цивилизации, мы обнаружим, что были достигнуты некоторые важные успехи в улучшении положения женщин. Добродетель целомудрия, как я показал, рассматривалась двумя различными способами. Утилитарный взгляд, который обычно преобладает в странах, где политический дух более силен, чем религиозный, рассматривает брак как идеальное государство, и содействие счастью, святости и безопасности этого государства является главной целью всех его предписаний. Мистический взгляд, основанный на естественном чувстве стыда и который, как доказывает история, возобладал особенно там, где политические настроения очень низки, а религиозные чувства очень сильны, рассматривает девственность как высший тип, а брак просто как наиболее простительное отклонение от [pg 298] идеальной чистоты. Я думаю, весьма примечательным фактом является то, что во главе религиозной системы Рима мы находим две жреческие организации, которые, по-видимому, соответственно олицетворяют эти идеи. Пламя Юпитера и девственные весталки

были двумя самыми священными орденами в Риме. Служение каждого из них считалось жизненно важным для государства. Каждый из них мог совершать богослужения только в стенах Рима. Каждый был назначен с самыми впечатляющими церемониями. Каждый был удостоен самого глубокого почтения. Но в одном важном отношении они отличались. Весталка была воплощением девственности, и ее чистота охранялась самыми суровыми наказаниями. Фламене, с другой стороны, была представителем римского брака в его самой строгой и священной форме. Он обязательно был женат. Его брак был отмечен самыми торжественными обрядами. Расторгнуть его могла только смерть. Если его жена умирала, он увольнялся со своего поста.⁵⁸⁷

Из этих двух орденов не может быть никаких сомнений в том, что Flamen были наиболее верным выражением римских чувств. Римская религия была по существу домашней, и главной целью законодателя было окружить брак всеми обстоятельствами достоинства и торжественности. Моногамия с древнейших времен строго предписывалась; и одним из величайших преимуществ, возникших в результате расширения римской власти, было то, что этот тип стал доминирующим в Европе. В легендах раннего Рима мы имеем достаточно свидетельств как высокой моральной оценки женщин, так и их выдающегося положения в римской жизни. Трагедии Лукреции и Виргинии демонстрируют деликатность чести, чувство высшего совершенства незапятнанной чистоты, которого не могла превзойти ни одна христианская нация. Легенды о сабинянах, вступивших между своими родителями и мужьями и таким образом спасших зарождающуюся республику, и о матери Кориолана[стр. 299] предотвратившей своими молитвами гибель, нависшую над ее страной, дают женщинам право претендовать на свою долю в патриотической славе Рима. Храм Венеры Кальвы был связан с легендой о римских женщинах, которые в час опасности отрезали свои длинные косы, чтобы сделать тетивы для луков солдат.⁵⁸⁸ Другой храм сохранил для всех потомков память о сыновнем благочестии той римлянки, которая, когда ее мать была приговорена к голодной смерти, получила разрешение навестить ее в тюрьме и была обнаружена кормящей ее грудью.⁵⁸⁹

Однако юридическое положение римской жены в течение длительного периода было крайне низким. Римская семья была основана на принципе бесконтрольной власти ее главы как над своей женой, так и над своими детьми, и он мог по своему желанию отказаться от первой. Ни обычай дарить подарки отцу невесты, ни обычай выдавать приданое, по-видимому, не существовали в самый ранний период римской истории; но отец полностью распоряжался рукой своей дочери и иногда даже обладал властью расторгать браки, которые действительно были заключены.⁵⁹⁰ Однако в формах брака, которые были обычными в ранние периоды существования Рима, абсолютная власть переходила в руки мужа, и он имел право, в некоторых случаях, предать ее смерти.⁵⁹¹ Закон и общественное мнение объединились, чтобы сделать супружескую чистоту максимально строгой. Говорили, что в течение [стр. 300] пятисот двадцати лет в Риме не существовало такого понятия, как развод.⁵⁹² Нравы были настолько суровыми, что сенатора осудили за непристойность за то, что он поцеловал свою жену в присутствии их дочери.⁵⁹³ Считалось в высшей степени постыдным для римской матери передавать кормилице обязанность кормить грудью своего ребенка.⁵⁹⁴ Законы о роскоши с мельчайшей строгостью регулировали все детали домашнего хозяйства.⁵⁹⁵ К классу куртизанок, хотя, вероятно, и многочисленному и, безусловно, неконтролируемому, относились с большим презрением. Считалось достаточным наказанием позор от публичного признания себя его членом;⁵⁹⁶ и старый закон, который, вероятно, был призван символически преподавать

обязанности супружеской жизни, предписывал, чтобы ни один такой человек не прикасался к алтарю Юноны.⁵⁹⁷ О некоем эдиле рассказывали, что он не смог добиться возмещения ущерба за совершенное на него нападение, потому что это произошло в доме с дурной славой, в котором было позорно находиться римскому магистрату.⁵⁹⁸ Римский судья был арестован. считалось, что святость женской чистоты засвидетельствована всей природой. Самые дикие животные становились ручными перед девственницей.⁵⁹⁹ Когда женщина ходила обнаженной по полю, гусеницы и все отвратительные насекомые падали замертво перед ней.⁶⁰⁰ Говорили, что утопленники плавали на спине, а утопленницы - на лице; и это, по мнению римских натуралистов, объяснялось исключительной чистотой последних.⁶⁰¹

[стр. 301]

Это было замечание Аристотеля о том, что превосходство греков над варварами проявлялось, среди прочего, в том факте, что греки не считали своих жен, как другие народы, рабынями, а относились к ним как к помощницам и компаньонкам. Один римский писатель в целом с большей справедливостью апеллировал к обращению своих соотечественников с женами как к доказательству превосходства римской цивилизации над греческой. Он заметил, что в то время как греки держали своих жен в особом помещении внутри своих домов и никогда не позволяли им сидеть на пирах, кроме как со своими родственниками, или видаться с кем-либо мужского пола, кроме как в присутствии родственника, ни один римлянин никогда не колебался в том, чтобы повести свою жену с собой на пир или посадить мать семейства во главе своего стола.⁶⁰² Сейчас невозможно сказать, было ли в период, когда жены полностью подчинялись своим мужьям, много домашнего угнетения. Римлянки на Палатине поклонялись храму, посвященному богине по имени Вириплака, чьей миссией было умиротворять мужей;⁶⁰³ а Ливий рассказывает странную и неправдоподобную, если не невероятную историю о раскрытии во времена Республики обширного заговора римских жен с целью отравления своих мужей.⁶⁰⁴ Однако в целом, вероятно, что римская матрона с древнейших времен была почетным именем;⁶⁰⁵ что красивое предложение юрисконсульты Империи о том, что римская матрона была почетным именем, было распространено среди римлян. , который определял брак как пожизненное общение со всеми божественными и человеческими правами,⁶⁰⁶ наиболее точно выразил [стр. 302] чувства людей и то, что женская добродетель во все века занимала значительное место в римских биографиях.⁶⁰⁷

Я уже перечислил главные причины того полного разложения римской морали, которое началось вскоре после Пунических войн, которое в значительной степени способствовало разрушению Республики и достигло своего апогея при Цезарях. В истории мало примеров революции, столь полно охватившей все сферы религиозной, семейной, социальной и политической жизни. Философский скептицизм разъедал древние религии. Наводнение восточной роскоши и восточной морали затопило все старые привычки к суровой простоте. Гражданские войны и распад Империи ухудшили характер народа, а преувеличенная чопорность республиканских нравов только усилила тягу к пороку. В жестокой вспышке неуправляемой и почти безумной развращенности, которая ознаменовала этот порочный период, нарушения женской добродетели были печально известны. Огромное размножение рабов, которое в каждую эпоху особенно пагубно для нравственной чистоты; тот факт, что значительная часть этих рабынь была выбрана из самых сладострастных провинций Империи; игры Флоры, в которых демонстрировались забеги обнаженных куртизанок; пантомимы, которые черпали свое очарование главным образом в дерзких непристойностях актеров; приток

греческих и азиатских гетер, привлеченных богатством столицы; распущенные картины, которые начали украшать каждый дом; расцвет Байи, который соперничал с роскошью и превзошла красоту главных центров азиатского порока, сочетаясь с опьянением внезапно приобретенным огромным богатством, с разрушением по многим причинам всех древних привычек и верований, а также со склонностью к удовольствиям, которую естественно породил императорский деспотизм, вызванный закрытием путей честных политических амбиций, сыгравший свою роль в подготовке тех оргий порока, о которых повествуют писатели Империи. Я полагаю, что большинство ученых сохраняют яркие воспоминания о новом понимании масштабов и дикости человеческой вины, которое они получили, впервые открыв страницы Светония или Лампридия; а шестая Сатира Ювенала с яростной энергией, хотя, вероятно, и с естественным для сатирика преувеличением, рисует масштабы распространения разврата среди женщин. При Тиберии было сочтено необходимым издать специальный закон, запрещающий членам благородных домов наниматься проститутками.⁶⁰⁸ Крайняя грубость нравов римлян не позволила чувственности приобрести тот эстетический характер, который сделал ее в Греции прародительницей искусства, и очень глубоко изменила ее влияние, в то время как страсть к гладиаторским боям часто неестественно сочеталась с жестокостью. Несомненно, в истории было много периодов, когда добродетель встречалась реже, чем при цезарях; но, вероятно, никогда не было периода, когда порок был более экстравагантным или неконтролируемым. Особенно молодые императоры, которые были окружены толпами подхалимов и сводников и которые часто жили в постоянном страхе перед покушением, с самым безрассудным и лихорадочным возбуждением предавались всевозможным ненормальным похотям. Скрытность, которая всегда в большей или меньшей степени характеризовала современное общество и современных писателей, была неизвестна, а бесстыдная, неприкрытая непристойность эпиграмм Марциала, романов Апулея и Петрония и некоторых диалогов Лукиана слишком точно отражала дух своего времени.

Возникла, тоже частично через замкнутый причины, и отчасти, полагаю, через неблагоприятное влияние которого привлечение общественного учреждения осуществляется на отечественных[стр. 304] жизнь, многие и общее недомогание к браку, которая август пытался, но тщетно, схватить его законы против безбрачия, и наделив многими привилегиями на отцов троих детей.⁶⁰⁹ особенно любопытно, речь сохранилась, который, как говорят, были доставлены на эту тему, незадолго до закрытия Республика Метелл Numidicus, в заказ, если это возможно, чтобы преодолеть это недомогание. “Если бы, римляне, - сказал он, - мы могли жить без жен, мы все были бы свободны от этого источника неприятностей; но поскольку природа распорядилась так, что мужчины не могут ни в достаточной степени жить с женами, ни вообще без них, давайте подумаем о вечном существовании нашей расы, а не о нашем собственном кратковременном удовольствии”.⁶¹⁰

В разгар этого потока коррупции в правовом положении римских женщин произошли большие изменения. Сначала они находились в состоянии абсолютного подчинения своим родственникам. Во времена Империи они достигли точки свободы и достоинства, которые впоследствии утратили и никогда полностью не восстановили. Римляне признавали два различных класса браков: более строгие и, в глазах закона, более почетные формы, которые отдавали женщину “в руки” ее мужа и давали ему почти абсолютную власть над ее личностью и имуществом; и менее строгие формы, которые оставляли ее [стр. 305] юридическое положение неизменным. Первые, которые были распространены во времена Республики, были трех видов— “confarreatio”, которое праздновалось и могло быть расторгнуто только самими

торжественными религиозными церемониями и ревностно ограничивалось патрициями; “*coemptio*”, которое было чисто гражданским и получило свое название от символической продажи; и “*usus*”, который осуществлялся простым сожителем женщины с мужчиной без перерыва в течение года. При Империи, однако, эти виды брака почти полностью устарели; более мягкая форма, основанная на простом взаимном соглашении, без каких-либо религиозных или гражданских церемоний, была распространена, и это имело то очень важное последствие, что женщина, вышедшая таким образом замуж, оставалась в глазах закона в семье своего отца и находилась под его опекой, а не под опекой своего мужа. Но старая *patria potestas* полностью устарела, и практическим результатом всеобщего принятия этой формы брака стала абсолютная юридическая независимость жены. За исключением ее приданого, которое перешло в руки ее мужа, она владела своим имуществом по собственному праву; она унаследовала свою долю богатства своего отца и сохранила его совершенно независимо от своего мужа. Таким образом, весьма значительная часть римского богатства перешла в бесконтрольное владение женщин. Частный предприниматель жены был любимым персонажем комиков, а тирания богатых жен над своими мужьями, которым, как говорят, они иногда давали деньги взаймы под высокие проценты, — постоянная тема сатириков.⁶¹¹

Таким образом, произошла полная революция в устройстве семьи.[стр. 306] Вместо того чтобы быть построенной на принципе автократии, она была построена на принципе равноправного партнерства. Юридическое положение жены стало совершенно независимым, в то время как ее социальное положение было очень достойным. Наиболее консервативные умы, естественно, были встревожены переменой, и были приняты две меры, чтобы остановить ее. Закон Оппия был разработан для ограничения роскоши женщин; но, несмотря на энергичные усилия Катона, этот закон был быстро отменен.⁶¹² Более важной мерой был закон Вокон, который ограничивал в очень узких пределах собственность, которую могли наследовать женщины; но общественное мнение никогда полностью не соглашалось с ним, и с помощью нескольких юридических уловок его действие было частично нарушено.⁶¹³

Другое и еще более важное последствие вытекало из изменившейся формы брака. Поскольку он рассматривался просто как гражданско-правовой договор, заключенный для счастья договаривающихся сторон, его продолжение зависело от взаимного согласия. Любая из сторон могла расторгнуть его по своему желанию, и расторжение давало обеим сторонам право на повторный брак. Не может быть сомнений в том, что при этой системе к брачным обязательствам относились крайне легкомысленно. Мы находим, что Цицерон отказывается от своей жены Теренции, потому что он желал нового приданого;⁶¹⁴ Август принуждает мужа Ливии отказаться от нее, когда она уже была беременна, чтобы он мог жениться на ней сам;⁶¹⁵ Катон уступает свою жену, с согласия ее отца, своему другу Гортензию и возобновляет ее [стр. 307] после его смерти;⁶¹⁶ Меценат постоянно меняет свою жену;⁶¹⁷ Семпроний Софус отрекся от своей жены, потому что она однажды была на публичных играх без его ведома;⁶¹⁸ Павел Эмилий предпринял тот же шаг без объяснения причин и, защищаясь, сказал: “Мои туфли новые и хорошо сшитые, но никто не знает, где они мне жмут”.⁶¹⁹ Не менее охотно отказывались от своих мужей и женщины. Сенека осудил это зло с особой яростью, заявив, что развод в Риме больше не влечет за собой никакого позора и что есть женщины, которые считают свои годы скорее по своим мужьям, чем по консулам.⁶²⁰ Христиане и язычники повторили ту же жалобу. Согласно Тертуллиану, “развод - это плод брака”.⁶²¹ Марциал говорит о женщине, которая уже вышла замуж за своего десятого мужа;⁶²² Ювенал - о женщине, у которой было восемь мужей за пять лет.⁶²³ Но самый экстраординарный зарегистрированный

случай такого рода передан святым Иеронимом, который уверяет нас, что в Риме существовала жена, которая была замужем за своим двадцать третьим мужем, сама она была его двадцать первой женой.⁶²⁴

Это, без сомнения, крайние случаи; но бесспорно, что стабильность супружеской жизни была очень серьезно нарушена. Однако было бы легко преувеличить влияние изменений в законодательстве на это. При более чистом общественном мнении обеим сторонам, вероятно, была бы разрешена очень широкая свобода развода без каких-либо серьезных последствий. Право на отказ, которым всегда обладал муж, в Республике, как мы видели, никогда или очень редко не осуществлялось. Из тех, кто шокировал хороших людей быстрым повторением своих браков, вероятно, [стр. 308] большинство, если бы брак был расторгимым, воздержались бы от вступления в него и удовлетворились бы множеством неформальных связей или, если бы они поженились, удовлетворили бы свою любовь к переменам простым прелюбодеянием. Огромная волна коррупции захлестнула Рим, и при любой правовой системе она проникла бы во внутреннюю жизнь. Законы, запрещающие любые разводы, никогда не обеспечивали чистоты супружеской жизни в века великой коррупции, и свобода, которой пользовался императорский Рим, не препятствовала существованию очень большого количества женских добродетелей.

В предыдущей главе я отмечал, что моральные контрасты, проявляющиеся в древней жизни, превосходят таковые в современных обществах, в которых мы очень редко находим группы героических или прославленных людей, возникающих в странах, которые в целом очень невежественны или очень коррумпированы. Я попытался объяснить этот факт, показав, что моральные средства древности в целом были гораздо более приспособлены для развития добродетели, чем для подавления порока, и что они поднимали благородные натуры почти до высшей мыслимой точки совершенства, в то время как им совершенно не удавалось принудить или ослабить развращенность порочных. В женской жизни императорского Рима мы находим эти контрасты ярко выраженными. Не может быть никаких сомнений в том, что моральный тонус женского пола был чрезвычайно низок — вероятно, ниже, чем во Франции при Регентстве или в Англии при Реставрации, — и также несомненно, что ужасные проявления неестественной страсти, которым не может быть аналогии самый коррумпированный из современных дворов, совершались на Палатине почти незаметно. И все же, вероятно, нет периода, в который примеры супружеского героизма и верности появлялись бы чаще, чем в этот самый век, когда брак был наиболее свободным и когда коррупция была столь повсеместной. Большая простота манер продолжала сосуществовать с излишествами почти необузданной роскоши. Август, как нам говорят, заставлял своих дочерей и внучат [стр. 309] ткать и прясть, а его жена и сестра шили большую часть одежды, которую он носил.⁶²⁵ Мастерство жен в домашнем хозяйстве, и особенно в прядении, часто отмечалось в их эпитафиях.⁶²⁶ Интеллектуальная культура была среди них широко распространена,⁶²⁷ и мы встречаем несколько благородных представителей мужского пола, крупных и образованных умов, объединенных всем изяществом сильной женственности, и всеми достоинствами, присущими женщинам. верность самой настоящей любви. Таковы были Корнелия, блестящая и преданная жена Помпея,⁶²⁸ Марсия, подруга, и Гельвия, мать Сенеки. Города Северной Италии в значительной степени избежали заражения того времени, а Падуа и Брешиа были особенно известны добродетелью своих женщин.⁶²⁹ В эпоху экстравагантной чувственности благородная дама по имени Маллония скорее вонзила кинжал себе в сердце, чем уступила объятиям Тиберия.⁶³⁰ К периоду, когда законные узы брака

были наиболее ослаблены, следует отнести большинство тех благородных примеров постоянства римских жен, которые на протяжении стольких поколений были бытовыми сказками человечества. Кто не читал с волнением о нежности и героизме Порции, заявлявшей о своем праве разделить горе, омрачавшее чело ее мужа; о том, как, сомневаясь в собственной храбрости, она не осмеливалась попросить Брута рассказать ей о его предприятии, пока тайно не испытала свою выдержку, проткнув бедро ножом; как однажды, и только однажды в его присутствии, ее благородный дух дрогнул, когда, когда она собиралась расстаться с ним в последний раз, ее взгляд случайно упал на картину прощального свидания Гектора и Андромахи?⁶³¹ Паулина, [стр. 310] жена Сенеки, вскрыла себе вены, чтобы сопровождать своего мужа в могилу; когда уже пролилось много крови, ее рабы и вольноотпущенники перевязали ее раны и таким образом заставили ее жить; но римляне с тех пор с благоговением смотрели на священную бледность ее лица — память о ее поступке.⁶³² Когда Пет был приговорен к смерти от собственной руки, те, кто знал любовь, которую питала к нему его жена Аррия, и героический пыл ее характера, предсказали, что она умрет. что она ненадолго переживет его. Тразея, которая была замужем за ее дочерью, пыталась отговорить ее от самоубийства, говоря: “Если мне когда-нибудь придется погибнуть, пожелаете ли вы, чтобы ваша дочь умерла вместе со мной?” Она ответила: “Да, если бы тогда она прожила с тобой так же долго и счастливо, как я с Петусом”. Ее друзья пытались, внимательно наблюдая за ней, обеспечить ее безопасность, но она ударилась головой о стену с такой силой, что упала на землю, а затем, поднявшись, сказала: “Я говорила тебе, что найду трудный путь к смерти, если ты откажешь мне в легком способе”. Все попытки удержать ее были тогда оставлены, и ее смерть была, пожалуй, самой величественной в древности. Петус на мгновение заколебался, прежде чем нанести смертельный удар; но его жена, взяв кинжал, глубоко вонзила его себе в грудь, а затем, вытащив его, отдала его, таким, каким он был, своему мужу, воскликнув на последнем издыхании: “Мой Петус, это не больно”.⁶³³

Фигура старшей Аррии величественно возвышается над ее собратьями, но многие другие римские жены во времена первых Цезарей и Домициана демонстрировали очень похожую верность. Над темными водами Понта Эвксинского, в эти неизвестные и негостеприимных регионов, из которых римские фантазии отпрянул с особой жестокостью, многие благородные дамы свободно следуют за своими мужьями, было несколько жен, которые [стр. 311], отказавшись от спасения их.⁶³⁴ младшей Аррии был верным спутником Thrasea во время его героической жизни, а когда он умер, ей было только уговорить жить, что она может воспитывать своих дочерей.⁶³⁵ она провела последние дни ее жизни с Домицианом в изгнание;⁶³⁶ а ее дочь, которая как отличается мягкостью, а достоинства ее характера,⁶³⁷ дважды ездил в ссылку с мужем Гельвидий, и был когда-то изгнан, после его смерти, за защиту его памяти.⁶³⁸ дополнительными уведомлениями в историки, а также некоторые надписи, которые произошли оставаться, показывают нам, что такие случаи не были редкостью, и в римских эпитафий не более замечателен, чем глубокий и страстный выражений супружеской любви, которые постоянно происходят.⁶³⁹ было бы сложно найти более трогательный образ этой любви, чем медальон, который так часто встречаются на римских саркофагах, в которых муж и жена изображены вместе, каждый с оружием брошен нежно за плечо друга, Соединенных в смерти, как они были в жизни, и встреча с одним из аспектов бесконечного покоя, потому что они были компаньонами в могиле.

В последние дни Языческой империи были приняты некоторые меры для подавления столь распространенного распутства. Домициан ввел в действие старый закон Скантини о борьбе с

противоестественной любовью.⁶⁴⁰ Веспасиан умерил роскошь двора; Макрин приказал связать вместе и сжечь заживо тех, кто совершил прелюбодеяние.⁶⁴¹ Практика совместного омовения мужчин и женщин была осуждена Адрианом, а затем Александром Севером, но окончательно была пресечена только [стр. 312] Константином. Александр Север и Филипп вели энергичную войну против сводничества.⁶⁴² Крайние проявления этого, как и большинства форм порока, вероятно, значительно уменьшились после восшествия на престол Антонинов; но Рим продолжал оставаться центром очень большой коррупции, пока влияние христианства, переезд двора в Константинополь и обнищание, последовавшее за завоеваниями варваров, в какой-то мере не исправили это зло.

Однако среди моралистов были предприняты некоторые важные шаги. Одним из наиболее важных было очень четкое утверждение взаимности обязательства хранить верность в браке, которое на ранних стадиях развития общества возлагалось почти исключительно на жен.⁶⁴³ Легенды о Клитемнестре и Медее раскрывают чувство яростного негодования, которое иногда вызывалось у греческих жен почти неограниченной снисходительностью, оказываемой их мужьям;⁶⁴⁴ и об Андромахе, как о высшем примере ее любви к Гектору, говорится, что она заботилась о его незаконнорожденных детях так же сильно, как и о своих собственных.⁶⁴⁵ Я полагаю, что в раннем Риме обязанности мужей никогда полностью не выполнялись; но они редко или вообще никогда не выполнялись и никогда не рассматривались как имеющие какое-либо равенство с теми, которые возлагались на жену. Термин "супружеская измена" и все связанные с ним юридические наказания были ограничены нарушениями женой брачных уз. Среди множества примеров великодушия, зафиксированных в рассказах римских жен, немногие более трогательны, чем случай с Терцией Эмилией, верной женой Сципиона. Она обнаружила, что ее муж [стр. 313] влюбился в одну из ее рабынь; но она молча переносила свою боль, и когда он умер, она освободила свою пленницу, ибо не могла вынести, что та останется в рабстве у того, кого любил ее дорогой господин.⁶⁴⁶

Аристотель четко утверждал обязанность мужей соблюдать в браке ту же верность, какую они ожидают от своих жен,⁶⁴⁷ а в более поздний период и Плутарх, и Сенека самым решительным и недвусмысленным образом выполняли эту обязанность.⁶⁴⁸ О степени, в которой, по крайней мере теоретически, она завоевала популярность в римской жизни, свидетельствует признание ее юридической максимой Ульпианом,⁶⁴⁹ и ее появление в официальном решении Антонина Пия, который, издавая по просьбе мужа, осуждение за супружескую измену виновной жене, сопровождалось таким замечательным условием: "При условии, что всегда будет установлено, что своей жизнью ты подал ей пример верности. Было бы несправедливо, если бы муж требовал верности, которой он сам не соблюдает".⁶⁵⁰

[стр. 314]

Другим изменением, которое можно смутно разглядеть в более позднем языческом обществе, была тенденция рассматривать чистоту скорее с мистической точки зрения, как сущностное благо, чем с утилитарной точки зрения. Это изменение явилось результатом главным образом расцвета неоплатонической и пифагорейской философий, которые единодушно рассматривали тело с его страстями как сущностное зло и представляли всякую добродетель как очищение от ее скверны. Его наиболее важным следствием стал несколько более строгий взгляд на добрачную распущенность, которая в случае мужчин, когда она не была чрезмерной и не принимала форму прелюбодеяния, ранее не подвергалась цензуре или на нее смотрели с таким

легким неодобрением, что едва ли можно было назвать порицанием. Катон старший ясно обосновал это;⁶⁵¹ и Цицерон оставил нам чрезвычайно любопытное суждение по этому вопросу, которое с первого взгляда показывает чувства людей и огромную революцию, которая под влиянием христианства была произведена, по крайней мере, в профессиях человечества. “Если есть кто-то, - говорит он, - кто думает, что молодых людей следует полностью удерживать от любви к куртизанкам, то он действительно очень суров. Я не готов отрицать его позицию; но он отличается не только от распушенности нашего времени, но также и от обычаев и льгот наших предков. Когда, в самом деле, этого не делалось? Когда это было запрещено? Когда это было запрещено? Когда то, что ныне дозволено, было не дозволено?”⁶⁵² Эпиктет, который по большинству вопросов был одним из самых строгих стоиков, рекомендует своим ученикам воздерживаться, [стр. 315] “насколько это возможно”, от добрых связей и, по крайней мере, от тех, которые были прелюбодейными и незаконными, но не обвинять тех, кто был менее строг.⁶⁵³ Любопытный пример чувств римлян - жизнь Александра Севера, который из всех императоров, вероятно, был самым энергичным в законодательстве против порока. Назначая губернатора провинции, он обычно обеспечивал его лошадьми и слугами, а если тот не был женат, то и наложницей, “потому что, - как очень серьезно замечает историк, - было невозможно, чтобы он мог существовать без нее”.⁶⁵⁴

Того, что было написано язычниками в противовес этим взглядам, было немного, но это достойно внимания, как иллюстрация возникшей тенденции. Мусоний Руф отчетливо и решительно утверждал, что никакой союз полов, кроме брака, не допускается.⁶⁵⁵ Дион Хризостом желал, чтобы проституция была пресечена законом. Можно слабо проследить аскетическое представление о нечистоте даже брака. Аполлоний Тианский на этом основании вел безбрачную жизнь.⁶⁵⁶ Зенобия отказывалась сожительствовать со своим мужем, за исключением тех случаев, когда это было необходимо для рождения наследника.⁶⁵⁷ Говорят, что Гипатия, как и многие христианские святые, сохраняла положение жены-девственницы.⁶⁵⁸ Вера [стр. 316] в нечистоту всех телесных вещей и в обязанность возвышаться над ними в третьем веке усиленно насаждалась.⁶⁵⁹ Марк Аврелий и Юлиан были женами-девственницами. оба замечательные представители лучшего языческого духа своего времени. Каждый из них рано потерял жену, каждый был восхваляем своим биографом за добродетель, которую он проявил после ее смерти; но есть любопытное и характерное различие в формах, которые принимала эта добродетель. Нам говорят, что Марк Аврелий не хотел приводить в свой дом мачеху, которая управляла бы его детьми, и поэтому взял наложницу.⁶⁶⁰ С тех пор Юлиан жил в совершенном воздержании.⁶⁶¹

Предыдущих фактов, которые я привел в самой сжатой форме и почти не сопровождал критикой или комментариями, будет, я надеюсь, достаточно, чтобы показать состояние чувств римлян по этому вопросу, а также направление, в котором эти чувства изменялись. Те, кто знаком с этим порядком исследований, легко поймут, что невозможно с точностью выделить хронологию развития морального чувства; но не может быть сомнений в том, что в последние дни существования Римской империи восприятие людьми этого предмета стало более тонким и утонченным, чем было раньше, и столь же несомненно, что восточные философии, пришедшие на смену стоицизму, в значительной степени повлияли на это изменение. Христианство вскоре стало представителем нового направления. Оно считало чистоту важнейшей из всех добродетелей и до предела напрягало все имеющиеся у него обширные возможности, чтобы обеспечить ее соблюдение. В законодательстве первых христианских императоров мы находим много следов пламенного рвения. Сводников приговаривали к тому, что им заливали в горло

расплавленный свинец. В случае изнасилования не только насильник, но даже пострадавшая, если она соглашалась на этот акт, подлежала смертной казни.⁶⁶² Большую услугу [стр. 317] делу чистоты и филантропии оказал закон, разрешавший актрисам после крещения бросать свою профессию, которая была превращена в форму рабства и фактически являлась рабством порока.⁶⁶³ Некоторые девушки-музыкантши, привыкшие петь или играть на пирах у богатых, и на которых Отцы смотрели с крайним ужасом, были убиты. , были подавлены, и очень строгий закон запретил возрождение этого класса.⁶⁶⁴

Наряду с гражданским законодательством в том же направлении действовало покаянное законодательство Церкви. Грехи нецеломудрия, вероятно, занимают в его постановлениях большее место, чем какие-либо другие. Случаи неестественной любви и матерей, которые делали своих дочерей куртизанками, наказывались вечным исключением из общения, а за множество мелких правонарушений сурово наказывались. Страсть к аскетизму усилила значимость этой области этики, и вскоре воображение людей было очаровано чистыми и благородными фигурами девственных мучениц Церкви, которые не раз полностью соответствовали мужеству мужчин, хотя иногда к их героизму примешивались черты самой изысканной женской мягкости. Для терпеливого перенесения мучительных физических страданий христианство не создало более возвышенной фигуры, чем Бландина, бедная служанка, принявшая мученическую смерть в Лионе; и было бы трудно найти во всей истории более трогательную картину природной чистоты, чем содержится в одном простом эпизоде мученической смерти святой Перпетуи. Об этой святой рассказывают, что она была приговорена к закланию диким быком, и, когда она упала полумертвая от его рогов на песок арены, было замечено, что даже в этот ужасный момент ее девственная скромность была высшей, и ее первым инстинктивным движением было одернуть платье, разорванное при нападении.⁶⁶⁵

Также возникло множество очень любопытных народных легенд, которые, хотя по большей части и не отличаются особым совершенством, имеют важное значение в истории, поскольку показывают силу, с которой воображение людей было обращено в этом направлении, и то, как христианство считалось великим врагом плотских страстей. Таким образом, св. Иероним рассказывает невероятную историю молодой христианки, будучи, в Диоклетиановом гонении, связанных с ключья шелка посреди прекрасного сада, в окружении все, что мог очаровать ухо и глаз, а красивую куртизанку одолевали его своими уговорами, против которой он защитил себя, кусая его язык и плюет ей в лицо.⁶⁶⁶ легенд рассказывается о молодых [стр. 319] христиан, полагая, одежды и манеры развратники, что они могут получить доступ к Девам, которые были осуждены к пороку, обмениваете платья с ними, и тем самым давая им возможность убежать.⁶⁶⁷ Святой Агнессы было сказано, были раздеты догола перед людьми, которые все отвернулись глаза, кроме одного молодого человека, который мгновенно ослеп.⁶⁶⁸ сестра св. Григория Нисского развился рак в ее груди, но не мог вынести, что хирург должен увидеть его, и был вознагражден за скромность ее на чудесное излечение.⁶⁶⁹ в легендарной Зоне красоты христианских святых противились их поясах целомудрия, который потушил страсть владельца, или будет отвечать только вокруг чисто.⁶⁷⁰ Демоньоны были сказаны не редко вступили в то забулдыги. Одежда одержимой девушки была принесена святому Пахомию, и он узнал из нее, что у нее был любовник.⁶⁷¹ Куртизанка обвинила святого Григория Тавматурга в том, что он был ее любовником и отказался заплатить ей то, что он обещал. Он заплатил требуемую сумму, но в нее немедленно вселился демон.⁶⁷² Усилия святых по возвращению куртизанок с пути порока создали [стр. 320] множество легенд. Святая Мария Магдалина, Святая Мария Египетская,

Святая Афра, Святая Пелагия, святая Таис и святая Феодота в ранней Церкви, а также святая Маргарита Кортонская и Клара Римини в средние века были куртизанками.⁶⁷³ Говорят, что святой Виталий имел обыкновение каждую ночь посещать притоны порока по соседству, давать обитателям деньги, чтобы они оставались без греха в течение этой ночи, и возносить молитвы об их обращении.⁶⁷⁴ О святом Серапионе рассказывают, что, когда он проходил через деревню в Египте, куртизанка поманила его к себе. Он пообещал в определенный час навестить ее. Он явился на встречу, но заявил, что его приказ налагает на него определенные обязанности. Он упал на колени и начал повторять Псалтирь, завершая каждый псалом молитвой за свою хозяйку. Необычность этой сцены и торжественность его тона и манер привели ее в благоговейный трепет. Постепенно у нее потекли слезы. Она опустилась на колени рядом с ним и начала присоединяться к его молитвам. Он не обращал на нее внимания, но час за часом продолжал тем же суровым и торжественным голосом, без отдыха и прерываний, повторять свои молитвы и псалмы поочередно, пока ее раскаяние не переросло в пароксизм ужаса, и, когда серые утренние полосы начали освещать горизонт, она упала полумертвая к его ногам, умоляя его со прерывистыми рыданиями отвести ее куда угодно, где она могла бы искупить грехи своего прошлого.⁶⁷⁵

Но заслуги, оказанные аскетами в запечатлении в умах людей глубокого и стойкого убеждения в важности целомудрия, хотя и чрезвычайно велики, были[стр. 321] серьезно уравновешены их пагубным влиянием на брак. Два или три прекрасных описания этого института были отобраны из огромной массы святоотеческих писаний;⁶⁷⁶ но, в целом, было бы трудно представить себе что-либо более грубое или более отталкивающее, чем то, как они к нему относились.⁶⁷⁷ Отношения, которые природа создала с благородной целью устранения разрушительного воздействия смерти и которые, как показал Линней, распространяются даже на мир цветов, неизменно рассматривались как следствие грехопадения Адама, и брак рассматривался почти исключительно в его низшем значении. аспект. Нежная любовь, которую он вызывает, святые и прекрасные семейные качества, которые следуют за ним, были почти полностью упущены из виду.⁶⁷⁸ Целью аскетизма было привлечение мужчин к девственной жизни, и, как необходимое следствие, к браку относились как к низшему состоянию. Это считалось действительно необходимым и, следовательно, оправданным для продолжения рода и для освобождения людей от большего зла; но все же как условие деградации, от которого должны бежать все, кто стремился к истинной святости. “Срубить топором Девственности дерево Брака” было, выражаясь энергичным языком святого Иеронима, концом святого;⁶⁷⁹ и если он [стр. 322] соглашался восхвалять брак, то это было просто потому, что он производил на свет девственниц.⁶⁸⁰ Даже когда узы были заключены, аскетическая страсть сохраняла свое жало. Мы уже видели, как это ожесточило другие отношения в семейной жизни. В это, самое святое из всех, это внесло десятикратную горечь. Всякий раз, когда какое-либо сильное религиозное рвение охватывало мужа или жену, его первым результатом было то, что счастливый союз становился невозможным. Более религиозный партнер сразу же пожелал вести уединенную аскетическую жизнь или, по крайней мере, если не произошло очевидного расставания, вести неестественную раздельную жизнь в браке. То огромное место, которое занимает этот порядок идей в наставительных писаниях Отцов Церкви и в легендах о святых, должно быть знакомо всем, кто хоть сколько-нибудь знаком с этим разделом литературы. Таким образом, — чтобы привести лишь очень несколько примеров — Св. Нил, когда у него уже было двое детей, был охвачен тоской по господствующему аскетизму, и его жену после многих слез убедили согласиться на их разлуку.⁶⁸¹ Святой Аммон в брачную ночь обратился к своей невесте с речью

о пороках супружеского состояния, и, как следствие, они сразу же согласились расстаться.⁶⁸² Святая Мелания долго и усердно старалась убедить своего мужа позволить ей покинуть его постель, прежде чем он даст согласие.⁶⁸³ Святой Авраам сбежал от своей жены в ночь своей свадьбы.⁶⁸⁴ Святой Алексий, согласно несколько более поздней легенде, предпринял тот же шаг, но много лет спустя вернулся из Иерусалима в дом своего отца, в котором его жена все еще оплакивала свое оставление, попросил и получил жилье в качестве акта милосердия и жил там непризнанным и неизвестным до своей смерти.⁶⁸⁵ Святой Григорий Нисский, которому [стр. 323] не повезло быть женатым, написал пламенный панегирик девственности, в ходе которой он скорбно заметил, что это привилегированное состояние никогда не сможет принадлежать ему. Он уверяет нас, что был похож на быка, вспахивающего поле, плодами которого он никогда не сможет насладиться; или на измученного жаждой человека, который смотрит на ручей, из которого он никогда не сможет напиться; или на бедняка, бедность которого кажется еще более горькой, когда он созерцает богатство своих соседей; и он с чувством принялся рассуждать о проблемах супружества.⁶⁸⁶ Номинальные браки, в которых партнеры соглашались избегать брачного ложа, не стали редкостью. Императоры Генрих II, Эдуард Исповедник в Англии и Альфонсо II в Испании приводили примеры этого. Очень известную и довольно живописную историю такого рода рассказывает Григорий Турский. Богатый молодой галл по имени Инджуриос привел к себе домой молодую невесту, к которой был страстно привязан. В ту ночь она со слезами призналась ему, что поклялась сохранить свою девственность и что горько сожалеет о браке, в который ее втянула любовь к нему. Он сказал ей, что они должны оставаться вместе, но что она все равно должна соблюдать свой обет; и он выполнил свое обещание. Когда через несколько лет она умерла, ее муж, кладя ее в гробницу, с великой торжественностью объявил, что вернул ее Богу такой же непорочной, какой он ее принял; и тогда улыбка осветила лицо умершей женщины, и она сказала: “Почему ты рассказываешь то, о чем тебя никто не спрашивал?” Муж вскоре после этого умер, и его тело, которое было помещено в гробнице отдельно от тела его жены, было помещено ангелами рядом с ним.⁶⁸⁷

[стр. 324]

Крайние беспорядки, которые такое учение вносило в семейную жизнь, а также экстравагантность, распространявшаяся среди некоторых еретиков, естественно, встревожили более рассудительных руководителей Церкви, и было предписано, что женатые люди не должны вступать в аскетическую жизнь, кроме как по взаимному согласию.⁶⁸⁸ Однако аскетический идеал остался неизменным. Воздерживаться от брака или в браке воздерживаться от совершенного союза считалось доказательством святости, а брак рассматривался в его самой грубой и приниженной форме. Представление о его нечистоте принимало множество форм и в течение нескольких столетий оказывало чрезвычайно широкое влияние на Церковь. Таким образом, в средние века существовал обычай воздерживаться от брачного ложа в течение ночи после церемонии в честь причастия.⁶⁸⁹ Было прямо предписано, чтобы супруги не участвовали ни в одном из великих церковных праздников, если накануне вечером они возлежали вместе, и святой Григорий Великий рассказывает о молодой жене, в которую вселился демон, потому что она приняла участие в процессии Святого Себастьяна, не выполнив этого условия.⁶⁹⁰ О степени распространения чувства по этому поводу свидетельствует знаменитое видение Святого Себастьяна. Альберика в двенадцатом веке, в котором специальное место пыток, состоящее из озера со смешанными свинцом, смолой и смолой, представлено как существующее в аду для наказания женатых людей, которые возлежали вместе по церковным праздникам или в дни поста.⁶⁹¹

Двумя другими последствиями такого отношения к браку были очень сильное неодобрение вторых браков и очень сильное желание обеспечить безбрачие у духовенства. Первое из этих представлений существовало, хотя и в совсем иной форме и было связано с совсем иными мотивами, у ранних римлян, которые, как нам говорят, привыкли почитать [стр. 325] венцом скромности тех, кто довольствовался одним браком, и рассматривать множество браков как признак незаконной неводержанности.⁶⁹² Это мнение, по-видимому, выросло главным образом из очень тонкого и трогательного чувства, путившего глубокие корни в римском сознании, что привязанность жены к мужу настолько глубока и чиста, что оно должно быть вызвано не прекращается даже с его смертью; что это должно направлять и освящать всю ее последующую жизнь, и что это никогда не может быть перенесено на другой объект. Вергилий в очень красивых строках вкладывает это чувство в уста Дидоны;⁶⁹³ и приведено несколько примеров того, как римские жены, иногда в расцвете юности и красоты, после смерти своих мужей посвящали остаток своей жизни уединению и памяти умерших.⁶⁹⁴ Тацит считал германцев в этом отношении образцом для своих соотечественников,⁶⁹⁵ а эпитет “univiræ”, начертанный на многих римских гробницах, показывает, как практиковалась и ценилась эта преданность.⁶⁹⁶ Семья Камиллов пользовалась особым почетом из—за отсутствия вторых браков среди ее членов.⁶⁹⁷ “Любить жену при жизни, - сказал один из новейших римских поэтов, - это удовольствие; любить ее мертвой - это акт религии”.⁶⁹⁸ В случае мужчин уместность воздержания от вторых браков, вероятно, ощущалась не так сильно, как в случае женщин, и то, что существовало по этому поводу, было вызвано главным образом другим мотивом - привязанностью к детям, интересы которых, как считалось, могли быть важнее. ранен мачехой.⁶⁹⁹

[стр. 326]

Чувство, которое, таким образом, отвергало вторые браки, со значительно возросшей силой перешло в аскетическое христианство, но оно было основано на совершенно иных основаниях. Во-первых, мы обнаруживаем, что нежное воспоминание о муже полностью исчезло из мотивов воздержания. Далее, мы можем отметить, что церковные авторы, в полном соответствии с крайней грубостью их взглядов на половую принадлежность, почти неизменно предполагали, что мотивом для заключения второго или третьего брака должна быть просто сила животных страстей. Монтанисты и новацианцы категорически осуждали вторые браки.⁷⁰⁰ Православные признали их законными из-за слабости человеческой природы, но они относились к ним с самым решительным неодобрением,⁷⁰¹ отчасти потому, что считали их явными признаками неводержанности, а отчасти потому, что считали их несовместимыми с их доктриной о том, что брак является символом союза Христа с Церковью. Современному уму формулировки Отцов Церкви по этому вопросу кажутся в высшей степени необычными, и, если бы не их четкое и неоднократное утверждение о том, что они считали эти браки допустимыми,⁷⁰² по-видимому, было бы равносильно категорическому осуждению. Таким образом, — приведем лишь несколько примеров — дигамия, или второй брак, описывается Афинагором как “достойное прелюбодеяние”.⁷⁰³ “Блуд”, согласно Клименту Александрийскому, “это переход от одного брака ко многим”.⁷⁰⁴ “У первого Адама, - сказал святой Иероним, - была одна жена; у второго Адама [стр. 327] жены не было. Те, кто одобряет дигамию, выдвигают третьего Адама, который был дважды женат, которому они следуют”.⁷⁰⁵ “Учтите, ” снова говорит он, - что та, кто была дважды замужем, хотя она старая, дряхлая и бедная женщина, не считается достойной получать милостыню Церкви. Но если у нее отнят хлеб милосердия, то тем более тот хлеб, который нисходит с небес!”⁷⁰⁶ “Дигамисты, - согласно Оригену, - спасаются именем Христа, но ни в

коем случае не увенчиваются им”.⁷⁰⁷ “Этим текстом, - сказал святой Григорий Назианзен, говоря о сравнении брака апостолом Павлом с союзом Христа с Церковью, - вторые браки, как мне кажется, порицаются. Если есть два Христа, то могут быть и два мужа или две жены. Если есть только один Христос, один Глава Церкви, есть только одна плоть — вторая отталкивается. Но если он запрещает второй брак, то что же говорить о третьих? Первое - закон, второе - прощение и индульгенция, третье - беззаконие; но тот, кто превышает это число, явно скотоложец”.⁷⁰⁸ Дигамисты были исключены из священства и из раздачи церковной благотворительности; на них был наложен период епитимьи перед тем, как они были допущены к причастию,⁷⁰⁹ а два английских статута средневековья лишали духовенства любого заключенного, который “женится на двух женах или одной вдове”.⁷¹⁰ Иллиберийский собор в начале четвертого века, в то время как в целом осуждая крещение мирян, разрешал его в случае крайней необходимости; но при условии, что даже в этом случае совершающий обряд мирянин не должен был быть дважды женат.⁷¹¹ [стр. 328] Среди греков четвертые браки одно время считались абсолютно незаконными, и много споров вызвал император Лев Мудрый, который, имея трех жен, завел любовницу, но впоследствии, вопреки религиозным чувствам своего народа, решил возвысить ее до положения жены.⁷¹²

Тема безбрачия духовенства, в которой также проявлялись церковные чувства по отношению к браку, чрезвычайно обширна, и я не буду пытаться касаться ее, разве что в самом беглом виде.⁷¹³ С этим связаны два факта, которые должен признать каждый непредвзятый исследователь. Первый заключается в том, что в самый ранний период существования Церкви привилегия брака была предоставлена духовенству. Второе заключается в том, что существовало представление о нечистоте брака и считалось, что духовенство, как в высшей степени святое сословие, должно быть менее распущенным, чем миряне. Первая форма, которую приняло это чувство, проявляется в твердом убеждении, что второй брак священника или брак священника со вдовой был незаконным и преступным.⁷¹⁴ Это убеждение, по-видимому, [стр. 329] существовало с самого раннего периода существования Церкви и сохранялось с большим упорством и единодушием на протяжении многих веков. Далее, мы находим, что с самого начала существовало мнение, что это был акт добродетели, а в более поздний период - что воздержание священников от сожителства со своими женами было актом долга после рукоположения. Совет Ниццы воздержался по совету Пафнутия, который сам был скрупулезным целибатом, от введения этого последнего правила в силу необходимости;⁷¹⁵ но в течение четвертого века было признано, что церковные браки являются преступными. Однако они отмечались привычно и обычно с наибольшей открытостью. Различные позиции, занимаемые церковными властями при рассмотрении этого вопроса, составляют чрезвычайно любопытную страницу истории морали и представляют собой самое сокрушительное свидетельство зла, порожденного системой безбрачия. Однако в настоящее время я могу сослаться только на огромную массу свидетельств, собранных по этому вопросу на основе трудов католических богословов и постановлений католических соборов на протяжении многих веков. Это популярная иллюзия, которая особенно распространена среди писателей, мало знакомых непосредственно со средневековьем, что чудовищная безнравственность монастырей за столетие до Реформации была новым фактом и что эпохи, когда вера людей была нетронутой, были эпохами великой нравственной чистоты. Фактически, из единообразных свидетельств церковных писателей следует, что церковная безнравственность в восьмом и трех последующих веках была немногим менее возмутительной, если вообще была, чем в любой другой период, в то время как папство на протяжении почти всего десятого века занимали люди

с [стр. 330] бесчестной жизнью. Симония была почти повсеместной.⁷¹⁶ Вожди варваров, вступавшие в брак в раннем возрасте и совершенно неспособные к сдержанности, занимали ведущие посты в Церкви, и грубые нарушения закона быстро стали повсеместными. Итальянский епископ десятого века в эпиграмме описал нравы своего времени, заявив, что если бы он проводил в жизнь каноны против нецеломудренных людей, отправляющих церковные обряды, в Церкви не осталось бы никого, кроме мальчиков; а если бы он соблюдал каноны против незаконнорожденных детей, они также должны быть исключены.⁷¹⁷ Зло приобрело такие масштабы, что, казалось, не раз возникало великое феодальное духовенство, передававшее церковные бенефиции от отца к сыну.⁷¹⁸ Налог под названием “Кулагим”, который фактически был разрешением священнослужителям содержать наложниц, на протяжении нескольких столетий систематически взимался князьями.⁷¹⁹ Иногда зло само собой исправлялось. Браки священников рассматривались как нормальные события, не предполагающие какой-либо вины, и в XI веке зафиксировано несколько случаев, когда они не рассматривались как какое-либо препятствие для силы творить чудеса.⁷²⁰ Но это было редкое исключение. С самого раннего периода длинная череда Соборов, а также такие люди, как святой Бонифаций, святой Григорий Великий, святой Петр Дамиани, святой Дунстан, святой Ансельм, Гильдебранд и его преемники в папстве, осуждали священнический брак или сожительство как ужасное преступление, и обычная жизнь священников, по крайней мере теоретически, обычно признавалась греховной.

Неудивительно, что, однажды нарушив свои обеты и начав жить тем, что они считали жизнью обычного греха, [стр. 331] духовенство вскоре должно было опуститься намного ниже уровня мирян. Мы не можем придавать особого значения таким единичным примерам разврата, как случай с папой Иоанном XXIII, который был осужден среди многих других преступлений за кровосмешение и прелюбодеяние;⁷²¹ или избранный аббат церкви св. Августина в Кентербери, у которого в 1171 году в результате расследования было обнаружено семнадцать незаконнорожденных детей в одной деревне;⁷²² или аббат Сент-Пелайо в Испании, у которого в 1130 году было доказано, что он содержал не менее семидесяти наложниц;⁷²³ или Генрих III, епископ Льежский, который был низложен в 1274 году за то, что имел шестьдесят пять незаконнорожденных детей;⁷²⁴ но невозможно устоять перед доказательствами длинной цепи Соборов и церковных писателей, которые сговариваются в изображающий гораздо большее зло, чем простое сожительство. Было замечено, что, когда священники действительно брали жен, осознание того, что эти связи были незаконными, оказывалось особенно пагубным для их верности, а двоеженство и крайняя подвижность привязанностей были среди них особенно распространены. Средневековые писатели полны рассказов о женских монастырях, которые были похожи на публичные дома, об огромном количестве детоубийств в их стенах и о том непрекращающемся распространении кровосмешения среди духовенства, которое снова и снова приводило к необходимости издавать самые строгие постановления, запрещающие священникам жить со своими матерями или сестрами. Неестественная любовь, искоренение которой в мире было одной из величайших заслуг христианства, неоднократно упоминается как сохраняющаяся в монастырях; и незадолго до Реформации стали громкими и частыми жалобы на использование исповедальни в целях разврата.⁷²⁵ Меры, принятые по этому вопросу, были очень многочисленными и суровыми. Сначала злом, на которое в основном жаловались, были тайные [стр. 332] браки священников, и особенно их общение с женами, на которых они женились до своего рукоположения. Несколько соборов вынесли свои анафемы против священников, “которые имели неподобающие отношения со своими женами”; и были

установлены правила, согласно которым священники всегда должны спать в присутствии подчиненного им клерка; и что они должны встречаться со своими женами только на открытом воздухе и по крайней мере в присутствии двух свидетелей. Однако люди отнюдь не были единодушны в своем отношении к этому вопросу. Синезий, когда его избрали епископом, сначала отказался, смело сославшись в качестве одной из причин на то, что у него была жена, которую он горячо любил и которая, как он надеялся, родит ему много сыновей, и что он не собирался разлучаться с ней или тайно навещать ее как прелюбодейку.⁷²⁶ Епископ Лана, который позже был женат на племяннице Сен-Реми и оставался со своей женой до тех пор, пока у него не родились сын и дочь, причудливо выразил свое раскаяние, назвав их соответственно Латро и Вульпекула.⁷²⁷ Святой Григорий Великий описывает добродетель священника, который из соображений благочестия отказался от своей жены. Когда он лежал при смерти, она поспешила к нему, чтобы осмотреть постель, которую ей сорок лет не разрешали делить, и, склонившись над тем, что казалось неодушевленным телом ее мужа, она попыталась удостовериться, остался ли еще кто-нибудь дышать, когда умирающий святой, собрав свои последние силы, воскликнул: “Женщина, уйди; убери солому; огонь еще горит”.⁷²⁸

Разрушением священнического брака в основном обязан Гильдебранду, который преследовал эту цель с самой неутомимой решимостью. Обнаружив, что его обращения к церковным властям и гражданским правителям было недостаточно, он смело обратился к народу, увещевая его, вопреки всем церковным традициям, лишиться послушания женатых священников и [стр. 333] разжег среди них яростный фанатизм аскетизма, который быстро привел к жестокому преследованию провинившихся пастырей. Их жены в огромном количестве были изгнаны с ненавистью и презрением; и за этим разрывом последовало множество преступлений и невыносимых страданий. Священники иногда оказывали яростное сопротивление. В Камбре, в 1077 году н.э., они сожгли заживо как еретика фанатика, который поддерживал доктрины Гильдебранда. В Англии полвека спустя им удалось заставить врасплох папского легата в объятиях куртизанки через несколько часов после того, как он выступил с яростным обличением церковной распущенности.⁷²⁹ Но папская резолюция, поддержанная народным фанатизмом, одержала победу. Папа Урбан II разрешил знати обращать в рабство жен, которых священники упрямо отказывались бросать, и после еще нескольких суровых действий священнический брак вышел из употребления. Однако масштабы беспорядков, которые все еще существовали, показаны скорбными признаниями церковных писателей, единообразными и возмущенными свидетельствами поэтов и прозаиков-сатириков, предшествовавших Реформации, чудовищными безнравственными поступками, раскрытыми в монастырях во время их подавления, и значительной осмотрительностью многих католиков-мирян, которые привыкли настаивать на том, чтобы их священник брал наложницу для защиты семей своих прихожан.⁷³⁰

[стр. 334]

Едва ли возможно представить себе более деморализующее влияние, чем священнослужитель, живущий такой жизнью, какую я описал. В протестантских странах, где брак духовенства полностью признан, он действительно принес величайшие и наиболее недвусмысленные выгоды. Можно с уверенностью утверждать, что нигде христианство не принимает более благотворной или более выигрышной формы, чем в тех добрых духовных семьях, которые населяют нашу землю, представляя, как сказал Кольридж, “единственную идиллию современной жизни”, наиболее совершенный тип домашнего покоя, центр цивилизации в самой отдаленной деревне. Несмотря на некоторую классовую ограниченность и профессиональный фанатизм, несмотря на некоторую недостойную, но наполовину

бессознательную манерность, которую часто самым несправедливым образом клеймят как лицемерие, было бы трудно найти в каком-либо другом месте столько счастья, которым можно сразу наслаждаться, или столько добродетели, достигнутой с таким небольшим напряжением или борьбой. Сочетая со своим священным призванием теплую симпатию к интеллектуальным, социальным и политическим движениям своего времени, обладая расширенными практическими знаниями отца семейства и с большим рвением вникая в занятия и развлечения своих прихожан, хороший священнослужитель редко распространяет свои религиозные убеждения на светские сферы, но, тем не менее, проявляет их во всем. Они будут проявляться в более высоком и глубоком моральном тоне, в более скрупулезной чистоте слов и поступков, во всепроникающей мягкости, которая облагораживает, смягчает и смягчает, и добавляет столько же очарования, сколько и превосходства характеру, в котором это проявляется. Посещая больных, помогая бедным, обучая молодежь и выполняя тысячу деликатных обязанностей, для которых особенно необходим женский такт, его жена находит сферу труда одновременно чрезвычайно активной и чрезвычайно женственной, и ее пример приносит не меньшую пользу, чем ее служение.

С другой стороны, среди католического духовенства, где неукоснительно соблюдается обет безбрачия, формируется характер иного типа, который с очень серьезными и смертельно опасными недостатками сочетает в себе некоторые из самых благородных качеств, которых только может достичь человечество. Оторванные от большинства земных уз и привязанностей, рассматривающие жизнь главным образом через искаженную среду казуизма или исповеди, и лишённые тех отношений, которые больше, чем какие-либо другие, смягчают и расширяют характер, католические священники слишком часто бросались в глаза своим свирепым и кровожадным фанатизмом и своим безразличием ко всем интересам, кроме интересов своей Церкви; в то время как узкий диапазон их симпатий и интеллектуальное рабство, на которое они согласились, делают их совершенно непригодными для должности воспитания молодежи, на которую они так настойчиво претендуют и которая, по их мнению, является к великому несчастью всего мира, им долгое время разрешалось монополизировать свою деятельность. Но, с другой стороны, ни одна другая группа людей никогда не проявляла более целеустремленного и неземного рвения, не преломляемого никакими личными интересами, принося в жертву долгу самое дорогое из земных благ и с неустрашимым героизмом встречая любые трудности, страдания и смерть.

Было бы несправедливо и абсурдно отрицать, что средние века, даже в их самые мрачные периоды, породили много хороших и великих людей последнего типа. Однако вряд ли можно подвергать сомнению тот факт, что чрезвычайная частота незаконных связей среди духовенства на протяжении многих веков самым активным образом снижала моральный тонус мирян и противодействовала тем великим заслугам в деле чистоты, которые, несомненно, оказало христианское учение [стр. 336]. Связи со священниками редко признавались настолько полно, чтобы позволить любовнице занимать положение, подобное тому, которое сейчас занимает жена священнослужителя, и зрелище главных учителей и образчиков морали, обычно живущих в общении, которое признавалось двусмысленным или неправильным, должно было самым пагубным образом подействовать на каждый класс общества. Аскетизм, объявляющий войну человеческой природе, вызывал отвращение к ее крайней противоположности, и даже когда его соблюдали, он часто наносил ущерб чистоте ума. Привычка постоянно рассматривать брак в самом грубом свете и рассматривать продолжение рода как его единственную законную цель оказывала особенно извращающее влияние на воображение. Чрезмерная набожность

жен, желавших жить отдельно от своих мужей, часто приводила последних к серьезным нарушениям.⁷³¹ Понятие греха было введено в самые дорогие отношения,⁷³² и вся тема была искажена и принижена. Одно из величайших преимуществ протестантизма заключается в том, что он многое сделал для изгнания этих способов мышления и чувств из мира и для восстановления брака в его простоте и достоинстве. У нас есть приятная иллюстрация [стр. 337] того, до какой степени пришло в упадок старое суеверие, в том факте, что когда Голдсмит в своем великом романе захотел изобразить безобидные эксцентрики своего простодушного и не от мира сего викария, он изобразил его придерживающимся того мнения о греховности второго брака священнослужителя, которое на протяжении многих веков было универсальным в Церкви.

Другим пагубным последствием, проистекающим, в значительной степени, из аскетизма, была тенденция крайне принижать характер и положение женщин. В этой тенденции мы можем частично обнаружить влияние более ранних еврейских писаний, в которых беспристрастный наблюдатель может найти очевидные следы распространенного на Востоке обесценивания женщин. Был допущен обычай передачи выкупных денег отцу невесты. Многоженство было разрешено в ⁷³³году и практиковалось мудрейшим человеком в огромных масштабах. Женщина считалась источником человеческих бед. Период очищения был назначен после рождения каждого ребенка; но, согласно очень важному положению, в случае женщины он был в два раза длиннее, чем в случае ребенка мужского пола.⁷³⁴ “Порочность мужчин, - решительно заявил еврейский писатель, - лучше, чем доброта женщин”.⁷³⁵ Типы женского совершенства, проявленные в ранний период еврейской истории, в целом низкого порядка и, безусловно, намного уступают образцам римской истории или греческой поэзии; и самый теплый панегирик женщине в Ветхом Завете, вероятно, является то, что было даровано ей, которая при обстоятельствах самого тяжкого предательства убила спящего беглеца, нашедшего убежище под ее крышей.

[стр. 338]

Совокупное влияние еврейских писаний и того аскетического чувства, которое относилось к женщинам как к главному источнику искушения для мужчин, проявилось в тех яростных оскорблениях, которые составляют столь заметную и гротескную часть писаний Отцов Церкви и которые так странно контрастируют с преклонением перед отдельными представителями мужского пола. Женщина была представлена как врата ада, как мать всех человеческих бед. Ей должно быть стыдно при одной мысли о том, что она женщина. Она должна жить в постоянном покаянии из-за проклятий, которые она навлекла на мир. Она должна стыдиться своей одежды, ибо это памятник ее падения. Ей следует особенно стыдиться своей красоты, ибо это самый могущественный инструмент деймона. Физическая красота действительно постоянно была темой церковных обвинений, хотя, по-видимому, было сделано одно странное исключение; поскольку было замечено, что в средние века личная красота епископов постоянно отмечалась на их могилах.⁷³⁶ В VI веке провинциальный совет даже запретил женщинам из-за их нечистоты принимать Евхаристию обнаженными руками.⁷³⁷ Их по сути подчиненное положение постоянно сохранялось.

Вполне вероятно, что это учение сыграло свою роль в определении принципов законодательства, касающихся пола. Языческие законы во времена империи постоянно

отменяли старые ограничения прав женщин, и законодательное движение в их пользу продолжалось с неослабевающей силой от Константина до Юстиниана и появилось также в некоторых ранних законах варваров.⁷³⁸ Но в целом феодальное законодательство [стр. 339] женщины были поставлены в гораздо более низкое правовое положение, чем в Языческой империи.⁷³⁹ В дополнение к личным ограничениям, которые неизбежно вытекали из католических доктрин о разводе и о подчинении слабого пола, мы находим многочисленные и строгие законодательные акты, которые делали невозможным для женщин наследование какого-либо значительного состояния и которые практически ставили их перед выбором между браком или женским монастырем.⁷⁴⁰ Полная неполноценность пола постоянно поддерживалась законом; и то великодушное общественное мнение, которое в Риме часто возмущалось несправедливостью по отношению к девочкам, лишавшим их большей части наследства их отцов, полностью исчезло. Везде, где каноническое право было основой законодательства, мы находим законы о престолонаследии, приносящие в жертву интересы дочерей и жен,⁷⁴¹ и состояние общественного мнения, которое формировалось и регулировалось этими законами; и не предпринималось никаких серьезных попыток отменить их до [стр. 340] конца прошлого столетия. Французские революционеры, хотя и отвергли предложение Сийеса и Кондорсе предоставить политическую эмансипацию женщинам, установили по крайней мере равную преемственность сыновей и дочерей и, таким образом, инициировали великую реформу как закона, так и общественного мнения, которая рано или поздно должна была охватить весь мир.

В своих усилиях повысить уровень чистоты христианские учителя черпали большую помощь из вторжений и завоеваний варваров. Роспуск обширной свиты рабов, прекращение большинства публичных игр и общее обнищание, последовавшее за вторжениями, - все это благоприятствовало женской добродетели; и в этом отношении различные племена варваров, какими бы жестокими и незаконными они ни были, намного превосходили более цивилизованное сообщество. Тацит в своем очень известном труде задолго до этого в самых лестных красках описал чистоту германцев. Супружеская измена, по его словам, была среди них большой редкостью. Прелюбодейку выгнали из дома с остриженными волосами и с позором били по деревне. Ни молодость, ни красота, ни богатство не могли позволить женщине, о которой было известно, что она согрешила, найти мужа. Полигамия была свойственна только принцам, которые смотрели на множество жен скорее как на знак достоинства, чем как на удовлетворение страстей. Матери неизменно кормили грудью своих собственных детей. Детоубийство было запрещено. Вдовам не разрешалось повторно выходить замуж. Мужчины боялись плена гораздо больше за своих жен, чем за себя; они верили, что женщинам присущ священный пророческий дар; они советовались с ними как с оракулами и следовали их советам.⁷⁴²

Принято считать, и это не исключено, что Тацит в этом сочинении намеревался обличить распутные привычки своих соотечественников и значительно преувеличил добродетель варваров. Однако о существенной справедливости [стр. 341] его картины у нас есть много свидетельств. Сальвиан, который около трех столетий спустя был свидетелем и описал нравы варваров, одержавших победу над Империей, самым красноречивым образом засвидетельствовал контраст, который их целомудрие представляло пороку тех, кого они покорили.⁷⁴³ Скандинавская мифология изобилует легендами, отражающими ясное отношение языческих племен к чистоте и ужасные наказания, грозившие соблазнительям на том свете.⁷⁴⁴ Женщины-варвары привыкли заниматься медициной и толковать сны, а также они

очень часто сопровождали своих мужей в битвах, сплотились вокруг них. их разбитые силы и даже они сами приняли участие в битве.⁷⁴⁵ Август обнаружил, что бесполезно держать вождей варваров в качестве заложников и что единственным способом заручиться верностью предателей было похищение их жен, поскольку они, по крайней мере, никогда не приносились в жертву. Говорят, что у покоренных народов имели место примеры женского героизма, которые могли бы соперничать с самыми великолепными в римских летописях. Когда Марий разгромил армию тевтонов, их жены умоляли победителя разрешить им стать слугами девственников-весталок, чтобы, по крайней мере, сохранить свою честь в рабстве. Их просьба была отклонена, и в ту ночь все они погибли от своих собственных рук.⁷⁴⁶ Однажды могущественный вельможа попросил руки галатийской дамы по имени Камма, которая, верная своему мужу, устояла перед всеми его мольбами. Преисполненный решимости добиться успеха любым способом, он приказал убить ее мужа, а когда она нашла убежище в храме Дианы и записалась в число жриц, он посылал знатного человека за знатью, чтобы убедить ее смягчиться. Через некоторое время он отважился предстать перед ней. Она изобразила [стр. 342] готовность уступить, но сказала ему, что сначала необходимо совершить возлияние богине. Она предстала перед алтарем в образе жрицы, неся в руке кубок с вином, которое она отравила. Она выпила половину сама, остаток протянула своему провинившемуся возлюбленному и, когда он осушил чашу до дна, разразилась бурной благодарностью за то, что ей было позволено отомстить за своего убитого мужа и вскоре она должна была воссоединиться с ним.⁷⁴⁷ Другой, еще более замечательный пример супружеской верности представила галльская женщина по имени Эппонина. Ее муж, Юлий Сабин, восстал против Веспасиана; он был побежден и мог бы легко сбежать в Германию, но не смог вынести расставания со своей молодой женой. Он удалился на свою собственную виллу, спрятался в подземных подвалах, которые находились под ней, и поручил вольноотпущеннику распространить слух о том, что он покончил с собой, в то время как, чтобы объяснить исчезновение своего тела, он поджег виллу. Эппонина, услышав о самоубийстве, три дня лежала, распростертая на земле, без еды. Наконец к ней пришел вольноотпущенник и сказал, что самоубийство было притворным. Она продолжала причитать днем, но навещала своего мужа по ночам. Она забеременела, но, как говорят, благодаря мази, ей удалось скрыть свое состояние от друзей. Когда приблизился час родов, она одна спустилась в подвал и без чьей-либо помощи или присмотра родила близнецов, которых воспитывала под землей. В течение девяти лет она выполняла свою задачу, когда Сабин был обнаружен, и, к длительному позору Веспасиана, была казнена, несмотря на мольбы его жены, которая в своей последней просьбе попросила позволить ей умереть вместе с ним.⁷⁴⁸

Нравственная чистота варваров была совершенно иного рода [стр. 343], чем та, которую насаждало аскетическое движение. Оно было сосредоточено исключительно на браке. Оно проявлялось в благородной супружеской верности; но оно мало подходило для жизни в безбрачии и, как мы видели, не предотвращало чрезмерных беспорядков среди духовенства. Практика многоженства среди варварских королей также в течение нескольких столетий не контролировалась или, по крайней мере, не подавлялась христианством. У королей Кариберта и Хильперика было одновременно по нескольку жен.⁷⁴⁹ Клотер женился на сестре своей первой жены при жизни последней, которая, как сообщается, при объявлении о намерении короля сказала: “Позволь моему господину делать то, что кажется ему благим, только позволь твоему слуге жить в твою пользу”.⁷⁵⁰ Теодоберт, добродетельность характера которого горячо превозносится епископальным историком, бросил свою первую жену из-за совершенного ею ужасного преступления; при ее жизни она взяла другая, с которой он ранее был обручен; и

после смерти этой второй жены, и пока первая была еще жива, взял третью, которую, однако, позже убил.⁷⁵¹ Святой Колумбанус был изгнан из Галлии главным образом из-за его обличений многоженства короля Тьерри.⁷⁵² У Дагоберта было три жены, а также множество наложниц.⁷⁵³ У самого Карла Великого в то же время было две жены, и он в основном баловался наложницами.⁷⁵⁴ После этого периода примеры такого рода стали редкостью. Папы и епископы осуществляли строгий надзор за семейной моралью и энергично и в большинстве случаев успешно противодействовали попыткам королей и знати отказаться от своих жен.

[стр. 344]

Но, несмотря на эти поразительные факты, не может быть никаких сомнений в том, что общая чистота варваров с самого начала была выше, чем у позднейших римлян, и это отражено во многих их законах. Было очень удачно замечено,⁷⁵⁵ что высокое значение, придаваемое этой добродетели, хорошо иллюстрируется тем фактом, что в салическом кодексе, в то время как обвинение в трусости, ложно выдвинутое против мужчины, наказывалось штрафом в размере трех солидов, обвинение в распутстве, ложно выдвинутое против женщины, наказывалось штрафом в размере сорока пяти. Тевтонские настроения проявились в очень суровом законодательстве против супружеской измены и изнасилования,⁷⁵⁶ и, как ни странно, иногда принимались мельчайшие меры предосторожности для защиты от них. Закон испанских вестготов запрещал хирургам пускать кровь любой свободной женщине, кроме как в присутствии ее мужа, ближайшего родственника или, по крайней мере, какого-либо должным образом назначенного свидетеля, а салический закон налагал штраф в размере пятнадцати золотых на любого, кто ненадлежащим образом пощипет ей руку.⁷⁵⁷

Под влиянием христианства, которому способствовали варвары, в мире постепенно произошли огромные перемены. Порок, который мы рассматриваем, был, вероятно, более редким; он, безусловно, принимал менее экстравагантные формы и скрывался от наблюдения с новой скромностью. Теория морали стала более ясной, а практика несколько усовершенствовалась. Крайняя грубость литературы исчезла, а наиболее вопиющие нарушения брака всегда подвергались порицанию и часто подавлялись. Покаянная дисциплина и увещевания с кафедры распространили повсюду неизмеримо более высокое понимание важности чистоты, чем это было известно языческой древности. Святой Григорий Великий, следуя по стопам некоторых языческих философов,⁷⁵⁸ настойчиво призывал [стр. 345] матерей самим кормить грудью своих детей; и было сделано множество подробных и строгих предписаний против экстравагантности одежды и манер. Религиозные институты Греции и Малой Азии, которые почти освятили проституцию, были навсегда упразднены, и куртизанки опустились на более низкую ступень деградации.

Помимо этих изменений, обязанность взаимной верности в браке была усилена с новой серьезностью. Контраст между легкомыслием, с которым в большинстве веков относились к слабости мужчин, и чрезвычайной суровостью, с которой обычно обращались с женщинами, виновными в том же проступке, образует одну из самых необычных аномалий истории морали и кажется тем более примечательным, если вспомнить, что искушение обычно исходит от пола, которому так легко прощают; что пол, подвергающийся таким суровым наказаниям, вошло в поговорку, что он самый слабый; и что в случае женщин, но не в случае мужчин, порок очень часто является результатом самого низменного поведения. страдание и нищета. Для такого несоразмерного осуждения было названо несколько причин. Преступление может быть более

точно и легко обнаружено и, следовательно, более определенно наказано в случае женщин, чем мужчин; и, поскольку обязанность обеспечивать своих детей ложится на отца, появление в семье чужих детей является для него особым ущербом, в то время как незаконнорожденные дети, которые происходят не от прелюбодеяния, вероятно, из-за того, что их отец не заключал договора о их содержании, в конечном итоге станут преступниками или нищими и, следовательно, обузой для общества.⁷⁵⁹ Я думаю, можно добавить, что соблюдение этой добродетели обусловлено рядом причин. более трудным для одного пола, чем для другого; что его нарушение, когда делается все возможное для моральной деградации, которая является результатом [стр. 346] существующего состояния общественного мнения, естественно, наносит более глубокий ущерб характеру женщин, чем мужчин; а также что большая часть наших чувств по этим вопросам обусловлена законами и моральными системами, которые были сформированы мужчинами и в первую очередь предназначались для их собственной защиты.

Отрывки из "Отцов Церкви", утверждающие равенство обязательств, налагаемых на оба пола, чрезвычайно недвусмысленны;⁷⁶⁰ и хотя сама доктрина была предвосхищена Сенекой и Плутархом, вероятно, никогда прежде и никогда с тех пор она не была реализована так полно, как в ранней Церкви. Однако нельзя сказать, что завоевание было сохранено. В наши дни, хотя уровень морали намного выше, чем в языческом Риме, можно задаться вопросом, не так ли велико неравенство в осуждении двух полов, как во времена язычества, и это неравенство постоянно является причиной самой постыдной и прискорбной несправедливости. В одном отношении, действительно, рыцарство привело к большому регрессу и надолго пережило свой упадок. Характер соблазнителя, и особенно бесстрастного соблазнителя, который делает свою карьеру просто как вид спорта и не руководствуется никакими более сильными мотивами, чем тщеславие или дух авантюризма, был прославлен и идеализирован в популярной литературе христианского мира способом, которому мы не можем найти параллели в античности. Когда мы размышляем о том, что целью такого человека является самым хладнокровным и преднамеренным предательством разрушить [стр. 347] жизни невинных женщин; когда мы сравниваем легкомыслие его мотивов с непоправимым ущербом, который он наносит; и когда мы вспоминаем, что он может обмануть свою жертву, только убедив ее полюбить его, и может погубить ее, только убедив ее доверять ему, следует признать, что было бы трудно представить себе более бессмысленную и бессердечную жестокость или характер, сочетающий в себе более многочисленные элементы позора и бесчестья. То, что такой персонаж на протяжении многих веков был популярным идеалом значительной части литературы и предметом хвастовства многих людей, которые больше всего гордятся своей честью, несомненно, является одним из самых печальных фактов в истории, и это представляет собой моральное отклонение, безусловно, не меньшее, чем было продемонстрировано в древней Греции положением, которое было присвоено куртизанке.

Фундаментальная истина о том, что одно и то же действие никогда не может быть одновременно простительным для требования мужчины и позорным для согласия женщины, хотя и благородно навязывалась первыми христианами, не проникла в общественное мнение христианского мира. Однако мистический характер, который Церковь придала браку, оказал чрезвычайно большое влияние. Частично превратив это в таинство, а частично представив как, в каком-то таинственном и не очень определяемом смысле, образ союза Христа с Его Церковью, было воспитано чувство, что пожизненный союз одного мужчины и одной женщины при любых обстоятельствах является единственной формой общения между полами, которая не является незаконной; и это убеждение приобрело силу первичной моральной интуиции.

Я думаю, не может быть никаких сомнений в том, что при той строгости, с которой оно обычно излагается, оно опирается не на закон природы, а на позитивный закон, хотя природы без посторонней помощи достаточно, чтобы сделать много шагов в его направлении. Рассматривая предмет просто в свете невооруженного разума, два правила составляют всю обязанность человека. Он должен воздерживаться от всего, что вредит счастью или унижает характер.[стр. 348] В первую главу он должен включить как более отдаленные, так и непосредственные последствия своего поступка. Он должен учитывать, как этот союз повлияет на его партнера, в каком свете общество воспримет эту связь, вероятное положение будущих детей, влияние этих рождений, а также влияние его примера на благосостояние общества в целом. Некоторые элементы этого расчета различаются на разных этапах развития общества. Таким образом, общественное мнение в одну эпоху будет осуждать и, следовательно, наказывать связи, которые в другую эпоху полностью санкционированы; и вероятное положение детей, а также влияние рождения на общество будут в значительной степени зависеть от конкретных и национальных обстоятельств.

Во вторую главу входит влияние этого общения на затуманивание или развитие моральных чувств, понижение или возвышение тона характера, возбуждение или смягчение аберраций воображения, неспособность мужчин к чистым чувствам или расширение их диапазона, делающее животную часть нашей природы более или менее преобладающей. Интуицией нашей моральной природы мы знаем, что это преобладание всегда является деградирующим, хотя и не всегда несчастливым состоянием. Мы также знаем, что это закон нашего существа, согласно которому сильные и прекрасные чувства, которые до этого были скрытыми, пробуждаются в некоторых определенных формах союза, в то время как другие формы союза специально приспособлены для того, чтобы заглушать чувства и извращать характер.

Исходя из этих соображений, у нас есть достаточно оснований утверждать, что пожизненный союз одного мужчины и одной женщины должен быть нормальным или доминирующим типом общения между полами. Мы можем доказать, что в целом это наиболее способствует счастью, а также моральному возвышению всех сторон. Но дальше этого, как я полагаю, продвинуться было бы невозможно, разве что с помощью особого откровения. Из этого ни в коем случае не следует, что из того, что этот тип должен быть доминирующим, он должен быть единственным, [стр. 349] или что интересы общества требуют, чтобы все связи были сведены к одному и тому же штампу. Связи, которые, по общему признанию, длились всего несколько лет, всегда существовали бок о бок с постоянными браками; и в периоды, когда общественное мнение, соглашаясь с их уместностью, не налагает отлучения от церкви на одного или обоих партнеров, когда эти партнеры не ведут деморализующий и унижающий достоинство образ жизни, сопровождающий сознание вины, и когда рождающимся детям уделяется должное внимание, было бы, я полагаю, невозможно доказать в свете простого и неопровержимого разума, что такие связи должны неизменно осуждаться. Чрезвычайно важно, как для счастья, так и для морального благополучия людей, чтобы союзы на всю жизнь не заключались просто по властному побуждению слепого аппетита. Всегда есть множество людей, которые в период своей жизни, когда их страсти наиболее сильны, неспособны содержать детей на своем социальном уровне и которые, следовательно, нанесли бы вред обществу, вступив в брак в нем, но, тем не менее, вполне способны обеспечить своим незаконнорожденным детям достойную карьеру в низшей социальной сфере, к которой они, естественно, принадлежали бы. При упомянутых мною условиях эти связи не вредны, а полезны для более слабого партнера; они смягчают различия в ранге, стимулируют социальные привычки и не оказывают на характер

унизительного воздействия беспорядочных половых сношений, а на общество - пагубных последствий опрометчивых браков, которые будут множиться в их отсутствие. При огромном разнообразии обстоятельств и характеров всегда будут появляться случаи, в которых по утилитарным соображениям они могли бы показаться целесообразными.

Необходимо остановиться на подобных соображениях, если мы хотим понять законодательство Языческой империи или изменения, произведенные христианством. Законодатели Империи отчетливо признавали эти связи,[стр. 350] и поставили своей главной целью их санкционирование, облагораживание и регулирование. Неограниченная свобода развода практически включала их в себя под названием брака, в то время как это название защищало их от стигматизации и предотвращало многие из самых серьезных пороков, связанных с несанкционированными союзами. Слово "наложница", которое в Республике имело то же значение, что и у нас, в Империи обозначало строго законный союз — нововведение, которое было главным образом заслугой Августа и, несомненно, задумывалось как часть законодательства против безбрачия, а также, возможно, как исправление распространенных распущенных привычек. Этот союз, по сути, был всего лишь формой брака, ибо тот, кто, имея наложницу, брал себе либо жену, либо другую наложницу, по закону был виновен в прелюбодеянии. Как и самая распространенная форма брака, он заключался без каких-либо церемоний и мог быть расторгнут по желанию. Его особенности заключались в том, что он заключался между мужчинами патрицианского ранга и вольноотпущенницами, которым закон запрещал вступать в смешанные браки; что наложница, хотя ее положение было вполне признанным и почетным, не разделяла положение своего партнера, что она не приносила приданого, и что ее дети следовали ее званию и были лишены звания и наследства своего отца.⁷⁶¹

Против этих понятий христианство объявило прямую и непримиримую войну, которая была несовершенно отражена в гражданском законодательстве, но недвусмысленно фигурировала в писаниях Отцов Церкви и в большинстве постановлений Соборов.⁷⁶² [стр. 351] Как религиозная догма, неизменная, негибкая и независимая от любых утилитарных расчетов, она учила, что все формы общения полов, кроме союзов на всю жизнь, являются преступными. Научив людей рассматривать эту доктрину как аксиому и, следовательно, налагая суровые социальные наказания и глубокую деградацию на временные связи, она глубоко изменила даже их утилитарный аспект и сделала их в большинстве стран скрытными. Вероятно, нет другой отрасли этики, которая была бы в такой степени определена специальной догматической теологией, и нет ни одной, которая была бы так глубоко затронута ее упадком.

Как часть того же движения, чисто гражданский брак более поздней языческой империи постепенно был заменен религиозными браками. Призывание божественного благословения на поступок, составляющий столь важную эпоху в жизни, является очевидной уместностью, и сочетание религиозной церемонии создает более глубокое ощущение торжественности контракта. По сути своей религиозный и даже мистический характер, придаваемый христианством браку, делал освящение особенно естественным, но лишь очень постепенно оно стало рассматриваться как абсолютно необходимое. Как я уже заметил, долгое время от него отказывались при заключении брака рабов; и даже в случае свободных людей, хотя оно обычно и совершалось, оно не было обязательным до десятого века.⁷⁶³ В дополнение к своей основной цели освящения брака, оно со временем стало мощным [стр. 352] инструментом в обеспечении авторитета священства, которые были способны заставить мужчин подчиниться

условиям, которые они налагали при заключении важнейшего жизненного контракта; и современное разрешение гражданских браков, значительно уменьшив власть церкви. Влияние католического священства на домашнюю жизнь было одним из самых серьезных ударов, которым подверглось церковное влияние.

Абсолютная греховность развода в то же время усиленно поддерживалась Советами, которые в этом, как и во многих других пунктах, сильно отличались от гражданского права. Константин ограничил его тремя случаями преступления со стороны мужа и тремя со стороны жены; но привычки народа были слишком сильны для его постановлений, и после одного или двух изменений в законе полная свобода развода вновь появилась в Кодексе Юстиниана. Отцы Церкви, с другой стороны, хотя и немного колебались в случае развода, который последовал за актом прелюбодеяния со стороны жены,⁷⁶⁴ без малейших колебаний объявили все другие разводы преступными, и на христиан, которые пользовались привилегиями гражданского права, были наложены периоды покаянной дисциплины.⁷⁶⁵ На протяжении многих веков сохранялась эта двойственность законодательства. Законы варваров ограничивали развод, налагая суровые штрафы на тех, кто отказывался от своих жен. Карл Великий объявил развод уголовным преступлением, но не решился сделать его уголовно наказуемым и практиковал его сам. С другой стороны, Церковь угрожала отлучением, а в некоторых случаях даже обрушивала свои громы на тех, кто был в этом виновен. Только в двенадцатом веке победа была определенно достигнута, и гражданское право, приняв принцип канонического права, запретило все разводы.⁷⁶⁶

В настоящей работе я не собираюсь рассматривать, насколько далеко этот тотальный запрет зашел для счастья или морального благополучия людей. Я просто замечу, что, хотя сейчас это часто отстаивается, первоначально это не было навязано христианским народам по утилитарным соображениям, а основывалось на сакраментальном характере брака, на вере в то, что брак является особым символом вечного союза Христа со Своей Церковью, и на хорошо известном отрывке из Евангелий. Строгость католической доктрины, запрещающей расторжение брака даже в случае прелюбодеяния, была значительно смягчена современным законодательством, и, я думаю, можно не сомневаться, что дальнейшие шаги в том же направлении еще будут предприняты; но огромные изменения, произошедшие как на практике, так и в теории с тех пор, как неограниченная распущенность языческой империи стала очевидной для всех.

Было важно или, по крайней мере, очень важно, чтобы союз, который был таким торжественным и таким безотзывным, был заключен свободно. Чувство римских патриотов по отношению к концу Республики заключалось в том, что брак следует рассматривать как средство обеспечения государства детьми и заключать его следует по долгу службы с этой целью, и законы Августа налагали множество дисквалификаций на тех, кто воздерживался от него. Оба этих стимула к браку исчезли под влиянием христианства. Народные настроения исчезли с упадком гражданских добродетелей. Законы были отменены под влиянием аскетического энтузиазма, который заставлял людей считать состояние безбрачия в высшей степени святым.

Было еще одно важное условие, которого должны были достичь теологи, чтобы реализовать свой идеальный тип [стр. 354] брака. Это было сделано для того, чтобы помешать членам Церкви вступать в браки с теми, чьи религиозные взгляды отличались от их собственных. Справедливо было сказано, что смешанные браки могут оказать большее, чем почти любое

другое влияние на смягчение вражды и суровости сект, но следует добавить, что, прежде чем они станут возможными, уже должна быть достигнута значительная степень терпимости. В союзе, в котором каждый партнер верит и осознает, что другой обречен на вечные страдания, не может быть ни настоящего счастья, ни сочувствия, ни доверия; и домашнее соглашение о том, что часть детей должна воспитываться в одной религии, а часть - в другой, было бы невозможно, если бы каждый родитель считал, что это соглашение о том, что некоторые дети должны быть обречены на ад.

Семейные несчастья, возникающие из-за различий в вере, вероятно, были почти или совсем неизвестны в мире до введения христианства; ибо, хотя различия во мнениях, возможно, существовали и раньше, они не приводили к таким же важным последствиям. Это было особым бедствием периодов великих религиозных перемен, таких как обращение Римской империи или Реформация, или наших дней, когда гораздо более серьезные вопросы, чем те, которые волновали шестнадцатый век, привлекают внимание значительной части мыслителей и ученых, и когда глубокая и расширяющаяся пропасть между религиозными взглядами большинства высокообразованных мужчин и огромного большинства женщин, становится болезненно очевидной. В то время как множество научных открытий, критических и исторических исследований и образовательных реформ поставили мыслящих мужчин лицом к лицу с религиозными проблемами чрезвычайной важности, женщины были почти полностью исключены из-под их влияния. Их умы обычно по природе менее способны, чем у мужчин, к беспристрастности и неизвестности, и почти полное отсутствие в женском образовании тех занятий, которые в наибольшей степени дисциплинируют и укрепляют интеллект, увеличивает разницу, в то время как [стр. 355] в то же время обычно главной целью становилось внушить им страстную веру в традиционные мнения и уберечь их от любого контакта с противоположными взглядами. Но ограниченные знания и несовершенное сочувствие - не единственные плоды этого образования. Особенностью определенного вида теологического учения всегда было то, что оно переворачивает все нормальные принципы суждения и абсолютно уничтожает интеллектуальную неуверенность в себе. По другим предметам мы обнаруживаем, если не уважение к честному убеждению, то, по крайней мере, некоторое представление о том объеме знаний, который необходим, чтобы дать людям право выражать мнение по серьезным спорам. Полное незнание предмета спора ограничивает уверенность догматизма; и невежественный человек, который осознает, что, много читая и размышляя в сферах, о которых он сам ничего не знает, его образованный сосед изменил или отверг мнения, которым обучили этого невежественного человека, воздержится, по крайней мере, если он человек здравомыслящий или скромный, от сочувствия к невежественному состоянию своего более образованного друга. Но в богословских вопросах этого никогда не было так. Непокколебимая вера преподается как первейшая из обязанностей, а все сомнения обычно клеймятся как преступные или достойные порицания, и формируется состояние ума, которому мы не находим параллели в других областях. Многие мужчины и большинство женщин, хотя и совершенно не знакомы с самыми зачатками библейской критики, исторических исследований или научных открытий, хотя они никогда не читали ни одной страницы или не понимали ни одного положения из трудов тех, кого они осуждают, и не имеют абсолютно никакого рационального представления ни об аргументах, которыми защищается их вера, ни о тех, с помощью которых она подвергалась сомнению, тем не менее, будут выносить решения с предельной уверенностью по каждому полемическому вопросу; осуждать, ненавидеть, жалеть или молиться об обращении всех, кто не согласен с тем, чему их учили; считать, что это выходит за рамки закона. ни малейшей возможности

сомневаться в том, что мнения, которые они получили без исследования [стр. 356], должны быть истинными, и что мнения, к которым другие пришли путем исследования, должны быть ложными, и что главной целью их жизни является борьба с тем, что они называют ересью всеми доступными им способами, за исключением изучения оснований, на которых она основывается. Вполне вероятно, что подавляющее большинство голосов, поднимающих шум против каждой книги, которая считается еретической, - это голоса тех, кто счел бы преступлением даже открыть эту книгу или приступить к какому-либо реальному, тщательному и беспристрастному исследованию предмета, к которому она относится. Бесчисленные кафедры поддерживают этот ход мыслей и представляют с помощью пылкой риторики, хорошо приспособленной для возбуждения нервов и воображения женщин, плачевное положение всех, кто отклоняется от определенного типа мнений или эмоций; слепая пропаганда или тайное убожество проникают в бесчисленные дома, отравляя покой семей, охлаждая взаимное доверие мужа и жены, неизмеримо увеличивая трудности, с которыми приходится сталкиваться каждому ищущему истину, и распространяя повсюду интеллектуальную робость, неискренность и лицемерие.

Эти внутренние разногласия стали очень очевидными в период обращения Римской империи; и естественное желание сохранить в неприкосновенности ортодоксальность и рвение новообращенных и предотвратить постоянные разногласия побудило Отцов Церкви очень яростно осуждать все смешанные браки. Мы также можем проследить в этих обвинениях очертания весьма необычной доктрины, которая впоследствии была забыта, но была возрождена в прошлом столетии в Англии в любопытной и ученой работе невинного Додуэлла.⁷⁶⁷ Союз Христа и Его Церкви [стр. 357] был представлен как брак; и этот образ рассматривался не просто как метафора или сравнение, но как указание на таинственное единство, которое, хотя и не поддавалось какому-либо очень четкому определению, от этого не было менее реальным. Христиане были “членами Христа”, и для них вступать в брак с теми, кто не принадлежал к христианской пастве, было буквально, как говорили, разновидностью прелюбодеяния или блуда. Смешанные браки израильтян, избранного семени древнего мира, с язычниками были описаны в Ветхом Завете как акт нечистоты;⁷⁶⁸ и, по мнению, по крайней мере, некоторых Отцов Церкви, христианская община занимала по отношению к неверующим позицию, аналогичную той, которую евреи занимали по отношению к язычникам. Святой Киприан осудил преступление тех, “кто простиитуирует члены Христа в браке с язычницами”.⁷⁶⁹ Тертуллиан описал смешанные браки как блуд;⁷⁷⁰ а после торжества Церкви смешанные браки евреев и христиан были признаны тяжким преступлением и заклеены законом как прелюбодеяние.⁷⁷¹ Гражданский закон не запрещал православным вступать в браки с еретиками, но многие соборы в резких выражениях осудили такие браки как преступные.

Чрезвычайная святость, приписываемая девственности, абсолютное осуждение всех форм сексуальной связи, кроме брака, а также формирование и постепенное воплощение христианской концепции брака как постоянного союза [стр. 358] мужчины и женщины одних религиозных взглядов, освященного торжественными религиозными службами, несущего в себе глубокое религиозное значение и расторгаемого только смертью, были наиболее очевидными признаками христианского влияния в исследуемой нами сфере этики. Другим очень важным результатом новой религии стало возведение в гораздо большее достоинство, чем они обладали ранее, качеств, которыми особенно преуспевают женщины.

Мало найдется более любопытных предметов для исследования, чем отчетливые различия между полами и то, как эти различия повлияли на идеальные типы людей разных эпох, наций, философий и религий. Физически мужчины обладают неоспоримым превосходством в силе, а женщины - в красоте. В интеллектуальном плане определенную неполноценность женского пола вряд ли можно отрицать, если вспомнить, как почти исключительно передовые места в каждой области науки, литературы и искусства были заняты мужчинами, как бесконечно мало число женщин, проявивших в какой-либо форме гениальность высочайшего порядка, как много величайших мужчин достигли своего величия вопреки самым неблагоприятным обстоятельствам и как женщинам совершенно не удалось занять первое положение, даже в музыке или живописи, для развития которых их обстоятельства казались бы наиболее благоприятными. Найти женщину-Рафаэля или женщину-Генделя так же невозможно, как женщину-Шекспира или Ньютона. Женщины интеллектуально более бессистемны и непостоянны, чем мужчины; их больше интересуют частные случаи, чем общие принципы; они судят скорее на основе интуитивного восприятия, чем на основе обдуманных рассуждений или прошлого опыта. Однако они обычно превосходят мужчин в ловкости и быстроте мышления, а также в даре такта или способности быстро и верно улавливать тончайшие проявления чувств, и поэтому они часто достигали очень больших высот в разговоре, как писательницы писем, актрисы и романистки.

[стр. 359]

С моральной точки зрения общее превосходство женщин над мужчинами, я думаю, неоспоримо. Если мы воспользуемся несколько грубым и неадекватным критерием полицейской статистики, то обнаружим, что, хотя мужское и женское население почти одинаково по численности, преступлений, совершаемых мужчинами, обычно более чем в пять раз больше, чем преступлений, совершаемых женщинами; ⁷⁷² и хотя можно справедливо заметить, что мужчины, как сильный пол, и пол, на который ложится бремя содержания семьи, испытывают больше соблазнов, чем женщины, следует помнить, с другой стороны, что крайняя нищета, граничащая с голодной смертью, наиболее распространена среди женщин, чьи средства к существованию наиболее ограничены, и чьи доходы самые маленькие и ненадежные. Самопожертвование - наиболее заметный элемент добродетельного и религиозного характера, и оно, безусловно, гораздо менее распространено среди мужчин, чем среди женщин, вся жизнь которых обычно проходит в том, чтобы подчиняться воле и ориентироваться на удовольствия другого человека. Есть два великих аспекта добродетели: импульсивная, или та, что проистекает спонтанно из эмоций; и обдуманная, или та, что совершается, повинувшись чувству долга; и в обеих этих областях, я полагаю, женщины превосходят мужчин. Их чувствительность выше, они более целомудренны как в мыслях, так и в поступках, более нежны к заблуждающимся, более сострадательны к страдающим, более нежны ко всему, что их окружает. С другой стороны, те, кто проследил курс жены бедняков, и многих, кто, хоть и в стесненных обстоятельствах, [стр. 360] вряд ли можно назвать бедным, вероятно, признать, что ни в одной другой класс мы так часто находим всю жизнь провел в повседневной настойчивое самоотречение, в терпении бесчисленных судебных процессов, в непрестанных и осознанная жертва собственного наслаждения, чтобы благополучие и перспективы другие. Женщины, однако, хотя и менее склонны, чем мужчины, к неводержанности и жестокости, в целом более склонны к мелким формам тщеславия, ревности, злобности и честолюбию, а также уступают мужчинам в активной храбрости. В мужестве выносливости они обычно превосходят других; но их пассивное мужество - это не

столько сила духа, которая терпит и бросает вызов, сколько покорность, которая терпит и сгибается. В этике интеллекта они определенно ниже. Повторяя выражение, которое я уже употреблял, женщины очень редко любят правду, хотя они страстно любят то, что они называют “правдой”, или мнения, которые они получили от других, и яростно ненавидят тех, кто отличается от них. Они мало способны к беспристрастности или сомнению; их мышление - это в основном способ чувствовать; хотя они и очень великодушны в своих поступках, они редко бывают великодушны в своих мнениях или суждениях. Они скорее убеждают, чем убеждаются, и ценят веру скорее как источник утешения, чем как верное выражение реальности вещей. Они менее способны, чем мужчины, воспринимать определяющие обстоятельства, признавать существование элементов добра в системах, которым они противостоят, отличать личный характер оппонента от мнений, которых он придерживается. Мужчины больше всего склоняются к справедливости, а женщины - к милосердию. Мужчины отличаются энергией, уверенностью в себе, настойчивостью и великодушием; женщины - смирением, мягкостью, скромностью и выносливостью. Реализующее воображение, которое вызывает у нас жалость и любовь, более чувствительно у женщин, чем у мужчин, и особенно оно более способно останавливаться на невидимом. Их религиозное осознание, бесспорно, более яркое; и вполне вероятно, что, в то время как отец больше всего тронут смертью ребенка в его присутствии, мать[стр. 361] обычно больше всего переживает смерть ребенка в какой-нибудь далекой стране. Но, хотя симпатии женщин и более сильны, они обычно менее широки, чем симпатии мужчин. Их воображение более индивидуализировано; вследствие этого их привязанности сосредоточены скорее на лидерах, чем на причинах; и если они заботятся о великом деле, то, как правило, потому, что оно представлено великим человеком или связано с кем-то, кого они любят. В политике их энтузиазм более естественен для лояльности, чем для патриотизма. В истории они даже более склонны, чем мужчины, останавливаться исключительно на биографических происшествиях или характеристиках, отличных от хода общих дел. В доброжелательности они преуспевают в благотворительности, которая облегчает страдания отдельных людей, а не в филантропии, которая имеет дело с большими массами и чаще используется для предотвращения, чем для смягчения бедствия.

Это было замечание Винкельмана о том, что “высшая красота греческого искусства скорее мужская, чем женская”; и справедливость этого замечания была полностью подтверждена тем большим знанием, которого мы за последние годы достигли о произведениях фидианского периода, в которых искусство достигло своего наивысшего совершенства и в которых, в то же время, сила, свобода и мужское величие были его выдающимися характеристиками. Аналогичное наблюдение можно сделать и в отношении морального идеала, простым выражением которого было античное искусство. В древности добродетели, которыми больше всего восхищались, были почти исключительно мужскими. Мужество, самоутверждение, великодушные и, прежде всего, патриотизм были ведущими чертами идеального типа; а целомудрие, скромность и милосердие, более мягкие и домашние добродетели, которые особенно женственны, были сильно недооценены. За единственным исключением супружеской верности, ни одна из добродетелей, которые ценились очень высоко, не была добродетелями исключительно женскими. За этим исключением, почти все самые знаменитые женщины древности были знамениты главным образом потому, что они преодолевали естественные условия своего пола. [стр. 362] Характерно, что любимым женским идеалом художников, по-видимому, была Амазонка.⁷⁷³ Мы можем восхищаться матерью-спартанкой и матерью Гракхов, скрывающими все признаки горя, когда их дети были принесены в жертву на алтарь их страны,

мы можем удивляться величественному мужеству Порции и Аррии; но мы превозносим их главным образом потому, что, будучи женщинами, они освободились от слабости своего пола и проявили героическую стойкость, достойную сильнейших и непобедимых. храбрейший из людей. Мы можем в равной степени восхищаться благородной преданностью и милосердием святой Елизаветы Венгерской или миссис Фрай, но мы восхищаемся ими не потому, что они проявляли эти добродетели, хотя и были женщинами, ибо мы чувствуем, что их добродетели были того рода, к проявлению которых женская природа наиболее приспособлена. Переход от героического идеала к святому, от идеала язычества к идеалу христианства был переходом от типа, который был по существу мужским, к типу, который был по существу женским. Из всех великих философских школ ни одна другая так точно не отражала римскую концепцию морального совершенства, как стоицизм, и величайший римский представитель стоицизма суммировал ее характер в одной фразе, когда заявил, что она превосходит все другие секты и является наиболее подчеркнуто мужской.⁷⁷⁴ С другой стороны, идеальный тип, в котором кротость, мягкость, терпение, смирение, вера и любовь являются наиболее выдающимися чертами, по природе является не мужским, а женским. Причина, вероятно, более глубокая, чем обычно предполагаемые исторические, почему скульптура всегда была сугубо языческой, а живопись - сугубо христианской, может быть найдена в том факте, что скульптура особенно подходит для представления мужской красоты или красоты силы, а живопись - женской красоты или красоты мягкости; [стр. 363] и что языческое чувство было главным образом прославлением мужских качеств силы, мужества и сознательной добродетели, в то время как христианское чувство - это главным образом прославление женских качеств мягкости, смирения и любви. Художники, чье религиозное чувство христианского мира признало наиболее верными выразителями христианских чувств, всегда были теми, кто придавал большую долю женской красоты даже своим мужским персонажам; и мы никогда или почти никогда не находим, чтобы один и тот же художник добился заметного успеха в изображении как христианских, так и языческих типов. Микеланджело, чей гений любил распространяться о величии силы и непокорности, потерпел явную неудачу в своих представлениях о христианском идеале; и Перуджино также потерпел неудачу, когда попытался передать черты героев древности.⁷⁷⁵ Положение, которое постепенно отводилось Деве Марии как женскому идеалу в вере и набожности христианского мира, было освящением или выражением новой ценности, которая была придана женским добродетелям.

Общее превосходство женщин над мужчинами в силе их религиозных эмоций и их естественное влечение к религии, которая делала личную привязанность к своему Основателю своей главной обязанностью и которая придавала беспрецедентное достоинство и предоставляла беспрецедентный размах их характерным добродетелям, объясняют очень заметное место, которое женское влияние заняло в великой работе по обращению Римской империи. Ни в одном другом важном направлении мысли это не было столь мощным и признанным. В эпоху [стр. 364] преследований женские фигуры занимают многие из первых мест в рядах мучеников, и языческие, и христианские писатели в равной степени свидетельствуют о готовности, с которой женщины стекались в Церковь, и о влиянии, которое они оказывали в ее пользу на мужчин-членов своих семей. Матери святого Августина, святой Златоуст, святой Василий, святой Григорий Назианзен и Феодорит сыграли ведущую роль в обращении своих сыновей. Святая Елена, мать Константина, Флацилла, жена Феодосия Великого, святая Пульхерия, сестра Феодосия Младшего, и Плацидия, мать Валентиниана III, были одними из самых выдающихся защитников веры. В еретических сектах проявлялось такое

же рвение, и Ария, Присциллиану и Монтану поддерживали отряды ревностных приверженков. В аскетическом поприще женщины принимали участие немногим, если вообще уступали мужчинам, в то время как в организации великого дела благотворительности они были выдающимися. Ибо ни в какой другой области активного труда женщины не подходят так превосходно, как для этого; и хотя мы можем проследить с самого раннего периода, во многих вероучениях и эпохах, отдельные примеры их влияния на облегчение страданий страждущих,⁷⁷⁶ можно [стр. 365] справедливо сказать, что их инстинкт и гений милосердия никогда до зарождения христианства не получали полного простора для действия. Фабиола, Паула, Мелания и множество других благородных дам посвятили свое время и состояние главным образом основанию и расширению обширных благотворительных учреждений, некоторые из которых ранее были неизвестны в мире. Императрица Флацилла привыкла собственными руками ухаживать за больными в больницах,⁷⁷⁷ и готовность выполнять такие обязанности считалась первой обязанностью жены-христианки.⁷⁷⁸ Из века в век ощущался передаваемый таким образом импульс. Не было периода, каким бы испорченным он ни был, не было Церкви, какой бы суеверной она ни была, которую не украшали бы многие христианки, посвятившие всю свою жизнь облегчению страданий мужчин; и миссия милосердия, учрежденная таким образом, не была более эффективной в уменьшении масштабов человеческих страданий, чем в повышении морального достоинства тех, кем она осуществлялась.

Среди еретиков-коллиридиан женщины были допущены к священству. Среди православных, хотя им и не была оказана эта честь, они получили религиозное посвящение и выполняли некоторые второстепенные церковные функции под именем диаконисс.⁷⁷⁹ Этот орден восходит к апостольскому периоду.⁷⁸⁰ Она состояла из пожилых дев, которые были отделены формальным рукоположением и использовались в качестве катехизаторов и сопровождающих при крещении женщин, посещении больных, служении мученикам [стр. 366] в тюрьме, поддержании порядка в общинах, а также сопровождении и представлении женщин, которые желали побеседовать с епископом. Судя по свидетельствам некоторых соборов, злоупотребления постепенно проникали в этот институт, и диакониссы в конце концов превратились в простых монахинь, но они все еще существовали на Востоке в двенадцатом веке. Кроме того, к вдовам, которые только однажды состояли в браке, относились с особым почетом, и они становились особыми получателями благотворительности Церкви. Женщины преклонных лет, которые либо из-за своей одинокой жизни, либо из-за тяжелой утраты остались без какого-либо мужчины-защитника в мире, всегда особенно заслуживали сочувствия. Обладая меньшей силой, как правило, меньшими средствами и меньшим знанием мира, чем мужчины, они склонны к развитию определенных особенностей ума и манер, над которыми издавна насмехались, а возраст в большинстве случаев дает им очень мало, чтобы компенсировать очарование, которого он их лишил. Вес и достоинство зрелой мудрости, которые делают старость одного пола столь почтенной, реже встречаются у представителей другого пола, и даже физическая красота чаще является характеристикой старика, чем старой женщины. Церковь неустанно трудилась над тем, чтобы окружить этот период жизни женщины ореолом благоговения, и ее религиозные упражнения очень много сделали для того, чтобы утешить и занять ее.

В соответствии с этими идеями христианские законодатели внесли значительный вклад в улучшение правового положения вдов в отношении собственности,⁷⁸¹ а Юстиниан предоставил матерям опеку [стр. 367] над их детьми, разрушив языческое правило, согласно

которому опека могла законно осуществляться только мужчинами.⁷⁸² Обычное подчинение пола влиянию церкви, многочисленные случаи, когда богатые вдовы посвящали свое состояние, а матери - своих сыновей Церкви, несомненно, оказали определенное влияние на защиту интересов духовенства ; но эти меры имели очевидное значение для повышения положения женщин, которые оказали в христианских странах большое, хотя, я думаю, и не совсем благотворное влияние на раннее воспитание своих сыновей.

Независимо от всех правовых актов, простого изменения идеального типа путем выдвижения на первый план исключительно женских добродетелей было достаточно, чтобы возвысить и облагородить пол. Главенствующее положение средневековых настоятельниц, большое количество святых женщин и особенно почитание, оказываемое Пресвятой Деве, оказали аналогичное воздействие. Примечательно, что евреи, которые из трех великих народов древности, несомненно, произвели на свет в истории и поэзии наименьшее количество прославленных женщин, подарили миру высший женский идеал, и это также яркая иллюстрация качеств, которые оказываются наиболее привлекательными в женщине, что та, о ком мы не знаем ничего, кроме ее мягкости и ее печали, оказала на мир магнетическую силу, несравненно большую, чем самые величественные патриотки язычества. Что бы ни думали о его богословской обоснованности, не может быть никаких сомнений в том, что католическое почитание Пресвятой Девы во многом возвысило и очистило идеал женщины и смягчило нравы мужчин. Это оказало влияние, которым никогда не могло обладать поклонение языческим богиням, ибо они были почти лишены нравственной красоты, и особенно того вида нравственной красоты, который является особенно женственным.[стр. 368] Это в значительной степени внесло спасительный и облагораживающий элемент в ту странную смесь религиозных, распущенных и военных чувств, которая сформировалась вокруг женщин в эпоху рыцарства и которую никакая последующая смена привычек или верований не уничтожила полностью.

Я думаю, вряд ли можно подвергать сомнению тот факт, что во время великих религиозных потрясений шестнадцатого века женский тип следовал католицизму, в то время как протестантизм больше склонялся к мужскому типу. Только католицизм сохранил поклонение Деве Марии, которое одновременно отражало и поддерживало первое. Умение, с которым он воздействует на эмоции музыкой, живописью, торжественной архитектурой и внушительными зрелищами, его склонность апеллировать к воображению, а не к разуму, и поощрять способы выражения чувств, а не мышления, его утверждение абсолютной и непогрешимой уверенности, прежде всего, то, как он учит своего приверженца постоянно полагаться на авторитет, - все это вело в одном направлении. Это часть женщины - наклоняться, это часть мужчины - стоять. Религия, которая предписывает отвлеченному уму безрассудную веру в непогрешимую Церковь, а беспокойной совести безоговорочное доверие к священству, дающему отпущение грехов, всегда имела особую привлекательность для женского ума. Религия, которая не признает авторитета между человеком и его Создателем, которая одновременно утверждает достоинство и обязанность частного суждения и которая, неизмеримо углубляя чувство индивидуальной ответственности, лишает религию показных украшений и большинства эстетических вспомогательных средств, является в высшей степени религией людей. Пуританство - самая мужская форма, которую когда-либо принимало христианство. Его самые выдающиеся учителя отличались от католических святых как моральным типом, который они демонстрировали, так и системой доктрин, которых они придерживались. Католицизм обычно смягчает характер, в то время как протестантизм укрепляет его; но мягкость первого часто вырождается в слабость, а сила второго - в твердость. Искренне католические нации[стр. 369]

отличаются своим благоговением, своим привычным и живым восприятием религиозных вещей, теплотой своих эмоций, определенной дружелюбностью характера и определенной природной вежливостью и утонченностью манер, которые невыразимо подкупают. Искренне протестантские нации отличаются своей любовью к истине, своим твердым чувством долга, силой и достоинством своего характера. Верность и смирение, которые особенно присущи женщинам, процветают главным образом в первых; свобода и самоутверждение - во вторых. Первые наиболее склонны к суевериям, а вторые - к фанатизму. Протестантизм, очищая и облагораживая брак, принес большое благо женщинам; но следует признать, что ни по своему идеальному типу, ни по общему содержанию своих доктрин или обрядов он не соответствует их природе так, как религия, которую он заменил.

Полное подавление монастырской системы также, я думаю, было очень далеко от пользы женщинам или всему миру. Было бы невозможно представить себе какое-либо учреждение, более необходимое, чем то, которое предоставило бы убежище многим женщинам, которые из-за бедности, или домашнего несчастья, или по другим причинам оказываются брошенными в одиночку и беззащитными в жизненной битве, которое защитило бы их от соблазнов грубого порока и от крайностей страданий, и превратило бы их в проводников активной, организованной и разумной благотворительности. Такой институт был бы почти свободен от возражений, которые могут быть справедливо выдвинуты против монастырей, которые отстраняют сильных мужчин от физического труда, и это в значительной степени смягчило бы трудности с обеспечением работой и средствами к существованию одиноких женщин, что является одной из самых насущных, а в наши дни - одной из самых ужасающих социальных проблем. К величайшему несчастью для человечества, эта благородная концепция с самого начала была извращена. Учреждения, которые могли бы иметь неисчислимую филантропическую ценность, были основаны на принципе аскетизма, который ставит целью жертву, а не продвижение земного счастья, и [стр. 370] обязательные обеты приводили к большому несчастью и немалому пороку. Монастырь становился вечной тюрьмой для дочери, которую отец не был склонен одаривать, или для молодых девушек, которые под влиянием мимолетного энтузиазма или мимолетной печали делали шаг, который они никогда не могли повторить, а бесполезные епитимьи и презренные суеверия растрачивали энергию, которая могла бы быть использована с наибольшей пользой. И все же весьма сомнительно, чтобы даже в самый упадочный период монастыри не предотвращали больше страданий, чем причиняли, и в Сестрах Милосердия религиозные ордена католицизма породили один из самых совершенных из всех типов женственности. Насколько я понимаю, в современной истории нет факта, заслуживающего более глубокого сожаления, чем то, что реформаторам, которые в вопросах доктринальных новшеств часто были такими робкими, следовало стереть в порошок всю монастырскую систему католицизма, вместо того чтобы пытаться возродить ее.

Ход этих наблюдений привел меня к тому, что я переступил границы, отведенные этой истории. Однако моей целью на протяжении всей этой работы было показать не только природу, но и значение зафиксированных мною моральных фактов, показав, как они повлияли на последующие изменения в обществе. Я завершу эту главу и этот труд замечанием о том, что из всех разделов этики вопросы, касающиеся отношений полов и надлежащего положения женщин, являются теми, в отношении будущего которых существует наибольшая неопределенность. История говорит нам, что по мере развития цивилизации милосердие

мужчин становится одновременно теплее и шире, их обычное поведение - более мягким и сдержанным, а их любовь к истине - более искренней; но она также предупреждает нас, что в периоды великого интеллектуального просветления и большой социальной утонченности отношения полов часто были в высшей степени анархичными. Невозможно отрицать, что форма, которую принимают эти отношения в настоящее время, была в значительной степени затронута особым[стр. 371] религиозным учением, которое, хорошо это или плохо, быстро ослабевает в сфере государственного управления, а также, что некоторые недавние революции в экономическом мнении и промышленном предпринимательстве оказывают самое глубокое влияние на этот предмет. Вера в то, что быстрый рост населения всегда в высшей степени полезен, которая долгое время принималась как аксиома как государственными деятелями, так и моралистами и легла в основу значительной части законодательства первых и решений вторых, теперь заменена прямо противоположной доктриной, согласно которой высшим интересом общества является не стимулирование, а ограничение размножения, уменьшение числа браков и детей. Вследствие этой веры и множества надуманных потребностей, сопровождающих роскошную цивилизацию, очень большая и все возрастающая доля женщин вынуждена прокладывать себе путь в жизни без какого-либо мужчины-защитника, а трудности, с которыми им приходится сталкиваться из-за физической слабости, самым неестественным и самым страшным образом усугубляются законами и обычаями, которые, основываясь на старом предположении, что каждая женщина должна быть женой, обычно лишают их финансовых и образовательных преимуществ мужчин, полностью исключают их из очень многих занятий, которыми они могли бы зарабатывать на жизнь, затрудняют их выбор других бессердечным насмешки или стойкое неодобрение и, как следствие, обрекают многие тысячи людей на самую крайнюю и мучительную нищету, а возможно, еще большее число - на пути порока. В то же время важная революция, последствия которой пока можно описать лишь неполно, произошла в основных сферах женской промышленности, которые остались. Прогресс машиностроения разрушил ее домашний характер. Прялка выпала из рук. Игла быстро вытесняется, и работа, которая со времен Гомера до нынешнего столетия выполнялась в центре семьи, была перенесена на переполненную мануфактуру.[783](#)

[стр. 372]

Возможные последствия этих событий относятся к числу наиболее важных вопросов, которые могут занимать моралиста или филантропа, но они не входят в компетенцию историка. То, что занятия и образование женщин претерпят значительные изменения, что эти изменения повлекут за собой некоторые модификации типа характера и что преобладающие моральные представления об отношениях полов будут подвергнуты во многих кругах суровой и враждебной критике, можно с уверенностью предсказать. Несомненно, будет выдвинуто множество диких теорий. Возможно, будут осуществлены некоторые реальные этические изменения, но они, если я не ошибаюсь, могут происходить только в определенных и узких пределах. Тот, кто серьезно поразмыслит над нашим ясным восприятием разницы между чистотой и нечистотой, над законами, управляющими нашими привязанностями, и над интересами рождающихся детей, может легко убедить себя, что в этой, как и во всех других сферах, существуют определенные вечные моральные ориентиры, которые никогда нельзя убрать.

[стр. 373]

Сноски

1.

Есть замечательный отрывок Цельса о невозможности восстановления природы, некогда полностью испорченной, процитированный Оригеном в его ответе ему.

2.

Это хорошо показано Прессенсе в его Истории. *des Trois premiers Siècles*.

3.

Смотрите много информации по этому вопросу в книге Бингхэма "Древности христианской церкви" (Оксфорд, 1853), т. v. стр. 370-378. Любопытно, что те очень шумные современные богословы, которые заявляют, что возрождают нравы первобытной Церкви, и которые придают такое большое значение мельчайшим церемониальным обрядам, оставили без применения то, что, несомненно, было одним из самых универсальных и считалось одним из самых важных институтов раннего христианства. Бингхэм показывает, что совершение Евхаристии младенцам продолжалось во Франции до XII века.

4.

См. "Первобытное христианство Кейва", часть i, глава xi. Сначала Причастие обычно принималось каждый день; но этот обычай вскоре пришел в упадок в Восточной Церкви и, наконец, исчез на Западе.

5.

Plin. Ep. x. 97.

6.

Вся тема покаянной дисциплины подробно рассматривается в книге Маршалла "Покаянная дисциплина в первобытной церкви" (впервые опубликована в 1714 году и переиздана в библиотеке англо-католического богословия), а также в Bingham, том vii. Тертуллиан дает наглядное описание публичных покаяний, *De Pudicit.* v. 13.

7.

Eusebius, H. E. viii, 7.

8.

Святой Златоуст рассказывает это о святом Вавиле. See Tillemont, *Mém. pour servir à l'Hist. эккл.* том iii. стр. 403.

9.

В предисловии к очень древнему миланскому молитвеннику говорится о святой Агате, что, когда она лежала в тюремной камере, истерзанная орудиями пыток, святой Петр пришел к ней в образе христианского врача и предложил перевязать ее раны; но она отказалась, сказав, что ей

не нужен врач, кроме Христа. Святой Петр, во имя этого Небесного Врача, приказал ее ранам закрыться, и ее тело стало целым, как прежде. (Тиллемон, том iii. стр. 412.)

10.

Посмотрите ее выступления в "Руинарте".

11.

Святой Иероним, Ер. xxxix.

12.

"Definitio brevis et vera virtutis: ordo est amoris."—De Civ. Dei, xv. 22.

13.

Помимо очевидных моментов сходства в распространенной, хотя и не универсальной вере в то, что христиане должны воздерживаться от всякого оружия и от всех клятв, все учение первых христиан о долге простоты и порочности украшений в одежде (см. Особенно труды Тертуллиана, Климента Александрийского и Златоуста по этому вопросу) чрезвычайно похоже на учение квакеров. Сомнения Тертуллиана (Де Корона) по поводу того, что христиане носят лавровые венки на праздниках, потому что лавр был назван в честь Дафны, возлюбленной Аполлона, были во многом того же рода, что и те, которые заставляли квакеров отказываться говорить о вторнике или среде, чтобы они не узнали богов Туеско или Водена. С другой стороны, церковные аспекты и сакраментальные доктрины Церкви были крайней противоположностью квакеризму.

14.

Смотрите мастерское описание отношений англичан к ирландцам в правление королевы Елизаветы в "Истории Англии" Фруда, глава xxiv.; а также описание лордом Макколеем чувств Мастера Лестницы по отношению к горцам. (История Англии, глава XVIII.)

15.

См. "О взглядах Аристотеля", Лабурт, "Исторические исследования в среде фанатиков" (Париж, 1848), стр. 9.

16.

See Gravina, De Ortu et Progressu Juris Civilis, lib. i. 44.

17.

"Nunc uterum vitiat quæ vult formosa videci,
Raraque in hoc ævo est, quæ velit esse parens."

Овидий, De Nuce, 22-23.

Тот же писатель посвятил одну из своих элегий (ii. 14) упреку своей любовницы Коринны в том, что она была виновна в этом поступке. Это было не без опасности, и Овидий говорит:

"Sæpe suos utero quæ necit ipsa perit."

Говорят, что племянница Домициана умерла вследствие того, что по приказу императора практиковала это (Светон. Домит. xxii.). Плутарх отмечает этот обычай (De Sanitate tuenda), а Сенека восхваляет Гельвию (Ad Helv. xvi.) за то, что она была свободна от тщеславия и никогда

не уничтожала своих нерожденных отпрысков. Фаворин в замечательном отрывке (Авл Геллий, Noct. Att. xii. 1) говорит об этом акте как о “publica detestatione communique odio dignum” и продолжает утверждать, что лишь на одну ступень менее преступно для матерей отдавать своих детей кормить грудью. У Ювенала есть несколько хорошо известных и выразительных строк на эту тему: -

“Sed jacet aurato vix ulla puerpera lecto;
Tantum artes hujus, tantum medicamina possunt,
Quæ steriles facit, atque homines in ventre necandos
Conducit.”

Сб. vi. 592-595.

Есть также много упоминаний об этом у христианских авторов. Thus Minucius Felix (Octavius, xxx.): “Vos enim video procreatos filios nunc feris et avibus exponere, nunc adstrangulatos misero mortis genere elidere. Sunt quæ in ipsis visceribus, medicaminibus epotis, originem futuri hominis extinguant, et parricidium faciant antequam pariant.”

18.

See Labourt, Recherches sur les Enfants trouvés, p. 25.

19.

Среди законов варваров есть очень любопытный закон о ежедневной компенсации детям, которые были убиты в утробе матери, из-за ежедневных страданий этих детей в аду. “Propterea diuturnam judicaverunt antecessores nostri compositionem et iudices postquam religio Christianitatis inolevit in mundo. Quia diuturnam postquam incarnationem suscepit anima, quamvis ad nativitatis lucem minima pervenisset, patitur poenam, quia sine sacramento regenerationis abortivo modo tradita est ad inferos.”—Leges Bajuvariorum, tit. vii. cap. xx. in Canciani, Leges Barbar. vol. ii. p. 374. Первая больница для подкидышей, о которой у нас есть несомненные сведения, была основана в Милане человеком по имени Датеи в 789 году н.э., в г. Муратори сохранил (Антич. Итал. Дисс. xxxvii.) хартия, воплощающая мотивы основателя, в которой встречаются следующие предложения: “Как завсегдатай роскошного рода hominum decipitur, так и за исключением малочисленного рода homicidii, как предполагаемый преступник из-за прелюбодеяния, не продающийся публично, зародыш тенероса неизбежен, и абсурдное крещение лавакро парвулоса и Тартара миттунт”, как нулевое повторное местоблюстительство, как пожизненная ценность, ” ис. Генрих II, король Франции, в 1556 году издал длинный закон против женщин, которые “достигают совершеннолетия в качестве части и спасения души, скрываются от посторонних глаз, страдают от удушья и совершенного подавления, не желая избежать свершившегося участия в Святом таинстве Крещения”.—Labourt, “Исследования о детях труве”, стр. 47. Рассказывается история о королеве Португалии (сестре Генриха V. из Англии и мать святого Фердинанда), что во время родов ее жизнь была под угрозой, если только она не примет лекарство, которое ускорит роды, но, вероятно, пожертвует жизнью ребенка. Она ответила, что “она не купила бы свою брнную жизнь, пожертвовав вечным спасением своего сына”. — Болландисты, Act. Санктор., 5 июня.

20.

Tillemont, *Mémoires pour servir à l'Histoire ecclésiastique* (Paris, 1701), tome x. p. 41. St. Clem. Александ. говорит, что у младенцев в утробе матери и у незащищенных младенцев есть ангелы-хранители, которые присматривают за ними. (Стром. в.)

21.

Существует чрезвычайно большая литература, посвященная теме детоубийства, экспозиции, подкидышей и т. Д. The books I have chiefly followed are Terme et Monfalcon, *Histoire des Enfants trouvés* (Paris, 1840); Remacle, *Des Hospices d'Enfants trouvés* (1838); Labourt, *Recherches historiques sur les Enfants trouvés* (Paris, 1848); Kœnigswarter, *Essai sur la Législation des Peuples anciens et modernes relative aux Enfants nés hors Mariage* (Paris, 1842). Есть также много подробностей по этому вопросу в Комментариях Годфруа к законам о детях в Кодексе Феодосия, в книге Мальтуса "О населении", в трактате Эдуарда о состоянии рабства в ранние и средние века христианства и в большинстве церковных историй.

22.

Однако из этого не следует делать вывод, что число детоубийств растет прямо пропорционально нецеломудрию нации. Вероятно, состояние цивилизованного общества, в котором это наиболее распространено, таково, что большое количество фактической нецеломудренности сосуществует с очень сильным общественным осуждением грешника, и, как следствие, существует сильное стремление скрыть грехопадение. Недавно автор статьи об Испании обратил внимание на почти полное отсутствие детоубийств в этой стране и приписал это большой снисходительности общественного мнения к женской слабости. Приюты для подкидышей также оказали большое влияние на историю детоубийств; но смертность в них долгое время была настолько высока, что можно усомниться в том, что они уменьшили количество смертей, хотя они, как я полагаю, значительно уменьшили количество убийств детей. Лорд Кеймс, писавший во второй половине восемнадцатого века, говорит: "В Уэльсе, даже в настоящее время, и в Высокогорьях Шотландии, для молодой женщины вряд ли считается позором иметь незаконнорожденного ребенка. В последней упомянутой стране первый известный случай, когда внебрачный ребенок был уничтожен своей матерью из-за стыда, относится к поздним. Таким образом, добродетель целомудрия, по-видимому, набирает силу, поскольку единственное искушение, которое может возникнуть у женщины, чтобы уничтожить своего ребенка, — это скрыть свою слабость". -Очерки истории мужчины — О прогрессе женского пола. Последнее предложение явно неточно, но, похоже, есть основания полагать, что материнская привязанность, как правило, сильнее нужды, но слабее стыда.

23.

См. Божественную миссию Уорбертона, vii. 2.

24.

Элиан, *Вария История*. ii. 7. Отрывки из произведений греческих писателей, обладающих богатым воображением, представляющие изложение как общепризнанную и обычную практику бедных родителей, собраны Terme et Monfalcon, *Hist. des Enfants trouvés*, pp. 39-45. Тацит с похвалой замечает ("Германия", xix в.), что германцы не допускали детоубийства. Он также замечает (История, ст. 5) запрет на детоубийство среди евреев и приписывает это их желанию увеличить численность населения.

25.

Дион. Галик. ii.

26.

Согласно П. i. 15.

27.

The well-known jurisconsult Paulus had laid down the proposition, “Necare videtur non tantum is qui partum perfocat sed et is qui abjicit et qui alimonia denegat et qui publicis locis misericordiæ causa exponit quam ipse non habet.” (Dig. lib. xxv. tit. iii. 1. 4.) Эти слова дали начало знаменитому спору между двумя голландскими профессорами по имени Нудт и Бинкершук, который обе стороны вели с большой ученостью, а на стороне Нудта - с большой страстью. Нудт утверждал, что эти слова являются просто выражением моральной истины, а не судебным решением, и что изложение никогда не было незаконным в Риме до некоторого времени после утверждения христианства. Его оппонент утверждал, что выставление напоказ юридически идентично детоубийству и, следовательно, становится незаконным, когда у отца отнимается власть над жизнью и смертью. (См. Работы Нудта (Кельн, 1763) и Бинкерсхука (Кельн, 1761)). По крайней мере, было ясно, что разоблачение было печально известным и общепризнанным, а закон против него, если он существовал, не действовал. Гиббон (“Упадок и низвержение”, гл. xlv) считает, что закон порицал, но не наказывал за разоблачение. Смотрите также, Троплонг, Влияние христианства на права, стр. 271.

28.

Квинтилиан говорит тоном извинения, если не оправдания, об описании детей обездоленных родителей (Decl. cccvi.), и даже Плутарх говорит об этом без осуждения. (De Amor. Proles.) В латинской литературе есть несколько любопытных иллюстраций различных чувств отцов и матерей по этому поводу. Теренций (Heauton. Акт. iii. Сцена 5) представляет Хремса как человека, который, как само собой разумеющееся, обвинил свою беременную жену в убийстве ее ребенка при условии, что это будет девочка. Мать, охваченная жалостью, воздержалась от этого и тайно отдала его старойженщине, чтобы та выставила его на всеобщее обозрение, в надежде, что он сохранится. Хремес, услышав, что было сделано, упрекнул свою жену в ее женской жалости и сказал ей, что она была не только непослушной, но и неразумной, поскольку всего лишь обрекала свою дочь на жизнь проститутки. У Апулея (Metam. lib. x.) мы имеем похожую картину отца, отправляющегося в путешествие, оставляющего свою жену при родах и отдающего ей на прощание приказ убить ее ребенка, если это будет девочка, чего она не могла заставить себя сделать. Девочка воспитывалась тайно. В случае слабых или уродливых младенцев детоубийство, по-видимому, было обычным делом. “Portentosos foetus extinguimus, liberos quoque, si debiles monstrosique editi sunt, mergimus. Non ira, sed ratio est, разумный человек в безопасности”. —Сенека, “Де Ира”, i. 15. Теренций ввел картину разоблачения младенца в свою “Андрию”, Акт iv. Сцена 5. Смотри также, Свет. Август. lxx. Согласно Светонию (Calig. v.), после смерти Германика женщины обнажили своих новорожденных детей в знак скорби. Овидий с большим чувством останавливался на варварстве этих обычаев. Это очень любопытный факт, который был замечен Уорбертоном, что Хремс, с чувствами которого к младенцам мы только что ознакомились, является тем самым персонажем, в уста которого Теренс вложил знаменитое высказывание: “Homo sum, humani nihil a me alienum puto”.

29.

На то, что это были обычные судьбы незащищенных младенцев, обращают внимание несколько авторов. Некоторые тоже как языческие, так и христианские (Квинтилиан, декл. сссvi.; Лактанций, див. Inst. vi. 20 и далее), говорят об ответственности за кровосмесительные браки, возникающие в результате частого разоблачения. У греческих поэтов есть несколько намеков на богатых бездетных мужчин, усыновляющих подкидышей, и Ювенал говорит, что римские жены обычно подсовывали подкидышей своим мужьям для своих сыновей. (Сб. vi. 603.) У Сенеки-Ритора есть чрезвычайно ужасное высказывание (Controvers. lib. v. 33) о незащищенных детях, которые, как говорили, были искалечены либо для того, чтобы их не узнали родители, либо для того, чтобы они могли зарабатывать деньги, попрошайничая для своих хозяев.

30.

Смотрите отрывки по этому вопросу, процитированные Годфруа в его комментарии к закону “De Expositis”, Codex Theod. библия против тита. 7.

31.

Кодекс Теода. lib. xi. tit. 27.

32.

Кодекс Теода. lib. v. tit. 7, lex. 1.

33.

Там же. lib. v. tit. 8, lex 1.

34.

Смотрите Комментарий Годфруа к Закону.

35.

В письме Плинию младшему. (Ep. x. 72.)

36.

См. по этому поводу Муратори, Антич. Итал. Дисс. xxxvii.

37.

Смотрите об этих законах, Валлон, История. de l'Esclavage, том iii. стр. 52, 53.

38.

См. Cod. Theod. lib. iii. tit. 3, lex. 1 и Комментарий.

39.

Об очень настойчивом осуждении этой практики Отцами Церкви смотрите много примеров в "Терме и Монфальконе".

40.

Это всего лишь вопрос определения, на который юристы потратили много времени для изучения и обсуждения. Куджас считал, что римляне считали детоубийство преступлением, но преступлением, в целом отличным от убийства. Годфруа утверждает, что это было классифицировано как убийство, но, поскольку оно считалось менее отвратительным, чем

другие виды убийств, наказывалось только изгнанием. Смотрите Комментарий к Cod. Theod. библиотека ix. tit. 14, л. 1.

41.

Cod. Theod. lib. ix. tit. 15.

42.

Там же. lib. ix. tit. 14, lex 1.

43.

Корпорация. Юрис, библиотека. viii. tit. 52, лекс 2.

44.

Законы Мудрости (lib. vi. tit. 3, lex 7) и другие законы (lib. iv. tit. 4) осужденное изложение.

45.

“Si quis infantem necaverit ut homicida teneatur.”—Capit. vii. 168.

46.

Из отрывка святого Августина следует, что христианские девственницы имели обыкновение собирать обнаженных детей и приводить их в церковь. См. Терме и Монфалькон, История. des Enfants trouvés, p. 74.

47.

Сравните Labourt, Речь. sur les Enfants trouvés, pp. 32, 33; Muratori, Antichità Italiane, Dissert. xxxvii. Муратори также кратко рассказал об истории этих благотворительных организаций в своей книге "Карита христиана", глава xxvii.

48.

Первым, по-видимому, был госпиталь штата Калифорния. Марии в Сассии, которая существовала с различными изменениями с восьмого века, но была превращена в больницу для подкидышей и передана на попечение Ги де Монпелье в 1204 году нашей эры. Согласно одной традиции, папа Иннокентий III. был потрясен, услышав о младенцах, вытасненных рыбаками из сетей Тибра. Согласно другой версии, его вдохновил ангел. Сравните Ремакль, "Хосписы для поклонников труве", стр. 36-37, и Амидемус, "Пьеты Романа" (книга, написанная в 1624 г. н.э. и частично переведенная на английский в г.н.э. 1687 г.), англ. пер., стр. 2, 3.

49.

Чтобы узнать то небольшое, что известно об этом миссионере милосердия, сравните Ремакль, "Хосписы для детей", стр. 34-44; и Лабурт, "Исторические исследования для детей", стр. 38-41.

50.

Например, амфитеатр Вероны был построен только при Диоклетиане.

51.

“Quid hoc triumpho pulchrius?... Tantam captivorum multitudinem bestiis objicit ut ingrati et perfidi non minus doloris ex ludibrio sui quam ex ipsa morte patiantur.”—Incerti, Panegyricus Constant.
“Puberes qui in manus venerunt, quorum nec perfidia erat apta militiæ nec ferocia servituti ad pœnas spectaculo dati sævientes bestias multitudine sua fatigarunt.”—Eumenius, Paneg. Постоянный. xi.

52.

Код. Бог. lib. xv. тит. 12, лекс 1. Созомен, i. 8.

53.

Таково, по крайней мере, мнение Годфруа, который очень подробно обсудил этот вопрос. (Cod. Theod. lib. xv. tit. 12.)

54.

Libanius, De Vita Sua, 3.

55.

Cod. Theod. lib. xv. тит. 12, л. 2.

56.

Там же. библиотека. ix. тит. 40, л. 8.

57.

Там же. библиотека. ix. тит. 40, л. 11.

58.

Там же. библиотека xv. тит. 12, л. 3.

59.

Симмах. Пример. x. 61.

60.

М. Валлон с большим знанием дела проследил эти последние выставки. (История. де л'Эсклаваж, том iii. стр. 421-429.)

61.

Однако он колебался по этому поводу и однажды осудил их. См. Валлон, том iii. стр. 423.

62.

Теодорит, ст. 26.

63.

Мюллер, Де Генио Эви Теодосиани (1797), том ii. стр. 88; Мильман, История. о раннем христианстве, том iii. стр. 343-347.

64.

Смотрите об этих битвах "Цивилизацию Озанама в пятом веке" (англ. пер.), том i, стр. 130.

65.

Nieupoort, De Ritibus Romanorum, p. 169.

66.

Смотрите очень недвусмысленный отрывок, Inst. Div. vi. 20. Несколько более ранних свидетельств по этому вопросу приведены Барбейраком в "Моральном духе отцов" и во многих других книгах.

67.

Смотрите два закона, принятых в 380 году н.э. (Cod. Теод. ix. тит. 35, л. 4) и г.н.э. 389 (Cod. Теод. ix. тит. 35, л. 5). Феодосий Младший издал закон (ix. тит. 35, л. 7), исключающий исаврийских разбойников из привилегий этих законов.

68.

Конечно, существуют бесчисленные чудеса, карающие виновных, но я не знаю ни одного, помогающего гражданской власти в этом. В качестве примера чудес в защиту невинных я могу привести одно из них, совершенное святым Макарием. Невинный человек, обвиненный в убийстве, бежал к нему. Он привел обоих обвиняемых к могиле убитого человека и спросил его, был ли заключенный убийцей. Труп ответил отрицательно; прохожие умоляли святого Макария попросить его раскрыть настоящего преступника; но святой Макарий отказался это сделать. (Vitæ Patrum, lib. ii. cap. xxviii.)

69.

“Ut quam clementissime et ultra sanguinis effusionem puniretur.”

70.

Вопросе. Роман, xcvi.

71.

Тийемон, Память. ecclés. том vi. стр. 88-98. Однако говорят, что донатисты через некоторое время преодолели свои угрызения совести и пустили в ход мечи.

72.

При христианских королях варвары увеличили количество преступлений, караемых смертной казнью, но обычно это рассматривалось как улучшение. The Abbé Mably says: “Quoiqu'il nous reste peu d'ordonnances faites sous les premiers Mérovingiens, nous voyons qu'avant la fin du sixième siècle, les François avoient déjà adopté la doctrine salutaire des Romains au sujet de la prescription; et que renonçant à cette humanité cruelle qui les enhardissoit au mal, ils infligèrent peine de mort contre l'inceste, le vol et le meurtre qui jusques-là n'avoient été punis que par l'exil, ou dont on se rachetoit par une composition. Les François, en réformant quelques-unes de leurs lois civiles, portèrent la sévérité aussi loin que leurs pères avoient poussé l'indulgence.”—Mably, Observ. сюр-л'Хист. des François, liv. i. ch. iii. Смотрите также "Закат и низвержение" Гиббона, гл. xxxviii.

73.

Весь шестой том издания (фолио) кодекса Феодосия, подготовленного Годфруа, посвящен законам такого рода.

74.

Mme. de Staël, Réflexions sur le Suicide.

75.

Богословской доктриной по этому вопросу стало следующее: “Есть вера в человека и причина его смерти, которая мешает невинному человеку”. —Лиль, "О самоубийстве", стр. 400. У святого Августина много общего с этим направлением. Лукреция, по его словам, либо согласилась на поступок Секстия, либо нет. В первом случае она была прелюбодейкой, и поэтому ею не следует

восхищаться. Во втором случае она была убийцей, потому что, покончив с собой, она убила невинную и добродетельную женщину. (De Civ. Dei, i. 19.)

76.

Юстин Мученик, Тертуллиан и Киприан особенно ревностны в этом отношении; но их язык, я думаю, в их обстоятельствах чрезвычайно простителен. Compare Barbeyrac, *Morale des Pères*, ch. ii. § 8; ch. viii. §§ 34-39. Биатанатос Донна (изд. 1644), стр. 58-67. Cromaziano, *Istoria critica e filosofica del Suicidio ragionato* (Venezia, 1788), pp. 135-140.

77.

Ambrose, *De Virginibus*, iii. 7.

78.

Eusebius, *Eccles. История*. viii. 12.

79.

Eusebius, *Eccles. История*. viii. 14. Байл в своей статье о Софронии, по-видимому, сильно возмущен этим поступком, и, похоже, среди католиков считается неправильным восхищаться этой бедной леди так же сильно, как ее сестрой-самоубийцей. Tillemont remarks: "Comme on ne voit pas que l'église romaine l'ait jamais honorée, nous n'avons pas le mesme droit de justifier son action."—*Hist. ecclés.* том v. стр. 404, 405.

80.

Особенно Барбейрак в его "Моральном облике отцов". Ему ответили Сейе, Кромазиано и другие. Мэтью Вестминстерский рассказывает об Эббе, настоятельнице йоркширского монастыря, осажденного датчанами, что она и все другие монахини, чтобы сохранить свое целомудрие, уродовали себя, отрезая себе носы и верхнюю губу. (A.D.).....

81.

De Civ. Dei, i. 22-7.

82.

Это было предложено святым Августином. В случае с Пелагией Тийемон находит веский аргумент в поддержку этой точки зрения в поразительном, если не чудесном, факте, что, выбросившись с крыши дома, она действительно погибла при падении! "Estant montée tout au haut de sa maison, fortifiée par le mouvement que J.-C. formoit dans son cœur et par le courage qu'il luy inspiroit, elle se précipita de là du haut en bas, et échapa ainsi à tous les pièges de ses ennemis. Son corps en tombant à terre frapa, dit S. Chrysostome, les yeux du démon plus vivement qu'un éclair.... Ce qui marque encore que Dieu agissoit en tout ceci c'est qu'au lieu que ces chutes ne sont pas toujours mortelles, ou que souvent ne brisant que quelques membres, elles n'ostent la vie que longtemps après, ni l'un ni l'autre n'arriva en cette rencontre; mais Dieu retira aussitôt l'âme de la sainte, en sorte que sa mort parut autant l'effet de la volonté divine que de sa chute."—*Hist. ecclés.* том v. стр. 401-402.

83.

"Et virginitatis coronam et nuptiarum perdidit voluptatem."—Ep. xxii.

84.

“Quis enim siccis oculis recordetur viginti annorum adolescentulam tam ardenti fide crucis levasse vexillum ut magis amissam virginitatem quam mariti doleret interitum?”—Ер. xxxix.

85.

Описание этих покаяний см. в Ер. xxxviii.

86.

Ер. xxxix.

87.

Святой Иероним дал несколько разумных советов по этому поводу одному из своих почитателей. (Ер. cxhv.)

88.

Хазе, Святой Франсуа Ассизский, стр. 137-138. Говорят, что святой Палемон умер от своих аскез. (Вит. С. Пахомий.)

89.

Святой Августин и святой Оптат описали эти самоубийства в своих работах против донатистов.

90.

См. "Жизнь святого Патрика" Тодда, стр. 462.

91.

Вся история самоубийств в темные века была самым подробным и скрупулезным образом исследована месье Буркло в очень интересной серии мемуаров, помещенных в третьем и четвертом томах Библиотеки Академии наук. Я в большом долгу перед этими мемуарами, помещенными на следующих страницах. See, too, Lisle, Du Suicide, Statistique, Médecine, Histoire, et Législation. (Париж, 1856.) Описанные здесь жестокие законы заметно контрастируют с законом капитулярий (lib. vi. lex 70), который предусматривает, что, хотя месса не может быть отслужена в связи с самоубийством, любое частное лицо может посредством благотворительности вознести молитвы за его душу. “Quia incomprehensibilia sunt judicia Dei, et profunditatem consilii ejus nemo potest investigare.”

92.

Посмотрите очень интересную работу аббата Бурре "Школа Кретьена де Севиля о монархии вестготов" (Париж, 1855), стр. 196.

93.

Роджер Уэндоверский, 665 г.н.э.

94.

Esquirol, Maladies mentales, tome i. p. 591.

95.

История священнического безбрачия Леа (Филадельфия, 1867), стр. 248.

96.

“Per lo corso di molti secoli abbiamo questo solo suicidio donnesco, e buona cosa è non averne più d'uno; perchè io non credo che la impudicizia istessa sia peggiore di questa disperata castità.”—Cromaziano, Ist. del. Самоубийство, стр. 126. Мариана, которая под одеждой иезуита носила сердце древней римлянки, рассматривает этот случай совсем по-другому. “Ejus uxor Maria Coronelia cum mariti absentiam non ferret, ne pravis cupiditatibus cederet, vitam posuit, ardentem forte libidinem igne extinguens adacto per muliebria titione; dignam meliori seculo foeminam, insigne studium castitatis.”—De Rebus Hispan. xvi. 17.

97.

Буркло цитирует ряд отрывков.

98.

На это обращает внимание святой Григорий Назианзен в небольшом стихотворении, которое приведено в издании греческих отцов Минье, том xxxvii. стр. 1459. Святой Нил и биограф святого Пахомия говорят об этих самоубийствах, а святой Златоуст написал письмо-утешение молодому монаху по имени Стагий, которое сохранилось до наших дней, призывая его противостоять искушению. См. Неандер, Церковная история. том iii. стр. 319, 320.

99.

Bourquelot. Пинель замечает (“Медико-философские особенности ментального развития” (2-е изд.), стр. 44-46) многочисленные случаи безумия, все еще вызванные сильным религиозным чувством; и история движений, называемых “возрождениями” в нынешнем столетии, предоставляет много свидетельств тому же эффекту. Пинель говорит, что религиозное помешательство особенно склонно к самоубийству (стр. 265).

100.

Орозий замечает (Hist. v. 14), что из всех галлов, завоеванных Q. Марций, не было ни одного, кто не предпочел бы смерть рабству. Испанцы были известны своими самоубийствами, чтобы избежать старости, а также рабства. Говорят, что Один, который под разными именами был верховным божеством большинства северных племен, закончил свою земную жизнь самоубийством. Боадия, величайшая фигура ранней британской истории, и Кордейла, или Корделия, самая трогательная фигура раннего британского романа, обе были самоубийцами. (См. о первом, Тацит, Энн. xiv. 35-37, и о втором Джеффри Монмутский, ii. 15 - версия, от которой Шекспир значительно разошелся, но которой верно следует Спенсер. (Королева фей, книга II, песнь 10.))

101.

“В наш век, когда испанцы распространили действие закона, который был принят только против каннибалов, согласно которому те, кто не примет христианскую религию, должны подвергнуться рабству, индейцы в несметном количестве избежали этого, убив себя, и не прекращали этого делать до тех пор, пока испанцы с помощью некоторых подделок не заставили их думать, что они тоже покончат с собой и последуют за ними с той же суровостью в следующую жизнь”. — Биатанатос Донна, стр. 56 (изд. 1644). О свидетельствах первых путешественников на этот счет читайте в эссе “Забытые достоинства Англии” в “Кратких исследованиях мистера Фруда”.

102.

Лайл, стр. 427-434. Шпренгер заметил ту же тенденцию среди ведьм, которых он испытывал. См. Calmeil, De la Folie (Париж, 1845), том i. стр. 161, 303-305.

103.

О современных самоубийствах читатель может ознакомиться с "Анатомией самоубийства" Уинслоу; а также с работой М. Лайла, а также Эскироля "Душевные болезни" (Париж, 1838), том i. стр. 526-676.

104.

"Эпидемии средневековья" Геккера (Лондон, 1844), стр. 121. Хекер в своем очень любопытном эссе об этой мании сохранил куплет их песни:

"Allu mari mi portati
Se voleti che mi sanati,
Allu mari, alla via,
Così m'ama la donna mia,
Allu mari, allu mari,
Mentre campo, t'aggio amari."

105.

Кромазиано, Ист. заглавные буквы самоубийства. viii, ix.

106.

Кромазиано, стр. 92-93.

107.

Монтескье и многие континентальные писатели заметили это, и большинство английских писателей восемнадцатого века, похоже, признают это обвинение. Однако, по-видимому, не было никакой точной статистики, а общие утверждения весьма ненадежны. Предполагалось, что самоубийств было особенно много под удручающим влиянием английских зимних туманов. Статистические данные, сделанные в нынешнем столетии, неоспоримо доказывают, что их больше всего летом.

108.

Утопия, книга ii. глава vi.

109.

Довольно любопытный очерк его жизни приведен Кромазиано, стр. 148-151. В книге Дюма "Предание о самоубийстве" (Амстердам, 1723) есть длинная заметка о ранней литературе в защиту самоубийства, стр. 148-149. Дюма был протестантским священником, который выступал против самоубийств. Среди английских апологетов самоубийства (которое он совершил сам) были Блаунт, переводчик "Жизни Аполлония Тианского", и Крич, редактор "Лукреция". Относительно первого есть примечание в книге Байля "Искусство". "Аполлоний". Последнее замечено Вольтером в его "Письмах философа". Он написал в качестве примечания на полях своего "Лукреция": "Примечание: Когда я закончу свой комментарий, я должен покончить с собой", что он, соответственно, и сделал — по словам Вольтера, в подражание своему любимому автору. (Вольтер, Диктант. филос. искусство. "Катон".)

110.

Эссе, лив. ii. глава xiii.

111.

Lettres persanes, lxxvi.

112.

Nouvelle Héloïse, partie iii. let. 21-22. Эскироль приводит любопытную иллюстрацию того, как влияние Руссо проникло во все классы. Маленький тринадцатилетний ребенок покончил жизнь самоубийством, оставив запись, начинающуюся словами: “Я лечу с Руссо, мой корпус на земле”. — Душевные болезни, том i, стр. 588.

113.

Однако в целом Вольтер был категорически против философии отчаяния, но он, безусловно, одобрял некоторые формы самоубийства. Смотрите статьи “Катон” и “Самоубийство” в его сборнике. филос.

114.

Лиль, О самоубийстве, стр. 411, 412.

115.

“Le monde est vide depuis les Romains.”—St.-Just, Procés de Danton.

116.

На этот факт часто обращали внимание. Читатель может найти множество статистических данных по этому вопросу в книгах Лайла, Дю Суицида и Уинслоу “Анатомия самоубийства”.

117.

“По—видимому, есть веские основания полагать, что с прогрессом психического развития на протяжении веков, как и в случае с другими формами органического развития, происходит соответствующая дегенерация и что рост безумия является наказанием, которое неизбежно оплачивается ростом нашей нынешней цивилизации”. - Физиология разума Модсли, стр. 201.

118.

Код. Бог. Библиотека. ix. тит. 12.

119.

Некоторые комментаторы воображают (см. Муратори, Антич. Итал. Дисс. xiv.) что у язычников убийство собственного раба приравнивалось только к преступлению убийства раба другого человека, в то время как в христианском законе это определялось как человекоубийство, эквивалентное убийству свободного человека. Однако, признаюсь, этот момент не кажется мне совсем ясным.

120.

Смотрите Комментарий Годфруа к этим законам.

121.

Исход xxi. 21

122.

“Quas vilitates vitæ dignas legum observatione non credidit.”—Cod. Бог. библиотека. ix. тит. 7. См. об этом законе, Валлон, том iii. стр. 417, 418.

Дин Милман отмечает: “В древнеримском обществе Восточной империи это различие между браком свободного человека и сожителем рабыни давно было признано самим христианством. Эти союзы не были благословлены Церковью, как вскоре начали благословляться браки их начальников. Василий Македонянин (867-886 гг. н. э.) впервые постановил, что священническое благословение должно освящать брак рабыни; но авторитету императора противодействовали глубоко укоренившиеся веками предрассудки”. - История латинского христианства, том ii, стр. 15.

123.

Код. Бог. Библиотека. ii. тит. 25.

124.

Там же. библиотека. iv. тит. 7.

125.

Там же. библиотека. ix. тит. 9.

126.

Corpus Juris, vi. 1.

127.

Код. Theod. lib. vi. tit. 2.

128.

Смотрите обо всем этом законодательстве, Валлон, том iii.; Шампани, Шарите Кретьен, стр. 214-224.

129.

Следует также отметить, что справедливость рабства часто основывалась Отцами Церкви, как и современными защитниками рабства, на проклятии Хама. Смотрите ряд отрывков, замеченных Мелером, "Христианизм и Эсклаваж" (традиция. франц.), стр. 151-152.

130.

Однако наказание, по-видимому, было сокращено до двухлетнего отстранения от причастия. Muratori says: “In più consili si truova decretato, ‘excommunicatione vel pœnitentiæ biennii esse subjiendum qui servum proprium sine conscientia judicis occiderit.’ ”—Antich. Итал. Дисс. xiv.

Помимо работ, в которых в целом говорится о покаянной дисциплине, читатель может ознакомиться с письмом Фру Райт О политическом положении английского крестьянства и Мелером, стр. 186.

131.

О великом множестве освобожденных рабов, которые заняли церковные должности и одно время почти монополизировали их, сравните Мелер, "Христианизм и Эсклаваж", стр. 177-178.

Лев Великий пытался воспрепятствовать возведению рабов в сан священника, потому что это привело бы к деградации последних.

132.

Смотрите самую замечательную диссертацию на эту тему в Le Blant, "Надписи кретьена де ла Голя", том ii. стр. 284-299; "Упадок и грехопадение" Гиббона, гл. xxxviii.

133.

Champagny, Charité chrétienne, p. 210. Эти цифры, без сомнения, преувеличены; см. Wallon, Hist. de l'Esclavage, tome iii. p. 38.

134.

See Schmidt, La Société civile dans le Monde romain, pp. 246-248.

135.

Муратори посвятил две ценные диссертации (Антич. Итал. xiv. xv.) средневековому рабству.

136.

История Озанама. о цивилизации в пятом веке (англ. пер.), том ii. стр. 43. Святой Адельберт, архиепископ Праги в конце десятого века, был особенно известен своим противодействием работорговле. В Швеции отмена рабства в XIII веке была общепризнанно осуществлена в соответствии с христианскими принципами. (Мелер, "Христианизм и Эсклаваж", стр. 194-196; "История влияния религии на человечество" Райана, стр. 142, 143.)

137.

Сальвиан в известном отрывке (De Gubernatione Dei, lib. v.) замечает множество бедных, которые добровольно стали "колонистами" ради защиты и средств к существованию. Колоны, которые были привязаны к земле, были во многом такими же, как средневековые крепостные. Мы уже заметили их появление, по-видимому, когда римские императоры расселяли пленных варваров для обработки пустынных земель Италии; а до нашествия варваров их численность, по-видимому, значительно возросла. Гизо посвятил этому предмету две главы. (Хист. de la Civilisation en France, vii. viii.)

138.

Смотрите "Историю Греции" Финли, том i, стр. 241.

139.

Мелер, стр. 181.

140.

"Non v'era anticamente signor secolare, vescovo, abbate, capitolo di canonici e monistero che non avesse al suo servizio molti servi. Molto frequentemente sollevano i secolari manometterli. Non così le chiese, e i monisteri, non per altra cagione, a mio credere, se non perchè la manumissione è una spezie di alienazione, ed era dai canonì proibito l'alienare i beni delle chiese."—Muratori, Dissert. xv. Some Councils, however, recognised the right of bishops to emancipate Church slaves. Moehler, Le Christianisme et l'Esclavage, p. 187. Многие крестьяне отдали себя под власть монахов, как лучших хозяев, а также для того, чтобы получить пользу от их молитв.

141.

Муратори; Средние века Халлама, глава ii. часть ii.

142.

См. по этому вопросу, Райан, стр. 151-152; Сибрарио, "Экономическая политика Эво", lib. iii. глава ii., и особенно Ле Блан, "Надписи кретьена де ла Голя", том ii. стр. 284-299.

143.

Примерно 5/6 бушеля. См. Эссе Юма о численности населения древних наций.

144.

История этих распределений с замечательным знанием дела прослежена М. Ноде в его Мемуарах о защите общественности от Античности (Mém. de l'Académie des Inscript. "и Художественная литература", том XIII.), эссе, которому я многим обязан. Смотрите также, Монье, Hist. de l'Assistance publique; B. Dumas, Des Secours publics chez les Anciens; and Schmidt, Essai sur la Société civile dans le Monde romain et sur sa Transformation par le Christianisme.

145.

Ливий, ii. 9; Плиний, Hist. Nat. xxxi. 41.

146.

Дион Кассий, xxxviii. 1-7.

147.

Xiphilin, lxviii. 2; Плиний, Ep. vii. 31.

148.

Спартианец. Сентябрь. Северус.

149.

Сало. Август. 41; Дион Кассий, li, 1.

150.

"Afflictos civitatis relevavit; puellas puerosque natos parentibus egestosis sumptu publico per Italiæ oppida ali jussit."—Sext. Аврелий Виктор, Воплощение "Нерва". Эта мера Нерва, хотя и не упоминается ни одним другим автором, подтверждается свидетельствами о медалях. (Ноде, стр. 75.)

151.

Plin. Панегирик. xxvi. xxviii.

152.

Мы знаем об этой благотворительности из сохранившейся бронзовой таблички. See Schmidt, Essai historique sur la Société romaine, p. 428.

153.

Plin. Ep. i. 8; iv. 13.

154.

Шмидт, стр. 428.

155.

Спартиан, Адриан.

156.

Capitolinus, Antoninus.

157.

Капитолин, Антон., Марк. Орел.

158.

Лампридий, А. Север.

159.

См. Фридлендера, *Hist. des Mœurs romaines*, iii. p. 157.

160.

Сенека (*De Ira*, lib. i. cap. 16) говорится об учреждениях, называемых *valetudinaria*, которые, по мнению большинства авторов, были частными лазаретами в домах богатых людей. Мнение о том, что у римлян были государственные больницы, подтверждается в очень ученом и ценном, но малоизвестном труде под названием "Коллекции относительно систематической помощи бедным". (Лондон, 1815.)

161.

См. Тацит. *Аннал.* xii. 58; Плиний, v. 7; x. 79.

162.

Cornelius Nepos, *Epaminondas*, cap. iii.

163.

Плутарх, Кимон.

164.

Диог. Laërt. Предвзятость.

165.

Тактика. *Летопись.* iv. 63.

166.

См. Плиний, *Ер.* x. 94, и замечания Ноде, стр. 38, 39.

167.

Официальный документ. i. 14, 15.

168.

Лукиан описывает это в своей знаменитой картине Перегрин; а Юлиан гораздо позже обвинил христиан в том, что они привлекают людей в Церковь своей благотворительностью. Сократ (*Hist. Eccl.* vii. 17) рассказывает историю еврея, который, притворяясь обращенным в христианство, часто крестился в разных сектах и сколотил значительное состояние благодаря подаркам, которые он получал в таких случаях. Наконец, он был чудесным образом обнаружен

новацианским епископом Павлом. В Житиях Святых есть несколько примеров осуждения тех, кто обманывал доброжелательных христиан.

169.

See on this subject Chastel, *Études historiques sur la Charité* (Paris, 1853); Martin Doisy, *Hist. кулон "Милосердие четырех первых веков"* (Париж, 1848); Шампани, "Милосердие кретьен"; Толлемер, "Истоки католического милосердия" (Париж, 1863); Райан, "История влияния религии на человечество" (Дублин, 1820); и работы Бингхэма и Кейва. В этой части моего предмета я также в долгу перед историями декана Милмана, Церковной историей Неандера и частной жизнью первых христиан, а также перед Энциклопедией Миня.

170.

Смотрите знаменитое послание Юлиана к Арсакию, где он заявляет, что постыдно, что "галилеяне" должны поддерживать не только своих, но и языческую бедноту; а также комментарии Созомена, *Hist. еклл.*, ст. 16.

171.

Поведение христиан в первом из этих случаев описано Понтием, Вит. Киприани, ix. 19. Святой Киприан организовал их усилия. Об александрийских голодах и эпидемиях см. Евсевий, *Его Святейшество* vii. 22; ix. 8.

172.

Последствия этого завоевания были хорошо описаны Сисмонди, историком. *de la Chute de l'Empire Romain*, tome i. pp. 258-260. Впоследствии Теодорих предпринял некоторые усилия, чтобы восстановить распределение, но оно так и не восстановило своих прежних масштабов. Картины голода и обезлюдения Италии в то время ужасают. Некоторые устрашающие факты на эту тему собраны Гиббоном, "Закат", глава xxxvi.; Шатобрианом, видеодиск. вторая часть.

173.

Код. Код. ix. xl. 15-16. Первый из этих законов был издан Феодосием, A.D. 392; the second by Honorius, A.D. 398 году н. э.....

174.

Cibrario, *Economica politica del Medio Evo*, lib. ii. cap. iii. Самым замечательным из этих святых был святой Жюльен Оспиталье, который, по ошибке убив своих отца и мать, в качестве покаяния стал перевозчиком на большой реке и, отправившись в очень бурную и опасную ночь по голосу попавшего в беду путника, принял Христа в свою лодку. Его история написана на окне тринадцатого века в Руанском соборе. See Langlois, *Essai historique sur la Peinture sur verre*, pp. 32-37.

175.

Тот факт, что проказа воспринималась как образ греха, породил некоторые любопытные представления о ее сверхъестественном характере и множество легенд о святых, излечивающих проказу крещением. See Maury, *Légendes pieuses du Moyen-Age*, pp. 64-65.

176.

Смотрите информацию об этих больницах в Cibrario, *Econ. Политика Эво-Медицины*, библиотека iii. глава ii.

177.

Calmeil observes: “On a souvent constaté depuis un demi-siècle que la folie est sujette à prendre la teinte des croyances religieuses, des idées philosophiques ou superstitieuses, des préjugés sociaux qui ont cours, qui sont actuellement en vogue parmi les peuples ou les nations; que cette teinte varie dans un même pays suivant le caractère des événements relatifs à la politique extérieure, le caractère des événements civils, la nature des productions littéraires, des représentations théâtrales, suivant la tournure, la direction, le genre d'élan qu'y prennent l'industrie, les arts et les sciences.”—*De la Folie*, tome i. pp. 122-123.

178.

История латинского христианства Милмана, том vii. стр. 353, 354.

“Venit de Anglia virgo decora valde, pariterque facunda, dicens, Spiritum Sanctum incarnatum in redemptionem mulierum, et baptizavit mulieres in nomine Patris, Filii et sui. Quæ mortua ducta fuit in Mediolanum, ibi et cremata.”—*Annales Dominicanorum Colmariensium* (in the “*Rerum Germanic. Скрипторы*”).

179.

“Martin Gonçalez, du diocèse de Cuenca, disoit qu'il etoit frère de l'archange S. Michel, la première vérité et l'échelle du ciel; que c'étoit pour lui que Dieu réservoir la place que Lucifer avoit perdue; que tous les jours il s'élevoit au plus haut de l'Empirée et descendoit ensuite au plus profond des enfers; qu'a la fin du monde, qui étoit proche, il iroit au devant de l'Antichrist et qu'il le terrasseroit, ayant á sa main la croix de Jésus-Christ et sa couronne d'épines. L'archevêque de Tolède, n'ayant pu convertir ce fanatique obstiné, ni l'empêcher de dogmatiser, l'avoit enfin livré au bras séculier.”—*Touron, Hist. des Hommes illustres de l'ordre de St. Dominique*, Paris, 1745 (*Vie d'Eyméricus*), tome ii. p. 635.

180.

Calmeil, *De la Folie*, tome i. p. 134.

181.

Там же. том i. стр. 242-247.

182.

Кальмейл, том i, стр. 247.

183.

См. Эскироль, *Душевные болезни*.

184.

Гиббон, “*Упадок*”, глава xxxvii.

185.

Пилигримы Пурчаса, ii. 1452.

186.

Desmaisons' Asiles d'Aliénés en Espagne, p. 53.

187.

Лев Африканский, *Описание Африки*, книга III.

188.

Я взял эти факты из очень интересной небольшой работы "Десмезоны, Убежища аленийцев в Испании; Исторические и медицинские исследования" (Париж, 1859). Доктор Десмезон предполагает, что испанцы нашли свои убежища у мусульман; но, как мне кажется, ему совершенно не удастся доказать свою точку зрения. Однако его работа содержит некоторую любопытную информацию об истории приютов для умалишенных.

189.

Амидемус, Пьеты Романа (Оксфорд, 1687), стр. 21; Десмезоны, стр. 108.

190.

Pinel, *Traité médico-philosophique*, pp. 241, 242.

191.

Смотрите ужасное описание у Пинеля, стр. 200-202.

192.

Мальтус, которого иногда, хотя и крайне несправедливо, называют врагом всякой благотворительности, посвятил замечательную главу (О населении, книга iv, глава ix) "руководству нашей благотворительностью"; но наиболее полное исследование этого предмета, с которым я знаком, - это очень интересная работа Дюшателя "О благотворительности".

193.

Это очень кратко выразил великий протестантский писатель: "Я подаю милостыню не для того, чтобы утолить голод моего брата, но для того, чтобы исполнить волю и повеление моего Бога". — Сэр Т. Браун, "Религия Медичи", часть ii. § 2. Изречение, почти в точности похожее, если я правильно помню, приписывается святой Елизавете Венгерской.

194.

Посмотрите "Жития святых" Батлера.

195.

"История Ирландии" Кэмпбелла, книга ii. глава x.

196.

Он написал свои "Опасности последних времен" в интересах Парижского университета, профессором которого он был и который находился в состоянии войны с нищенствующими орденами. См. "Латинское христианство" Мильмана, том vi. стр. 348-356; Флери, *Еккл. История*. lxxxiv. 57.

197.

Генри де Найтон, О событиях в Англии.

198.

После Черной смерти в Англии было введено несколько суровых законов по этому вопросу. История рабочего класса Идена, том i, стр. 34. Во Франции тоже королевским указом от 1350 года было предписано клеймить каленым железом мужчин, которые были осуждены за трехкратное попрошайничество. Monteil, *Hist. des Français*, tome i. p. 434.

199.

Эдем, том i. стр. 83-87.

200.

Там же. стр. 101-103.

201.

Там же. стр. 127-130.

202.

Morighini, Institutions pieuses de Rome.

203.

Иден, История трудящихся классов, i. 83.

204.

Локк обсуждал резкий рост бедности, и был внесен законопроект, предлагающий некоторые средства правовой защиты, но не был принят. (Эдем, том i, стр. 243-248.)

205.

В очень резком письме, адресованном ирландскому католическому духовенству.

206.

Этот трактат, чрезвычайно ценный из-за того, что он проливает свет на социальное положение Англии того времени, был написан в противовес законопроекту, предусматривавшему, что бедняки в богадельнях должны заниматься производством шерсти, пеньки, железа и другими работами. Дефо говорит, что заработная плата в Англии была выше, чем где бы то ни было на Континенте, хотя количество нищенствующих было огромным. "Причина, по которой так много людей притворяются, что хотят работать, заключается в том, что они могут так хорошо жить, притворяясь, что хотят работать.... Я подтверждаю по собственному опыту, что, когда мне требовался человек для тяжелой работы и я предлагал девять шиллингов в неделю проходим у моей двери, они часто говорили мне в лицо, что могли бы просить больше".

207.

Реформа общественных институтов Модены (впервые опубликована анонимно в Модене). Она была перепечатана в библиотеке итальянских экономистов.

208.

Эссе о благотворительных школах.

209.

Приюты Магдалины подверглись очень яростным нападкам со стороны месье Шарля Конта в его "Чертах легислатуры". На тему больниц для подкидышей существует целая литература. Они подверглись яростной критике со стороны, я полагаю, лорда Броэма в "Эдинбург Ревью" в начале этого столетия. Авторы подобного толка, да и большинство политэкономов, сильно преувеличивают предусмотрительность мужчин и женщин, особенно в вопросах, касающихся страстей. Может возникнуть вопрос, находится ли хоть одна женщина из ста, вступающая на путь порока, в наименьшей степени под влиянием соображения о том, существуют ли благотворительные учреждения для поддержки престарелых кающихся грешников.

210.

Apol. ch. xlii.

211.

Об этих покаяниях см. Бингхэм, Антик. книга vii. Бингхэм, я думаю, справедливо делит историю аскетизма на три периода. Во время первого периода, который простирается от основания Церкви до а.д., были мужчины и женщины, которые с целью духовного совершенствования воздерживались от брака, отказывались от развлечений, приучали себя к суровым постам и жертвовали свое имущество на благотворительные дела; но делали это в центре общества, не ведя жизни ни отшельника, ни монаха. Во второй период, который продолжался со времен гонений Деция, отшельников было много, но обычай обычной, или хнобитской, жизни был неизвестен. Он был создан Пахомием во времена Константина.

212.

Об этом прямо говорит святой Иероним (Vit. Pauli).

213.

Посмотрите на этот счет некоторые любопытные свидетельства в "Жизнеописании Златоуста" Неандера. Святой Златоуст написал длинный труд, чтобы утешить отцов, чьи сыновья были таким образом совращены в пустыню.

214.

Об этой традиции см. Champagny, Les Antonins, том i, стр. 193.

215.

Ер. cxliii.

216.

Евсевий. Еккл. История. ii. 23.

217.

Гиббон, "Упадок", глава xxxvii; краткий, но виртуозный очерк развития движения.

218.

Palladius, Hist. Laus. xxxviii.

219.

Иероним, Предисловие к Правилу святого Пахомия, § 7.

220.

Кассиан, Де Коноб. Начало. iv. 1.

221.

Руфин, История. Монах. ч. В. Руфинус посетил его сам.

222.

Palladius, Hist. Laus. lxxvi.

223.

Руфин, Hist. Mon. vii.

224.

По этому поводу существует много сомнений и противоречий. Смотрите примечание в Eccl. История. (Издание Coame), том i, стр. 354.

225.

Большинство оставшихся отрывков на тему основания монашества приведены Томассеном в "Дисциплине Англии", часть i. livre iii. глава xii. Эта работа содержит также много общей информации о монашестве. Любопытную подборку статистических данных о численности монахов в разных местностях, дополняющую те, которые я привел и почерпнул из Житий Святых, можно найти в Питре (Vie de St. Léger, Introd. p. lix.); 2100, или, согласно другому сообщению, 3000 монахов, проживали в монастыре Баншор.

226.

Три основных - это Historia Monachorum Руфина, посетившего Египет в 373 годун.э., ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ СВЯТОГО АНТОНИЯ; INSTITUTIONES КАССИАНА, КОТОРЫЙ, ПОСЕТИВ ВОСТОЧНЫХ МОНАХОВ ОКОЛО 394 года н.э., ОСНОВАЛ В МАРСЕЛЕ ОБШИРНЫЕ МОНАСТЫРИ, НАСЧИТЫВАЮЩИЕ, КАК ГОВОРЯТ, 5000 МОНАХОВ, И УМЕР В ПРЕКЛОННОМ ВОЗРАСТЕ ОКОЛО 448 года н.э., и Historia Lausiaca (названная так по имени Лауса, губернатора Каппадокии). о Палладии, который сам был отшельником на горе Нитрия в 388 году нашей эры. Первое и последнее, а также многие второстепенные произведения того же периода представлены в бесценном собрании жизнеописаний отцов Розвейда, одном из самых увлекательных томов во всем спектре литературы.

Гостеприимство монахов не было лишено недостатков. В церкви на горе Нитрия на пальме были подвешены три плети — одна для наказания монахов, другая для наказания воров и третья для наказания гостей. (Palladius, Hist. Laus. vii.)

227.

Vita Pauli. Святой Иероним добавляет, что некоторые не поверят этому, потому что у них нет веры, но что все возможно для тех, кто верит.

228.

Житие святого Илариона.

229.

Смотрите длинный список этих покаяний в Tillemont, Mém. pour servir à l'Hist. ecclés. том viii.

230.

Vitæ Patrum (Pachomius). Он привык прислоняться к стене, когда его одолевала сонливость.

231.

Vitæ Patrum, ix. 3.

232.

Созомен, vi. 29.

233.

Например, святой Антоний, согласно его биографу святому Афанасию.

234.

“Il y eut dans le désert de Scété des solitaires d'une éminente perfection.... On prétend que pour l'ordinaire ils passoient des semaines entières sans manger, mais apparemment cela ne se faisoit que dans des occasions particulières.”—Tillemont, Mém. pour servir à l'Hist. еккл. том viii. стр. 580. Однако даже это было достойно восхищения!

235.

Palladius, Hist. Laus. cap. xx.

236.

“Primum cum accessisset ad eremum tribus continuis annis sub cujusdam saxi rupe stans, semper oravit, ita ut nunquam omnino resederit neque Jacuerit. Somni autem tantum caperet, quantum stans capere potuit; cibum vero nunquam sumpserat nisi die Dominica. Presbyter enim tunc veniebat ad eum et offerebat pro eo sacrificium idque ei solum sacramentum erat et victus.”—Руфин, История. Монах. глава xv.

237.

Таким образом, святой Антоний жил в гробнице, где был избит дьяволом. (Святой Афанасий, Житие Антония.)

238.

Воскоі. Смотрите об этих монахах Созомена, vi. 33; Евагрия, i. 21. Упоминается о некоем святом Марке Афинском, что, прожив тридцать лет нагим в пустыне, его тело было покрыто шерстью, как у дикого зверя. (Болландисты, 29 марта.) Святая Мария Египетская в течение части своего периода покаяния питалась травой. (Vitæ Patrum.)

239.

Жизнь Антония.

240.

“Il ne faisoit pas aussi difficulté dans sa vieillesse de se laver quelquefois les piez. Et comme on témoignoit s'en étonner et trouver que cela ne répondoit pas à la vie austère des anciens, il se justifioit par ces paroles: Nous avons appris à tuer, non pas notre corps mais nos passions.”—Tillemont, Mém. История. еккл. том xv. стр. 148. Этот святой был настолько добродетелен, что иногда оставался без еды целыми неделями.

241.

“Non appropinquavit oleum corpusculo ejus. Facies vel etiam pedes a die conversionis suæ nunquam diluti sunt.”—Vitæ Patrum, c. xvii.

242.

“In facie ejus puritas animi noscebatur.”—Ibid. c. xviii.

243.

Сократ, iv. 23.

244.

Heraclidis Paradisus (Rosweyde), c. xlii.

245.

“Nulla earum pedes suos abluebat; aliquantæ vero audientes de balneo loqui, irridentes, confusionem et magnam abominationem se audire judicabant, quæ neque audi tum suum hoc audire patiebantur.”—Vit. S. Euphrax. c. vi. (Rosweyde.)

246.

Смотрите ее выступления, "Болландисты", 2 апреля, и в "Витэ Патрум".

247.

“Patres nostri nunquam facies suas lavabant, nos autem lavacra publica balneaque frequentamus.”—Moschus, Pratum Spirituale, clxviii.

248.

Pratum Spirituale, lxxx.

Говорят, что ирландский святой по имени Кумгенус проявил свою набожность способом, прямо противоположным способу других святых, о которых я упоминал, — особым употреблением холодной воды, — но принцип в каждом случае был один и тот же — умерщвлять природу. Святой Кумгенус имел обыкновение каждую ночь в течение часа молиться в бассейне с холодной водой, в то время как дьявол посылал ужасного зверя плавать вокруг него. Однако ангел был послан к нему с тремя целями. “Tribus de causis à Domino missus est angelus ibi ad S. Coemgenum. Prima ut a diversis suis gravibus laboribus levius viveret paulisper; secunda ut horridam bestiam sancto infestam repelleret; tertia *ut frigiditatem aquæ calefaceret.*”—Bollandists, 3 июня. Редакторы говорят, что подлинность этих актов сомнительна.

249.

Посмотрите его Жизнь в изложении его ученика Антония в Жизнеописании Евагрия, i. 13, 14. Феодорит, Филофей, глава xxvi.

250.

Palladius, Hist. Laus. lxxvi.

251.

Руфин, История. Монах. xxxiii.

252.

У святого Арсения мы имеем яркую иллюстрацию этого. Говорят, что его ресницы отвалились от постоянного плача, и ему всегда приходилось, находясь на работе, прикладывать к груди салфетку, чтобы смыть слезы. Когда он почувствовал приближение смерти, его ужас перерос в агонию. Монахи, которые были рядом с ним, сказали: “Услуга за услугу, отец? numquid et tu times?” Ille respondit, ‘In veritate timeo et iste timor qui nunc mecum est, semper in me fuit, ex quo factus sum monachus.’ ”—Verba Seniorum, Prol. § 163. О святом Аврааме было сказано, что после его обращения не проходило и дня, чтобы он не проливал слез. (Vit. Патрум.) Святой Иоанн карлик однажды увидел, как монах безудержно смеялся за обедом, и пришел в такой ужас, что сразу же заплакал. (Tillemont, Mém. de l’Hist. ecclés. том x, стр. 430) Святого Василия (Regulæ, допрос. xvii.) дает замечательное объяснение порочности смеха и замечает, что это была единственная телесная привязанность, которой Христос, по-видимому, не знал. Мистер Бакл

собрал серию отрывков, дающих точно такой же эффект, из сочинений шотландских богословов. (Hist. о цивилизации, том ii. стр. 385-386.)

253.

“Monachus autem non doctoris habet sed plangentis officium.”—Contr. Бдительный. xv.

254.

As Tillemont puts it: “Il se trouva très-peu de saints en qui Dieu ait joint les talens extérieurs de l'éloquence et de la science avec la grâce de la prophétie et des miracles. Ce sont des dons que sa Providence a presque toujours séparés.”—Mém. Хист. ecclés. том iv. стр. 315.

255.

Святой Афанасий, вит. Антон.

256.

Ер. xxii. Он говорит, что его плечи были в синяках, когда он проснулся.

257.

Ер. lxx.; Adv. Rufinum, lib. i. ch. xxx. Там он говорит о своем видении как о простом сне, ни к чему не обязывающем. Он в другом месте (Ер. cxхv.) очень разумно говорит о преимуществе занятий отшельниками и говорит, что выучил иврит, чтобы держаться подальше от нечестивых мыслей.

258.

Созомен, vi. 28; Руфин, Hist. Монах. гл. vi. Сократ рассказывает довольно трогательную историю одного из этих неграмотных святых по имени Памбос. Не умея читать, он пришел к кому-то, чтобы тот научил его псалму. Выучив единственный стих: “Я сказал, что буду следить за своими путями, чтобы не оскорблять своим языком”, он ушел, сказав, что этого достаточно, если это будет усвоено практически. Когда спустя шесть месяцев и снова много лет его спросили, почему он не пришел выучить другой стих, он ответил, что никогда не был в состоянии по-настоящему овладеть этим. (Его Превосходительство iv. 23.)

259.

Тиллемон, х. стр. 61.

260.

Там же. viii. 490; Сократ, Его Превосходительство iv. 23.

261.

Я объединил в этом отрывке случаи из трех разных жизней. Святой Иероним в очень известном и очень красивом отрывке из своего письма к Евстохию (Ер. xxii.) описывает, как фигуры танцовщиц окружали его, когда он преклонял колени на песках пустыни. Святую Марию Египетскую (Vitæ Patrum, гл. xix.) особенно мучили воспоминания о песнях, которые она пела в молодости и которые постоянно преследовали ее разум. Святому Илариону (см. "Его жизнь" святого Иеронима) показалось, что он видит гладиаторское представление, когда он повторял псалмы. Способ, которым различные видения перетекали одно в другое, подобно растворяющимся представлениям, неоднократно описывается в биографиях.

262.

Руфин, Hist. Монах., гл. xi. Этим святым был святой Елен.

263.

Житие святого Пахомия (ум. Patrum), cap. ix.

264.

Руфин, История. Монах. глава i. Эту историю рассказал Руфину святой Иоанн отшельник. Тот же святой очень наглядно описал свои собственные видения. “Denique etiam me frequenter dæmones noctibus seduxerunt, et neque orare neque requiescere permiserunt, phantasias quasdam per noctem totam sensibus meis et cogitationes suggerentes. Мане веро велут, и квадам иллюзионе простернебант передо мной, Побалуй себя, аббас, сделай все возможное, чтобы покрыть всю ночь”. —Там же. Святой Бенедикт в пустыне, как говорят, был замучен воспоминаниями о красивой девушке, которую он однажды видел, и обрел самообладание, только катаясь в терниях. (St. Greg. Наберите. ii. 2.)

265.

Она также некоторое время жила в женском монастыре в Иерусалиме, который сама же и основала. Мелания (которая была одной из подруг святого Иеронима) была знатной и богатой дамой, которая пожертвовала свое имущество монахам. Смотрите ее путешествие в Розвейде, lib. ii.

266.

Посмотрите на его жизнь в Тиллемонте.

267.

Там же. х. стр. 14. Некий Дидим жил совершенно один до своей смерти, которая наступила, когда ему было девяносто. (Сократ, Н. Е. iv. 23.)

268.

Руфин, История. Монахорум, глава первая.

269.

Verba Seniorum, § 65.

270.

Пелагея была очень хорошенькой, и, по ее собственному признанию, “ее грехи были тяжелее песка”. Жители Антиохии, которые очень любили ее, называли ее Маргаритой, или жемчужиной. “Il arriva un jour que divers évêques, appelez par celui d'Antioche pour quelques affaires, estant ensemble à la porte de l'église de S.-Julien, Pélagie passa devant eux dans tout l'éclat des pompes du diable, n'ayant pas seulement une coiffe sur sa teste ni un mouchoir sur ses épaules, ce qu'on remarqua comme le comble de son impudence. Tous les évêques baissèrent les yeux en gémissant pour ne pas voir ce dangereux objet de péché, hors Nonne, très-saint évêque d'Héliople, qui la regarda avec une attention qui fit peine aux autres.” Однако этот епископ сразу же начал сильно плакать и успокоил своих братьев, а проповедь, которую он произнес, привела к обращению актрисы. (Тийемон, Воспоминания историка. ecclés. том xii. стр. 378-380. См. также о женщинах, “под видом религии одевающихся как мужчины”, Созомен, iii. 14.)

271.

Тиллемон, том х. стр. 376, 377. Помимо семейных привязанностей, есть несколько любопытных примеров беспокойства святых, стремящихся избежать отвлекающих факторов. Один монах

обычно закрываллицо, когда шел в свой сад, чтобы вид деревьев не тревожил его разум. (Глагол. Seniorum.) Святой Арсений не мог выносить шелеста тростника (ibid.); и святой по имени Бонифаций убил человека, который ходил с обезьяной и кимвалом, потому что он (по-видимому, совершенно непреднамеренно) потревожил его во время молитвы. (St. Greg. Наберите. i. 9.)

272.

“Quemadmodum se jam divitem non esse sciebat, ita etiam patrem se esse nesciret.”—Cassian, De Cœnobiorum Institutis, iv. 27.

273.

“Cumque taliter infans sub oculis ejus per dies singulos ageretur, pro amore nihilominus Christi et obedientiæ virtute, rigida semper atque immobilia patris viscera permanserunt ... parum cogitans de lacrymis ejus, sed de propria humilitate ac perfectione sollicitus.”—Ibid.

274.

Тамже.

275.

Болландисты, 6 июля; Verba Seniorum, xiv.

276.

Verba Seniorum, xiv.

277.

TARTUFFE (tirant un mouchoir de sa poche).

“Ah, mon Dieu, je vous prie,
Avant que de parler, prenez-moi ce mouchoir.

ДОРИН.

Прокомментируйте!

ТАРТЮФ.

Couvrez ce sein que je ne saurois voir;
Par de pareils objets des âmes sont blessées,
Et cela fait venir de coupables pensées.”

"Тартюф", Действие III. scène 2.

278.

Болландисты, 6 июля.

279.

Verba Seniorum, iv. Бедная женщина, пораженная и озадаченная поведением своего сына, сказала: “Quid sic operuisti manus tuas, fili? Ille autem dixit: Quia corpus mulieris ignis est, et ex eo ipso quo te contingebam veniebat mihi commemoratio aliarum feminarum in animo.”

280.

Tillemont, Mém. de l'Hist. ecclés. том x. стр. 444, 445.

281.

Vit. S. Pachomius, ch. xxxi.; Verba Seniorum.

282.

Вербa Сеньорий, XIV век.

283.

Palladius, Hist. Laus. cap. lxxxvii.

284.

"Болландисты", 6 июня. Я снова пользуюсь версией Тиллемонта. "Lorsque S. Pemen demouroit en Egypte avec ses frères, leur mère, qui avoit un extrême désir de les voir, venoit souvent au lieu où ils estoient, sans pouvoir jamais avoir cette satisfaction. Une fois enfin elle prit si bien son temps qu'elle les rencontra qui alloient à l'église, mais dès qu'ils la virent ils s'en retournèrent en haste dans leur cellule et fermèrent la porte sur eux. Elle les suivit, et trouvant la porte, elle les appeloit avec des larmes et des cris capables de les toucher de compassion.... Pemen s'y leva et s'y en alla, et l'entendant pleurer il luy dit, tenant toujours la porte fermée, 'Pourquoi vous laissez-vous inutilement à pleurer et crier? N'êtes-vous pas déjà assez abattue par la vieillesse?' Elle reconnut la voix de Pemen, et s'efforçant encore davantage, elle s'écria, 'Hé, mes enfans, c'est que je voudrais bien vous voir: et quel mal y a-t-il que je vous voie? Ne suis-je pas votre mère, et ne vous ai-je pas nourri du lait de mes mammelles? Je suis déjà toute pleine de rides, et lorsque je vous ay entendu, l'extrême envie que j'ay de vous voir m'a tellement émue que je suis presque tombée en défaillance.' "—Mémoires de l'Hist. экклес. том xv. стр. 157, 158.

285.

Оригинал гораздо красноречивее моего перевода. "Fili, quare hoc fecisti? Pro utero quo te portavi, satiasti me luctu, pro lactatione qua te lactavi dedisti mihi lacrymas, pro osculo quo te osculata sum, dedisti mihi amaras cordis angustias; pro dolore et labore quem passa sum, imposuisti mihi sævissimas plagas."—Vita Simeonis (in Rosweyde).

286.

Бингхэм, "Древности", книга vii. глава iii.

287.

Там же.

288.

Бингхэм, "Древности", книга vii. глава 3.

289.

"Раннее христианство" Милмана (изд. 1867), том iii. стр. 122.

290.

Там же. том iii. стр. 153.

291.

Там же. том iii. стр. 120.

292.

De Virginibus, i. 11.

293.

См. "Раннее христианство" Милмана, том iii, стр. 121.

294.

De Virginibus, i. 11.

295.

Epist. xxiv.

296.

Святой Иероним описывает сцену ее отъезда с восхищающим красноречием. "Descendit ad portum fratre, cognatis, affinibus et quod majus est liberis prosequentibus, et elementissimam matrem pietate vincere cupientibus. Jam carbasa tendebantur, et remorum ductu navis in altum protrahebatur. Parvus Toxotius supplices manus tendebat in littore, Ruffina jam nubilis ut suas expectaret nuptias tacens fletibus obsecrabat. Et tamen illa siccos tendebat ad cælum oculos, pietatem in filios pietate in Deum superans. Nesciebat se matrem ut Christi probaret ancillam."—Ep. cviii. В другом месте он говорит о ней: "Testis est Jesus, ne unum quidem nummum ab ea filiæ derelictum sed, ut ante jam dixi, заброшенный магнум — это чужой". - Там же. И снова: "Vis, lector, ejus breviter scire virtutes? Omnes suos pauperes, pauperior ipsa dimisit."—Ibid.

297.

See Chastel, Etudes historiques sur la Charité, p. 231. Родители святого Григория Назианзена обратились с этой просьбой, которая была неукоснительно соблюдена.

298.

Частель, стр. 232.

299.

Посмотрите характерный отрывок из Жития святого Фульгенция, процитированный настоятелем Милманом. "Facile potest juvenis tolerare quemcunque imposuerit laborem qui poterit maternum jam despicere dolorem."—Hist. of Latin Christianity, vol. ii. p. 82.

300.

Ep. xiv. (Ad Heliodorum).

301.

Святой Грег. Циферблат. ii. 24.

302.

"Болландисты", 3 мая (том vii. стр. 561).

303.

"Hospitibus omni loco ac tempore liberalissimus fuit.... Solis consanguineis durus erat et inhumanus, tamquam ignotos illos respiciens."Болландисты, 29 мая.

304.

See Helyot, Dict. des Ordres religieux, art. “Камальдулес”.

305.

Посмотрите очаровательный набросок из "Жития святого Франциска" Хасе.

306.

Часто цитируется легенда о святой Схоластике, сестре святого Бенедикта. Он навестил ее и собирался уходить вечером, когда она умоляла его остаться. Он отказался, и тогда она помолилась Богу, который послал такую сильную бурю, что святая не смогла отойти. (св. Грег. Диал. ii. 33.) Кассиан говорит о монахе, который считал своим долгом никогда не видеть свою мать, но который целый год трудился, чтобы выплатить долг, который она понесла. (СœNob. Inst. v. 38.) Святой Иероним упоминает о сильной естественной привязанности Паулы, хотя она считала добродетелью умерщвлять ее. (Ep. cviii.)

307.

Жизнь Антония. Смотрите также высказывания святого Пахомия, глава xxvii.

308.

“Nec ulla res aliena magis quam publica.”—Tertullian, Apol. ch. xxxviii.

309.

“Quid interest sub cuius imperio vivat homo moriturus, si illi qui imperant, ad impia et iniqua non cogant.”—St. Aug. De Civ. Dei, v. 17.

310.

St. Jerome declares that “Monachum in patria sua perfectum esse non posse, perfectum autem esse nolle delinquere est.”—Ep. xiv. Декан Милман хорошо говорит о более позднем периоде: “Согласно монашескому взгляду на христианство, полный отказ от мира со всеми его узами и обязанностями, а также от его сокровищ, удовольствий и объектов честолубия скорее увеличил, чем уменьшил надежды на спасение. Почему они должны бороться за гибнущий мир, от которого лучше было бы держаться подальше?... Действительно, странно, что, хотя мы видели, как восточные монахи превращались в свирепых недисциплинированных солдат, рискующих собственной жизнью и без угрызений совести проливающих кровь других, отстаивая какой-то призрачный оттенок ортодоксального выражения, мы почти нигде не находим, чтобы они отстаивали свои свободы или свою религию с бесстрашным сопротивлением. Ненависть к ереси была более волнующим мотивом, чем страх или опасность исламизма. После первых поражений христианский разум был еще больше подавлен общепринятым представлением о том, что вторжение было справедливым и посланным небом посещением... сопротивление — тщетная, почти нечестивая борьба за предотвращение неизбежного наказания”. - "Латинское христианство" Милмана, том ii. стр. 206. Compare Massillon's famous Discours au Régiment de Catinat:—“Ce qu'il y a ici de plus déplorable, c'est que dans une vie rude et pénible, dans des emplois dont les devoirs passent quelquefois la rigueur des cloîtres les plus austères, vous souffrez toujours en vain pour l'autre vie.... Dix ans de services ont plus usé votre corps qu'une vie entière de pénitence ... un seul jour de ces souffrances, consacré au Seigneur, vous aurait peut-être valu un bonheur éternel.”

311.

Посмотрите очень яркий отрывок из книги Сальвиана "Де Губерн". Div. lib. vi.

312.

Chateaubriand very truly says, "qu'Orose et saint Augustin étoient plus occupés du schisme de Pélagie que de la désolation de l'Afrique et des Gaules."—Études histor. vime discours, 2de partie. Это замечание, конечно, можно было бы распространить гораздо дальше.

313.

Зосим, История, ст. 41. Это было в первый раз, когда Риму угрожал Аларих.

314.

См. книгу Меривейла "Обращение северных народов", стр. 207-210.

315.

См. Сисмонди, Hist. de la Chute de l'Empire romain, tome i. p. 230.

316.

Eunapius. Нет другого источника для истории о предательстве, в который Гиббон не верил бы.

317.

Сисмонди, История. о желобе Римской империи, том ii. стр. 52-54; Милман, История латинского христианства, том ii. стр. 213. Монофизиты были сильно огорчены, потому что после завоевания мусульмане терпимо относились к ортодоксальным верующим так же, как и к самим себе, и были неспособны оценить различие между ними. В Галлии православное духовенство одобряло вторжения франков, которые единственные из варваров-завоевателей Галлии были католиками, и святой Апрункул был вынужден бежать, бургунды хотели убить его из-за подозрений в попустительстве захватчикам. (Greg. Tur. ii. 23.)

318.

Декан Милман говорит о Церкви: "Если она была вероломна по отношению к интересам Римской империи, то она была верна интересам человечества". о христианстве, т. iii. стр. 48. Итак, Гиббон: "Если упадок Римской империи был ускорен обращением Константина, победоносная религия смягчила жестокость падения и свирепый нрав завоевателей". — Гл. xxxviii.

319.

Обратите внимание, с каким тонким восприятием святой Августин отмечает по сути нехристианский характер моральных устоев, которым было обязано величие Рима. He quotes the sentence of Sallust: "Civitas, incredibile memoratu est, adeptâ libertate quantum brevi creverit, tanta cupido gloriæ incesserat;" and adds: "Ista ergo laudis aviditas et cupido gloriæ multa illa miranda fecit, laudabilia scilicet atque gloriosa secundum hominum existimationem ... causa honoris, laudis et gloriæ consuluerunt patriæ, in qua ipsam gloriam requirebant, salutemque ejus saluti suæ præponere non dubitaverunt, pro isto uno vitio, id est, amore laudis, pecuniæ cupiditatem et multa alia vitia comprimantes.... Quid aliud amarent quam gloriam, qua volebant etiam post mortem tanquam vivere in ore laudantium?"—De Civ. Dei, v. 12-13.

320.

“Præter majorum cineres atque ossa, volucris
Carpento rapitur pinguis Damasippus et ipse,
Ipse rotam stringit multo sufflamine consul;
Nocte quidem; sed luna videt, sed sidera testes
Intendunt oculos. Finitum tempus honoris
Quum fuerit, clara Damasippus luce flagellum Sumet.”—Juvenal, Sat. viii. 146.

321.

Nat. Quæst. iv. 13. Ep. 78.

322.

“Pessimum vitæ scelus fecit, qui id [aurum] primus induit digitis ... quisquis primus instituit
cunctanter id fecit, lævisque manibus, latentibusque induit.”—Plin. История. Nat. xxxiii. 4.

323.

Посмотрите любопытный отрывок из его Апологии. Следует сказать, что у нас есть только его
собственный отчет о выдвинутых против него обвинениях.

324.

История накладных волос была с большим знанием дела написана М. Герле в его Книге о
Перрукюках.

325.

Наиболее полное представление об этой эпохе дано в очень ученом небольшом труде Питера
Эразмуса Мюллера (1797) "Де Генио Эви Теодосиани". Монфокон также посвятил два эссе
моральному состоянию восточного мира, одно из которых приведено в "Замечаниях Джортини о
церковной истории".

326.

Смотрите об этих злоупотреблениях Mosheim, Eccl. Hist. (Ред. Соаме), том i, стр. 463;
Первобытное христианство Кейва, часть i. глава xi.

327.

Первобытное христианство Кейва, часть i. глава vii.

328.

Ep. lxi.

329.

Евагрий с большим восхищением описывает, как некоторые монахи Палестины, ведя “жизнь
совершенно превосходную и божественную”, настолько преодолели свои страсти, что
привыкли мыться с женщинами; ибо “ни вид, ни прикосновение, ни объятия женщины не могли
вернуть их в их естественное состояние. Среди мужчин они хотели быть мужчинами, а среди
женщин - женщинами”. (Его Превосходительство. 21.)

330.

На эти "второстепенные продукты", как их называли, постоянно обращали внимание Киприан,
Иероним и Златоуст. Смотрите Мюллера, Де Генио Эви Феодосиани, а также Кодекс Теод. xvi.

тит. ii. лекс 44 с комментариями. Доктор Тодд в своей "Ученой жизни святого Патрика" (стр. 91) цитирует (я не рискну этого делать) из "Житий ирландских святых" чрезвычайно любопытную легенду о своего рода состязании в святости между святым Скутинусом и святым Бренданом, в котором было ясно доказано, что первый справился со своими страстями более полно, чем второй. Говорят, что энтузиаст по имени Робер д'Арбриссель возродил этот обычай в двенадцатом веке. (Замечания Джортина, 1106 г.н.э.),

331.

Святой Иероним дает (Ep. lii.) чрезвычайно любопытную картину этих клерикальных льстецов и несколько примеров ласкательных выражений, которые они привыкли употреблять. Тон лести, который сам святой Иероним, хотя, несомненно, из самых чистых побуждений, использует в своей обширной переписке со своими поклонниками, для современного мирянина особенно отвратителен, а иногда граничит с богохульством. В своем письме Евстохию, чья дочь, став монахиней, стала "невестой Христа", он называет мать "Socrus Dei", тещей Бога. Посмотрите также на экстравагантную лесть Златоуста в его переписке с Олимпиадой.

332.

"Pudet dicere sacerdotes idolorum, mimi et aurigæ et scorta hæreditates capiunt; solis clericis et monachis hoc lege prohibetur, et prohibetur non a persecutoribus, sed a principibus Christianis. Nec de lege conqueror sed doleo cur meruerimus hanc legem." Ep. lii.

333.

Смотрите Историю Мильмана. о раннем христианстве, том ii. стр. 314.

334.

Это было одной из причин споров между святым Григорием Великим и императором Евстафием. Святой Златоуст часто замечает противостояние военного духа и монашеского.

335.

Иеронима. Ep. cxviii.

336.

Святой Грег. Nyss. Ad eund. Иерос. Некоторые католические авторы пытались поставить под сомнение подлинность этого послания, но, по мнению декана Милмана, без достаточных оснований. Его рассказ об Иерусалиме в некоторой степени подтверждается святым Иеронимом. (Ad Paulinum, Ep. xxix.)

337.

"Præterea non taceo charitati vestræ, quia omnibus servis Dei qui hic vel in Scriptura vel in timore Dei probatissimi esse videntur, displicet quod bonum et honestas et pudicitia vestræ ecclesiæ illuditur; et aliquod levamentum turpitudinis esset, si prohiberet synodus et principes vestri mulieribus et velatis feminis illud iter et frequentiam, quam ad Romanam civitatem veniendo et redeundo faciunt, quia magna ex parte pereunt, paucis remeantibus integris. Perpaucae enim sunt civitates in Longobardia vel in Francia aut in Gallia in qua non sit adultera vel meretrix generis Anglorum, quod scandalum est et turpitude totius ecclesiæ vestræ."—(A.D. 745) Ep. lxiii.

338.

См. "Латинское христианство" Милмана, том ii, стр. 8.

339.

Тиллемон, История. еклл. том xi. стр. 547.

340.

Это предписывалось правилом святого Пафнутия. См. Тиллемон, том x, стр. 45.

341.

“Omnimodis monachum fugere debere mulieres et episcopos.”—Cassian, De Cœnob. Инст. xi. 17.

342.

Время от времени мы также обнаруживаем, хотя, я думаю, очень редко, интеллектуальные вспышки некоторого блеска. Два из них кажутся мне особенно примечательными. Святой Арсений отказался разлучать молодых преступников с причастием, хотя он не сомневался в отношении стариков; ибо он заметил, что молодые люди быстро привыкают и становятся безразличными к состоянию отлучения, в то время как старики постоянно и остро ощущают разлуку. (Сократ, iv. 23.) Святой Аполлоний объяснял египетское идолопоклонство с самым разумным рационализмом. Быку, по его мнению, в первую очередь поклонялись за его домашнее использование; Нилу - потому что он был главной причиной плодородия почвы и т. Д. (Руфин, История, Глава vii.)

343.

Palladius, Hist. Laus. cap. xix.

344.

Руфин, История. Монах. глава xxix.

345.

Тиллемон, История. еклл. том viii. стр. 583, 584.

346.

Там же, стр. 589.

347.

Феодорит, Филот. глава iii.

348.

Verba Seniorum.

349.

Феодорит, Филот. глава ii.

350.

Тийлемон, том viii. стр. 594-595.

351.

Плиний, Hist. Nat. viii. 1. Собрано много анекдотов о слонах viii. 1-12. Смотри также, Дион Кассий, xxxix. 38.

352.

Плиний, viii. 40.

353.

Биатанатос Донна. стр. 22. Эта привычка пчел упоминается святым Амвросием. Пеликан, как хорошо известно, впоследствии стал эмблемой Христа.

354.

Plin. История. Nat. x. 6.

355.

Длинный список легенд о собаках приведен Лежандром в очень любопытной главе о животных в его "Трактате о взглядах", том i. стр. 308-327.

356.

Плиний рассказывает несколько чрезвычайно красивых историй такого рода. (Hist. Nat. ix. 8-9.)
Смотри также, Авл Геллий, xvi. 19. Дельфин из-за своей любви к детенышам стал распространенным символом Христа среди первых христиан.

357.

Очень полный отчет о мнениях как древних, так и современных философов относительно душ животных приведен Бейлем в книге "Искусство". "Перейра Э", "Рорариус К."

358.

Еврейский закон не ограничивал свою заботу только о волах. Читатель, вероятно, помнит трогательное положение: "Не вари козленка в молоке матери его" (Втор. xiv. 21); и закон, запрещающий людям брать родительницу, которая сидела на своем птенце или на яйцах. (Deut. xxii. 6, 7.)

359.

"Cujus tanta fuit apud antiquos veneratio, ut tam capital esset bovem necuisse quam civem."—Columella, lib. vi. in procem. "Hic socius hominum in rustico opere et Cereris minister. Ab hoc antiqui manus ita abstinere voluerunt ut capite sanxerint si quis occidisset."—Varro, De Re Rustic. lib. ii. cap. v.

360.

См. Лежандр, том ii. стр. 338. Меч, которым священник принес в жертву быка, впоследствии был объявлен проклятым. (Элианский, История. Вар. библиотека. viii. глава. iii.)

361.

Диог. Laërt. Ксенократ.

362.

У Геродота (i. 157-159) есть история о после, отправленном его соотечественниками посоветоваться с оракулом в Милет о просителе, который нашел убежище у кимейцев и которого с угрозами потребовали его враги. Оракул, будучи подкупленным, повелел сдаться. Уходя, посол с кажущейся беспечностью потревожил воробьев под портиком храма, когда голос из-за алтаря обвинил его в нечестии за то, что он потревожил гостей богов. Посол ответил очевидной и уничтожающей репликой. Элиан говорит (Hist. Var.), что афиняне приговорили к смерти мальчика за убийство воробья, укрывшегося в храме Эскулапа.

363.

Квинтилиан, Часть v. 9.

364.

Точно так же в "Зендавесте" мы находим несколько глав о преступлении за причинение вреда собакам, что объясняется огромным значением пастушьих собак для скотоводческого народа.

365.

О происхождении греческих петушиных боев см. Элиан, История. Вар. ii. 28. Многие подробности об этом приведены Афинеем. Хрисипп утверждал, что петушиные бои были конечной причиной появления петухов, эти птицы были созданы Провидением, чтобы вдохновлять нас примером их мужества. (Плутарх, De Repug. Стоик.) Однако греки, по-видимому, не знали "метания петуха", любимой английской игры в метание палки, называемой "петушиной палкой", в петухов. Это было очень древнее и очень популярное развлечение, которым занимались особенно на масленицу и среди школьников. Сэр Томас Мор был известен своим мастерством в этом. ("Спорт и развлечения Стратта", стр. 283.) Были указаны три причины этого: — 1-е, что во время датских войн саксонцам не удалось захватить врасплох определенный город из-за пения петухов, и, как следствие, они испытывали сильную ненависть к этой птице; 2-е, что петухи (galli) были особыми представителями французов, с которыми англичане постоянно воевали; и 3-е, что они были связаны с отрицанием Святого Петра. Как сказал сэр Чарльз Седли:

"Пусть ты будешь наказан за преступление святого Петра,
И в масленичный вторник погибнешь в расцвете сил".

Рыцарская Старая Англия, том ii. стр. 126.

366.

De Natura Rerum, lib. ii.

367.

Жизнь Марка. Катон.

368.

"Quid meruere boves, animal sine fraude dolisque,
Innocuum, simplex, natum tolerare labores?
Immemor est demum nec frugum munere dignus.
Qui potuit curvi dempto modo pondere aratri
Ruricolam mactare suum."—

Метаморф. xv. 120-124.

369.

"Cujus
Turbavit nitidos extinctus passer ocellos."

Ювенал, сб. vi. 7-8.

У Катулла (iii) есть небольшое стихотворение, в котором он утешает свою хозяйку после смерти ее любимого воробья; и Марциал не раз упоминает любимцев римских дам.

Сравните очаровательное описание настоятельницы у Чосера:

“Она была такой милосердной и жалостливой,
что сказала бы нам, если бы увидела
мышь, попавшую в ловушку, будь то дед или бледд.
Из слабых гончих была она, которую кормили
тушеным мясом, молоком и отбросами мяса,
Но горько плакала она, если одна из них была диди,
Или если мужчины били ее ядовитым смертом:
И все было совестью и нежностью к ней ”.

Пролог к “Кентерберийским рассказам”.

370.

Филост. Апол. i. 38.

371.

Посмотрите любопытную главу в его "κυνῆγετικός", xvi. и сравните ее с № 116 в "Зрителе".

372.

In his De Abstinencia Carnis. Спор между Оригеном и Цельсом дает нам очень любопытную иллюстрацию экстравагантности, в которую впадали некоторые язычники третьего века в отношении животных. Цельс возражал против христианского учения о положении человека во Вселенной, утверждавшего, что многие животные были, по крайней мере, равны людям как по разуму, так и по религиозным чувствам и знаниям. (Ориг. Продолжение. Cels. lib. iv.)

373.

Эти взгляды в основном отстаиваются в его двух трактатах о поедании мяса. Плутарх, кстати, также возвращался к этой теме в нескольких других работах, особенно в очень красивом отрывке из его "Жизни Марка Катона".

374.

Посмотрите, например, поразительный отрывок из "Клема". Алекс. Стром. библия ii. Святой Климент полагает, что Пифагор позаимствовал свои взгляды на этот предмет у Моисея.

375.

Я полагаю, что нет никаких свидетельств о каких-либо боях с дикими зверями среди евреев, и авторы раввинских трудов были замечательны тем большим акцентом, с которым они подчеркивали долг доброты по отношению к животным. Смотрите некоторые отрывки из них, процитированные в "Волластоне", "Религия природы", раздел ii., примечание. Маймонид верил в будущую жизнь для животных, чтобы вознаградить их за их страдания здесь. (Бейл, художественная литература, "Рорариус Д.") Любопытная подборка мнений разных авторов по этому последнему пункту содержится в небольшой книге Уильяма Драммонда "Права животных" (Лондон, 1838), стр. 197-205.

376.

Таким образом, святой Павел (1 Кор. ix. 9) отверг заповедь “Не затыкай рот волу, вытаптывающему зерно” от ее естественного значения презрительным вопросом: “Заботится ли Бог о волах?”

377.

Я взял эти иллюстрации из собрания литературы об отшельниках в Розвейде, из разных томов “Болландистов”, из “Диалогов Сульпиция Севера” и, пожалуй, из самого интересного из всех сборников легенд о святых - “Acta Sanctorum Hiberniae” Колгана. М. Альфред Мори в своем наиболее ценном труде “Легенд о пиюзах моего века” подробно рассмотрел роль животных в символизировании добродетелей и пороков и показал, каким образом одни и те же случаи повторялись, с небольшими вариациями, в разных странах. легенды. Месье де Монталамбер посвятил, вероятно, самую прекрасную главу своей книги “Moines d'Occident” (“Мойны и природа”) отношениям монахов к животному миру; но все многочисленные легенды, которые он цитирует, за одним или двумя исключениями, отличаются от тех, что я привел.

378.

Однако Шатобриан говорит (“Этюды исторические”, “Этюд вим”, 1-я часть) о старом галльском законе, запрещающем бросать камень в вола, запряженного в плуг, или слишком затягивать его ярмо.

379.

Болландисты, 31 мая. Говорят, что Леонардо да Винчи испытывал такую же любовь к покупке и выпуску птиц в клетках, и (возвращаясь к далекому прошлому) Пифагор якобы купил однажды недалеко от Метапонта у каких-то рыбаков всю рыбу в их сетях, чтобы иметь удовольствие выпустить ее. (Apuleius, Apologia.)

380.

Посмотрите эти легенды, собранные Хазе (святым Франциском. Assisi). О кардинале Беллармине говорят, что он позволял паразитам кусать себя, говоря: “Небеса вознаградят нас за наши страдания, но у этих бедных созданий нет ничего, кроме удовольствия от этой нынешней жизни”. (Бейль, Диктант. философ. искусство. “Беллармин”.)

381.

В своей Истории рационализма я заметил, что, хотя некоторые папы, несомненно, пытались запретить испанские бои быков, это было исключительно из-за разрушения человеческих жизней, которое они вызывали. Полную информацию по этому вопросу можно найти в Concina, De Spectaculis (Рим, 1752). Bayle says, “Il n'y a point de casuiste qui croie qu'on pêche en faisant combattre des taureaux contre des dogues,” &c. (Диктант. филос. “Rorarius, C.”)

382.

О древних развлечениях Англии читатель может ознакомиться с “Обзором Лондона” Сеймура (1734), том i, стр. 227-235; “Спорт и времяпрепровождение английского народа” Стратта. Петушиные бои были любимым детским развлечением в Англии еще в двенадцатом веке. (“Средние Эви календари” Хэмпсона, том i, стр. 160.) Это было, как и футбол и несколько других развлечений, на время запрещенных Эдуардом III на том основании, что они отвлекали людей от стрельбы из лука, которая была необходима для военного величия Англии.

383.

Упадок этих развлечений в Англии начался с бурного развития театра при Елизавете. Приказ Тайного совета от июля 1591 года запрещает представление пьес в четверг, потому что по четвергам обычно практиковалась травля медведем и подобные развлечения, и лорд-мэру было направлено предписание с тем же целью, в котором говорилось, что “в разных местах актеры декламируют свои пьесы, к большому ущербу и разрушению игры в травлю медведем и подобных развлечений, которые проводятся для удовольствия Ее Величества”. -Николс, "Успехи королевы Елизаветы" (изд. 1823), том i. р. 438. Читатель, вероятно, помнит картину в Кенилуорте, на которой граф Сассекс подает петицию Елизавете против Шекспира на основании того, что его пьесы отвлекают мужчин от травли медведя. Елизавета (см. Николс) чрезвычайно любила травлю медведей. Яков I. особенно увлекался петушиными боями и в 1610 году присутствовал на большой схватке между львом и медведем. (Хон, Книга на каждый день, том i, стр. 255-299.) Театры, однако, быстро множились, и писатель, живший примерно в 1629 году, сказал, “что за шестьдесят лет в Лондоне или его окрестностях было построено не менее семнадцати театров”. (Обзор Сеймура, том i, стр. 229.) Восстание подавило все общественные развлечения, и когда они были восстановлены после Реставрации, оказалось, что вкусы высших классов больше не соответствовали медвежьему саду. Пепис (Дневник, 14 августа 1666 г.) отзывается о травле быков как об “очень грубом и отвратительном удовольствии” и говорит, что он не был в медвежьем саду много лет. Эвелин (Дневник, 16 июня 1670 г.), присутствовавший на этих представлениях, описывает их как “кровавый спорт или, скорее, варварскую жестокость” и говорит, что не посещал их раньше в течение двадцати лет. Статья в "Зрителе" (№ 141, написана в 1711 году) рассказывает о тех, кто “ищет развлечения в медвежьем саду ... где разум и хорошие манеры не имеют права их нарушать”. Однако в 1751 году лорд Кеймс смог сказать: “Медвежий сад, который является одним из главных развлечений англичан, вызывает отвращение у французов и других вежливых наций”. — Эссе о морали (1-е изд.), стр. 7; и он горячо защищает (стр. 30) английский вкус. Во второй половине прошлого века по этому поводу велись постоянные споры (которые можно проследить на страницах "Ежегодного журнала"), и несколько забытых священнослужителей опубликовали проповеди на эту тему, а движению способствовали частые беспорядки, вызванные тем фактом, что медвежьи сады стали пристанищем худших классов. Лондонские магистраты приняли меры по пресечению метания петухов в 1769 году (Хэмпсоновский мед. Изд. Календарь, стр. 160); но травля быков продолжалась и в нынешнем столетии. Виндхэм и Каннинг решительно защищали его; говорят, что он нравился доктору Парру (Книга Саути "Банальности", том iv, стр. 585); и еще в 1824 году сэр Роберт (тогда мистер) Пил решительно выступал против его запрета. (Парламентские дебаты, том x. стр. 132-133, 491-495.)

384.

Бэкон, рассказывая о недостатках медицины, рекомендует вивисекцию в терминах, которые, по-видимому, подразумевают, что в его время она не практиковалась. “Что касается проходов и пор, то верно, что это было замечено в древности, что более тонкие из них не проявляются в анатомии, потому что они закрыты и скрыты в мертвых телах, хотя они открыты и проявляются у живых; что, как предполагается, хотя бесчеловечность *anatomia vivorum* была справедливо осуждена Цельсом, все же, в отношении большой пользы этого наблюдения, исследование, в котором он нуждался, не было настолько незначительным, чтобы от него совсем отказались или отнесли к случайным методам хирургии; но могло бы быть хорошо направлено на вскрытие живых животных, которое, несмотря на различие их частей, может в достаточной степени

удовлетворить это исследование”. —Прогресс науки, х. 4. Харви говорит о вивисекциях как о том, что они способствовали открытию циркуляции крови. (Харвейская речь Акленда (1865), стр. 55.) Бейль, описывая обращение людей с животными, говорит: “Ни один запах, ни один изъясн внутренностей не доставляют удовольствия нотр—куръезу”. -Диктант. философ. искусство. “Рорариус, К.” Общественное мнение в Англии было очень сильно обращено к этому предмету в нынешнем столетии из-за чудовищных жестокостей, совершенных Мадженди на его лекциях. Посмотрите наиболее ужасающий отчет о них в речи мистера Мартина (эксцентричного ирландского депутата, которого при жизни обычно высмеивали, а после смерти почти забыли, но чьим неустанным усилиям обязана законодательная защита животных в Англии).— Парламент. История. том хii. стр. 652. Мандевиль в свое время был очень ярким сторонником доброты к животным.—Комментарий к басне о пчелах.

385.

Посмотрите "Его жизнь" Сульпиция Севера.

386.

Милман.

387.

Грег. Turon. ii. 29.

388.

Это был первый шаг к обращению болгар. —Латинское христианство Мильмана, том iii. стр. 249.

389.

Замечательная коллекция примеров такого рода приведена Озанамом, "Цивилизация в пятом веке" (англ. пер.), том i, стр. 124-127.

390.

Святой Григорий, диал. iii. 7. Особое искушение, о котором рассказывал еврей, было у епископа епархии, который по наущению одного из демонов быстро влюбился в монахиню и дошел до того, что шутливо погладил ее по спине. Еврей рассказал о видении епископу, тот изменил свои манеры, еврей стал христианином, и храм был превращен в церковь.

391.

Уильям Малмсберийский, ii. 13.

392.

См. "Историю латинского христианства" Милмана, том ii, стр. 293.

393.

Кассиан. Канон. Институт. v. 4. Смотрите также некоторые поразительные примеры этого в жизни святого Антония.

394.

Эта духовная гордыня хорошо отмечена Неандером, Церковная история (изд. Бона), том iii. стр. 321-323. Это проявляется во многих чертах, разбросанных по жизнеописаниям этих святых. Я уже приводил видения, говорящие святому Антонию и святому Макарию, что они не были лучшими из живущих людей; а также случай с отшельником, который был обманут дьяволом в

образе женщины, потому что он был превознесен гордыней. Другой отшельник, будучи очень святым, каждый день получал с небес чистый белый хлеб, но, находясь в чрезмерном приподнятом настроении, хлеб становился все хуже и хуже, пока не стал совершенно черным. (Тийемон, том х. стр. 27-28.) Некий Исидор утверждал, что он не осознавал греха, даже в мыслях, в течение сорока лет. (Сократ, iv. 23.) Святой Антоний сказал, что одинокий человек в пустыне свободен от трех войн — зрения, речи и слуха: он должен бороться только с блудом. (Apothegmata Patrum.)

395.

“Гордость при таком воспитании [в современной рационалистической философии], вместо того чтобы растрачиваться впустую, обращается к ответу. Она получает новое название; это называется самоуважением.... Она направляется в русло трудолюбия, бережливости, честности и послушания и становится основой религии и морали, почитаемых в наши дни. Это становится гарантией целомудрия, гарантией правдивости, как в высшем, так и в низшем обществе; это настоящий домашний бог протестантов, внушающий опрятность и порядочность служанке, правильность осанки и изысканные манеры ее хозяйке, прямоту, мужественность и щедрость главе семьи.... Это стимулирующий принцип провидения, с одной стороны, и бесплатных расходов — с другой; благородных амбиций и изысканных удовольствий”. -Ньюмен, Об университетском образовании, Беседа ix. В той же лекции (которая, возможно, является самым прекрасным из многих прекрасных произведений ее прославленного автора) доктор Ньюман с восхитительным красноречием описывает, каким образом скромность вытеснила смирение в современном типе совершенства. Вряд ли нужно говорить, что лектор категорически не одобряет движение, которое он описывает.

396.

Таким образом, “indagatio veri” считалось одной из ведущих добродетелей, а высокое место, отводимое σοφία и “prudentia” в этических трудах, сохраняло представление о моральных обязанностях, связанных с дисциплиной интеллекта.

397.

Святой Августин насчитал восемьдесят восемь сект, существовавших в его время.

398.

Смотрите полный отчет об этих преследованиях в "Тийемоне", "Церковной истории". том vi.

399.

Сократ, его превосходительство, iv. 16. Современные историки сильно сомневаются в этом анекдоте.

400.

История Мильмана. Христианства (изд. 1867), том ii. стр. 422.

401.

Святой Афанасий, Исторические трактаты (Библиотека отцов церкви), стр. 192, 284.

402.

Мильман, История. Христианства, ii. стр. 436-437.

403.

Смерть Ария, как хорошо известно, наступила внезапно (говорят, у него вырвался кишечник), когда он как раз собирался совершить свой триумфальный въезд в Константинопольский собор. Смерть (хотя, возможно, и естественная), похоже, никогда не рассматривалась как таковая, но было спорно, было ли это чудом или убийством.

404.

Сократ, его превосходительство, vii. 13-15.

405.

Милман, История латинского христианства, том i. стр. 214-215.

406.

Мильман, История. Христианства, том iii. стр. 145.

407.

Милман, История латинского христианства, том i. стр. 290-291.

408.

Там же. том i. стр. 310-311.

409.

Мильман, История латинского христианства, том i. стр. 314-318. Декан Милман таким образом подводит итог истории: “Монахи в Александрии, монахи в Антиохии, монахи в Иерусалиме, монахи в Константинополе безапелляционно принимают решения о православии и иноверчестве. Сами епископы пресмыкаются перед ними. Македоний в Константинополе, Флавиан в Антиохии, Илия в Иерусалиме осуждают себя и отрекаются от престола или изгоняются со своих кафедр. Преследование носит всеобщий характер — преследование всеми средствами насилия и жестокости; вопрос только в том, в чьих руках власть преследовать.... Кровопролитие, убийства, предательство, покушения даже во время публичного богослужения — вот ужасные средства, с помощью которых каждая сторона стремится отстаивать свое мнение и победить своего противника”.

410.

Посмотрите поразительный отрывок из Юлиана Экланского, цитируемый Милманом, "История латинского христианства", том i, стр. 164.

411.

“Нигде христианство не является менее привлекательным, чем на Церковных соборах.... Интриги, несправедливость, насилие, решения, основанные только на авторитете, и что авторитет мятежного большинства ... умаляют уважение и ставят под сомнение решения, по крайней мере, более поздних Соборов. Завершение почти всегда является ужасной анафемой, в которой невозможно не различить оттенки человеческой ненависти, высокомерного торжества, ликования по поводу проклятия, обрушенного на униженного противника”. — Там же, т. i, с. 202.

412.

Смотрите описание этой сцены у Гиббона, "Упадок", гл. xlvii.; Милман, "История латинского христианства", т. i, стр. 263. Существует конфликт авторитетов относительно того, сам ли

александрийский епископ ударил своего противника ногой, или, говоря более корректно, деяние, в котором его обвиняют некоторые современные авторы, не является обвинением против него других. Насилие, безусловно, было совершено его последователями и в его присутствии.

413.

Ammianus Marcellinus, xxvii. 3.

414.

Киприан, Еп. lxi.

415.

Мильман, История. Христианства, том ii. стр. 306.

416.

Там же. iii. 10.

417.

“К этому времени язык Ветхого Завета и отношение к идолопоклонству были полностью объединены с христианскими чувствами; и когда Амвросий возложил на христианского императора священный долг нетерпимости к мнениям и обычаям, которые всего за столетие до этого были установленной религией Империи, его рвение было поддержано почти единодушными аплодисментами христианского мира”. — История Милмана. о христианстве, том iii. стр. 159.

418.

Смотрите феодосийские законы язычества.

419.

Это следует из всей истории спора; но преобладающее чувство, я думаю, выражено с особой яркостью в следующем отрывке: “Эдмер говорит (следуя словам Беды), что во времена Колмана были острые споры о соблюдении Пасхи и других правил жизни церковников; следовательно, этот вопрос заслуженно волновал умы и чувства многих людей, опасавшихся, что, возможно, после того, как они получили название христиан, они должны бежать или бежали напрасно”. — King's Hist. об Ирландской церкви, книга ii. глава vi.

420.

Гиббон, глава l. lxiii.

421.

Интересный очерк этого очень интересного прелата недавно был написан М. Дрюоном, "Этюд о жизни и приключениях Синезиуса" (Париж, 1859).

422.

Традиция утверждает, что Григорий Великий был разрушителем палатинской библиотеки и особенно усердствовал в сожжении трудов Ливия, потому что в них описывались достижения языческих богов. Однако для этих обвинений (которые, к сожалению, повторяет такой выдающийся писатель, как доктор Дрейпер) нет реальных доказательств, поскольку они не встречаются ни у одного писателя ранее двенадцатого века. (См. Бейл, Указ. ст. “Грег.”)

Крайнее презрение Григория к языческой литературе, однако, в достаточной степени проявлено в его знаменитом и очень любопытном письме к Дезидерию, епископу Вьеннскому, в котором он упрекает его в том, что он обучал некоторых людей языческой литературе и таким образом смешивал “восхваления Юпитера с восхвалениями Христа”; делая то, что было бы нечестиво даже для религиозного мирянина, “оскверняя разумбогохульными восхвалениями нечестивых”. Некоторые любопытные свидетельства о чувствах христиан четвертого, пятого и шестого веков к языческой литературе приведены в Guinguené, Hist. "литература Италии", том i, стр. 29-31, и некоторые легенды более позднего периода откровенно пересказаны одним из самых восторженных английских защитников средневековья. (Мейтленд, Темные века.)

423.

Вероятно, лучший отчет об интеллектуальной истории тех времен все еще можно найти в замечательных вводных главах, которыми бенедиктинцы предваряли каждое столетие своей истории. *littéraire de la France*. Бенедиктинцы считают (вместе с Халламом), что восьмой век в целом был самым мрачным на континенте, хотя Англия достигла своей самой низкой точки несколько позже. Из великих защитников учености Теодорих не умел писать (см. Генгене, том i, стр. 31), а Карл Великий (Эгинхард) начал учиться только тогда, когда преклонился перед жизнью, и так и не смог полностью овладеть этим достижением. Альфред, однако, отличился в литературе.

424.

Вера в то, что конец света вот-вот наступит, была, как хорошо известно, очень распространена среди первых христиан и сильно повлияла на их жизнь. Это встречается в Новом Завете и очень ясно в послании, приписываемом Варнаве в первом веке. Гонения второго и третьего веков возродили его, и как Тертуллиан, так и Киприан (в "Деметриане") решительно утверждают это. С триумфом христианства опасения на время утихли; но они вновь проявились с большой силой, когда распад Империи стал явно надвигаться, когда он был завершен, и в последовавшей за этим длительной анархии и страданиях. Григорий Турский, писавший во второй половине VI века, говорит об этом как об очень распространенном явлении (Пролог к Первой книге); и святой Григорий Великий примерно в то же время постоянно выражает это. Часто описывалась паника, охватившая Европу в конце десятого века.

425.

"Темные века" Мейтленда, стр. 403.

426.

Эта страсть к соскабливанию рукописей стала обычной, согласно Монфокону, после двенадцатого века. (Мейтленд, стр. 40.) Однако, согласно Халламу (Средние века, глава ix, часть i), это, должно быть, началось раньше, главным образом из-за прекращения или значительного сокращения поставок египетского папируса вследствие захвата Александрии сарацинами в начале седьмого века.

427.

Беда, Его Превосходительство iv. 24.

428.

Мариана, "Де Ребус Испании", vi. 7. Мариана говорит, что в его время камень хранился как реликвия.

429.

Одерик Виталис, цитируемый Мейтлендом (Темные века, стр. 268-269). Монаха вернули к жизни, чтобы у него была возможность исправиться. Выход был невелик, поскольку там было только одна буква, против которой нельзя было возразить, — замечательный пример преимуществ размытого стиля.

430.

Дигби, "Нравы католиков", книга х. стр. 246. Матфей Вестминстерский рассказывает о некоем короле, который был очень милосерден, и чья правая рука (которая утолила многие печали) осталась нетронутой после смерти (г.н.э. 644 г.).

431.

См. Оре, История. de la Philosophie scolastique, tome i. pp. 24-25.

432.

О прогрессе римской цивилизации в Британии см. Тацит, Агрикола, ххi.

433.

Посмотрите бенедиктинскую историю. littér. de la France, tome i. part ii. p. 9.

434.

A biographer of St. Thomas Aquinas modestly observes:—"L'opinion généralement répandue parmi les théologiens c'est que la Somme de Théologie de St. Thomas est non-seulement son chef-d'œuvre mais aussi celui de l'esprit humain." (!!)—Carle, Hist. de Сент-Томас д'Аквин, стр. 140.

435.

См. Виардо, Hist. des Arabes en Espagne, ii. 142-166. "Фердинанд и Изабелла" Прескотта, глава viii. Виардо утверждает, что компас, который, по—видимому, давно был известен в Китае, впервые был завезен в Европу мусульманами; но доказательства этого кажутся неубедительными.

436.

Herder.

437.

"Impius ne audeto placare donis iram Deorum".—Цицерон, De Leg. ii. 9. Смотри также, Philost. Apoll. Тян. i. 11.

438.

Есть три или четыре примера этого, описанные Порфирием Де Абстином. Carnis, lib. ii.

439.

Muratori, Antich. Итальянский, дисс. lxvii.

440.

Смотрите, о причинах богатства монастырей, две замечательные диссертации Муратори, Антич. Итальянец, lxvii., lxviii.; Средние века Халлама, глава vii. часть i.

441.

“Lors de l'établissement du christianisme la religion avoit essentiellement consisté dans l'enseignement moral; elle avoit exercé les cœurs et les âmes par la recherche de ce qui étoit vraiment beau, vraiment honnête. Au cinquième siècle on l'avoit surtout attachée à l'orthodoxie, au septième on l'avoit réduite à la bienfaisance envers les couvens.”—Sismondi, Hist. des Français, tome ii. p. 50.

442.

Мистер Хэллэм, говоря о легендах о чудесах святых, говорит: “Не следует предполагать, что эти нелепости были порождены невежеством, а также подпитывались им. В большинстве случаев они были результатом преднамеренного обмана. У каждого собора или монастыря был свой святой—покровитель, а у каждого святого - своя легенда, придуманная для того, чтобы обогатить находящиеся под его покровительством церкви, преувеличивая его добродетели, его чудеса и, следовательно, его способность служить тем, кто щедро платил за его покровительство”. - Средние века, глава ix, часть i. Я не думаю, что этот отрывок в достаточной степени учитывает бессознательное формирование многих мифов о святых, но ни один беспристрастный человек не может усомниться в его существенной правдивости.

443.

Сисмонди, История. des Français, tome ii. pp. 54, 62-63.

444.

История латинского христианства Милмана, том ii. стр. 257.

445.

Дюранд, французский епископ XIII века, рассказывает, как “когда некий епископ освящал церковь, построенную из плодов ростовщичества и грабежа, он увидел за алтарем дьявола в папском облачении, стоящего у епископского трона, который сказал епископу: ‘Прекрати освящать церковь; ибо она относится к моей юрисдикции, поскольку построена из плодов ростовщичества и грабежей’. Тогда епископ и духовенство в страхе бежали оттуда, и дьявол немедленно разрушил ту церковь с большим шумом”.—Rationalization Divinorum, i. 6 (переведено для Камденского общества).

Говорят, что некий святой Ланомар отказался от подарка для своего монастыря от алчного дворянина, потому что был уверен, что он был получен в результате грабежа. (“Случайные события” Монталамбера, том ii. стр. 350-351.) Когда в ранней Церкви обращались проститутки, существовало правило, согласно которому деньги, которыми они завладели, никогда не должны были использоваться на церковные цели, а должны были распределяться среди бедных.

446.

Verba Seniorum, Prol. § 172.

447.

Сам святой Григорий не сообщает об этом видении, и некоторые католики озадачены этим из-за видения другого святого, который впоследствии спросил, был ли спасен Траян, и получил в ответ: “Я хочу, чтобы люди пребывали в неведении относительно этого предмета, чтобы католики могли стать сильнее. Ибо этот император, хотя и обладал великими добродетелями,

был некрещеным неверным”. Вся тема видения святого Григория обсуждается Шампани, "Les Antonins", том i. стр. 372-373. This devout writer says, "Cette légende fut acceptée par tout le moyen-âge, *indulgent pour les païens illustres* et tout disposé à les supposer chrétiens et sauvés."

448.

Смотрите торжественное подтверждение той осторожности, с которой он обращался за материалами только к самым надежным и авторизованным источникам, в Предисловии к Первой книге Диалогов.

449.

Наберите. iv. 36.

450.

Там же. iv. 30.

451.

Там же. iv. 35.

452.

Наиболее полное собрание этих видений, с которым я знаком, составлено для общества "Филобиблион" (том ix.) М. Делепьером под названием "Объяснение того, что происходит без вю", которым я в значительной степени воспользовался. Посмотрите также "Руска де Инферно" Райта, "Чистилище Святого Патрика" и интересную подборку видений, переданных мистером Лонгфелло в его переводе Данте. К сожалению, я должен сказать, что ирландские святые сыграли видную роль в создании этого направления литературы. Святой Ферси, чье видение является одним из самых ранних, и Тондейл, или Тандейл, чье видение является одним из самых подробных, оба были ирландцами. Английские историки сообщают о нескольких таких видениях. Беда рассказывает о двух или трех: Уильям Малмсберийский — о Карле Толстом; Мэтью Пэрис - о трех видениях чистилища.

453.

Узкий мост через ад (в некоторых видениях покрытый шипами), который является заметной чертой в мусульманских картинах будущего мира, очень часто появляется в католических видениях. Смотрите Грег. Тур. iv. 33; Святой Грег. Циферблат. iv. 36; и видение Тандейла в Делепьере.

454.

Я полагаю, мало кто из англичан осведомлен о печально известных публикациях, написанных с этой целью, которые католические священники распространяют среди бедняков. Передо мной трактат "для детей и молодежи" под названием "Вид ада" преподобного Дж. Фернисса, К.С.С.Р., опубликованный Даффи "permissu superiorum" (Дублин и Лондон). Это подробное описание подземелий ада, и несколько предложений могут послужить образцом. "Смотрите! посреди этого раскаленного пола стоит девушка; на вид ей около шестнадцати лет. Ее ноги босые. На ней нет ни туфель, ни чулок.... Послушай! она говорит. Она говорит: "Я стою на этом раскаленном полу уже много лет. Днем и ночью моим единственным стоячим местом был этот раскаленный пол.... Посмотри на мои обожженные и кровоточащие ноги. Позволь мне уйти с этого раскаленного пола на одно мгновение, только на одно-единственное короткое мгновение.... Четвертое подземелье - это кипящий чайник... в середине его стоит мальчик.... Его

глаза горят, как два горящих угля. Из его ушей вырываются два длинных пламени.... Иногда он открывает рот, и из него вырывается пылающий огонь. Но послушайте! раздается звук, похожий на вскипание чайника.... Кровь кипит в ошпаренных венах этого мальчика. Мозг кипит и пузырится в его голове. Костный мозг кипит в его костях.... Пятое подземелье - это раскаленная печь.... Маленький ребенок находится в этой раскаленной печи. Послушайте, как он кричит, требуя выхода. Посмотрите, как он вертится в огне. Он бьется головой о крышку духовки. Он топает своими маленькими ножками по полу.... Бог был очень добр к этому ребенку. Очень вероятно, что Бог видел, что ему будет становиться все хуже и хуже, и никогда не раскается, и поэтому его придется наказывать гораздо сильнее в аду. Так что Бог в Своей милости забрал его из мира в раннем детстве”. Если читатель желает продолжить изучение этой темы, он может просмотреть сопутствующий трактат того же преподобного джентльмена под названием "Страшный суд над маленьким ребенком", а также книгу об Аде, переведенную с итальянского Пинамонти, с иллюстрациями, изображающими различные пытки.

455.

Святой Грег. Циферблат. iv. 38.

456.

Там же. iv. 18.

457.

История учения Элджера о будущей жизни (Нью-Йорк, 1866), стр. 414. Иногда предполагалось, что ignis fatuus - это душа некрещеного ребенка. Я полагаю, существует еще одна католическая легенда о краснорожде, совсем иного рода — что его грудь была обжжена кровью, когда он пытался вытащить шипы из венца Христа.

458.

"Чистилище Святого Патрика" Райта, стр. 26. М. Делепьер цитирует любопытную теорию отца Хардуэна (который в основном известен своим предположением, что классические произведения были написаны средневековыми монахами) о том, что вращение земли вызвано тем, что заблудшие души пытаются спастись от огня, который находится в центре земного шара, взбираясь, в результате, по внутренней коре земли, которая является стеной ада, и таким образом заставляя все вращаться, подобно белке, которая, взбираясь, вращает свою клетку! (L'Enfer décrit par ceux qui l'ont vu, p. 151.)

459.

Делепьер, стр. 70.

460.

Таким образом, в книге, которую приписывали (как ошибочно утверждается) Джереми Тейлору, мы находим две на редкость не риторичные и бесстрастные главы, намеренно перечисляющие самые чудовищные акты жестокости в истории человечества и утверждающие, что они превосходят пытки, причиняемые Божеством. Будет достаточно нескольких примеров. Определенные люди “надевали им на руки и ноги железные кольца, утыканные острыми иглами, таким образом, что пленники не могли пошевелиться, не поранив себя; затем они окружали их огнем до такой степени, что, стоя неподвижно, они могли сгореть заживо, и если они шевелились, острые кончики пронзали их плоть.... Каковы же тогда будут мучения проклятых, когда они будут вечно гореть, не умирая и без возможности избавиться?...

Александр, сын Гиркана, приказал распять восемьсот человек и, пока они были еще живы, приказал умертвить их жен и детей у них на глазах, чтобы они умерли не одной, а многими смертями. В аду не будет недостатка в этой строгости.... Мезенций привязывал живое тело к мертвому до тех пор, пока гниlostные испарения мертвых не убивали живых.... Что это такое по отношению к аду, когда каждое тело проклятого более отвратительно, чем миллион дохлых собак?... Бонаventura говорит, что если бы один из проклятых был приведен в этот мир, этого было бы достаточно, чтобы заразить всю землю.... Мы поражаемся, думая о бесчеловечности Фалариса, который заживо поджаривал людей в своем медном быке. Это была радость по отношению к тому адскому огню.... Это мучение ... включает в себя столько мучений, сколько в теле человека суставов, сухожилий, артерий и т.д., Будучи вызвано тем проникающим и реальным огнем, из которого этот временный огонь является всего лишь нарисованным огнем.... Какое сравнение может быть между горением в течение ста лет и непрерывным горением до тех пор, пока Бог есть Бог?” — Размышления о состоянии человека, книга ii. главы 6-7, в издании работ Тейлора Хибера.

461.

Перроне, Краткий обзор сравнительной истории и философии, стр. 29. Работа Питера Ломбарда была опубликована в 1160 году нашей эры.

462.

“Postremo quæritur, An pœna reprobtorum visa decoloret gloriam beatorum? an eorum beatitudini proficiat? De hoc ita Gregorius ait, Apud animum justorum non obfuscatur beatitudinem aspecta pœna reprobtorum; quia ubi jam compassio miseriae non erit, minuere beatorum lætitiā non valebit. Et licet justis sua gaudia sufficiant, ad majorem gloriam vident pœnas malorum quas per gratiam evaserunt.... Egredientur ergo electi, non loco, sed intelligentia vel visione manifesta ad videndum impiorum cruciatus; quos videntes non dolore afficiuntur sed lætitia satiabuntur, agentes gratias de sua liberatione visa impiorum ineffabili calamitate. Unde Esaias impiorum tormenta describens et ex eorum visione lætitiā bonorum exprimens, ait, Egredientur electi scilicet et videbunt cadavera virorum qui prævaricati sunt in me. Vermis eorum non morietur et ignis non extinguetur, et erunt usque ad satietatem visionis omni carni, id est electis. Lætabitur justus cum viderit vindictam.”— Peter Lombard, Senten. lib. iv. finis. Эти дружелюбные взгляды часто высказывались как католическими, так и пуританскими богословами. См. Учение Элджера о будущей жизни, стр. 541.

463.

Legenda Aurea. На портале церкви Святого Лоренцо, недалеко от Рима, есть любопытная фреска, изображающая эту сделку.

464.

Aimoni, De Gestis Francorum Hist. iv. 34.

465.

Хроника Турпина, гл. 32. Однако в видении Уотлина (824 г. н.э.) Карла Великого видели замученным в чистилище из-за его чрезмерной любви к женщинам. (Delepierre, L'Enfer décrit par ceux qui l'ont vu, pp. 27-28.)

466.

As the Abbé Mably observes: “On croyoit en quelque sorte dans ces siècles grossiers que l'avarice étoit le premier attribut de Dieu, et que les saints faisoient un commerce de leur crédit et de leur protection. De-là les richesses immenses données aux églises par des hommes dont les mœurs déshonoroient la religion.”—Observations sur l'Hist. de France, i. 4.

467.

Многие любопытные примеры того, как трубадуры пародировали монашеские видения ада, приведены Делепьером, стр. 144. — "Чистилище Святого Патрика" Райта, стр. 47-52.

468.

Конт, Позитивная философия, том v., стр. 269.

469.

“Saint-Bernard, dans son sermon De obitu Humberti, affirme que tous les tourments de cette vie sont joies si on les compare à une seconde des peines du purgatoire. ‘Imaginez-vous donc, délicates dames,’ dit le père Valladier (1613) dans son sermon du 3me dimanche de l'Avent, ‘d'estre au travers de vos chenets, sur vostre petit feu pour une centaine d'ans: ce n'est rien au respect d'un moment de purgatoire. Mais si vous vistes jamais tirer quelqu'un à quatre chevaux, quelqu'un brusler à petit feu, enrager de faim ou de soif, une heure de purgatoire est pire que tout cela.’ ”—Meray, Les Libres Prêcheurs (Paris, 1860), pp. 130-131 (an extremely curious and suggestive book). Теперь я беру первую попавшуюся под руку современную популярную католическую религиозную книгу на эту тему и читаю: “По сравнению с муками чистилища все эти раны и темные тюрьмы, все эти дикие звери, железные крюки, раскаленные плиты и т. Д., Которым подверглись святые мученики, ничто”. “Они (души в чистилище) настоящим, хотя и чудесным образом, подвергаются пыткам огнем, который того же вида (говорит Беллармин), что и наша стихия огонь”. “Ангельский Врач утверждает, “что огонь, который мучает проклятых, подобен огню, который очищает избранных”. “Каких только мук не испытают эти святые души, когда будут связаны самыми мучительными цепями живого огня, подобного адскому! и мы, будучи в состоянии сделать их свободными и счастливыми, должны ли мы стоять как незаинтересованные зрители?” Остин придерживается мнения, что душевные муки в чистилище в течение времени, необходимого для того, чтобы открывать и закрывать глаза, более суровы, чем те, которые испытывал святой Лаврентий на решетке; ” и многое другое в том же духе. (Чистилище открылось для благочестия верующих. Ричардсон, Лондон.)

470.

См. Делепьера, Райта и Элджера.

471.

Это явствует из видения Турчилла. ("Чистилище Святого Патрика" Райта, стр. 42.) Бромптон ("Хроника") рассказывает об английском домовладельце, который отказался платить десятину. Святой Августин, тщетно уговаривая его, наконец убедил его чудом. Перед началом мессы он приказал всем отлученным от церкви покинуть церковь, после чего труп выбрался из могилы и ушел. Труп, когда его допросили, сказал, что это было тело древнего британца, который отказался платить десятину и, как следствие, был отлучен от церкви и проклят.

472.

Грег. Набери. iv. 40.

473.

As Sismondi says: “Pendant quatre-vingts ans, tout au moins, il n'y eut pas un Franc qui songeât à transmettre à la postérité la mémoire des événements contemporains, et pendant le même espace de temps il n'y eut pas un personnage puissant qui ne bâtit des temples pour la postérité la plus reculée.”—Hist. des Français, tome ii. p. 46.

474.

Гиббон говорит о периоде правления династии Меровингов, что “было бы трудно найти где-либо больше порока или меньше добродетели”. Халлам воспроизводит это наблюдение и добавляет: “Факты тех времен не имеют особого значения, кроме того, что они оставляют в сознании полное представление о крайней порочности почти каждого человека, причастного к ним, и, следовательно, о состоянии, до которого было доведено общество”. —Hist. что касается Средневековья, то ч. И. Дин Милман столь же неблагоприятен и категоричен в своих суждениях. “Трудно представить себе более мрачное и одиозное состояние общества, чем во Франции при ее королях Меровингах, потомках Хлодвиге, как описано Григорием Турским. В конфликте варварства с римским христианством варварство привнесло в христианство всю свою свирепость, не сохранив при этом ни капли своего великодушия; его энергия проявляется в зверствах жестокости и даже чувственности. Христианство дало варварству едва ли больше, чем свои суеверия и ненависть к еретикам и неверующим. Повсюду убийства, отцеубийства и братоубийства чередуются с супружескими изменами и изнасилованиями”. — История латинского христианства, том i, стр. 365.

475.

Greg. Тур. iv. 12. Григорий упоминает (ст. 41) другого епископа, который бывал настолько пьяным, что не мог стоять; а святой Бонифаций, описав крайнюю чувственность духовенства своего времени, добавляет, что есть некоторые епископы, “которые не знают, что такое блуд, а что такое прелюбодеяние” и т.д. —Ер. xlix.

476.

Грег. Тур. iv. 12.

477.

Там же. viii. 29. Она дала им ножи с полыми бороздками на лезвиях, наполненными ядом.

478.

Там же. vii. 20.

479.

Там же. viii. 31-41.

480.

Там же., ст. 19.

481.

Посмотрите его очень любопытную переписку с ней.—Ер. vi. 5, 50, 59; ix. 11, 117; xi. 62-63.

482.

Avitus, Ep. v. He adds: “Minuebat regni felicitas numerum regalium personarum.”

483.

См. выразительное свидетельство святого Бонифация в восьмом веке. “*Modo autem maxima ex parte per civitates episcopales sedes traditæ sunt laicis cupidis ad possidendum, vel adulteratis clericis, scortatoribus et publicanis sæculariter ad perfruendum.*”—Epist. xlix. “ad Zachariam.” Все послание содержит ужасающую картину клерикальных пороков того времени.

484.

По этому поводу не один Собор издавал указы. См. “Жизнь Святого Леже”, Дом Питра, стр. 172-177.

485.

Греческий тур. iv. 43. Святой Бонифаций в гораздо более поздний период (г. н. э. 742 г.) говорит о епископах “*Qui pugnant in exercitu armati et effundunt propria manu sanguinem hominum.*”—Ep. xlix.

486.

Грег. Тур. iv. 26.

487.

Там же. iv. 20.

488.

Там же. iii. 26.

489.

Там же. ix. 34.

490.

Там же. viii. 19. Грегори говорит, что эта история должна предостеречь священнослужителей от того, чтобы они не вмешивались в дела чужих жен, но “довольствовались тем, чем они могут обладать без преступления”. Настоятель ранее пытался соблазнить мужа на территории монастыря, чтобы убить его.

491.

Там же., т. 3.

492.

Там же. viii. 39. Она была виновна во многих других преступлениях, о которых, по словам историка, “лучше умолчать”. Сам епископ был виновен в возмутительной и жестокой тирании. Браки священнослужителей, по-видимому, в то время были обычным явлением в Галлии, хотя лучшие мужчины обычно бросали своих жен после посвящения в сан. Жена другого епископа (iv. 36) была печально известна своей тиранией.

493.

Фредигариус, xlii. Историк описывает Клотера как совершенный образец христианской добродетели.

494.

“Au sixième siècle on compte 214 établissements religieux des Pyrénées à la Loire et des bouches du Rhône aux Vosges.”—Ozanam, *Études germaniques*, tome ii. p. 93. В течение двух последующих столетий церковное богатство чрезвычайно возросло.

495.

Матфей Вестминстерский (757 г.н.э.) говорит о том, что это сделали не менее восьми саксонских королей.

496.

“Le septième siècle est celui peut-être qui a donné le plus de saints au calendrier.”—Sismondi, *Hist. de France*, tome ii. p. 50. “Le plus beau titre du septième siècle à une réhabilitation c'est le nombre considérable de saints qu'il a produits.... Aucun siècle n'a été ainsi glorifié sauf l'âge des martyrs dont Dieu s'est réservé de compter le nombre. Chaque année fournit sa moisson, chaque jour a sa gerbe.... Si donc il plaît à Dieu et au Christ de répandre à pleines mains sur un siècle les splendeurs des saints, qu'importe que l'histoire et la gloire humaine en tiennent peu compte?”—Pitra, *Vie de St. Léger*, *Introd.* p. x.-xi. Этот ученый и очень доверчивый писатель (ныне кардинал) впоследствии сказал, что у нас есть сведения о более чем восьмистах святых седьмого века. (Вступление. стр. lxxx.)

497.

Смотрите, например, очень трогательный отрывок о смерти его детей, ст. 35.

498.

Глава ii. Пролог.

499.

Greg. Tur. ii. 27-43.

500.

Он замечает, насколько невозможно было, чтобы он мог быть виновен в пролитии крови родственника: “Sed in his ego nequaquam conscius sum. Nec enim possum sanguinem parentum meorum effundere.”—Greg. Tur. ii. 40.

501.

“Prosternebat enim quotidie Deus hostes ejus sub manu ipsius, et augebat regnum ejus eo quod ambularet recto corde coram eo, et faceret quæ placita erant in oculis ejus.”—Greg. Tur. ii. 40.

502.

Глава iii. Пролог. Святой Авитус в ярких выражениях перечисляет христианские добродетели Хлодвиг (Ер. xli.), но, поскольку это было в письме, адресованном самому королю, хвалебная речь может быть легко объяснена.

503.

Так, Халлам говорит: “Монашеские историки постоянно находят доказательства безнравственности. В “Истории аббатства Рамси”, одном из наших лучших документов по англосаксонским временам, есть анекдот о епископе, который напоил датского дворянина, чтобы тот обманом лишил его наследства, и рассказывается с большим одобрением. Уолтер де Хемингфорд с чрезмерным восторгом описывает хорошо известную историю о евреях, которых

капитан их судна убедил идти по песку при низкой воде, пока их не утопит прилив”. - Средние века Халлама (12—е изд.), iii. стр. 306.

504.

Канчиани, "Законы варварства", том iii. стр. 64. Канчиани замечает, что у поляков были вырваны зубы у провинившихся лиц. The following passage, from Bodin, is, I think, very remarkable: “Les loix et canons veulent qu'on pardonne aux hérétiques repentis (combien que les magistrats en quelques lieux par cy-devant, y ont eu tel esgard, que celui qui avoit mangé de la chair au Vendredy estoit brulé tout vif, comme il fut faict en la ville d'Angers l'an mil cinq cens trente-neuf, s'il ne s'en repentoit: et jaçoit qu'il se repentist si estoit-il pendu par compassion).”—*Démonomanie des Sorciers*, p. 216.

505.

Длинный список примеров экстремальной мацерации из житий святых седьмого и восьмого веков приведен Питрой, Жизнь Святого Леже, Введение. стр. cv.-cvii.

506.

Это было рассказано о святом Эквиции.—Греческий. Диалог. i. 4.

507.

Там же. i. 5. Этого святого звали Констанций.

508.

Зарегистрировано огромное количество чудес такого рода. См., например, Greg. Tur. De Miraculis, i. 61-66; Hist. iv. 49. Возможно, самым необычным случаем нарушения святости церкви было нарушение монахинями женского монастыря, основанного святой Радегундой. Подняв мятеж, четыре епископа со своим духовенством отправились улаживать спор и, потерпев неудачу, отлучили мятежников от церкви, после чего монахини чуть не забили их до смерти в церкви.—Greg. Tur. ix. 41.

509.

См. Канчиани, "Законы варварства", том iii. стр. 19, 151.

510.

Много информации об этих мерах дает доктор Хесси в своих воскресных лекциях в Бэмптоне. Особенно смотрите лекцию. 3. См. также Мелер, "Христианизм и Эсклаваж", стр. 186-187.

511.

Григорий Турский перечисляет некоторые примеры этого в своей экстравагантной книге "О чудесах", ii. 11; iv. 57; v. 7. Однако один из этих случаев был связан с работой в день святого Иоанна Крестителя. Некоторые другие чудеса той же природы, взятые, я полагаю, из английских источников, приведены в "Санди Хесси" (3-е издание), стр. 321.

512.

Compare Pitra, Vie de St.-Léger, p. 137. Сисмонди, Хист. des Français, tome ii. pp. 62-63.

513.

Посмотрите замечательный отрывок из его жизни, цитируемый Гизо, Hist. de la Civilisation en France, xviime leçon. Английские историки приводят несколько примеров благотворительной деятельности в самый мрачный период. Альфред и Эдуард Исповедники были известны этим.

Говорят, что Этельвольф позаботился “для блага своей души” о том, чтобы до судного дня каждый десятый бедняк был обеспечен мясом, питьем и одеждой. ("Жизнь Альфреда" Ассера.) Была популярная легенда о том, что бедняк, напрасно попросивший милостыню у нескольких моряков, превратил весь хлеб на их судне в камень. (Роджер Уэндоверский, 606 г. н.э..) Смотрите также другую легенду о милосердии у Матфея Вестминстерского, A.D.н.э.....

514.

Грег. Тур. История. v. 8.

515.

М. Гизо привел несколько примеров этого (Hist. de la Civilis. xviime leçon).

516.

Эта часть средневековой истории недавно была хорошо прослежена мистером Маклиром в его "Истории христианских миссий в средние века" (1863). Посмотрите также "Случайные события" Монталамбера; "Немецкие этюды" Озанама. Оригинальные материалы можно найти у Беды и в "Житиях святых", особенно в "Житии святого Колумбы" Адамнана. О французских миссионерах см. "Историю бенедиктинцев". де ла Франс, том iv. стр. 5; и об английских миссионерах, История Англии Шэрон Тернер. , книга x. глава ii.

517.

Дион Хризостом, Op. ii. (De Regno).

518.

Гиббон, глава xvi.

519.

Ориген, Цел. библиотека. viii.

520.

“Navigamus et nos vobiscum et militamus.”—Tert. Apol. xlii. Смотрите также, Гроций Де-Юре, первая глава ii.

521.

Смотрите замечательную диссертацию о мнениях ранних христиан о военной службе в Le Blant, "Надписи кретьена де ла Голя", том i. стр. 81-87. На эту тему часто ссылаются Барбейрак, "Мораль отца", и Гроций, "Де-Юре", lib. i. cap. ii.

522.

Philostorgius, ii. 5.

523.

Смотрите несколько превосходных замечаний об этом изменении в "Истории христианства" Милмана, том ii. стр. 287-288.

524.

Мабли, Наблюдения из истории Франции, i. 6; Средние века Халлама, глава ii. часть ii.

525.

"Хибернианская археология" Уэйкмана, стр. 21. Однако Хиральдус Камбренис отмечает, что ирландские святые были особенно мстительными, а святые Колумба и Комгалл, как говорят, были лидерами в кровопролитном конфликте из-за церкви близ Колрейна. Смотрите издание Рива "Жизни святого Колумбы" Адамнана, стр. lxxvii. 253.

526.

"История Ирландии" Кэмпбелла (1571), книга i. глава vi.

527.

Кажется любопытным найти у такого спокойного и нефанатичного писателя, как Юстус Липсиус, следующий отрывок: "Jam et invasio quædam legitima videtur etiam sine injuria, ut in barbaros et moribus aut *religione* prorsum a nobis abhorrentes".—*Politicorum sive Civilis Doctrinæ libri* (Paris, 1594), lib. iv. ch. ii. cap. iv.

528.

"Con l'occasione di queste cose Plutarco nel Teseo dice che gli eroi si recavano a grande onore e si reputavano in pregio d'armi con l'esser chiamati ladroni; siccome a' tempi barbari ritornati quello di Corsale era titolo riputato di signoria; d'intorno a' quali tempi venuto Solone, si dice aver permesso nelle sue leggi le società per cagion di prede; tanto Solone ben intese questa nostra compiuta Umanità, nella quale costoro non godono del diritto natural delle genti! Ma quel che fa più maraviglia è che Platone ed Aristotile posero il ladroneccio fralle spezie della caccia e con tali e tanti filosofi d'una gente umanissima convengono con la loro barbarie i Germani antichi; appo i quali al referire di Cesare i ladronecci non solo non eran infami, ma si tenevano tra gli esercizi della virtù siccome tra quelli che per costume non applicando ad arte alcuna così fuggivano l'ozio."—Vico, *Scienza Nuova*, ii. 6. See, too, Whewell's *Elements of Morality*, book vi. ch. ii.

529.

Древнее право на войну полностью обсуждается Гроцием, *De Jure*, lib. iii. Смотрите, в частности, ужасный каталог трагедий в главе. 4. Военные чувства, считающие плен позором, вероятно, оказали некоторое, хотя и весьма второстепенное, влияние на жестокость по отношению к пленным.

530.

"Le jour où Athènes décréta que tous les Mityléniens, sans distinction de sexe ni d'âge, seraient exterminés, elle ne croyait pas dépasser son droit; quand le lendemain elle revint sur son décret et se contenta de mettre à mort mille citoyens et de confisquer toutes les terres, elle se crut humaine et indulgente. Après la prise de Platée les hommes furent égorgés, les femmes vendues, et personne n'accusa les vainqueurs d'avoir violé le droit.... C'est en vertu de ce droit de la guerre que Rome a étendu la solitude autour d'elle; du territoire où les Volsques avaient vingt-trois cités elle a fait les marais pontins; les cinquante-trois villes du Latium ont disparu; dans le Samnium on put longtemps reconnaître les lieux où les armées romaines avaient passé, moins aux vestiges de leurs camps qu'à la solitude qui règnait aux environs."—Fustel de Coulanges, *La Cité antique*, pp. 263-264.

531.

Платон, Республика, lib. v.; Боден, Республика, liv. i. глава 5.

532.

Гроте, История Греции, том. viii. стр. 224. Агесилай также был очень гуманен с пленниками.— Там же. с. 365-6.

533.

Это постоянно встречается у Ливия, но больше всего, я думаю, у галльского историка Флора.

534.

Сципион и Траян.

535.

Посмотрите несколько очень замечательных отрывков из Гроция, *De Jure Bell. lib. iii. cap. 4, § 19.*

536.

Эти меры по смягчению последствий полностью перечислены Айалой "*De Jure et Officiis Bellicis*" (Антверпен, 1597), Гроциусом "*De Jure*". Примечательно, что и Айала, и Гроций основывают свои попытки смягчить суровость войны главным образом на писаниях и примерах язычников. Пределы права победителей и справедливые причины войны обсуждаются Цицероном в *De Offic. lib. i.*

537.

В Англии перемены, по-видимому, произошли сразу же после обращения в христианство. "Евангельские заповеди мира и любви," говорит очень образованный историк, - не положили конец войне, они не положили конец агрессивным завоеваниям, но они отчетливо очеловечили способ ведения войны. С этого времени нескончаемые войны с валлийцами перестают быть войнами на уничтожение. Англичане-язычники не были удовлетворены ничем, кроме уничтожения и изгнания своих врагов; англичане-христиане считали, что этого достаточно, чтобы привести их к политическому подчинению.... Валлийцы-христиане теперь могли заседать в качестве подданных саксонцев-христиан. Валлиец был признан мужчиной и гражданином и поставлен под защиту закона". — История Фримена. о Нормандском завоевании, том i. стр. 33-34. Христиане, помогавшие неверным в войнах, были *ipso facto* отлучены от церкви и, следовательно, могли быть порабощены, но все остальные были свободны от рабства. "*Et quidem inter Christianos laudabili et antiqua consuetudine introductum est, ut capti hinc inde, utcunque justo bello, non fierent servi, sed liberi servarentur donec solvant precium redemptionis.*" — Ayala, lib. i. cap. 5. "По крайней мере, это правило, - говорит Гроций, - хотя и незначительное, подкреплено почитанием христианского закона, которое Сократ тщетно пытался установить среди греков". Мусульмане также взяли за правило не обращать в рабство своих единоверцев. — Гроций, *Де-Юре*, iii. 7, § 9. Однако пленные язычники и варвары продавались в рабство (особенно испанцами) до самого недавнего времени.

538.

Характер Константина и оценка его у Евсевия хорошо описаны деканом Стэнли в "Лекциях о Восточной церкви" (Лекция vi).

539.

Теодорит, iii. 28.

540.

Их собрал Шатобриан, "Исторические этюды". диск 2me. 2me partie.

541.

Смотрите речь святого Григория о Цезарии.

542.

Созомен, vi. 2.

543.

Ер. xiii. 31-39. Во втором из этих писем (которое адресовано Леонтии) он говорит: "Рогаре форситан дебюи в церкви святых апостолов Петра, главный специалист по внутренним трудам, хаберет Вестра Транквиллитас, особая благодарность. Sed qui scio quia omnipotentem Deum diligitis, non debeo petere quod sponte ex benignitate vestræ pietatis exhibetis."

544.

Смотрите графическое описание у Гиббона, гл. liii.

545.

Барониус.

546.

Мэбли, ii. 1; Гиббон, гл. xlix.

547.

Есть несколько хороших замечаний о том, как среди свободных франков епископы учили долгу пассивного повиновения, в Мабли, Обс. sur l'Histoire de France, livre i. ch. iii. Григорий Турский в своем обращении к Хильперiku сказал: "Если кто-нибудь из нас, о король, преступит границы справедливости, ты всегда рядом, чтобы исправить нас; но если ты превзойдешь их, кто осудит тебя? Мы обращаемся к тебе, и, если тебе угодно, ты слушаешь нас; но если тебе это не угодно, то кто может осудить тебя, кроме Того, кто провозгласил Себя Справедливым". —Грег. Тур. v. 19. С другой стороны, Хинкмар, архиепископ Реймса, решительно отстаивал обязанность королей соблюдать закон и осудил как дьявольское учение о том, что они не подчиняются никому, кроме Бога. (Аллен, "О королевской прерогативе" (1849), стр. 171-172.)

548.

Точная степень авторитета варварских королей и различные этапы, на которых возростала их власть, являются предметом больших споров. Читатель может обратиться к "Историческим запискам" Тьерри. де Франс (стр. 9); "Истории" Гизо. de la Civilisation; Mably, Observ. история Франции. история Фримена. о Нормандском завоевании, том i.

549.

Фориэль, Хист. de la Poésie provençale, tome ii. p. 252.

550.

Там же, стр. 258.

551.

Le Grand D'Aussy, Fabliaux, préf. p. xxiv. Эти романы были отчетами о его экспедициях в Испанию, Лангедок и Палестину.

552.

ἔδνα у греков.

553.

Legouvé, Histoire morale des Femmes, pp. 95-96.

554.

Gen. xxix., xxxiv. 12; Deut. xxii. 29; 1 Цар. xviii. 25.

555.

История приданого кратко описана Гроте в "Истории Греции", т. ii. стр. 112-113; и более полно - лордом Кеймсом в замечательной главе "О прогрессе женского пола" в его "Очерках истории человека", книге, которую читали меньше, чем она того заслуживает. М. Легуве также посвятил ей главу в своей "Истории". morale des Femmes. Смотрите также, Лежандр, Трактат о мнении, том ii. стр. 329-330. Мы находим следы приданого, так же как и ἔδνα, у Гомера. Пенелопа получила приданое от Икара, своего отца. Мсье Мишле в одной из тех фантастических книг, которые он недавно опубликовал, придерживается взгляда на объект ἔδνα, который я не помню, чтобы видел где-либо еще, и которому я не верю. He says: "Ce prix n'est point un achat de la femme, mais une indemnité qui dédommage la famille du père pour les enfants futurs, qui ne profiteront pas à cette famille mais à celle où la femme va entrer."—La Femme, p. 166.

556.

В Риме, когда развод происходил из-за неподобающего поведения жены, приданое принадлежало ее мужу.

557.

"Dotem non uxor marito sed uxori maritus offert."—Тас. Зародыш XVIII. О Моргенгабе см. Канчиани, "Законы варварства" (Венеция, 1781), т. i. стр. 102-104; ii. стр. 230-231. Muratori, Antich. Итал. дисс. хх. Луитпранд постановил, что ни один лонгобард не должен отдавать более четверти своего состояния в качестве моргенгаба. У Григория Турского (ix. 20) мы приводим пример дарения некоторых городов в качестве Моргенгаба.

558.

Смотрите, на этот счет, Авл. Геллий, Ночь. Атт. xv. 20. Говорят, что у Еврипида было две жены.

559.

Аристотель сказал, что Гомер никогда не дает наложницу Менелаю, чтобы выразить свое уважение к Елене, хотя и ложное. (Афиней, xiii. 3.)

560.

Эсхил вложил эту любопытную мысль в уста Аполлона в речи из "Эвменид". Однако оно было очень широко распространено и может быть найдено у индийских, греческих, римских и даже христианских авторов. М. Легуве, посвятивший этой теме очень любопытную главу, цитирует отрывок из святого Фомы Аквинского, принимая его и аргументируя на его основе, что отца следует любить больше, чем мать. М. Легуве говорит, что при скрещивании самца одного

животного и самки другого в потомстве обычно преобладает женский тип. Посмотри Легуве, Хист. мораль женщин, стр. 216-228; Фустель де Куланж, "Античная литература", стр. 39-40; а также любопытное примечание Босуэлла в издании "Жизни Джонсона" Босуэлла Крокера (1847), стр. 472.

561.

Доктор Винтрас в замечательной брошюре (Лондон, 1867) О подавлении проституции показывает на основе полицейской статистики, что число проституток, *известных полиции* в Англии и Уэльсе в 1864 году, составляло 49 370; и это, безусловно, намного ниже общего числа. Следует отметить, что к ним относятся только обычные профессиональные проститутки.

562.

Недавно в нескольких гарнизонных городах были приняты некоторые меры. Моральные чувства общества, похоже, были бы потрясены, если бы к Ливерпулю относились по тем же принципам, что и к Портсмуту. Эта очень болезненная и отвратительная, но самая важная тема была рассмотрена с большим знанием дела, беспристрастностью и умением Парентом-Дюшателем в его знаменитой работе "Проституция в парижской деревне". Третье издание содержит очень подробные дополнительные отчеты, предоставленные разными врачами в разных странах.

563.

Parent-Duchâtelet привела множество статистических данных, свидетельствующих об очень значительной степени, в которой французская система надзора удерживает тех, кто собирался заняться проституцией, и восстанавливает тех, кто уже занимался этим. Он и доктор Винтрас сходятся во мнении, что английская проституция является едва ли не самой деградирующей и в то же время самой безвозвратной.

564.

У мисс Малок в ее милой, но довольно слабой книге "Мысли женщины о женщинах" есть несколько хороших замечаний по этому поводу (стр. 291-293), которые тем более ценны, что авторша не испытывает ни малейшей симпатии к каким-либо мнениям о характере и положении женщин, которые не являются строго общепринятыми. Она отмечает опыт наставниц воскресных школ, согласно которому среди их соблазненных учеников чрезвычайно большая часть - "самые лучшие, утонченные, умные, правдивые и любящие".

565.

Прочтите очень странную и болезненную главу в Parent-Duchâtelet, которая называется "Мужчины и привычки проституток". Он отмечает, что они замечательны своей добротой друг к другу во время болезни или в бедственном положении; что они нередко проявляют милосердие к бедным людям, которые не принадлежат к их классу; что когда у кого-то из них рождается ребенок, он становится объектом всеобщего интереса и привязанности; что у большинства из них есть любовники, к которым они искренне привязаны; что они редко не проявляют в больницах вполне реального чувства стыда; и что многие из них вошли в их образ жизни с целью поддержать престарелых родителей. One anecdote is worth giving in the words of the author: "Un médecin n'entrant jamais dans leurs salles sans ôter légèrement son chapeau, par cette seule politesse il sut tellement conquérir leur confiance qu'il leur faisait faire tout ce qu'il voulait." Могу заметить, что этот писатель не является романистом или теоретиком какого-либо другого рода. Он просто врач, который описывает результаты очень большого официального опыта.

566.

“Parent-Duchâtelet atteste que sur trois mille créatures perdues trente cinq seulement avaient un état qui pouvait les nourrir, et que quatorze cents avaient été précipitées dans cette horrible vie par la misère. Une d'elles, quand elle s'y résolut, n'avait pas mangé depuis trois jours.”—Legouvé, Hist. morale des Femmes, pp. 322-323.

567.

Что касается положения и характера гречанок, читатель может получить исчерпывающую информацию, обратившись к “Хариклам” Беккера (перевод Меткалфа, 1845); “Рейнневиллю”, “LaFemme dans l'Antiquite” (Париж, 1865); и статье “О женском обществе в Греции” в двадцать втором томе “Quarterly Review”.

568.

Плутарх, Соч. Præc.

569.

Ксенофонт, Экономика ii.

570.

Plut. Кондж. Præc. У Аристотеля также есть чрезвычайно красивое изображение характера хорошей жены. (Экономика, книга i. глава vii.)

571.

Смотрите “Историю женщин Александра” (Лондон, 1783), том i, стр. 201.

572.

Плутарх, Фокион.

573.

Наша информация о греческих куртизанках почерпнута главным образом из тринадцатой книги афинских дейгнософов, из Писем Алкифрона, из Диалогов Лукиана о куртизанках и из речи Демосфена против Ниры. Смотрите также, Ксенофонт, Памятные вещи, iii. 11; и среди современных книг - “Хариклы” Беккера. Афиней был египтянином, точная дата которого неизвестна, но который, по-видимому, пережил Ульпиана, умершего в 228 году н.э. Он имел доступ ко многим работам на эту тему и привел выдержки из них, которые к настоящему времени утрачены. Считается, что Алкифрон жил примерно во времена Лукиана.

574.

Согласно некоторым авторам, слово “венерари” происходит от “Venerem exercere”, что связано с богослужениями в храме Венеры. См. Vossius, Etymologicon Linguæ Latinæ, “почитатель”; также La Mothe le Vayer, букв. хс.

575.

О связи куртизанок с художественным энтузиазмом см. Рауль Рошетт, Курс Археологии, стр. 278-279. Смотри также, Афиней, xiii. 59; Плиний, Hist. Nat. xxxv. 40.

576.

Смотрите очень любопытную небольшую работу Менажа “История множества философий” (Лугдуни, MDXC.); также Рейнневиль, “Женщина в Античности”, стр. 244. Гораздо позже Лукиан

описал красоту, достижения, щедрость и даже скромность Пантеи Смирнской, любимой любовницы Луция Вера.

577.

ζῆλος, которое сначала использовалось, было отвергнуто лакедемонянами, а затем и другими греками. В "Истории" есть три любопытных мемуара меэе Бюретта, прослеживающие историю перемен. de l'Académie royale des Inscriptions, tome i.

578.

О причинах пайдерастии в Греции см. Замечания г-на Гроте в обзоре Симпозиума, в его большой работе о Платоне. Вся эта тема очень умело освещена М. Мори, историком. des Religions de la Grèce antique, tome iii. pp. 35-39. Многие факты, связанные с этим, собраны Деллингером в его книге "Еврей и язычник" и Шатобрианом в его исторических этюдах. Главным оригинальным авторитетом является тринадцатая книга Афиней, книга, представляющая очень болезненный интерес к истории морали.

579.

Плутарх в своей книге "Жизнь Агесилая" подробно рассказывает о сильном самообладании, проявленном этим великим человеком в воздержании от удовлетворения страсти, которую он питал к мальчику по имени Мегабет, а Максим Тирий говорит, что это заслуживало большей похвалы, чем героизм Леонида. (Дисс. ххv.) Диоген Лаэртий в своей книге "Жизнь Зенона", основатель стоицизма, самой суровой из всех древних сект, восхваляет этого философа за то, что он лишь немного пристрастился к этому пороку. Говорят, Софокл был очень увлечен этим искусством.

580.

Некоторые примеры приписывания этого порока божествам приведены Клемом. Алекс. Admonitio ad Gentes. Говорят, Сократ утверждал, что Юпитер любил Ганимеда за его мудрость, поскольку его имя происходит от γάνυμαι и μῆδος - восхищаться благоразумием. (Ксенофонт, "Банкет".) Катастрофу при Каннах приписывали ревности Юноны из-за того, что в храм Юпитера был введен красивый мальчик. (Лактанций, Inst. Div. ii. 17.)

581.

Афиней, xiii. 78. Смотрите также очень отвратительную книгу о различных видах любви, приписываемую (как говорят, ложно) Лукиану.

582.

Плиний, Hist. Nat. xxxiv. 9.

583.

Этому есть множество свидетельств у Афиней и в Диалогах Лукиана о куртизанках. Смотрите также "Теренций, евнух", акт v. сцена 4, которая скопирована с греческого. Большинство представителей этого класса назывались не гетерами, а πόρνοι.

584.

Plutarch, De Garrulitate; Plin. История. Nat. xxxiv. 19. Умение откусывать себе языки вместо того, чтобы раскрывать секреты или поддаваться страсти, приписывается подозрительно большому числу людей. Менаж цитирует пятерых, помимо Лины. (История. Mulier. Филос. стр. 104-108.)

585.

Посмотрите на Вакхиду несколько писем Алкифрона, особенно очень трогательное письмо (х.) о ее смерти, описывающее ее доброту и бескорыстие. Афиней (xiii. 66) рассказывает любопытный анекдот, иллюстрирующий эти аспекты ее характера.

586.

Xenophon, Memorab. iii. 11.

587.

О пламени см. Авл Гелл. Ночь. х. 15.

588.

Капитолин, Максимин Младший.

589.

Плиний, Hist. Nat. vii. 36. Существует (как хорошо известно) похожая легенда о дочери, таким образом кормящей своего отца. Вал. Максимальная библиотека v. глава 4.

590.

Это явствует из первого акта "Стихов Плавта". Власть, по-видимому, совершенно устарела во времена империи, но первый юридический акт (который носил скорее характер увещания, чем приказа) против нее был издан Антонином Пием, и окончательно она была отменена только при Диоклетиане. (Laboulaye, Recherches sur la condition civile et politique des femmes, pp. 16-17.)

591.

Aul. Gell. Ночь. х. 23.

592.

Val. Maximus, ii. 1, § 4; Авл. Gellius, Noct. iv. 3.

593.

Ammianus Marcellinus, xxviii. 4.

594.

Tacitus, De Oratoribus, xxviii.

595.

See Aulus Gellius, Noct. ii. 24.

596.

"More inter veteres recepto, qui satis pœnarum adversum impudicas in ipsa professione flagitii credebant."—Tacitus, Annal. ii. 85.

597.

Авл. Гелл. iv. 3. Юнона была богиней брака.

598.

Там же. iv. 14.

599.

Хорошо известное суеверие о том, что лев и т. Д. Становится послушным перед девственницей, я полагаю, столь же старо, как и времена Римской империи. Святой Исидор упоминает, что носорогов, как говорили, ловили молодые девушки, которые вставляли у них на пути, чтобы очаровать их. (Legendre, *Traité de l'Opinion*, tome ii. p. 35.)

600.

Плиний, *Hist. Nat.* xxviii. 23.

601.

Там же. vii. 18.

602.

“Quem enim Romanorum pudet uxorem ducere in convivium? aut cujus materfamilias non primum locum tenet ædium, atque in celebritate versatur? quod multo fit aliter in Græcia. Nam neque in convivium adhibetur, nisi propinquorum, neque sedet nisi in interiore parte ædium quæ *gynæcontis* appellatur, quo nemo accedit, nisi propinqua cognatione conjunctus.”—Corn. Nepos. *præfat.*

603.

Val. Max. ii. 1, § 6.

604.

Лив. viii. 18.

605.

См. Значение. Макс. ii. 1.

606.

“Nuptiæ sunt conjunctio maris et feminæ, et consortium omnis vitæ, divini et humani juris communicatio.”—Modestinus.

607.

Ливий, xxxiv. 5. В Клеме есть прекрасное собрание легенд или историй о героических женщинах (но в основном греческих). Александр. Стром. iv. 19.

608.

Тацит, *Анналы*. ii. 85. Этот указ был издан из-за того, что патрицианка по имени Вистилия зарегистрировала себя таким образом.

609.

Дион Кассий, глава 16, глава 10.

610.

“Si sine uxore possemus, Quirites, esse, omnes ea molestia careremus; оставайся верным своей природе, оставайся верным своему обычаю, не имея возможности удовлетворить себя, не имея возможности жить вечно, приветствуй вечного потия как законного консула”. — Авл Геллий, *Noct.* i. 6. Некоторые из слушателей, как нам сказали, думали, что, призывая к супружеству, оратор должен скрыли его несомненные пороки. Однако было решено, что более благородно рассказать всю правду. Стобей (*Sententiae*) сохранил ряд резких и часто бессердечных

высказываний о женах, которые были популярны среди греков. Это было изречение греческого поэта, что “брак приносит только два счастливых дня — день, когда муж впервые прижимает жену к груди, и день, когда он кладет ее в могилу”; а в Риме вошло в поговорку, что жена хороша только “в таламо велик в тумуло”.

611.

Friedländer, Hist. des Mœurs romaines, tome i. pp. 360-364. О большом влиянии, оказываемом римскими дамами на политические дела, несколько замечательных отрывков собраны в книге Denis, Hist. des Idées Morales, tome ii. pp. 98-99. Этот автор особенно ценен во всем, что касается истории отечественной морали. Азинарии Плавта и некоторые эпиграммы Марциала проливают много света на этот предмет.

612.

Смотрите очень примечательную дискуссию об этой отмене в Livy, lib. xxxiv. глава. 1-8.

613.

Legouvé, Hist. Мораль женщин, стр. 23-26. Святой Августин осудил этот закон как самый несправедливый, который только можно было упомянуть или даже представить. “Qua lege quid iniquius dici aut cogitari possit, ignoro.”—St. Aug. De Civ. Dei, iii. 21. любопытная иллюстрация разницы между образами мышления его времени и средневековья, когда по феодальным законам дочерей обычно приносили в жертву без протеста.

614.

Плутарх, Цицерон.

615.

Молчаливый. Анна. i. 10.

616.

Плутарх, Катон; Лукан, Фарсал. ii.

617.

Сенек. Ер. cxiv.

618.

Значение макс. vi. 3.

619.

Плутарх, Павел. Эмил. Не совсем ясно, было ли это замечание сделано самим Павлом.

620.

Sen. De Benef. iii. 16. Смотрите также, Ер. xcvi. Ad Helv. xvi.

621.

Apol. 6.

622.

Epig. vi. 7.

623.

Июль. Сб. vi. 230.

624.

Эпизод 2.

625.

Sueton. Август. Карл Великий подобным образом заставлял своих дочерей работать с шерстью. (Эгинхардус, Вит. Автомобиль. Mag. xix.)

626.

Friedländer, Mœurs romaines du règne d'Auguste à la fin des Antonins (trad. франц.), том i, стр. 414.

627.

Много свидетельств этого собрано Фридлендером, том i. стр. 387-395.

628.

Plutarch, Pompeius.

629.

Марциал, xi. 16. Плиний, Ep. i. 14.

630.

Сало. Тиберий, xlv.

631.

Плутарх, Брут.

632.

Неявный. Летопись. xv. 63, 64.

633.

“Pæte, non dolet.”—Plin. Ep. iii. 16; Марциал, Ep. i. 14.

634.

Молчаливый. Annal. xvi. 10-11; Hist. i. 3. См. также Friedländer, том i. стр. 406.

635.

Молчаливый. Ann. xvi. 34.

636.

Плиний упоминает о ее возвращении после смерти тирана (Ep. iii. 11).

637.

“Quod paucis datum est, non minus amabilis quam veneranda.”—Plin. Ep. vii. 19.

638.

См. Plin. Ep. vii. 19. Дион Кассий и Тацит рассказывают об изгнании Гельвидия, который, по-видимому, был довольно несдержанным и неразумным.

639.

Фридлендер приводит множество самых трогательных примеров, том i. стр. 410-414.

640.

Сало. Дом. viii.

641.

Capitolinus, Macrinus.

642.

Лампридий, А. Север.

643.

В речи против Ниры, которая приписывается Демосфену, но подлинность которой сомнительна, о дозволенности, предоставляемой мужьям, говорится как о чем-то само собой разумеющемся: “Мы держим любовниц для наших удовольствий, наложниц для постоянного ухода и жен, чтобы рожать нам законных детей и быть нашими верными домоправительницами”.

644.

По этому поводу в “Афинее”, xiii, есть замечательный отрывок о чувствах жен у разных народов. 3. Смотри также, Плутарх, Conj. Præс.

645.

Еврипид. Андромаха.

646.

Valer. Max. vi. 7, § 1. Зафиксировано несколько весьма скандальных случаев цинизма со стороны римских мужей. Таким образом, у Августа было много любовниц, “Quæ [virgines] sibi undique etiam *во время* завоевательной кампании”. —Светон. Август. lxi. Когда жена Вера, соратника Марка Аврелия, пожаловалась на вкусы своего мужа, он ответил: “Uxor enim dignitatis nomen est, non voluptatis”. — Спартиан. Вер.

647.

Аристотель, Экономика. i. 4-8-9.

648.

Плутарх подробно описывает этот долг в своем прекрасном труде о браке. В случае, если мужья виновны в неверности, он рекомендует их женам сохранять благоразумную слепоту, размышляя о том, что именно из уважения к ним они выбирают другую женщину в качестве спутницы своей неводержанности. Сенека кратко, но недвусмысленно затрагивает эту тему: “Scis improbum esse qui ab uxore pudicitiam exigit, ipse alienarum corruptor uxorum. Scis ut illi nil cum adultero, sic nihil tibi esse debere cum pellice.”—Ep. xciv. “Sciet in uxorem gravissimum esse genus injuriæ, habere pellicem.”—Ep. xcv.

649.

“Periniquum enim videtur esse, ut pudicitiam vir ab uxore exigit, quam ipse non exhibeat.”—Cod. Просто копай. xlviii. 5-13.

650.

Цитируется святым Августин, De Conj. Взрослый. ii. 19. Плавт задолго до этого заставил одного из своих персонажей жаловаться на несправедливость законов, которые наказывают нецеломудренных жен, но не нецеломудренных мужей, и спросить, почему, поскольку каждая честная женщина довольна одним мужем, каждый честный мужчина не должен довольствоваться одной женой? (Меркатор, Акт iv, сцена 5.)

651.

Гораций, Сб. i. 2.

652.

“Verum si quis est qui etiam meretriciis amoribus interdictum juventuti putet, est ille quidem valde severus; negare non possum; sed abhorret non modo ab hujus sæculi licentia, verum etiam a majorum consuetudine atque concessis. Quando enim hoc factum non est? Quando reprehensum? Quando non permissum? Quando denique fuit ut quod licet non liceret?” Цицерон, "Про Целио", глава xx. Вся эта речь вполне достойна внимания тех, кто мог бы понять чувства римлян по этим вопросам; но следует помнить, что это речь юриста, защищающего распутного клиента.

653.

Περὶ ἀφροδίσια, εἰς δυνάμιν πρὸ γάμου καθαρευτέον. ἀππομένῳ δέ, ὡς νομιμὸν ἐστὶ, μεταληπτέον, μὴ μὲν τοι ἐπαχθῆς γίνου τοῖς χρωμένοις, μηδὲ ἐλεγκτικός, μηδὲ πολλαχοῦ τό, “Ὅτι αὐτὸς οὐ χρῆ, παράφερε.—Enchir. xxxiii.

654.

“Et si uxores non haberent, singulas concubinas, quod sine his esse non possent.”—Lampridius, A. Severus. Мы имеем забавную картину общего тона людей всего мира по этому вопросу в речи, которую Апулей вкладывает в уста богов, упрекая Венеру в том, что она разгневалась из-за того, что ее сын установил связь с Психеей. (Metam. lib. v.)

655.

Сохранено Стобеем. См. Denis, Hist. des Idées morales dans l'Antiquité, tome ii. pp. 134-136, 149-150.

656.

Философ. 13. Когда было процитировано высказывание Пифагора о том, что “мужчина должен иметь дело только со своей собственной женой”, он сказал, что это касается других.

657.

Trebellius Pollio, Zenobia.

658.

Это утверждает анонимный автор, которого цитирует Suidas. См. Ménage, Hist. Mulierum Philosopharum, p. 58.

659.

См., например, Плотина, 1-е Евн. vi. 6.

660.

Капитолин, М. Аврелий.

661.

Амм. Марцелл. ххv. 4.

662.

Cod. Theod. lib. ix. тит. 24.

663.

Cod. Theod. lib. xv. тит. 7.

664.

“Fidicinam nulli liceat vel emere vel docere vel vendere, vel conviviis aut spectaculis adhibere. Nec cuiquam aut delectationis desiderio erudita feminea aut musicæ artis studio liceat habere mancipia.”—Cod. Теод. хv. 7, 10. Этот любопытный закон был издан в 385 году нашей эры. Святой Иероним сказал, что эти музыканты были хором дьявола и столь же опасны, как сирены. Смотрите комментарии к закону.

665.

Руинар, Акт. S. Perpetuæ. Я полагаю, что эти акты обычно считаются подлинными. В истории нет ничего более поучительного, чем проследить одни и те же моральные чувства в разные эпохи и религии; и в данном случае я могу представить читателю иллюстрацию их постоянства, которая, на мой взгляд, несколько примечательна. Плиний младший приводит в одном из своих писем трогательный отчет о казни Корнелии, девственной весталки, по приказу Домициана. Она была похоронена заживо за кровосмешение; но, по-видимому, все верили в ее невиновность; и ее осудили неслышно и в ее отсутствие. Когда ее спускали в подземную камеру, ее платье зацепилось и порвалось при спуске. Она повернулась и потянула его к себе, и когда палач протянул руку, чтобы помочь ей, она отшатнулась, чтобы он не прикоснулся к ней, поскольку это, согласно общепринятому мнению, было осквернением; и даже в высший момент ее агонии ее весталочья чистота содрогнулась от нечестивого прикосновения. (Plin. Ep. iv. 11.) Если мы теперь перенесемся на несколько столетий назад, то обнаружим, что Еврипид приписывал Поликсене черту, в точности подобную той, которая приписывалась Перпетуе. Когда она пала под мечом палача, было замечено, что ее последней заботой было о том, чтобы пасть достойно.

ἡ δὲ καὶ θνήσκουσ' ὅμως πολλὴν πρόνοιαν εἴ χεν εὐσχήμως πεσεῖν,
κρύπτουσ' ἃ κρύπτειν ὄμματ' ἄρσένων χρεῶν.

Еврипид, Глава 566-68.

666.

Vita Pauli.

667.

Святой Амвросий рассказывает об этом случае, который, по его словам, произошел в Антиохии (De Virginitibus, lib. ii. глава iv.). Когда юношу-христианина вели на казнь, девушка, которую он спас, снова появилась и умерла вместе с ним. Евсевий рассказывает очень похожую историю, но место действия переносит в Александрию.

668.

См. Сейе, История. des Auteurs ecclés. том iii. стр. 523.

669.

Там же. том viii. стр. 204-207.

670.

Говорят, что у святого Колмана среди ирландских святых был пояс, который надевался только на целомудренных и который долгое время сохранялся в Ирландии как реликвия (Colgan, Acta Sanctorum Hiberniae, Лувен, 1645, т. i., стр. 246); а у святого Фурсея - пояс, который гасил похоть. (Там же, стр. 292.) Пояс святого Фомы Аквинского, по-видимому, обладал некоторыми чудесными свойствами такого рода. (Смотрите его жизнь в журнале "Болландисты", сентябрь. 29.) Как у греков, так и у римлян было принято, чтобы невеста была опоясана поясом, который жених развязывал в брачной постели, и поэтому "zonam solve" вошло в поговорку для обозначения "pudicitiam mulieris imminuere". (Ньюпорт, De Ritibus Romanorum, стр. 479; История женщин Александра, том ii. стр. 300.)

671.

Вит. святой Пахом. (Rosweyde).

672.

Посмотрите его жизнеописание, написанное Григорием Нисским.

673.

Об этих легендах месье Шарлем де Бюсси была написана небольшая книга под названием "Святые куртизаны". Говорят, что в отношении святой Афры существуют некоторые сомнения, поскольку, хотя ее поступки представляют ее как исправившуюся куртизанку, святой Фортунатус в двух строках, которые он посвятил ей, называет ее девственницей. (Ozanam, Études german. том ii. стр. 8.)

674.

Смотрите Вит. Sancti Joannis Eleemosynarii (Rosweyde).

675.

Тиллемон, том x. стр. 61-62. Существует также очень живописная легенда о том, как святой Пафнутий обратил куртизанку Таис.

676.

См., в частности, Тертуллиана, Ad Uxorem. Позже было прекрасно сказано, что женщина была взята не из головы мужчины, потому что она не была предназначена для того, чтобы быть его правительницей, и не из его ног, потому что она не была предназначена для того, чтобы быть его рабыней, но с его стороны, потому что она должна была быть его спутницей и утешением. (Питер Ломбард, Сентен. библиотека. ii. дис. 18.)

677.

Читатель может найти много отрывков на эту тему в книге Барбейрака "Мораль отца", ii. § 7; iii. § 8; iv. § 31-35; vi. § 31; xiii. § 2-8.

678.

“Примечательно, как редко, если вообще когда-либо (я не могу вспомнить ни одного примера), при обсуждении сравнительных преимуществ брака и безбрачия, по-видимому, упоминаются социальные преимущества.... Об этом всегда говорят в связи с интересами и совершенством

индивидуальной души; и даже в связи с этим авторы, кажется, почти не осознают смягчающего и очеловечивающего эффекта естественных привязанностей, красоты родительской нежности и сыновней любви”. — История Милмана. о христианстве, том iii. стр. 196.

679.

“Tempus breve est, et jam securis ad radices arborum posita est, quæ silvam legis et nuptiarum evangelica castitate succidat.”—Ep. cxxiii.

680.

“Laudo nuptias, laudo conjugium, sed quia mihi virgines generant.”—Ep. xxii.

681.

See Ceillier, Auteurs ecclés. xiii. c. 147.

682.

Сократ, iv. 23.

683.

Palladius, Hist. Laus. cxix.

684.

Вит. С. Абр. (Розвейд), глава i.

685.

Я не знаю, когда впервые появилась эта легенда. М. Литтре упоминает, что нашел ее на французской рукописи XI века (Littré, Les Barbares, стр. 123-124); и это также является сюжетом очень любопытной фрески, я полагаю, несколько более ранней даты, которая была обнаружена в течение последних нескольких лет в подземной церкви Святого Климента в Риме. Отчет об этом дает отец Маллули в своей интересной маленькой книге об этой Церкви.

686.

Девственница. глава iii.

687.

Грег. Тур. i. 42.

688.

Правила на этот счет подробно изложены в Bingham.

689.

Muratori, Antich. Итал. дисс. xx.

690.

Святой Грег. Циферблат. i. 10.

691.

Delepierre, L'Enfer décrit par ceux qui l'ont vu, pp. 44-56.

692.

Значение макс. ii. 1. § 3.

693.

“Ille meos, primus qui me sibi junxit, amores
Abstulit; ille habeat secum, servetque sepulchro.”

Æn. iv. 28.

694.

Например, жены Лукана, Друза и Помпея.

695.

Молчаливый. Немецкий. XIX.

696.

Friedländer, tome i. p. 411.

697.

Иеронима. Эп. лив.

698.

“Uxorem vivam amare voluptas;
Defunctam religio.”

Statius. Сильв. в. в прозе.

699.

Одним из законов Харондаса было предписано, чтобы те, кто настолько мало заботился о счастье своих детей, что поставил над ними мачеху, были исключены из государственных советов. (Diod. Sic. xii. 12.)

700.

Тертуллиан изложил монтанистскую точку зрения в своем трактате "О моногамии".

701.

Полное собрание высказываний Отцов Церкви по этому вопросу приведено у Перроне, Де Матримонио, lib. iii. Раздел I.; и Наталис Александер, Hist. Эклз. Sæc. II. dissert. 18.

702.

Таким образом, чтобы привести лишь один пример, святой Иероним, который был одним из их самых сильных противников, говорит: “Quid igitur? damnamus secunda matrimonia? Minime, sed prima laudamus. Abjicimus de ecclesia digamos? absit; sed monogamos ad continentiam provocamus. In arca Noe non solum munda sed et immunda fuerunt animalia.”—Ep. cxliii.

703.

In Legat.

704.

Strom. библиотека. iii.

705.

Против Йовина. i.

706.

Там же. См. также Ер. cxхiii.

707.

Дом. xvii. в Луцке.

708.

Orat. cxxi.

709.

Perrone, De Matr. iii. § 1, ст. 1; Natalis Alexander, Hist. Экллз. II. диссертация. 18. Говорят, что епитимьи подразумевают не то, что второй брак был грехом, а то, что моральное состояние, сделавшее его необходимым, было плохим.

710.

См. Историю Стивена. английского уголовного права, i. стр. 461.

711.

Сопс. Illib. может. cxхviii. Бингхэм считает, что мнение Совета сводилось к тому, что если крещение совершал не священник, то, во всяком случае, его должен совершать тот, кто мог бы быть священником.

712.

Perrone, De Matrimonio, tome iii. p. 102.

713.

Недавно эта тема была рассмотрена с большой ученостью и замечательной беспристрастностью американским автором, мистером Генри К. Ли, в его "Истории священнического безбрачия" (Филадельфия, 1867), которая, безусловно, является одним из самых ценных произведений, созданных Америкой. Со времен великой истории декана Милмана я не знаю ни одной работы на английском языке, которая пролила бы больше света на моральное состояние средневековья, и ни одной, которая в большей степени соответствовала бы развенчанию грубых иллюзий относительно того периода, которые писатели Высокой Церкви и писатели позитивистской школы сговорились поддерживать.

714.

См. Lea, стр. 36. Заповедь святого Павла о том, что епископ или диакон должен быть мужем *одной* жены (1 Тим. iii. 2-12), как полагали все древние и многие современные комментаторы, запрещала вторые браки; и эта точка зрения в некоторой степени подтверждается вдовами, которых Церковь должна была чтить и поддерживать, поскольку только те, кто был всего один раз женат (1 Тим. ст. 9). См. Pressensé, Hist. des trois premiers Siècles (1re série), tome ii. p. 233. У евреев было предписано, что первосвященник не должен жениться на вдове. (Levit. xxi. 13-14.)

715.

Сократ, Его Превосходительство i. 11. Совет Иллибериса (кан. cxхiii.) постановил это, но как предписания, так и практика богословов сильно различались. Блестящее изложение основных фактов приведено в книге Милмана "История раннего христианства", том iii. стр. 277-282.

716.

Смотрите, о положении вещей в десятом и одиннадцатом веках, Lea, стр. 162-192.

717.

Ратериус, цитируется Lea, стр. 151.

718.

Смотрите некоторые любопытные свидетельства того, в какой степени распространялась практика передачи церковных должностей по наследству, в Lea, стр. 149, 150, 266, 299, 339.

719.

Lea, стр. 271, 292, 422.

720.

Там же. стр. 186-187.

721.

Lea, стр. 358.

722.

Там же, стр. 296.

723.

Там же. стр. 322.

724.

Там же, стр. 349.

725.

Читатель может найти наиболее исчерпывающие доказательства этих позиций в Lea. Особенно см. стр. 138, 141, 153, 155, 260, 344.

726.

Синезий, Ер. св.

727.

Lea, стр. 122. Святой Августин назвал своего незаконнорожденного сына Адеодатом, или Даром Божьим, и сделал его главным собеседником в одном из своих религиозных диалогов.

728.

Диалог. iv. 11.

729.

Об этом упоминает Генри Хантингдонский, который был современником. (Lea, стр. 293.)

730.

Первое упоминание об этой весьма примечательной предосторожности содержится в каноне Собора в Паленсии (в Испании), состоявшегося в 1322 году, который предает анафеме мирян, принуждающих своих пасторов заводить наложниц. (Lea, стр. 324.) Слэйдан упоминает, что в некоторых швейцарских кантонах прихожане обязывали священника выбрать наложницу в

качестве необходимой меры предосторожности для защиты своих прихожанок. (Там же, стр. 355.) Сарпи в своей Истории. Тридентского собора упоминает (со ссылкой на Зинглия) этот швейцарский обычай. Николас из Клеманжи, ведущий член Констанцского собора, заявил, что этот обычай стал очень распространенным, что миряне твердо убеждены, что священники *никогда* не соблюдали настоящего безбрачия и что там, где не было найдено доказательств сожительства, они всегда предполагали существование более серьезного порока. Отрывок (который цитирует Бейль) слишком примечателен, чтобы его можно было опустить. "Taceo de fornicationibus et adulteriis a quibus qui alieni sunt probro cæteris ac ludibrio esse solent, spadonesque aut sodomitæ appellantur; denique laici usque adeo persuasum habent nullos cælibes esse, ut in plerisque parochiis non aliter velint presbyterum tolerare nisi concubinam habeat, quo vel sic suis sit consultum uxoribus, quæ nec sic quidem usquequaque sunt extra periculum." Nic. de Clem. De Præsul. Симоняк. (Lea, стр. 386.)

731.

На это энергично обратил внимание Лютер в своей знаменитой проповеди "О браке", и некоторые католические проповедники более раннего периода жаловались на то же самое. Посмотрите любопытный отрывок из современника Боккаччо, цитируемый Мереем, "Les Libres prêcheurs", стр. 155. "Огромное количество мирян расстались со своими женами под влиянием аскетического энтузиазма, который породил Гильдебранд". — Lea, стр. 254.

732.

"Quando enim servata fide thori causa prolis conjuges conveniunt sic excusatur coitus ut culpam non habeat. Quando vero deficiente bono prolis fide tamen servata conveniunt causa incontinentiæ non sic excusatur ut non habeat culpam, sed venialem.... Item hoc quod conjugati victi concupiscentia utuntur invicem, ultra necessitatem liberos procreandi, ponam in his pro quibus quotidie dicimus Dimitte nobis debita nostra.... Unde in sententiis Sexti Pythagorici legitur 'omnis ardentior amator propriæ uxoris adulter est.' "—Peter Lombard, Sentent. библиотека iv. dist. 31.

733.

Однако многим женам это было запрещено. (Deut. xvii. 17.) Говорят, что многоженство прекратилось среди евреев после возвращения из вавилонского плена.— "Элементы морали" Уэвелла, книга iv. глава V.

734.

Levit. xii. 1-5.

735.

Экклезиаст, xiii. 14. Однако я полагаю, что этот отрывок был переведен как "Лучше дурность мужчины, чем лживость женщины".

736.

На этот любопытный факт обращает внимание Ле Блант, "Надписи кретьена де ла Голя", стр. xcvi.-xcviii.

737.

Смотрите постановление Совета Осера (г.н.э. 578 г.), can. 36.

738.

Смотрите две последние главы "Троплонга", "Влияние христианства на права" (работа, однако, написанная гораздо больше в духе апологета, чем историка), и "Легуве", стр. 27-29.

739.

Даже в вопросах, не связанных с собственностью, положение женщин при феодализме было низким. "Tout mari," says Beaumanoir, "peut battre sa femme quand elle ne veut pas obéir à son commandement, ou quand elle le maudit, ou quand elle le dément, pourvu que ce soit modérément et sans que mort s'ensuive," quoted by Legouvé, p. 148. Сравните с этим высказывание Катона старшего: "Мужчина, который бьет свою жену или своих детей, налагает нечестивые руки на то, что является самым святым и неприкосновеннейшим в мире". —Плутарх, Марк Катон.

740.

См. Legouvé, стр. 29-38; Древний закон штата Мэн, стр. 154-159.

741.

"Ни одно общество, сохраняющее какие-либо настойки христианских институтов, скорее всего, не вернет замужним женщинам личную свободу, предоставленную им средневековым римским правом: но имущественные ограничения замужних женщин имеют совершенно иную основу, чем их личные ограничения, и именно поддерживая и укрепляя первое, толкователи канонического права нанесли глубокий ущерб цивилизации. Существует много следов борьбы между светскими и церковными принципами; но каноническое право почти везде восторжествовало". — Древнее право штата Мэн, стр. 158. Я могу заметить, что российское законодательство на раннем этапе было очень благоприятным для имущественных прав замужних женщин. Смотрите замечательное письмо в "Воспоминаниях принцессы Дэшко" (под редакцией миссис Брэдфорд, Лондон, 1840), том ii. стр. 404.

742.

Германия, главы ix. xviii.-xx.

743.

De Gubernatione Dei.

744.

Ознакомьтесь с этими легендами в книге Маллета "Северные древности".

745.

Тацит, Зародыш. 9; История. iv. 18; Ксифилин. lxxi. 3; Амм. Marcellinus, xv. 12; Vopiscus, Aurelianus; Floras, iii. 3.

746.

Валерий. Макс. vi. 1; Иеронима. Ер. cxiii.

747.

Plutarch, De Mulier. Вирт.

748.

Plutarch, Amatorius; Xiphilin. lxvi. 16; Неявный. История. iv. 67. Имя этой героической жены дается в трех различных формах.

749.

О полигамии первого см. Грец. Тур. iv. 26; о полигамии Хильперика, Грец. Тур. iv. 28; ст. 14.

750.

Грег. Тур. iv. 3.

751.

Там же. iii. 25-27, 36.

752.

Фредегариус, xxxvi.

753.

Там же. lx.

754.

Эгинхардус, Ум. Кар. Маг. xviii. У Карла Великого, по словам Эгинхарда, было четыре жены, но, насколько я могу понять, только две одновременно.

755.

Лекции Смита по современной истории, том i. стр. 61-62.

756.

История латинского христианства Мильмана, том i, стр. 363; Легуве, История. *Morale des Femmes*, p. 57.

757.

Смотрите, об этих законах Лорд Каме говорит о женщинах; Легуве, стр. 57.

758.

Фаворин настоятельно настаивал на этом. (Авл. Gell. Ночь. xii. 1.)

759.

Таковы доводы, приведенные Мальтусом "О народонаселении", книга iii. глава ii.

760.

Святой Августин (*De Conj. Adult.* ii. 19) утверждает, что прелюбодеяние в мужчине еще более преступно, чем в женщине. У святого Иеронима есть впечатляющий отрывок на эту тему: "Aliae sunt leges Cæsarum, aliae Christi; aliud Papianus, aliud Paulus nostri præcepit. Apud illos viris impuditiæ fræna laxantur et solo stupro atque adulterio condemnato passim per lupanaria et ancillulas libido permittitur, quasi culpam dignitas faciat non voluntas. Apud nos quod non licet feminis æque non licet viris; et eadem servitus pari conditione censetur."—Ep. lxxvii. St. Chrysostom writes in a similar strain.

761.

See Troplong, *Influence du Christianisme sur le Droit*, pp. 239-251.

762.

Мы находим, однако, следы терпимости к римскому типу наложниц в христианстве в течение некоторого времени. Таким образом, совет Толедо постановил: "Si quis habens uxorem fidelis

concubinam habeat non communicet. Cæterum is qui non habet uxorem et pro uxore concubinam habet a communione non repellatur, tantum ut unius mulieris, aut uxoris aut concubinæ ut ei placuerit, sit conjunctione contentus.”—1 Can. 17. St. Isidore said: “Christiano non dicam plurimas sed nec duas simul habere licitum est, nisi unam tantum aut uxorem, aut certo loco uxoris, si conjux deest, concubinam.”—Apud Gratianum, diss. 4. Цитируется Наталис Александер, Hist. Eccles. Sæc. I. дисс. 29. Мистер Ли ("История священного безбрачия", стр. 203-205) посвятил чрезвычайно интересную заметку прослеживанию истории слова "наложница" в средние века. Он показывает, что даже до тринадцатого века наложница не обязательно была брошенной женщиной. Этот термин применялся к бракам, которые были реальными, но не были официально признаны. Кольридж отмечает замечательный пример возрождения этого обычая в истории Германии.—Заметки об английских богословах (изд. 1853), том i, стр. 221.

763.

Legouvé, p. 199.

764.

Посмотрите несколько любопытных отрывков в Троплонге, стр. 222-223. Отцы, по-видимому, считали расторжение брака незаконным из-за прелюбодеяния мужа, но это не было абсолютно незаконным, хотя и не заслуживающим одобрения, для мужа, жена которого совершила прелюбодеяние, вступить в повторный брак.

765.

Некоторые из великих благотворительных акций Фабиолы были совершены в качестве епитимьи за то, что она совершила преступление, воспользовавшись законодательным разрешением на развод.

766.

Laboulaye, Recherches sur la Condition civile et politique des Femmes, pp. 152-158.

767.

“Рассуждение об обязанности вступать в брак в рамках истинного общения, вытекающее из их стиля называться святым семенем”. Это редкое выступление прилагается к проповеди Лесли против смешанных браков. (Лондон, 1702.) Читатель может найти кое-что о Додвелле в "Истории" Маколея. из Англии, гл. xiv; но Маколей, который, по—видимому, не был знаком с шедевром Додуэлла — его "диссертацией о мучительном браке", являющейся одним из лучших образцов критики своего времени, - и который знал рассуждения о браках только по отрывкам, я думаю, был к нему весьма несправедлив.

768.

Додвелл опирается главным образом на этот факт, и особенно на то, что Эзра рассматривал эти браки как по существу недействительные.

769.

“Jungere cum infidelibus vinculum matrimonii, prostituere gentilibus membra Christi.”—Cyprian, De Lapsis.

770.

“Hæc cum ita sint, fideles Gentilium matrimonia subeuntes stupri reos esse constat, et arcendos ab omni communicatione fraternitatis.”—Tert. Ad Uxor. ii. 3.

771.

Смотрите об этом законе и о многих соборах, которые осуждали браки православных с еретиками, Бингхэм, Антик. xxii. 2, §§ 1-2.

772.

Множество любопытных статистических данных, иллюстрирующих этот факт, приводит М. Бонневиль де Марсанжи — португальский писатель, который был советником императорского двора в Париже, — в своем Этюде о сравнении морали женщин и мужчин. (Париж, 1862.) Писатель добился бы большего успеха, если бы не утверждал в адвокатской манере, что статистика преступлений абсолютно важна в вопросе сравнительной нравственности полов, а также, если бы он не считал, что в силу своего официального положения следует говорить в довольно гротескном тоне о возрождении и прославлении пола в лице императрицы Евгении.

773.

См. Плиний, Hist. Nat. xxxiv. 19.

774.

“Tantum inter Stoicos, Serene, et ceteros sapientiam professos interesse, quantum inter foeminas et mares non immerito dixerim.”—De Const. Sapientis, cap. i.

775.

Это хорошо иллюстрируется, с одной стороны, самыми отталкивающими изображениями Христа работы Микеланджело на великой фреске в Сикстинской капелле (настолько уступающей Христу из Органьи в Пизе, с которого она частично была скопирована) и мраморными изображениями в церкви Минервы в Риме; и, с другой стороны, фресками Перуджино в Перудже, представляющими великих мудрецов язычества. Фигура Катона в последнем, насколько я помню, почти приближается к типу святого Иоанна.

776.

В том прекрасном описании добродетельной женщины, которое приписывают матери царя Лемуила, мы читаем: “Она простирает руку свою к бедным; да, она протягивает руки свои к нуждающемуся” (Притчи xxxi. 20). Я уже цитировал у Ксенофонта прекрасное описание греческой жены, ухаживающей за своими больными рабами. Точно так же Еврипид изображает рабынь Алкестиды, собирающихся со слезами у постели своей умирающей госпожи, которая даже тогда нашла для каждой какое-нибудь доброе слово, а когда она умерла, оплакивала ее как свою вторую мать. (Еврип. Альцест.) В войне рабов, опустошившей Сицилию во времена Пунических войн, мы находим трогательную черту того же рода. Восстание было спровоцировано жестокостью богатого человека по имени Дамофил и его жены, которые были убиты при особо жестоких обстоятельствах; но рабы сохранили свою дочь совершенно невредимой, потому что она всегда считала своим долгом утешать их в их горе и завоевала всеобщую любовь. (Diodor. Так в оригинале. Фрагмент. xxxiv.) Точно так же Марция, жена Катона, кормила грудью своих юных рабынь. (Plut. Марк. Катон.) Я могу добавить хорошо известное высказывание, которое Вергилий вкладывает в уста Дидоны: “Haud ignara mali miseris succurrere

disco”. Несомненно, в древней литературе есть много других штрихов того же рода, некоторые из которых могут прийти в голову моим читателям.

777.

Теодорит, ст. 19.

778.

Посмотрите прекрасное описание функций христианской женщины во второй книге Тертуллиана "Ad Uxorem".

779.

Смотрите, что касается диаконисс, "Христианские древности" Бингхэма, книга ii. гл. 22, и "Женская работа в Церкви" Ладлоу. Последний автор подробно доказывает, что “вдовы” были не то же самое, что диакониссы.

780.

Феба (Рим. xvi. 1) описывается как δῆκονος.

781.

Очень способный писатель, который в целом негативно оценивает влияние христианства на законодательство, говорит: “Обеспечение вдовы было обусловлено усилиями Церкви, которая никогда не ослабляла своей заботы об интересах жен, переживших своих мужей, одержав, возможно, одну из самых тяжелых своих побед, когда, после того как в течение двух или трех столетий муж при заключении брака давал прямое обещание одарить свою жену, ей наконец удалось внедрить принцип приданого в обычное право всей Западной Европы”. — Древнее право штата Мэн, стр. . 224.

782.

See Troplong, Influence du Christianisme sur le Droit, pp. 308-310.

783.

Результаты этого изменения были описаны мисс Паркс в ее поистине замечательной маленькой книжке под названием "Очерки о женской работе" лучше, чем у любого другого писателя, с которым я знаком.